

ТАКТИЧЕСКІЕ УРОКИ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

Составиль

Генеральнаго Штаба полковникъ

Александръ Свѣчинъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ, 13

1912

ТАКТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ

РАССКО-РАССКОРОЙ ВОИНЫ

Александров Александр
Институт Военной Академии
Ленинград

36-687

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ГЛАВЫ.	СТРАН.
Отъ автора	V
I. Стратегическій очеркъ войны. Подготовка къ войнѣ; планы войны.—Вторженіе японцевъ въ Маньчжурію.—Сраженіе подъ Ляояномъ и на р. Шахъ.—Осада Портъ-Артура.—Сандену—Хегоутай.—Мукденская битва.—Конечъ войны	1
II. Развѣдка и завязка боя подъ Вафангоу. Сосредоточеніе силъ ген.-л. бар. Штакельберга и ген. Оку.—Устройство завѣсы конницей ген.-л. Симонова.—Наступленіе арміи Оку и отступленіе войскъ ген.-л. Симонова.—Завязка артиллерійскаго боя.—Бой у Вафанвопэна. — Данные развѣдки и распоряженія на 2 іюня.— <u>Тактическій разборъ.</u>	28
III. Развертываніе арміи Оку передъ укрѣпленной позиціей Маѣтунъ, и бой за нее 17—18 августа 1904 года. Значеніе Маѣтунской позиціи и ея укрѣпленій; расположеніе праваго крыла Маньчжурской арміи 17 августа.—Нацѣливаніе японскихъ войскъ и развертываніе ихъ.—Активные дѣйствія на правомъ флангѣ.—Ночная атака.—Рѣшительная атака 18 августа.— <u>Тактическій разборъ.</u>	48
IV. Борьба за Нѣжинскую сопку 19—20 августа. Вступленіе въ бой общаго резерва. Обстановка 19-го августа на правомъ берегу р. Тайвизыэ. — Методическое наступленіе бригады г. Окасаки. — <u>Ночная атака.</u> —Задачи на 20-е августа.—Вступленіе въ бой X корпуса.—Вечерняя атака: дѣйствія праваго и лѣваго крыльевъ. — <u>Тактическій разборъ</u>	70
V. Охватъ праваго фланга III Сибирскаго корпуса въ бою подъ Лянцянсанемъ. Обстановка на правомъ флангѣ III Сиб. корпуса къ вечеру 12-го августа.—Группировка японской гвардіи.—Наступленіе бригады ген.-м. Асады.—Выборъ направленія атаки.—Переходъ къ оборонѣ.— <u>Подходъ Зарайскаго полка и вступленіе его въ бой.</u> — <u>Переходъ къ оборонѣ послѣ успѣшной атаки.</u> — <u>Тактическій разборъ</u>	89

- VI. **Охватъ праваго фланга XVII корпуса въ бою 29 сентября на р. Шилихэ.** Мѣры для охраны праваго фланга Западнаго отряда.—Позиціи XVII корпуса на р. Шилихэ.—Наступленіе арміи Оку.—Наша контръ-атака послѣ полудня.—Дѣйствія полк. Стаховича и частей VI Сиб. корпуса.—Тактическій разборъ 102
- VII. **Бой за Лѣсистую сопку 28 сентября 1904 г.** Расположеніе г.-л. Мау на Лѣистой сопкѣ.—Задача 2-й японской дивизіи.—Оцѣнка условій атаки Лѣистой сопки.—Развертываніе и наступленіе 15 бригады.—Результатъ атаки.—Тактическій разборъ 121
- VIII. **Атака Двурогой сопки въ ночь на 29 сентября 1904 года.** Группировка русскихъ силъ на Двурогой сопкѣ.—Задача 10-й японской дивизіи.—Распоряженія для ночной атаки.—Ходъ боя и положеніе къ утру 29 сентября.—Тактическій разборъ. 134
- IX. **Атака Путиловской сопки.** Положеніе праваго фланга арміи Оку въ концу сраженія на р. Шахэ. Выдвиженіе отряда ген. Ямада.—Организація атаки сопки съ деревомъ.—Атака центральной группы и обоихъ крыльевъ.—Тактическій разборъ. 148
- X. **Бой за селеніе Юхуантунъ.** Расположеніе 25-й дивизіи.—Задачи бригады Намбу; наступленіе ея и переходъ къ оборонѣ.—Движеніе русскихъ резервовъ къ с. Юхуантунъ.—Атака Лифляндскаго и Козловскаго полковъ.—Положеніе къ вечеру 22-го февраля.—Тактическій разборъ 160
- XI. **Дѣйствія конницы ген.-ад. Мищенко въ сраженіи Сандепу—Хейгоутай.** Группировка силъ на правомъ флангѣ 12-го января.—Движеніе японскихъ подкрѣпленій 13-го января; дѣйствія коннаго отряда 14 января; бой у Ландунгоу.—15-е января; положеніе въ 1 Сиб. корпусѣ; бой конницы со 2-й японской дивизіей.—Тактическій разборъ. 173
- XII. **Ускоренная атака крѣпости Портъ-Артуръ.** Очищеніе передовыхъ позицій.—Сухопутный фронтъ крѣпости; артиллерія, группировка гарнизона.—Силы осадной арміи.—Переходъ къ тѣсному обложенію.—Выборъ фронта атаки и распределеніе силъ; дѣйствія артиллеріи; бой на фронтѣ.—Главная атака; взятіе редутовъ №№ 1 и 2; ночной штурмъ.—Тактическій разборъ. 187
- XIII. **Переправа арміи Куроки черезъ р. Ялу.** Группировка русскихъ силъ на р. Ялу.—Планъ переправы арміи Куроки.—Потребность въ мостахъ; устройство связи съ островами.—Переходъ армейскаго авангарда черезъ р. Ялу.—Усиленная рекогносцировка Восточнаго отряда.—Канонада 17 апрѣля.—Постройка мостовъ для главныхъ силъ.—Тактическій разборъ 206

ОТЪ АВТОРА.

Несмотря на большую работу, затраченную съ цѣлью подойти къ возможно точному изложенію фактической стороны очерчиваемыхъ операцій, авторъ не признаетъ за своимъ трудомъ самостоятельнаго военно-историческаго значенія. Военной исторіи отведена лишь служебная роль.

Однако, настоящій трудъ не представляетъ и сборника военно-историческихъ примѣровъ; авторъ далекъ отъ подбора шаблоновъ къ теоретическому курсу тактики. Онъ приглашаетъ слѣдовать за собой на манчжурскія поля сраженій, и стремится воскресить передъ читателемъ тактическія задачи, которыя ставитъ современный бой. Онъ не иллюстрируетъ теорію, а предлагаетъ изучать прикладнымъ путемъ искусство тактики.

Авторъ даетъ свои тактическіе разборы не въ обстановкѣ музея, гдѣ собраны исключительно безупречныя творенія мастеровъ тактическаго искусства; тѣ пережитыя рѣшенія тактическихъ задачъ 1904—1905 годовъ, которыя онъ предлагаетъ вниманію читателя, содержатъ нѣсколько мастерскихъ мазковъ, но преобладающій характеръ ихъ—средній, изобилующій ошибками; именно ошибки въ рѣ-

шеніи тактическихъ задачъ и дѣлають особенно поучительнымъ разборъ ихъ.

Практическое значеніе имѣеть лишь собственная точка зрѣнія читателя на явленія современнаго боя, съ которой онъ и будетъ разсматривать выпадающія на его долю тактическія задачи. Но стремленіе помочь читателю установить самостоятельную точку зрѣнія не является предлогомъ автору для уклоненія отъ развитія опредѣленнаго взгляда на современный бой. Авторъ не только подчеркиваетъ ошибки, но, въ болѣе сложныхъ случаяхъ, и высказываетъ, какое слѣдовало, по его мнѣнію, принять рѣшеніе. Онъ этимъ не навязываетъ шаблоновъ; его критика, въ связи съ самимъ изложеніемъ операции, имѣеть цѣлью предостеречь читателя отъ тѣхъ ходячихъ мнѣній и рѣзкихъ, но бесплодныхъ и не всегда справедливыхъ осужденій личнаго характера, которыя мѣшаютъ намъ глубже заглянуть въ событія прошлой войны. Вопросы поставлены, указано рѣшеніе ихъ — ответственными на полѣ сраженія начальниками и авторомъ, находящимся въ совершенно несравнимыхъ условіяхъ спокойнаго кабинета; читатель долженъ въ нихъ разобраться и составить свой личный взглядъ.

Во всѣ времена встрѣчалось лишь небольшое число людей, способныхъ точно наблюдать боевыя явленія; между показаніями очевидцевъ постоянно наблюдаются крупныя противорѣчія; а тотъ ворохъ документовъ, который оставляетъ война, отражаетъ по преимуществу намѣренія начальниковъ и лишь слабо освѣщаетъ многія особенно важныя въ тактическомъ отношеніи подробности боевыхъ дѣйствій. Но изъ-за того, что боевая дѣйствительность не можетъ быть безусловно точно установлена, не слѣдуетъ отказываться отъ подробнаго ея изученія. Авторъ во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ приводитъ одну въ-

роятнѣйшую версію и заранѣе приносить свою благодарность лицамъ, которыя ему укажутъ на вкрашіяся неточности.

Очевидцы—въ массѣ—не только плохіе наблюдатели боя, но и такіе же плохіе толкователи выводовъ изъ него. Во вторую половину войны примѣнялись иногда крайне неудобныя построенія, какъ выводъ изъ первой половины. Большинство вступаетъ въ бой съ готовыми выводами; поэтому первоначальное толкованіе опыта войны не можетъ не быть поверхностнымъ. И совершенно естественно рождается утвержденіе, что опытъ войны не даетъ ничего новаго, а только подтверждаетъ разработанныя ранѣе положенія. На самомъ дѣлѣ, французамъ и нѣмцамъ потребовалось 30 лѣтъ для всесторонней разработки опыта франко-прусской войны, и тогда оказалось, что война принесла много новаго. Тактическіе уроки русско-турецкой войны 1877—78 гг. такъ и остались почти не разработанными. Долголѣтній трудъ требуется и по тактической разработкѣ опыта русско-японской войны. Настоящая работа, представляющая часть лекцій, прочитанныхъ въ 1912 году въ Офицерской Стрѣлковой Школѣ, является лишь однимъ изъ этаповъ предстоящаго длиннаго идейнаго пути.

Помѣщенные въ текстъ фотографіи имѣютъ чисто тактическое значеніе; этимъ объясняется отсутствіе среди нихъ портретовъ даже наиболѣе дорогихъ русскому сердцу вождей. Топографическій планъ не даетъ достаточно яркаго представленія о характерѣ поля сраженія; недостаточно наглядненъ и рассказъ о дѣйствіи шрапнели и шимозы по строеніямъ, объ энергіи нанесеннаго штыкового удара, о немаскированномъ расположеніи батарей на открытыхъ вершинахъ, объ оставленіи передъ фронтомъ незанятыми командующихъ вершинъ, о легкихъ закры-

тіяхъ, возведенныхъ въ теченіе боя, даже о лошади Забайкальскаго казака, возбуждающей сомнѣніе, конный ли онъ пѣхотинецъ, или кавалеристъ. Фотографія, не прикрашенная авторской ретушью, имѣетъ цѣлью непосредственно связать читателя съ описываемыми событіями.

Августъ 1912 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Стратегическій очеркъ войны.

Подготовка къ войнѣ; планы войны. — Вторженіе японцевъ въ Маньчжурію. — Сраженіе подъ Ляояномъ и на р. Шахэ. — Осада Портъ-Артура. — Сандепу-Хегоутай. — Мукденская битва. — Конецъ войны.

Въ концѣ XIX вѣка обнаружилось рѣзкое противорѣчіе между интересами Россіи и Японіи; оба государства рѣзко расширяли свои силы и вліяніе на Дальнемъ Востокѣ. Россія стремилась утвердиться въ Маньчжуріи, важной для защиты русскихъ областей къ востоку отъ оз. Байкаль. Направленіе Великаго Сибирскаго желѣзнодорожнаго пути къ Владивостоку было спрямлено по Маньчжуріи. Отъ Китая была приобрѣтена Квантунская область съ незамерзающими гаванями; нашъ флотъ перешелъ въ Портъ-Артуръ, къ развитію укрѣпленій котораго было приступлено въ 1898 году.

Японцы, побѣдивъ Китай въ 1895 году, должны были, подъ давленіемъ Россіи, отказаться отъ важнѣйшаго завоеванія—Портъ-Артура. Со времени этой неудачи японцы поняли, что безъ борьбы съ Россіей имъ не удастся занять на Дальнемъ Востокѣ первое мѣсто, и энергично принялись за увеличеніе своихъ вооруженныхъ силъ на сушѣ и морѣ.

Враждебное отношеніе къ намъ Японіи и вооруженія ея не ускользнули отъ нашего вниманія. Тѣмъ не менѣе въ подготовкѣ къ войнѣ мы отстали отъ японцевъ—главнымъ образомъ потому, что придавали дальневосточному театру борьбы только второстепенное значеніе. Судьба

Маньчжуріи, по господствовавшему мнѣнію, должна была рѣшиться на европейскихъ поляхъ сраженій. Мы готовились къ худшему случаю—къ выступленію Японіи противъ насъ въ моментъ большой европейской войны. Театромъ главныхъ операцій, въ такомъ случаѣ, явилось бы пространство къ западу отъ Двины и Днѣпра, и всякое ослабленіе нашихъ силъ на рѣшающемъ пунктѣ для достиженія выгодъ на второстепенномъ театрѣ являлось бы ошибочнымъ. Успѣхи въ Азіи нисколько не могли бы загладить пораженія въ Европѣ; наоборотъ, договоры, подписанные нами въ Берлинѣ и Вѣнѣ послѣ успѣшной войны, явились бы началомъ полной ликвидаціи японскихъ успѣховъ въ Маньчжуріи.

Поэтому еще задолго до начала войны цѣлью дѣйствій нашихъ, въ случаѣ вооруженнаго столкновенія съ японцами, ставилось не нанесеніе противнику чувствительныхъ ударовъ, а исключительно оборонительный образъ дѣйствій, чтобы замедлить развитіе успѣховъ непріятельскаго оружія до прибытія направляемыхъ изъ Россіи резервовъ. Этотъ планъ обрекалъ наши войска на долгіе мѣсяцы обороны и давалъ противнику въ первую половину войны выигрышную роль, что не могло не отразиться въ невыгодную для насъ сторону во вторую половину войны, когда предполагалось начать рѣшительныя дѣйствія.

При составленіи плана войны приходилось считаться съ нахожденіемъ въ неготовой крѣпости Портъ-Артуръ нашей Тихоокеанской эскадры, уступавшей въ силахъ японскому флоту. Линейная эскадра является могучей союзницей сухопутной арміи, когда въ ея силахъ обезпечить наше господство на морѣ, но ложится тяжелымъ бременемъ на руководство военными операціями, когда она, при несоотвѣтствіи своихъ силъ съ противникомъ, жметя къ берегу и не находитъ себѣ вѣрнаго убѣжища. Плохо защищенная база нашей эскадры, Портъ-Артуръ, явилась крайне чувствительнымъ для насъ пунктомъ, побудившимъ все сосредоточеніе нашихъ войскъ отнести въ Южную Маньчжурію, въ окрестности Ляояна, хотя въ интересахъ арміи было собраться спокойно въ болѣе съверномъ районѣ. То же желаніе замедлить дѣйствія японцевъ противъ Портъ-Артура привело насъ къ стремленію

задерживать японцевъ на имѣвшихся рубежахъ — р. Ялу и перевалахъ Феншуйлинскаго хребта, что вело къ арьергарднымъ боямъ, въ которыхъ мы поочередно подставляли свои части подъ удары японцевъ, и къ преждевременному открытію наступательныхъ дѣйствій — неуспѣшной Вафангоуской операціи.

Японія, располагавшая въ началѣ войны перевѣсомъ силъ на морѣ, должна была стремиться удержать его за собой во что бы то ни стало втеченіе всей войны; поэтому, ей необходимо было разгромить базировавшуюся на Портъ-Артуръ русскую эскадру до подхода второй эскадры изъ Балтійскаго моря.

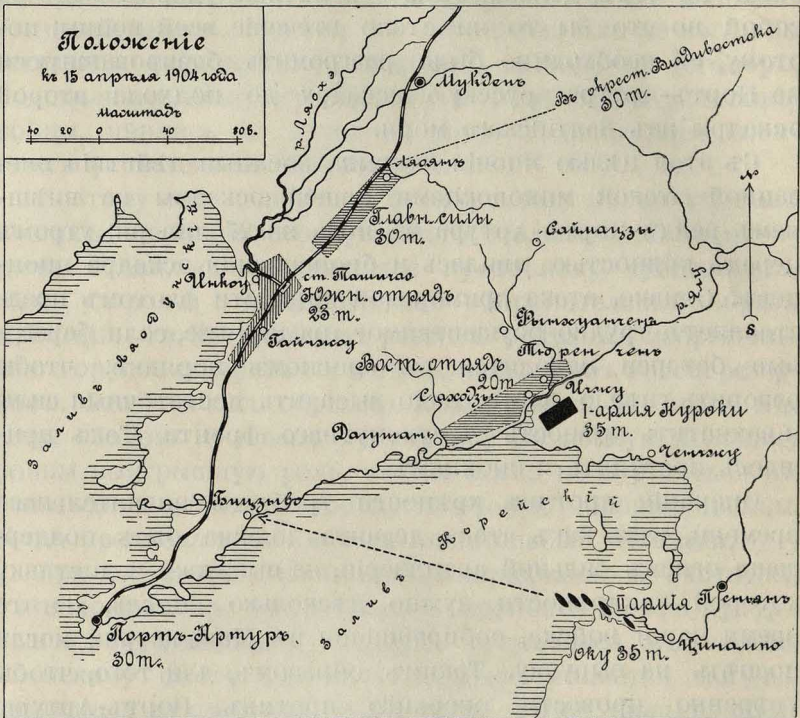
Съ этой цѣлью Японія открыла военныя дѣйствія внезапной атакой миноносцами нашей эскадры на внѣшнемъ рейдѣ Портъ-Артура въ ночь на 27 января; утромъ передъ крѣпостью явилась и броненосная эскадра японцевъ. Однако, атака приморской крѣпости флотомъ представляетъ трудно осуществимое предпріятіе, если береговые батареи находятся въ сносномъ порядкѣ; чтобы разорить гнѣздо флота, надо высадить достаточныя силы и захватить крѣпость съ сухопутнаго фронта. Такъ пришлось поступить и японцамъ.

Операція противъ крѣпости требуетъ значительнаго времени, такъ какъ атака десанта должна быть поддержана огнемъ сильной артиллеріи, на выгрузку и доставку которой къ крѣпости нужно нѣсколько недѣль. За это время наши войска, собиравшіяся въ Маньчжуріи, могли поспѣть на выручку. Такимъ образомъ, для того, чтобы увѣренно провести операцію противъ Портъ-Артура, японцы должны были выставить достаточный заслонъ противъ Ляояна. Задача прикрытія осады сводилась къ борьбѣ съ Маньчжурской арміей.

На материкъ японцы могли безопасно высадиться лишь въ Кореѣ. На высадку болѣе близкую къ району нашего сосредоточенія японцы рѣшили лишь тогда, когда первые успѣхи на сушѣ были уже одержаны, и армія Куроки, собравшаяся въ Кореѣ, подъ Тюренченомъ форсировала р. Ялу и вторглась въ Маньчжурію.

Къ 15-му апрѣля 1904 г. наши силы на Дальнемъ Востокѣ доходили до 133.000 бойцовъ; однако, эти силы были

разбросаны на громадномъ протяженіи. Для занятія крѣпостей Владивостока и Портъ-Артура, съ прилегающими районами, были выдѣлены гарнизоны, каждый по 30.000 человекъ, поглощавшіе, такимъ образомъ, почти половину нашихъ силъ. Остальные 73.000 были распределены такъ: главные силы—30.000—группировались у Ляояна; на южномъ и восточномъ направленіи были выдѣлены два аван-

№ 1.

гарда; Южный отрядъ (23.000) наблюдалъ побережье близъ Инкоу; Восточный отрядъ (20.000) долженъ былъ, пользуясь мѣстными условіями, затруднить противнику переходъ черезъ р. Ялу и дальнѣйшее наступленіе его черезъ Феншуйлинскій хребетъ.

Японцы къ этому времени располагали двумя арміями: I армія—генерала Куроки, силой въ 35.000, — развернулась противъ нашего Восточнаго отряда, отдѣленная отъ него только р. Ялу; II армія—генерала Огу, той же

силы, оставалась пока на судахъ на рейдѣ Цинампо, съ тѣмъ, чтобы помочь арміи Куроки, если послѣдняя окажется не въ силахъ преодолѣть сопротивленіе Восточнаго отряда; при успѣхѣ же ген. Куроки армія Оку могла высадиться много западнѣе, чтобы скорѣе перехватить желѣзную дорогу къ югу отъ Ляояна и помѣшать дальнѣйшей доставкѣ въ Портъ-Артуръ подкрѣпленій и запасовъ.

Присутствіе Восточнаго отряда задержало армію Куроки на 2 недѣли, необходимыя для подготовки къ форсированію р. Ялу. Къ 16—17 апрѣля задача его была уже разрѣшена. Огонь, открытый японской артиллеріей 17 апрѣля, обнаружилъ превосходство японскихъ силъ, съ которыми намъ приходилось имѣть дѣловъ случаѣ дальнѣйшей стоянки отряда на р. Ялу. Восточному отряду слѣдовало бы спѣшно отступать, но начальникъ его, генераль-лейтенантъ Засуличъ, загнипнотизированный кажущейся силой Тюренченской позиціи и переоцѣнивавшій выгоды обороны, рассчитывалъ нанести японцамъ при самой переправѣ большія потери, и съ этой второстепенной цѣлью подставилъ 18 апрѣля свой отрядъ подъ удары японцевъ, хотя стратегическая обстановка боя здѣсь не требовала.

Тюренченскій бой, въ которомъ три наши полка были послѣдовательно отброшены японцами, привелъ насъ къ потерѣ 2781 человекъ, 21 орудія и 8 пулеметовъ, обошелся японцамъ въ 1000 человекъ и вызвалъ крайне неблагоприятный переломъ на театрѣ войны. Восточный отрядъ сразу приблизился на 5 переходовъ къ Ляояну. Подъ моральнымъ впечатлѣніемъ неудачи возникло опасеніе, что ген. Куроки, силы котораго переоцѣнивались, сразу обрушится въ районъ нашего сосредоточенія. Все это создавало чрезвычайно благоприятныя условія для высадки арміи Оку, которая состоялась въ окрестностяхъ г. Бицзыво въ періодъ 22—30 апрѣля, не тревожимая ни арміей, ни флотомъ. Каждая неудача отрицательно отзывалась на активности дѣйствій. Тюренченъ временно сковалъ нашу Манчжурскую армію, а гибель адмирала Макарова, наткнувшагося 31-го марта на броненосецъ «Петропавловскъ» на японскую мину, сковала энергію флота.

28-го апрѣля японцы прервали окончательно желѣзную дорогу къ сѣверу отъ ст. Пуландянъ. Ближайшей цѣлью

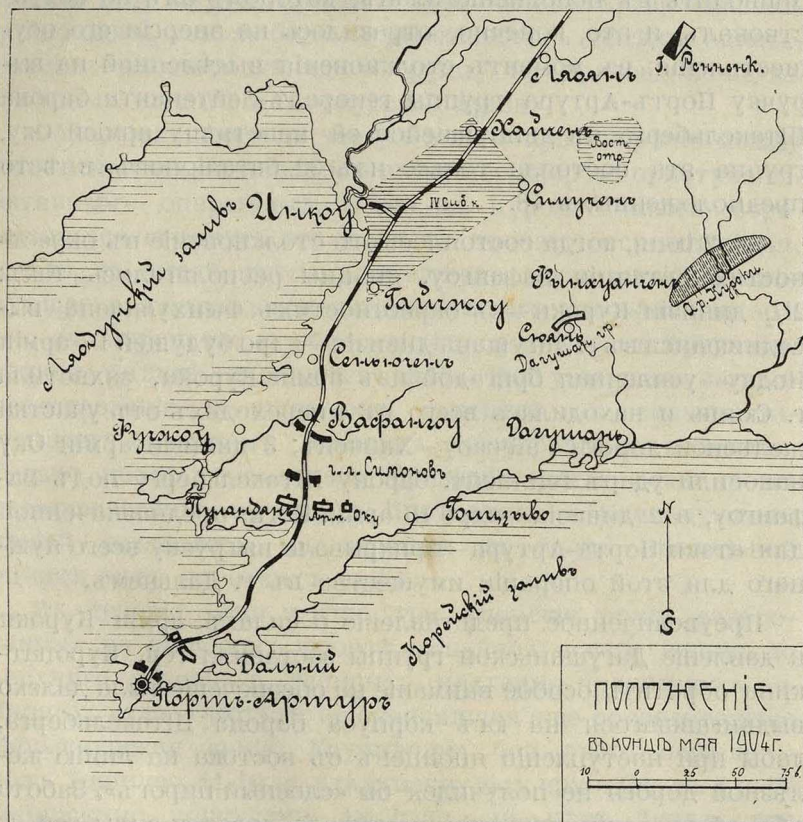
дѣйствій арміи Оку являлся захватъ гавани, на которую армія могла бы базироваться. Окрестности г. Бицзыво этому требованію не удовлетворяли, такъ какъ высадка тяжестей встрѣчала огромныя затрудненія въ мелководіи, а въ свѣжую погоду всякая связь берега съ судами утрачивалась.

Удобная гавань имѣлась лишь въ Талиенванскомъ заливѣ, гдѣ русское министерство финансовъ устроило портъ Дальній. Захватъ этого порта являлся необходимымъ и для подвоза всѣхъ средствъ, нужныхъ для осады Портъ-Артура. Но на пути къ этому порту арміи Оку приходилось двигаться черезъ дефиле Цзиньчжоускаго перешейка, прегражденное укрѣпленной позиціей.

Въ виду крайней трудности высадки на берега Квантуна къ югу отъ Цзиньчжоускаго перешейка, при наличіи въ этомъ районѣ до 30.000 войскъ, минированіи лучшихъ бухтъ и наличіи въ Портъ-Артурѣ эскадры, которая всегда могла рѣшиться на атаку транспортнаго флота въ моментъ десанта въ разстояніи одного часа хода отъ крѣпости, Цзиньчжоускій перешеекъ получалъ значеніе единственнаго подступа къ Портъ-Артуру. Это значеніе не было нами вполне оцѣнено; долговременныхъ укрѣпленій, а равно батарей крупнаго калибра противъ попытокъ непріятельскихъ канонерокъ поддержать атаку сухопутныхъ войскъ устроено не было. Выходъ изъ всякой узкости выгодно оборонять, располагаясь позади нея, чтобы встрѣчать перекрестнымъ огнемъ дебуширующаго врага; несмотря на наличность соотвѣтственной позиціи на Тафашинскихъ высотахъ, этого сдѣлано также не было. Вся оборона была основана на занятіи холма среди перешейка, гдѣ на узкомъ фронтѣ двухъ верстъ было сосредоточено 8 редутовъ и люнетовъ, 2—3 яруса окоповъ, 56 орудій въ 14 батареяхъ, 10 пулеметовъ. Позиція имѣла видъ исходящаго угла и подвергалась перекрестному огню. Единственной выгодой ея являлась возможность ограничиться для ея обороны однимъ полкомъ; впрочемъ, невозможность развернуть для ея обороны имѣвшіяся въ наличіи большія силы надо скорѣе считать невыгоднымъ обстоятельствомъ.

Несмотря на отчаянную оборону перешейка 5-мъ В.-С. стрѣлковымъ полкомъ, арміи Оку, опиравшейся на огонь 200 орудій и 4 канонерокъ, удалось 13 мая, съ потерей

3450 человекъ, захватить Цзиньчжоускую позицію. Наши потери превышали 1400 человекъ; хотя боемъ былъ разстроенъ одинъ 5-й полкъ, но неудача его оказала влияние на всю дивизию генерала Фока, присутствовавшую, но не участвовавшую въ бою — и путь арміи Оку къ гор. Дальнему оказался открытымъ.

№ 2.

Неудача эта, приведшая японцевъ въ ближайшее со-
сѣдство съ Портъ-Артуромъ, вызвала серьезныя опасенія
за судьбу его. Намѣстникъ Государя Императора, вице-
адмиралъ Алексѣевъ, которому предоставлены были права
Главнокомандующаго, призналъ необходимымъ подать
Портъ-Артуру возможно скорѣе помощь, выдвинувъ на
югъ группу силой въ 48 баталіоновъ.

Командующій Маньчжурской арміей, ген.-адъют. Куропаткинъ, относился къ этому предположенію отрицательно, полагая, что Артуру требуется дѣйствительная выручка, а не поражение Маньчжурской арміи по частямъ, и что положеніе Портъ-Артура втеченіе ближайшихъ мѣсяцевъ еще не является критическимъ. Однако, ему пришлось приводить въ исполненіе планъ, которому онъ не сочувствовалъ, и это, конечно, отразилось на энергіи его осуществленія: въ моментъ столкновенія выдѣленной на выручку Портъ-Артура группы генераль-лейтенанта барона Штакельберга съ двинувшейся ей навстрѣчу арміей Оку, группа эта состояла только изъ 32 баталіоновъ, вмѣсто предположенныхъ 48.

Къ 2 іюня, когда состоялось это столкновеніе въ окрестностяхъ станціи Вафангоу, японцы располагались такъ: 2½ дивизіи Куроки—въ окрестностяхъ Фынхуанчена; высадившаяся въ с. Дагушань дивизія—ядро будущей IV арміи Нодзу—усиленная бригадой изъ арміи Куроки, захватила г. Сюань и находилась всего въ 4 переходахъ отъ участка желѣзной дороги Гайчжоу—Хайченъ; 3 дивизіи арміи Оку наносили ударъ ген.-лейт. барону Штакельбергу подъ Вафангоу, а 2 дивизіи—ядро III арміи Ноги, предназначенной для атаки Порта-Артура—прикрывали выгрузку всего нужнаго для этой операціи имущества въ г. Дальнемъ.

Преувеличенное представленіе о силахъ арміи Куроки и давленіе Дагушаньской группы заставили ген. Куропаткина обратить особое вниманіе на обезпеченіе тыла далеко выдвигавшагося на югъ корпуса барона Штакельберга, дабы при наступленіи японцевъ съ востока на линію желѣзной дороги не получился бы «слоеный пирогъ». Забота объ обезпеченіи операціи помѣшала довести силы ген.-л. барона Штакельберга до намѣченныхъ 48 баталіоновъ. Насколько невыгодной являлась для насъ стратегическая обстановка въ сраженіи подъ Вафангоу, видно изъ телеграммы ген.-ад. Куропаткина ген.-л. барону Штакельбергу, посланной во время самаго боя, о томъ, что «еще не выяснено, не послѣдуетъ ли главный ударъ на Гайчжоу; предлагаю даже въ случаѣ побѣднаго боя не увлекаться преслѣдованіемъ всѣми силами корпуса».

Въ случаѣ неудачи арміи Оку, она могла спокойно укрыться за Цзиньчжоускій перешеекъ. Войска же ген. барона Штакельберга подвергались большому риску.

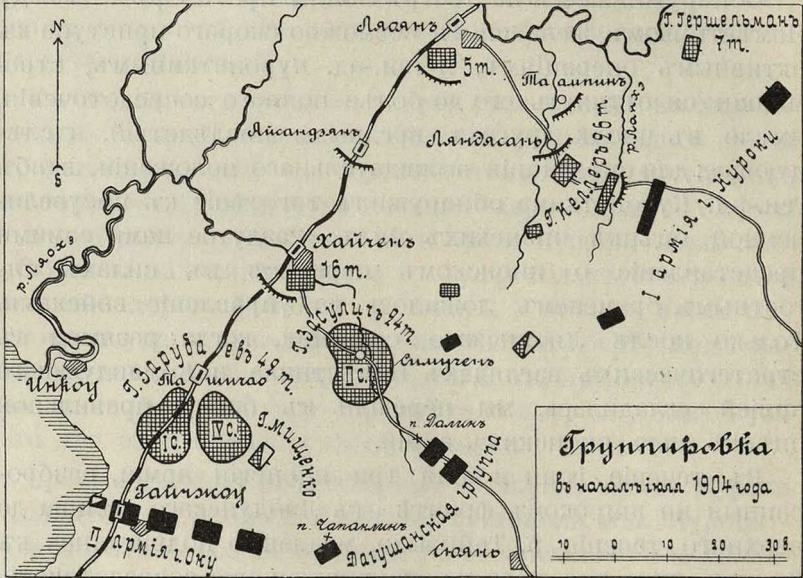
Въ сраженіи подъ Вафангоу цѣлый рядъ допущенныхъ ошибокъ, обнаружившихъ пробѣлы нашей тактической подготовки, привелъ насъ къ неудачѣ. Потерявъ 3563 человекъ и 17 орудій, противъ 1190 человекъ, выбывшихъ у японцевъ, ген.-л. баронъ Штакельбергъ успѣлъ, однако, отвести въ порядкѣ свою группу на присоединеніе къ главнымъ силамъ Маньчжурской арміи.

Обнаружившееся на театрѣ войны противорѣчіе между Намѣстникомъ, желавшимъ возможно скорого приступа къ активнымъ операціямъ, и ген.-ад. Куропаткинымъ, стремившимся оттянуть его до болѣе полного сосредоточенія, имѣло, въ числѣ другихъ вредныхъ послѣдствій, и слѣдующее: для оправданія выжидательнаго положенія, штабъ ген.-ад. Куропаткина обнаружилъ тяготѣніе къ преувеличенной оцѣнкѣ японскихъ силъ. Раздутое нами самими представленіе о японскомъ перевѣсѣ въ силахъ тягостнымъ бременемъ ложилось на управленіе войсками. Только послѣ Ляоянскаго сраженія, когда разница въ стратегическихъ взглядахъ Намѣстника и Командующаго арміей сгладилась, мы перешли къ болѣе правильной оцѣнкѣ силъ японскихъ армій.

Въ теченіе іюня и іюля три японскія арміи, разбросанныя на широкомъ фронтѣ отъ Ляодунскаго залива до верхняго теченія р. Тайцзыхэ, медленно подвигались къ Ляояну, куда тяготѣла не окончившая еще сосредоточеніе Маньчжурская армія. Крупнѣйшіе бои этого періода — подъ Ташичао, 11 іюля, гдѣ столкнулась армія Оку съ I и IV Сибирскими корпусами, 18 іюля — на рѣкѣ Ланхэ, гдѣ армія Куроки атаковала Восточный отрядъ и X корпусъ, и подъ Симученомъ, гдѣ армія Нодзу атаковала II Сибирскій корпусъ, имѣютъ характеръ нерѣшительный, и моральная побѣда, вмѣстѣ съ полями сраженій, осталась за японцами потому, что генер.-ад. Куропаткинъ не желалъ доводить эти бои до конца и стремился, правда, лишь къ частичному сбереженію войскъ для большого сраженія подъ его непосредственной командой. Японскій главнокомандующій, маршалъ Ойяма, также отложилъ

рѣшительное наступленіе къ Ляояну до половины августа, къ какому сроку ожидалось выясненіе успѣха ускоренной атаки Портъ-Артурской крѣпости; въ случаѣ успѣха, японцамъ было выгоднѣе отложить рѣшительное сраженіе до прибытія съ Квантунскаго полуострова арміи ген. Ноги.

Къ 10 августа, кромѣ тѣхъ 5 Восточно-Сибирскихъ стрѣлковыхъ дивизій и двухъ бригадъ X и XVII армейскихъ корпусовъ, которыя находились въ районѣ сосредоточенія въ началѣ войны, ген.-ад. Куропаткинъ распо-

№ 3.

лагалъ: IV Сибирскимъ корпусомъ, состоящимъ изъ резервныхъ полковъ, развернутыхъ при мобилизаціи; однако эти полки были пополнены хорошими запасными и большимъ числомъ офицеровъ дѣйствительной службы, имѣли время сплотиться и, благодаря первымъ боевымъ схваткамъ въ благоприятныхъ условіяхъ, получили хорошей боевой закалъ. X и XVII армейскіе корпуса прибыли полностью. Подошелъ полностью V Сибирскій корпусъ, начиналъ подходить I армейскій корпусъ, за которымъ слѣдовалъ VI Сибирскій корпусъ.

Первоначально предполагалось сосредоточить въ Маньчжуріи 6 резервныхъ корпусовъ. Но уже за два года до войны сознание трудности предстоящей борьбы привело къ замѣнѣ двухъ резервныхъ корпусовъ—X и XVII армейскими корпусами. Во время самой войны число резервныхъ корпусовъ, перевозимыхъ изъ Европейской Россіи въ Маньчжурію, было уменьшено еще на два. Однако, въ распоряженіи военнаго министерства было достаточно времени, чтобы замѣстить и эти 2 резервные корпуса (V и VI Сибирскіе) — корпусами первоочередными. Послѣ полугодичнаго пребыванія на театрѣ военныхъ дѣйствій многіе резервные полки вполнѣ сравнялись съ лучшими полевыми частями, но въ первыхъ сраженіяхъ—Ляоянскомъ и Шахейскомъ—наличность второочередныхъ частей сказалась, при порученіи имъ отвѣтственныхъ задачъ, весьма невыгодно.

Руководствуясь первоначальнымъ планомъ—не ослаблять войска нашихъ западныхъ пограничныхъ округовъ—мы не отправляли на войну наши наиболѣе готовые къ выступленію корпуса; однако, мы у нихъ заимствовали артиллерию, запасы, офицеровъ, старослужащихъ нижнихъ чиновъ, понижали такимъ образомъ ихъ готовность до уровня резервныхъ частей—и затѣмъ, во вторую половину войны, отправляли на театръ войны.

Пополненіе убыли въ нашихъ частяхъ производилось, по недостатку запасныхъ частей, весьма медленно и некомплектъ въ нашихъ полкахъ былъ значителенъ. Не было обнаружено нами гибкости и въ разрѣшеніи вопроса о пополненіи мобилизуемыхъ частей запасными: постепенность мобилизаціи давала полную возможность призвать подъ знамена лишь младшіе возрасты запасныхъ, наиболѣе пригодные къ тяжелому и долгому походу. Между тѣмъ, мобилизація производилась безъ разбора, какъ она намѣчалась на случай европейской войны, когда требовались всѣ обученные. Въ Маньчжурію было отправлено много сорокалѣтнихъ запасныхъ, не имѣвшихъ уже нужной въ бою энергіи.

Въ серединѣ августа наши силы достигали 181 батал. (130.000 штык.), 115 эск. и 554 оруд. Японцы располагали противъ нашей арміи 116 батал. (100.000 шт.), 33 эск., 416 оруд. Японцы недостаточно оцѣнивали силы русской

10 августа выяснился неуспѣхъ ускоренной атаки на Портъ-Артуръ. Серьезное усиленіе японскія арміи у Ляояна могли получить отъ арміи Ноги не скоро, послѣ завершения требующей многія недѣли постепенной атаки крѣпости. Осада Портъ-Артура, которымъ нужно было овладѣть во что бы то ни стало, должна была отвлечь потокъ подкрѣпленій отъ японскихъ армій, дѣйствовавшихъ близъ Ляояна. Съ другой стороны, русскіе должны были усилиться въ ближайшее время двумя корпусами (I армейскимъ и VI Сибирскимъ). Отношеніе силъ грозило измѣниться въ еще болѣе невыгодную для японцевъ сторону. Не оставалось сомнѣній, что въ случаѣ продолженія бездѣйствія японцевъ русская армія перейдетъ въ наступленіе. Если охватывающее базированіе на Дальній и устье Ялу давало японцамъ значительныя выгоды въ свободѣ маневрированія при наступленіи, то при оборонѣ интервалъ въ два перехода между отдѣльными группами могъ оказаться для японцевъ весьма невыгодно. Японскій главнокомандующій, маршалъ Ойяма, рѣшилъ использовать выгоды развертыванія своихъ армій на охватывающемъ фронтѣ и пріобрѣтенный предыдущими успѣхами моральный перевѣсъ, и перешелъ въ рѣшительное наступленіе противъ Маньчжурской арміи.

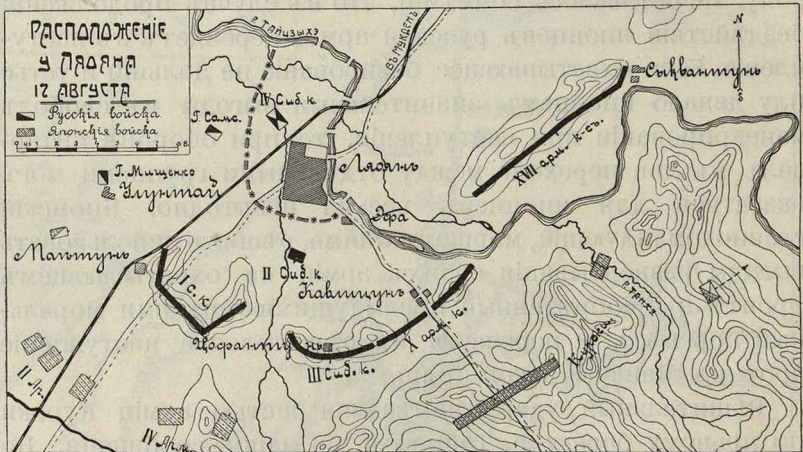
Рѣшительный ударъ намѣчался частью арміи Куроки по правому берегу р. Тайцзыхэ на наши сообщенія. Но чтобы получить достаточную свободу для переброски черезъ р. Тайцзыхэ полтора дивизій — половины своихъ силъ, Куроки долженъ былъ сначала атаковать и отбросить къ Ляояну III Сибирскій и X армейскіе корпуса. Остальныя японскія арміи—Нодзу и Оку—должны были тѣснить русскихъ съ фронта, при чемъ лѣвофланговая дивизія арміи Оку задерживалась все время позади, чтобы образованнымъ уступомъ обезпечить лѣвый флангъ японскихъ армій отъ возможнаго удара русскихъ.

13 августа Куроки удалось, демонстрируя гвардейской дивизіей противъ III Сибирскаго корпуса, прорвать растянутую позицію X армейскаго корпуса. Хотя успѣхъ въ III Сибирскомъ корпусѣ безусловно склонялся на нашу сторону, и въ районѣ X корпуса имѣлось достаточно свѣжихъ войскъ для продолженія боя, тѣмъ не менѣе ген.-

ад. Куропаткинъ рѣшилъ оттянуть къ Ляояну обѣ выдвинутыя впередъ группы—южную и восточную.

У Ляояна нами была укрѣплена предмостная позиція, протяженіемъ въ 14 верстѣ. Позиція эта, имѣвшая въ недалекомъ разстояніи передъ собой сильно командующія возвышенности, имѣла пассивный характеръ; ни по размѣру, ни по свойствамъ позиція эта не годилась для занятія Маньчжурской арміей съ цѣлью рѣшительнаго боя.

Позиціи, на которыхъ мы полагали держаться вначалѣ оборонительно, чтобы потомъ разгромить противника переходомъ въ наступленіе, должны были имѣть болѣе

№ 5.

активный характеръ, и таковыя были избраны на линіи Маѣтунь—Цофантунь—Кавлицунь.

Къ 17 августа Маѣтунскую позицію занялъ I Сибирскій корпусъ; III Сибирскій корпусъ и X армейскій корпусъ занимали позиціи Цофантунскую и Кавлицунскую. Общее протяженіе этихъ позицій, получившихъ названіе передовыхъ Ляоянскихъ, достигало 23 верстѣ, что соответствовало нашимъ силамъ; между I и III Сибирскимъ корпусами оставался интервалъ, протяженіемъ до 4 верстѣ, обезпеченный перекрестнымъ огнемъ и небольшими частями, растянувшимися позади, на уступѣ.

Остальныя силы—53½ бат., 30 сот., 110 оруд.—образовывали общій резервъ, группировавшійся такъ: у Ляояна

всего 3 дивизіи; 1 бригада (ген.-м. Орлова) въ двухъ переходахъ сѣвернѣе. Правый флангъ охраняла конница Мищенко, лѣвый—XVII армейскій корпусъ.

17-го августа половина арміи Куроки готовилась къ переправѣ черезъ р. Тайцзыхэ близъ д. Квантунъ, другая же половина, совмѣстно съ арміями Оку и Нодзу, атаковала наши I и III Сибирскіе корпуса и правый флангъ X армейскаго. Японскія атаки были отбиты съ большимъ урономъ, при поддержкѣ нашихъ передовыхъ корпусовъ частями общаго резерва.

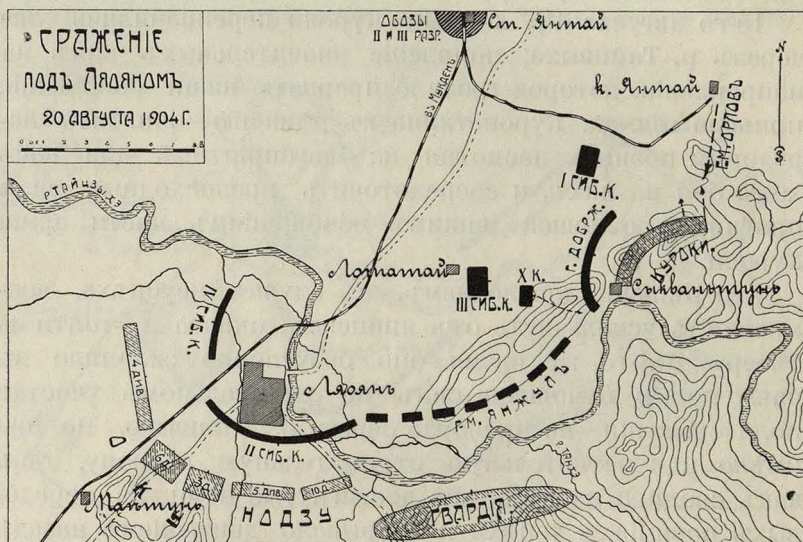
18-го августа 1^{1/2} дивизіи Куроки переправились уже черезъ р. Тайцзыхэ; появленіе значительныхъ силъ на направленіи, которое грозило прервать наши сообщенія, привело ген.-ад. Куропаткина къ рѣшенію—очистить передовыя позиціи, несмотря на благопріятный для насъ ходъ боя на нихъ, и сосредоточить превосходныя силы противъ грозившей нашимъ сообщеніямъ части арміи Куроки.

Это рѣшеніе давало намъ, въ случаѣ неуспѣха, возможность ускользнуть отъ японскаго охвата и отойти на сѣверъ. Въ то же время оно безусловно склоняло въ нашу пользу отношеніе силъ на рѣшительномъ участкѣ поля сраженія—на правомъ берегу р. Тайцзыхэ. Но оно имѣло и чувствительную отрицательную сторону, такъ какъ сводило на нѣтъ всѣ достигнутые нами на передовыхъ позиціяхъ успѣхи и подрывало движеніемъ назадъ духъ войскъ. Можно было бы искать рѣшенія и на лѣвомъ берегу р. Тайцзыхэ, гдѣ растянутое расположеніе потерпѣвшихъ частныя неудачи японскихъ войскъ представляло много уязвимыхъ пунктовъ; въ такомъ случаѣ, противъ переправившихся черезъ р. Тайцзыхэ японцевъ можно было оставить лишь равный по силамъ заслонъ. Но такое рѣшеніе было связано съ большимъ рискомъ.

19 августа главная масса нашихъ войскъ сосредоточивается на правомъ берегу р. Тайцзыхэ. Предмостную позицію на лѣвомъ берегу остаются защищать лишь II и IV Сибирскіе корпуса. Всѣ атаки армій Оку и Нодзу на эту предмостную позицію въ теченіе 20 и 21 августа мы съ успѣхомъ отражаемъ.

Въ теченіе сраженія по желѣзной дорогѣ прибывали части I армейскаго корпуса. Однако, вмѣсто того, чтобы высаживать корпусъ на ст. Янтай, съ цѣлью направленія противъ арміи Куроки, мы задержали его въ Мукденѣ, изъ-за опасенія глубокаго обхода лѣваго фланга.

Въ будущихъ сраженіяхъ резервы, прибывающіе по желѣзнымъ дорогамъ, будутъ имѣть самое существенное значеніе; развѣдка должна разсѣять ложные страхи, и станціи высадки должны быть выбраны такъ, чтобы обез-

№ 6.

печивать наиболѣе удобное вступленіе въ бой на важнѣйшемъ участкѣ всѣхъ прибывающихъ частей.

Ген. Куроки удалось въ ночь на 20 августа сбить части XVII корпуса съ холма у с. Сыквантунь, получившаго названіе «Нѣжинской сопки». Беспорядочно произведенная нами 20 августа контръ-атака, при участіи частей, выдвинутыхъ изъ общаго резерва, потерпѣла неудачу. Въ то же время резервная бригада ген.-м. Орлова, двинувшаяся на выручку съ сѣвера, отъ Янтайскихъ копей, запутавшись въ гаолянѣ, подставила свой флангъ японцамъ и потерпѣла полное пораженіе. Несмотря на наличіе большихъ резервовъ, ген.-ад. Куропаткинъ, подъ впечатлѣніемъ испытанныхъ

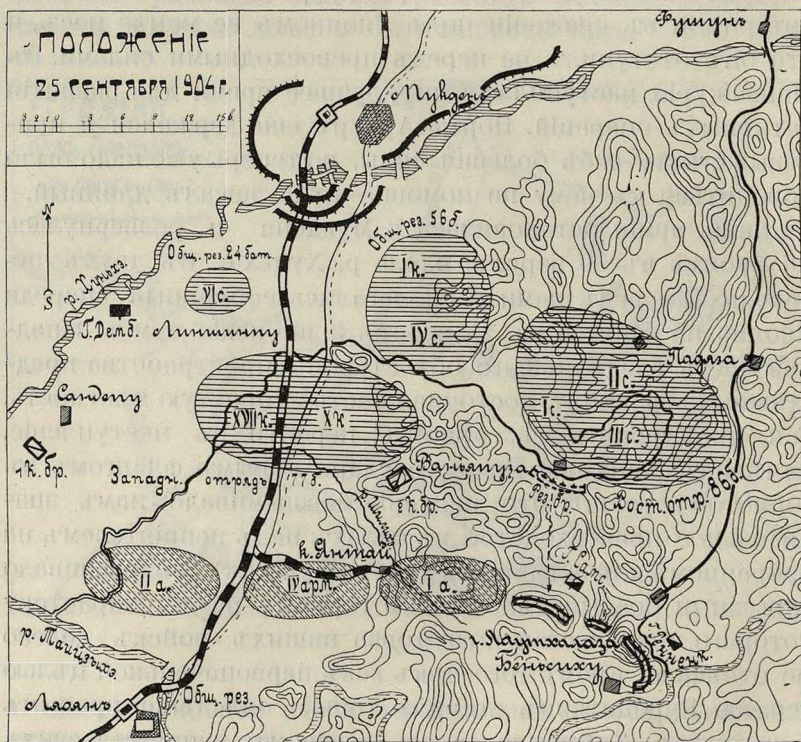
неудачь, рѣшилъ прекратить сраженіе и въ ночь на 22 августа началъ отводить армію, въ большомъ порядкѣ, на сѣверь, къ Мукдену. Истощенные боями японцы не пытались преслѣдовать. Японскія потери въ этомъ сраженіи—23.714 человекъ, превосходятъ наши—18.300.

Отсутствіе преслѣдованія и полный порядокъ, въ которомъ оказалась наша армія послѣ двухъ-трехъ спокойныхъ ночлеговъ, убѣдили генерала Куропаткина, что японцы потерпѣли въ сраженіи подъ Ляояномъ не менѣе насъ, и что онъ отступилъ не передъ превосходными силами. Въ Маньчжуріи наступила осень—лучшее время для развитія активныхъ операцій. Портъ-Артуръ еще держался и приковывалъ къ себѣ большія силы, но теперь уже надо было торопиться къ нему на помощь—путь лежалъ длинный.

Наша армія остановилась у Мукдена и развернулась на фронтъ въ 50 верстъ, вдоль р. Хуньхэ. Въ двухъ переходахъ передъ нами располагались собранныя впереди Ляояна на фронтъ въ 25 верстъ 3 японскія арміи. Западная часть раздѣлявшаго обѣ стороны пространства представляетъ равнину, восточная часть—гористую мѣстность. Ген.-ад. Куропаткинъ, рѣшивъ перейти въ наступленіе, намѣтилъ нанесеніе главнаго удара лѣвымъ флангомъ въ гористомъ районѣ. Это движеніе обезпечивало намъ значительное превосходство въ силахъ надъ непріателемъ на избранномъ для активныхъ дѣйствій участкѣ, но развивало серьезныя боевыя дѣйствія въ горномъ районѣ, характеру котораго тактическая подготовка нашихъ войскъ далеко не отвѣчала. Кроме того, такъ какъ первоначальной цѣлью ген.-ад. Куропаткинъ ставилъ только овладѣніе правымъ берегомъ р. Тайцзыхэ, а не разгромъ непріятельскихъ армій и выходъ на ихъ сообщенія, то ударъ въ восточномъ направленіи не являлся особенно опаснымъ для японцевъ.

Группировка нашихъ силъ являлась слѣдующей: Восточный отрядъ ген.-лейт. бар. Штакельберга—86 батал., 32 пул., 198 оруд., 50 сот.,—наступалъ въ охватъ японскаго праваго фланга. Вдоль желѣзной дороги, противъ японскаго фронта, наступалъ Западный отрядъ ген.-лейт. бар. Бильдерлинга, всего до 77 батал., 222 оруд., 56 эск. и сот., долженствовавшій дѣйствовать съ крайней осторож-

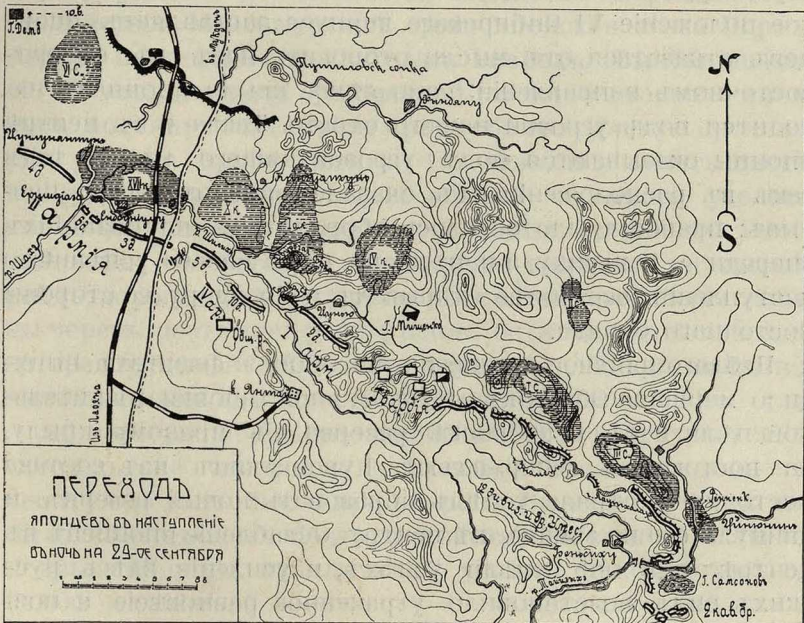
ностью, переходя съ одной укрѣпленной позиціи на другую. Общій резервъ наступалъ двумя группами: центральная—56 батал., 228 оруд., 20 сот.—наступала уступомъ позади 12-верстного интервала между Восточнымъ и Западнымъ отрядами; правофланговая—VI Сибирскій корпусъ—24 батал., 96 оруд., 6 сот.—образовывали уступъ за внѣшнимъ флангомъ Западнаго отряда.

№ 7.

Начавшееся 22 сентября наступленіе нашихъ войскъ явилось совершенно неожиданнымъ для японцевъ, считавшихъ силы нашей арміи надолго подорванными Ляоянскимъ сраженіемъ. Маршалъ Ойяма первоначально рѣшилъ использовать укрѣпленную имъ позицію на линіи Янтайской желѣзнодорожной вѣтки и, давъ нашимъ войскамъ утомиться въ атакахъ, перейти въ наступленіе. Однако, обстановка складывалась иначе: на фронтъ пе-

редъ японцами русскіе наступали осторожно, окапываясь, а противъ слабаго японскаго праваго фланга, гдѣ около 20.000 человекъ занимали позицію въ 20 верстъ длиной, дотягиваясь до Беньсиху, русскіе собирали далеко превосходящія силы. Японскому главнокомандующему приходилось, подчинившись инициативѣ ген.-ад. Куропаткина, передвигать и свои силы къ востоку, къ Беньсиху, или же оставить укрѣпленную позицію и перейти въ наступленіе.

№ 8.

Если ген.-ад. Куропаткинъ ставилъ скрытой цѣлью своего маневра—вызовъ японцевъ изъ ихъ окоповъ на активныя дѣйствія, то онъ ему удался.

Вечеромъ 26-го сентября маршалъ Ойяма рѣшилъ на переходъ въ наступленіе; время для сложныхъ маневровъ было уже упущено. Однако, японское управленіе, не подозревавшее объ уступѣ—VI Сиб. корпусъ—разсчитывало, что ему удастся охватить правый флангъ русскихъ и отбросить ихъ въ сѣверо-восточномъ направленіи, въ сторону отъ желѣзной дороги.

Къ 29 сентября Восточный отрядъ, послѣ неуспѣшной атаки, въ которой участвовала лишь часть его силъ, переходитъ къ оборонѣ, а японское наступленіе получаетъ полное развитіе. Пользуясь отсутствіемъ связи между нѣкоторыми участками нашего боевого расположенія, японцы одерживаютъ рядъ частныхъ успѣховъ и вынуждаютъ наше правое крыло и центръ, гдѣ развернулась центральная группа общаго резерва, къ отступленію на правый берегъ р. Шахэ. Однако, неожиданно выяснившееся уступное положеніе VI Сибирскаго корпуса заставляеть японцевъ отказаться отъ мысли отбросить насъ въ сѣверо-восточномъ направленіи: само лѣвое крыло японцевъ находится подъ угрозой нашего охвата. Также и въ центрѣ японцы оказываются подъ угрозой нашего удара, такъ какъ въ расположеніи ихъ оказался значительный прорывъ: правое крыло осталось обороняться на позиціяхъ впереди с. Беньсиху, а центръ, по мѣрѣ своего успѣшнаго наступленія, все болѣе открывалъ себя удару со стороны Восточнаго отряда.

Неблагопріятное положеніе на обоихъ флангахъ вынудило маршала Ойяму къ отказу отъ постановки рѣшительной цѣли и къ переброскѣ резерва къ правому крылу, на востокъ. А генер.-адъют. Куропаткинъ изъ состава Восточнаго отряда успѣлъ образовать новый резервъ и двинулъ его на западъ, къ центру. Ослабленіе японцевъ въ центрѣ, гдѣ они имѣли успѣхъ, и усиленіе здѣсь русскихъ силъ возстановило утраченное равновѣсіе и позволило намъ въ бою за Путиловскую сопку, 3 октября, одержать крупный частный успѣхъ. Однако, наша армія была уже слишкомъ истощена боями, непрерывно продолжавшимися недѣлю, и потерями въ 40.769 человекъ, и должна была отказаться отъ намѣренія открыть себѣ дорогу къ Портъ-Артуру. Кромѣ того, къ этому времени мы утратили первоначально имѣвшееся численное превосходство, такъ какъ японцы понесли потери вдвое меньшія — 20.000 человекъ, и къ нимъ прибыла поддержка—1½ дивизіи.

Результатомъ нерѣшительнаго исхода сраженія на р. Шахэ явилось расположеніе на зимовку обѣихъ армій въ непосредственной близости другъ отъ друга, на фронтѣ, расплзшемся впослѣдствіи до 90 верстъ. Почти непре-

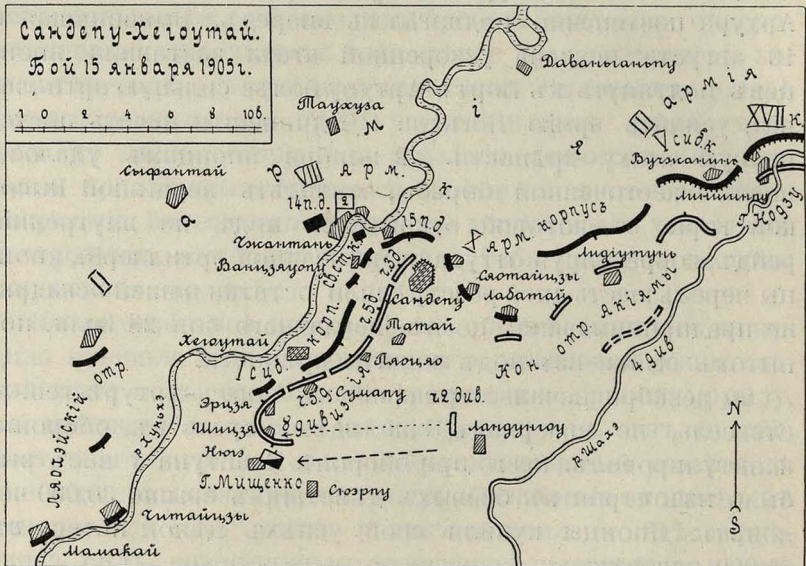
рывныя укрѣпленія обезпечивали нашъ фронтъ; это требовало большого количества войскъ для ихъ обороны, но за то обезпечивало полную связь въ оборонѣ сосѣднихъ участковъ.

Стремясь предварительно пополнить потери и сосредоточить достаточный перевѣсъ въ силахъ и осадную артиллерию для успѣшной атаки укрѣпленной позиціи японцевъ, ген.-ад. Куропаткинъ отложилъ вторичный переходъ въ наступленіе на начало 1905 года. Въ періодъ этого бездѣйствія Маньчжурской арміи японская атака Портъ-Артура постепенно подвигалась впередъ. Выяснившаяся 10 августа неудача ускоренной атаки заставила японцевъ подтянуть къ Портъ-Артуру болѣе сильную артиллерию, усилить армію Ноги на 1½ дивизіи и начать постепенную атаку крѣпости. 22 ноября японцамъ удалось, послѣ ожесточенной борьбы, завладѣть вершиной Высокой горы, съ которой открывался видъ на внутренній рейдъ; корректируя оттуда огонь осадной артиллеріи, японцы черезъ шесть дней разстрѣляли остатки нашей эскадры, не предпринимавшей, послѣ неудачнаго боя 28 іюля, попытокъ выйти изъ-подъ защиты крѣпости.

20 декабря начальствовавшій въ Портъ-Артурѣ ген.-л. Стессель, не исчерпавъ еще всѣхъ средствъ обороны, капитулировалъ. Всего при оборонѣ Квантуна у насъ было изъ строя въ боевыхъ дѣйствіяхъ свыше 30.000 человекъ. Японцы купили свой успѣхъ цѣной потерь въ 55.000 человекъ.

Освободившаяся въ концѣ декабря армія генерала Ноги черезъ 5—6 недѣль могла присоединиться къ зимовавшимъ на р. Шахэ японскимъ войскамъ, что создавало нежелательное для насъ измѣненіе въ отношеніи силъ. Для задержки ея движенія на сѣверъ, а также для того, чтобы разстроить японскій тылъ, ген.-ад. Куропаткинъ предпринялъ набѣгъ конной массой ген. Мищенко — 75 эск., сот. и ох. ком., съ 22 орудіями. вмѣсто того, однако, чтобы поставить основной задачей набѣга — разрушеніе желѣзной дороги въ тылу японцевъ, ген. Куропаткинъ задался цѣлью второстепеннаго значенія — уничтоженіемъ складовъ, устроенныхъ японцами у г. Инкоу, что привело къ тому, что набѣгъ не далъ серьезныхъ результатовъ.

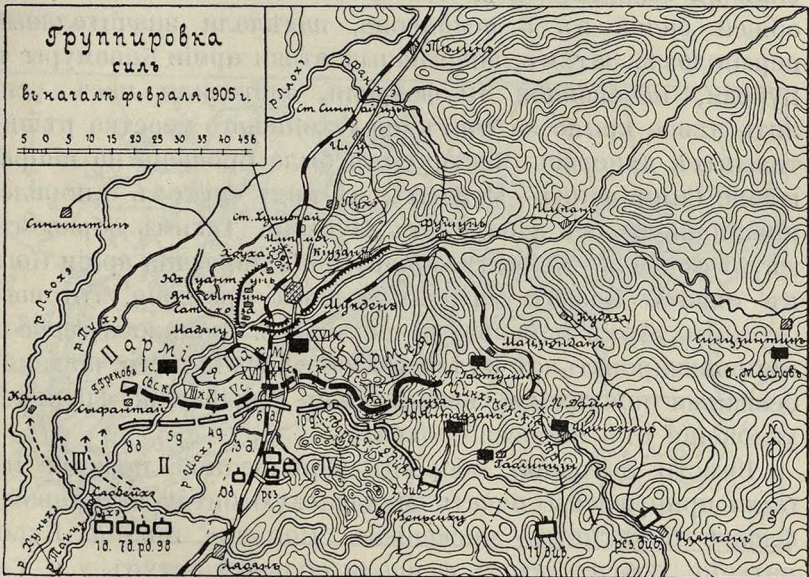
Къ январю 1905 года наши силы въ Маньчжуріи образовывали три арміи: I армія—генер. Линевица—образовывала лѣвое крыло; III армія—ген. бар. Каульбарса—центръ, и II армія—ген. Гриппенберга—образовывала правое крыло, долженствовавшее въполнѣ развернуться лишь въ моментъ нанесенія имъ главнаго удара японцамъ, въ охватъ ихъ лѣваго фланга. Главкомандующимъ, вмѣсто вице-адмирала Алексѣева, былъ назначенъ ген.-ад. Куропаткинъ. Въ своемъ резервѣ онъ сохранилъ одинъ корпусъ.

№ 9.

Вторичное наше наступленіе, приведшее къ сраженію Сандену-Хегоутай, началось 12 января. Обстановка сложилась въ нашу пользу, такъ какъ въ районѣ сраженія японцы первоначально имѣли лишь конницу, поддержанную одной резервной бригадой; японцы сосредоточивали сюда свои силы — до 4 дивизій — лишь послѣдовательно въ теченіе 3 дней, предоставляя намъ возможность бить ихъ по частямъ. Однако, этими благоприятными обстоятельствами мы не воспользовались. Вмѣсто того, чтобы, развивая первоначальные успѣхи, сразу смять лѣвое крыло японцевъ, мы приводили въ исполненіе по приемамъ задуманное ме-

тодическое наступленіе, и когда намѣченный захватъ с. Сандепу задержался, вся II армія остановилась въ ожиданіи его, прежде чѣмъ перейти къ рѣшенію дальнѣйшихъ задачъ. Это дало японцамъ возможность захватить инициативу и самимъ бросить превосходныя силы на наиболѣе угрожавшій имъ I Сибирск. корпусъ. 15 января ген.-ад. Куропаткинъ, потерявъ вѣру въ успѣхъ задуманнаго наступленія, прекратилъ бой и отвелъ II армію на линію общаго фронта. Наши потери—12.000—превосходили

№ 10.

японскія — 9.000 человекъ; но главный минусъ этого сраженія заключался въ утратѣ въ войскахъ довѣрія къ способности нашего высшаго управленія справиться съ осуществленіемъ наступательнаго плана. Генерала Гриппенберга въ командованіи II арміей замѣстилъ ген. бар. Каульбарсъ, вмѣсто котораго въ командованіе III арміи вступилъ ген. бар. Бильдерлингъ.

Къ февралю 1905 года наши силы на р. Шахэ достигли 330.000 человекъ; силы японцевъ, съ присоединеніемъ арміи Ноги, увеличились до 270.000. Непосредственно передъ нашимъ фронтомъ развернулись 3 японскія арміи:—

I—Куроки, IV—Подзу, II—Оку. Уступомъ за правымъ флангомъ собралась V армія ген. Кавамура, назначеніе которой состояло въ томъ, чтобы охватить наше лѣвое крыло и оттянуть къ нему наши резервы. За лѣвымъ японскимъ крыломъ сосредоточилась III армія ген. Ноги, предназначенная для нанесенія рѣшительнаго удара въ охватъ нашего праваго фланга.

Резервы, имѣвшіеся у насъ за правымъ крыломъ и въ центрѣ, были ослаблены выдѣленіемъ значительныхъ силъ въ глубокой тылъ, гдѣ 2 японскихъ конныхъ отряда, общей силой въ 3 эскадрона, надѣлали значительный переполохъ. Затѣмъ, энергичныя атаки арміи Кавамуры и Куроки, начавшіяся 10 февраля, заставили насъ усилить лѣвое крыло за счетъ предстоявшаго участка рѣшительныхъ дѣйствій. Часть силъ была брошена на направленіе Синминтинъ—Мукденъ, въ виду слуховъ о появленіи японцевъ къ западу отъ Мукдена. Такимъ образомъ, къ 16 февраля—моменту обнаруженія движенія арміи Ноги въ охватъ нашего праваго фланга—резерва, готового отразить этотъ маневръ, не оказалось. Пришлось таковой импровизировать за счетъ ослабленія боевой части, частично осаживая послѣднюю назадъ, для сокращенія фронта и уклоненія отъ японскаго охвата.

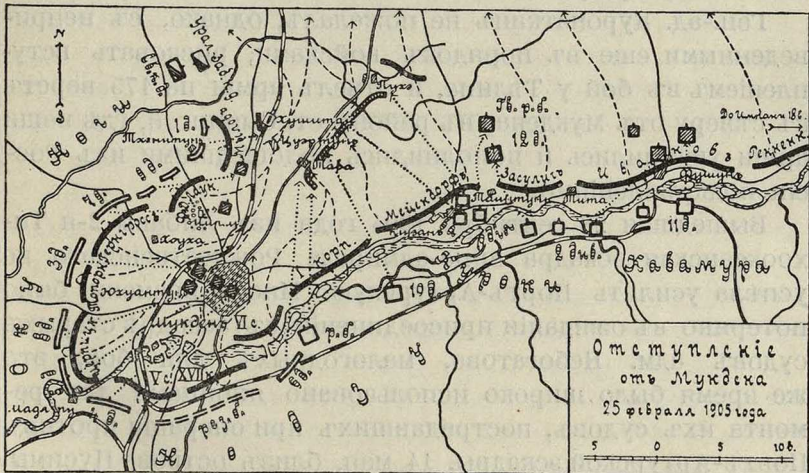
Вмѣсто выгодной обороны укрѣпленной позиціи мы были принуждены начать Мукденскую битву на правомъ флангѣ попятнымъ движеніемъ. Попытка ген.-ад. Куропаткина собрать къ 18 февраля сильный уступъ у с. Салинпу для активныхъ дѣйствій противъ охвата арміи Ноги не имѣла успѣха, и на первое время, до сосредоточенія къ нашему правому флангу достаточныхъ силъ, намъ пришлось довольствоваться самымъ пассивнымъ способомъ противодѣйствія охвату—уклоненіемъ и загибомъ назадъ угрожаемаго фланга.

Японскій охватъ былъ произведенъ недостаточными силами и развивался весьма медленно. Для того, чтобы продолжить фронтъ на сѣверо-востокъ и перерѣзать желѣзную дорогу, японцамъ приходилось послѣдними резервами совершать фланговые движенія. Активныя дѣйствія нашего праваго фланга сразу бы остановили японскій маневръ; но баронъ Каульбарсъ только 21 февраля изго-

товился къ переходу въ наступленіе и предпринялъ его настолько вяло, что свелъ ударъ 80.000 штыковъ, бывшихъ подъ его командой, къ бою двухъ полковъ.

Японцы продолжали развивать охватъ; для того же, чтобы не позволить намъ ослабить фронтъ и выйти изъ пассивнаго бездѣйствія, 22 февраля они произвели стремительную атаку на фронтъ II и III армій. Одна бригада овладѣла частью с. Юхуантунъ, и хотя ничтожные остатки ея къ вечеру были отброшены, но вниманіе наше въ теченіе цѣлаго дня было отвлечено отъ крайняго праваго фланга.

№ 11.

Неуспѣхъ активныхъ дѣйствій заставилъ ген.-ад. Куропаткина собрать новые резервы для продолженія къ сѣверу нашего фронта. Эти резервы можно было получить только за счетъ державшихся еще на р. Шахэ корпусовъ. 23 февраля III и I арміи были отведены на позиціи вдоль р. Хунхэ; 24 февраля эти арміи выдѣлили значительные резервы для удлиненія праваго фланга; ослабленный фронтъ I арміи былъ прорванъ арміей Куроки у Кіузана.

Прорывъ этотъ совпалъ съ рѣшеніемъ ген.-ад. Куропаткина вывести войска изъ опаснаго положенія и отвести ихъ къ Тѣлину. Отступленіе нашихъ III и II армій сложилось въ очень трудныхъ условіяхъ, по проходу въ

3—4 версты шириной между арміями Куроки и Ноги. Арьергардамъ ген. Ганненфельдта и Соллогуба прорваться къ сѣверу вовсе не удалось. Наши потери достигали 60.000 убитыми и ранеными и 31.000 плѣнными — главнымъ образомъ отдѣльными, отбившимися отъ полковъ людьми. Потери японцевъ — 71.000 человекъ, въ томъ числѣ 2.353 офицера; утомленіе, вызванное продолжавшимися 2 недѣли боями, настолько ихъ истощило, что развитъ энергичнымъ преслѣдованіемъ одержанный успѣхъ они оказались не въ состояніи. Уже въ двухъ переходахъ отъ Мукдена, на р. Фаньхэ, японцы встрѣтили сильный отпоръ нашихъ арьергардовъ.

Ген.-ад. Куропаткинъ не пожелалъ, однако, съ неприведенными еще въ порядокъ войсками, рисковать вступленіемъ въ бой у Тѣлина, и отвелъ арміи на 175 верстъ къ сѣверу отъ Мукдена, въ районъ ст. Сыпингай, гдѣ наши арміи укрѣпились и пополнились подошедшими изъ Россіи подкрѣпленіями.

Вышедшая 28 сентября 1904 года изъ Либавы 2-я Тихоокеанская эскадра вице-адмирала Рождественскаго не успѣла усилить Портъ-Артурскую. Много времени было потеряно въ ожиданіи присоединенія къ эскадрѣ старыхъ судовъ адм. Небогатова, малогодныхъ для боя; это же время было широко использовано японцами для ремонта ихъ судовъ, пострадавшихъ при операціи противъ Портъ-Артурской эскадры. 14 мая, близъ острова Цусимы, послѣ злосчастнаго семимѣсячнаго плаванія, вторая Тихоокеанская эскадра столкнулась съ японскимъ флотомъ и потерпѣла полное пораженіе.

Силы наши на Дальнемъ Востокѣ возросли до 942.000 человекъ; на Сыпингайскихъ позиціяхъ мы располагали 446.000 штыковъ, 20.000 пашекъ, 1.672 орудіями, 290 пулеметами, что обезпечивало намъ численное превосходство надъ японцами, которые, при общей численности перебросенныхъ на материкъ 750.000 человекъ, располагали противъ насъ 350.000 штыковъ и сильно уступали въ численности кавалеріи и артиллеріи. Большимъ плюсомъ являлось для насъ значительное ухудшеніе состава японской арміи, разбавленной многочисленными резервными формированіями, укомплектованными хуже обученными и болѣе

слабыми людьми, и ослабленной громадными потерями въ бояхъ, достигавшими за войну 200.000 человекъ (въ томъ числѣ убитыми—50.000 человекъ) и, слѣдовательно, превышавшими мирный составъ арміи (150.000 человекъ). Сверхъ того, отъ болѣзней умерло 19.000, и значительно большее количество было эвакуировано.

Однако, замѣстившій ген.-ад. Куропаткина ген. Линевичъ еще менѣе былъ способенъ повести войска въ рѣшительное наступленіе. Японцы также не рѣшались насъ атаковать, и въ Маньчжуріи наступило затишье. 23 августа 1905 года война закончилась Портсмутскимъ мирнымъ договоромъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Развѣдка и завязка боя подѣ Вафангоу.

Сосредоточеніе силъ ген.-л. бар. Штакельберга и ген. Оку.—Устройство завѣсы конницей ген.-л. Симонова.—Наступленіе арміи Оку и отступленіе войскъ ген.-л. Симонова.—Завязка артиллерійскаго боя.—Бой у Вафанвопэна.—Данныя развѣдки и распоряженія на 2 іюня.—Тактическій разборъ.

24-го мая ген.-ад. Куропаткинъ приступилъ къ исполненію плана оказанія содѣйствія крѣпости Портъ-Артуру направленіемъ на югъ 1-го Сибирскаго корпуса, который предполагалось усилить впоследствии до 48 батал.

Къ этому времени въ окрестностяхъ Вафангоу собралось, подѣ личнымъ начальствомъ ген.-лейт. бар. Штакельберга, 14^{1/2} бат., 22 сот., 38 оруд. Первоначальная задача этой группы заключалась въ нанесеніи частнаго удара отдѣлившейся на 2 перехода отъ ближайшихъ поддержекъ отдѣльной кавалерійской бригадѣ ген. Акіамы, усиленной батальономъ пѣхоты, съ которой 17-го мая столкнулась конница ген.-м. Самсонова.

Изъ раіона Инкоу—Гайчжоу—Ташичао подтягивались остальные 9 батал. и 32 оруд. I Сиб. корпуса. Въ Гайчжоу къ 27 мая прибыла 2-я бригада 35-й пѣх. дивизіи. Дальнѣйшей поддержкой I Сибирскаго корпуса должны были явиться войска IV Сибирскаго корпуса, которыя, однако пока задерживались въ тылу для охраны побережья въ раіонѣ Инкоу—Сеньюченъ, и направленія на г. Сюянь.

Японцы были наведены на мысль о предстоящей операциі части русскихъ силъ для выручки крѣпости Портъ-Артуръ уже наступленіемъ конницы ген.-м. Самсонова,

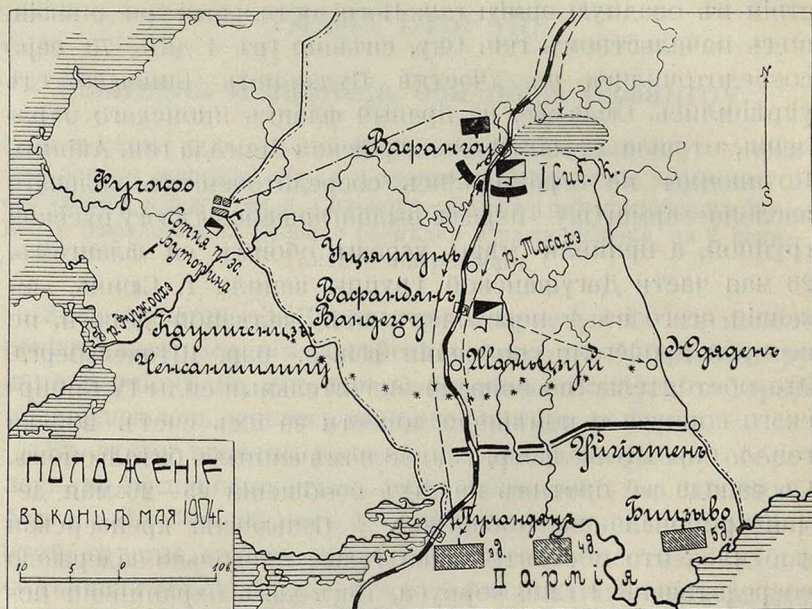
приведшаго къ пораженію въ бою 17 мая отдѣлившагося впередъ японскаго эскадрона. Въ это время 4 японскія дивизіи располагались къ югу отъ Цзиньчжоускаго перешейка, фронтомъ къ Портъ-Артуру, и 1 дивизія у Пуландяна образовывала заслонъ къ сѣверу.

Обнаружившаяся съ сѣвера опасность заставила японцевъ принять слѣдующія мѣры: противъ сильнаго гарнизона Портъ-Артура въ окрестностяхъ г. Дальняго было оставлено только 2 дивизіи,—ядро, развившееся впоследствии въ осадную армію ген. Ноги; остальные три дивизіи, подъ начальствомъ ген. Оку, спѣшно (въ 4 дня—75 вер.) сосредоточились на участкѣ Пуландянь—Бицзыво, гдѣ укрѣпились. Сюда же, на правый флангъ японскаго охраненія, отошла 22 мая и кавалерійская бригада ген. Акіямы. Но японцы не ограничились сосредоточеніемъ сильнаго заслона—арміи Оку—передъ выдвигавшейся къ югу русской группой, а приняли мѣры угрозы обоемъ ея флангамъ. 26 мая части Дагушанской группы заняли г. Сюянь, лежащей всего въ 4 переходахъ отъ желѣзной дороги, по которой пролегали сообщенія ген.-л. бар. Штакельберга. Это обстоятельство связало значительныя силы IV Сибирскаго корпуса и помѣшало довести за ихъ счетъ войска ген.-л. бар. Штакельберга до 48 намѣченныхъ батальоновъ. Съ запада же противъ нашихъ сообщеній 25—26 мая демонстрировала на побережьи у Сеньючена крейсерская флотилія; это обстоятельство также нѣсколько задержало сосредоточеніе I Сиб. корпуса, такъ какъ охранявшія побережье части могли быть подтянуты на позицію къ Вафангоу лишь послѣ смѣны частями IV Сибирскаго корпуса, только черезъ недѣлю послѣ принятія рѣшенія.

Простоявъ на позиціи Пуландянь-Бицзыво 8 дней, выяснивъ, что русскія силы у Вафангоу достигаютъ лишь двухъ дивизій и окапываются, и что большія силы оттянуты, повидимому, Дагушанской группой къ Сюяню, ген. Оку рѣшилъ перейти всѣми силами въ наступленіе и разбить собравшіяся въ двухъ переходахъ отъ него русскія силы.

Къ 25 мая наша конница, въ составѣ 15 эск. и сот., 1 ох. ком. и 6 ор., подъ начальствомъ ген.-лейт. Симонова, выдвинулась на 1¹/₂ перехода передъ Вафангоу и вступила

въ непосредственное соприкосновеніе съ японскимъ охраненіемъ, выставленнымъ на фронтѣ отъ желѣзной дороги до с. Уйгіатень, протяженіемъ въ 25 верстѣ. Ген.-лейт. бар. Штакельбергъ указалъ нашей конницѣ устроить 3 сотнями завѣсу на фронтѣ Ченсаншилипу—Юдяденъ. Крайнимъ правымъ флангомъ у Ченсаншилипу линія заставъ конницы перехватывала большую (мандаринскую) дорогу Пуландянъ—Фучжоо, крайнимъ лѣвымъ флангомъ—дорогу Биц-

№ 12.

зыво—Вафангоу. Линія заставъ захватывала фронтъ въ 35 верстѣ, и притомъ была удалена отъ охраненія противника мѣстами всего на 5 верстѣ. Ежедневно происходили стычки; наступающей стороной попеременно являлись то мы, то японцы. Заглянуть за линію японскаго охраненія намъ не удавалось; китайцы передавали о квартированіи японскихъ войскъ во всѣхъ деревняхъ между ст. Пуландянъ и р. Тасахъ.

28 мая ген.-лейт. Симоновъ былъ усиленъ авангардомъ ген.-м. Рутковскаго въ составѣ 8 батал., 8 ор. и 1 с.

28 мая на фронтѣ нашего охраненія происходятъ особенно упорныя стычки: ген. Оку, рассчитывая въ ближайшемъ будущемъ перейти въ наступленіе, приказалъ всеѣмъ дивизіямъ и отдѣльной кавалерійской бригадѣ выслать впередъ развѣдочныя части для выясненія, не переносится ли теперь наше сосредоточеніе куда либо южнѣе Вафангоу. При содѣйствіи пѣхоты ген.-м. Рутковскаго, конницѣ удалось отбросить все японскіе развѣдочныя отряды, сила которыхъ доходила до нѣсколькихъ эскадроновъ и ротъ.

Утромъ 31 мая наша линія заставъ образовывалась 3 ротами и $4\frac{1}{4}$ сотн. и эск., которые располагались такъ: правый участокъ до желѣзной дороги—1 рота, 2 сотни; средній, между желѣзной дорогой и р. Тасахэ, 1 рота, $\frac{3}{4}$ сотн.; лѣвый участокъ—1 рота и $1\frac{1}{2}$ эск. У с. Шаньцзуй располагался сторожевой резервъ¹⁾—1 рота, $\frac{1}{4}$ сотн., 2 ор., въ 6 верстахъ сѣвернѣе у ст. Вафандянь располагался бивакъ главныхъ силъ ген.-лейт. Симонова—6 батал., 14 ор., 16 сот. Въ этотъ день намѣчался поискъ къ Пуландяну отряда силой въ 2 сотни съ пѣшими и конными охотниками, но эти части не успѣли еще собраться, какъ открылось наступленіе противника.

31 мая армія Оку переходитъ въ наступленіе; дивизіи слѣдуютъ вдоль р. Тасахэ, желѣзной дороги и большой дороги на г. Фучжоо, всего на фронтѣ въ 20 верстъ; кавал. бригада ген. Акіямы наступаетъ по дорогѣ изъ Бицзыво, въ 18 верстахъ восточнѣе арміи; переходъ дѣлается небольшой—японскія передовыя части на фронтѣ передвигаются всего на 10 верстъ.

Наше рѣдкое охраненіе, конечно, не могло оказать замѣтнаго сопротивленія наступленію значительныхъ силъ. Противникъ наступалъ на столь широкомъ фронтѣ, что безнадежной являлась и всякая попытка задержать его движеніе упорнымъ боемъ отряда ген.-лейт. Симонова на какой-либо позиціи.

¹⁾ Онъ назывался дежурной частью; однако по удаленію своему на 6 верстъ отъ бивака войскъ ген.-лейт. Симонова у станціи Вафандянь задача этой группы ближе подходитъ къ задачѣ сторожевого резерва; впрочемъ, необходимо имѣть въ виду, что все наше охраненіе здѣсь не укладывалось въ рамки нормъ полевого устава.

Такъ какъ намъ приходилось наблюдать наступленіе арміи Оку съ широкаго фронта, въ особенности въ утренніе часы, то мы получили довольно полныя свѣдѣнія о наступленіи арміи Оку 31 мая. 3-я и 5-я японскія дивизіи, наступавшія въ центрѣ, наблюдались и во время марша, и при расположеніи на отдыхъ. Но 4 дивизію, наступавшую по дорогѣ на г. Фучжоо, удалось замѣтить только раннимъ утромъ, близъ Пуландяна. На ночлегъ же она не наблюдалась, такъ какъ наше охраненіе при отступленіи сжалось и очистило вовсе направление на г. Фучжоо.

Маневрированіе линіи заставъ протяженіемъ въ 35 верстѣ является невозможнымъ; поэтому всѣ три участка нашего охраненія при отступленіи стали собираться. Всѣ роты отправились изъ сторожевого охраненія на присоединеніе къ своимъ полкамъ на ст. Вафандянъ.

Уже къ полудню 31 мая правый участокъ охраненія сосредоточился къ с. Вандегоу; всего здѣсь къ вечеру, подъ начальствомъ войскового старшины Калачева, собралось 1½ сотни 4-го Сиб. каз. полка. Пользуясь снятіемъ завѣсы, японскіе развѣзды прошли въ районъ г. Фучжоо, гдѣ находилась выставленная отъ главныхъ силъ наблюдательная застава.

Въ центрѣ, у Вафандяна, ночеваль войск. старш. Алексѣевъ съ 6 сотн. 8-го и 4-го Сиб. каз. полковъ. На лѣвомъ участкѣ, у Сундятауна, ночеваль полк. Вороновъ съ 5 эск. Приморск. др. полка.

Отрядъ ген.-лейт. Симонова ночь на 1-е іюня провелъ у с. Юдзятунъ, гдѣ была выбрана позиція на случай боя.

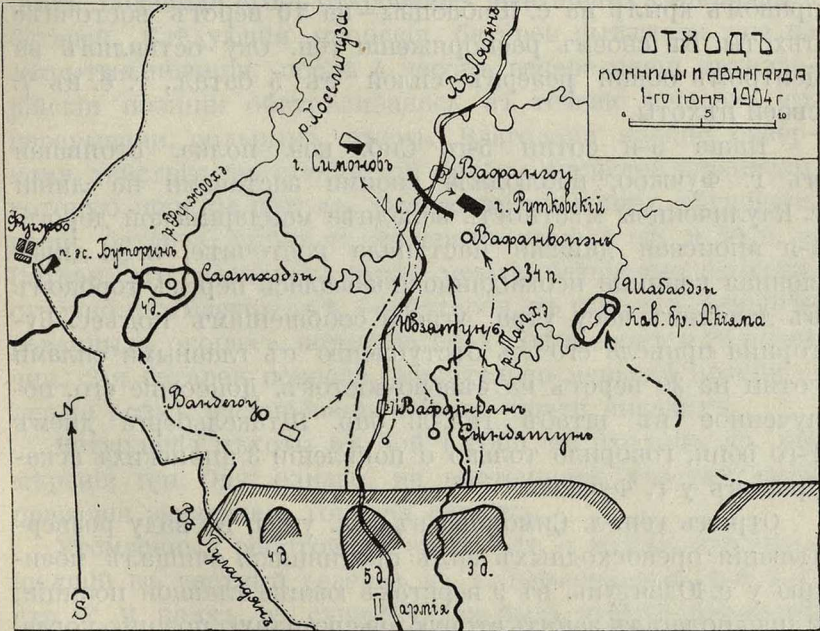
Ген.-л. бар. Штакельбергъ сдѣлалъ вечеромъ 31 мая изъ полученныхъ донесеній заключеніе о наступленіи съ юга двухъ японскихъ дивизій, и отдалъ диспозицію на 1-е іюня, коей указывалось занятіе Вафангоуской позиціи; войскамъ г.-л. Симонова давались слѣдующія задачи:

1) конница, въ составѣ 12 сот., эск. и к.-ох. ком. и 6 ор., должна была, отойдя на правый флангъ позиціи, охранять его и войти въ связь съ наблюдательной заставой у г. Фучжоо. 3 сотни выдѣлялись изъ состава коннаго отряда и передавались въ составъ лѣваго участка боевой части.

2) авангарду г.-м. Рутковского (8 батал., 8 ор., 1 сотн.), въ случаѣ наступленія превосходныхъ силъ, отходить на д. Вафанвопэнтъ и войти въ составъ лѣваго участка боевой части.

Общій резервъ—2-я бригада 35-й пѣх. див.—8 батал. и 16 ор.—располагался за центромъ; сюда же должны были прибыть по желѣзной дорогѣ еще 5 батал. 9-й В.-С. стрѣлковой дивизіи. Всего, такимъ образомъ, въ общемъ резервѣ

№ 13.

сохранялось 13 батал., немного менѣе половины пѣхоты, что соответствовало рѣшенію—перейти впоследствии отъ обороны къ наступленію.

Ген. Оку, хотя и зналъ о присутствіи непосредственно передъ нимъ значительныхъ силъ ген.-л. Симонова, но не допускалъ, чтобы русскіе втянулись частью силъ здѣсь въ бой, когда позади нихъ имѣлась заблаговременно укрѣпленная позиція, и потому отдалъ на 1-е юня приказъ для наступленія на цѣлый переходъ въ 20 верстѣхъ, вплоть до главной русской позиціи, къ югу отъ станціи

Вафангоу. 3-я и 5-я дивизіи должны были наступать по желѣзной дорогѣ и р. Тасахэ, въ полосу шириной до 12 верстѣ. 4-я дивизія наступала лѣвѣе, оторвавшись на 10 верстѣ, и должна была собраться на р. Фуджоохэ, у с. Саатходзы. Задача этой двинутой въ обходѣ дивизіи заключалась въ томъ, чтобы нанести ударъ во флангъ войскамъ ген.-л. бар. Штакельберга, а также обезпечить лѣвый флангъ арміи отъ удара со стороны мандаринской дороги. Отдѣльная кавалерійская бригада наступала на правомъ крылѣ на с. Шабаоцзы—на 10 верстѣ восточнѣе пѣхоты. Въ своемъ распоряженіи ген. Оку оставлялъ за центромъ общій резервъ силой въ 5 батал., т. е. въ $\frac{1}{7}$ своей пѣхоты.

Наша 5-я сотня 5-го Сиб. каз. полка, стоявшая въ г. Фучжоо, наблюдала своими заставами на линіи с. Кауличенцзы мѣстность западнѣе мандаринской дороги. 4-я японская дивизія наступала восточнѣе, и ея дивизионная конница неожиданно показалась передъ городомъ въ девятомъ часу утра; угроза сообщеніямъ подъес. Буторина привела его къ отступленію съ главными силами сотни на 30 верстѣ на сѣверо-востокъ. Донесеніе его, полученное въ штабѣ ген.-л. бар. Штакельберга днемъ 1-го іюня, говорило только о появленіи 3 японскихъ эскадроновъ у г. Фучжоо.

Отрядъ ген.-л. Симонова въ 9 ч. утра, въ виду развертыванія превосходныхъ силъ противника, очищалъ позицію у с. Юдзятунь, въ 9 верстахъ южнѣе главной позиціи, и предполагалъ занять вторую арьергардную позицію когда, получилась диспозиція по корпусу, которой указывался отходъ конницы на правое, а пѣхоты авангарда—на лѣвое крыло; въ то же время получилась записка вр. и. д. начальника штаба I Сиб. корпуса, подробно указывавшая способъ дѣйствія конницы на случай отступленія корпуса на сѣверъ.

Эти указанія привели ген.-л. Симонова къ мысли, что роль его отряда впереди расположенія корпуса закончена; въ 1 часу дня конница собиралась уже за рѣкой Фучжоохэ, а пѣхота авангарда, войдя въ участокъ ген.-л. Гернгросса, расположилась по его приказанію: 1-й В.-С. стрѣлк. Е. В. полкъ—въ долину с. Вафанвопэнъ, 2-й В.-С. стр. полкъ—въ лоцинѣ близъ с. Лоушагоу.

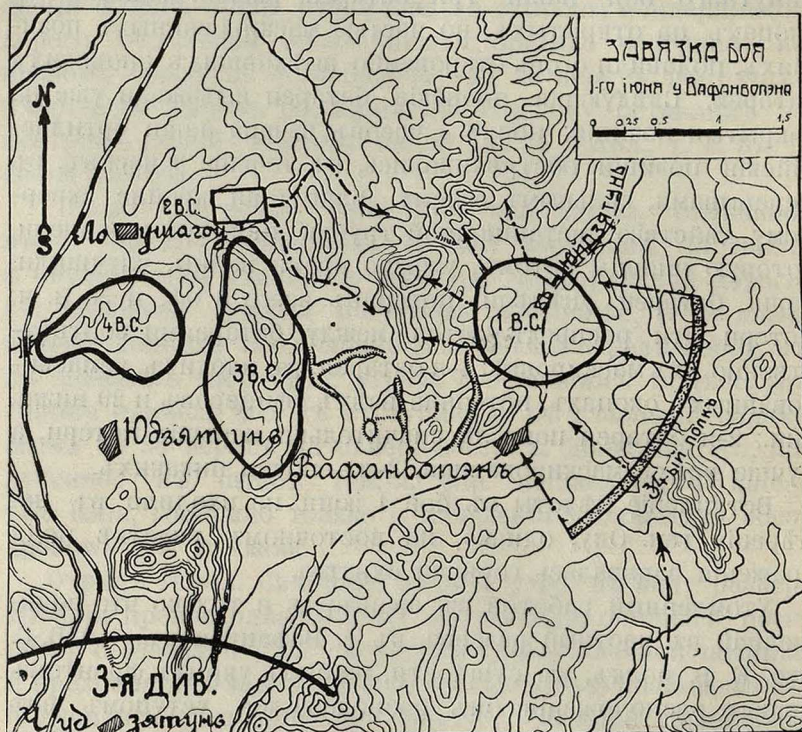
Вскорѣ передъ нами начала разворачиваться 3-я японская дивизія; по приказанію ген.-м. Гернгросса, наша артиллерія не открывала огня до 1 ч. 40 м. дня, когда въ Чудзятунскомъ дефилѣ, въ разстояніи около $3\frac{1}{2}$ верстѣ отъ нашей артиллеріи, выѣхали на открытую позицію сначала одна, а затѣмъ и вторая японскія батареи, открывшія огонь по нашей артиллерійской позиціи. Послѣ десятиминутнаго боя наши три батареи, расположенныя въ окопахъ на открытыхъ, но частью маскированныхъ позиціяхъ, подавили огонь откровенно выѣхавшихъ японскихъ батарей. Слѣдующія японскія батареи выѣзжали уже на закрытыя позиціи; послѣ 4 часовъ вечера наши артиллерійскія позиціи обстрѣливались, въ теченіе 3 часовъ, съ перерывами, сильнымъ огнемъ. Благодаря крайне скверному дѣйствию дистанціонной трубки японской шрапнели, которую японцы потомъ, уже во время войны, улучшили, наши батареи уцѣлѣли, потерявъ всего 6 оф. и 50 н. ч. Потери эти распредѣляются между батареями соотвѣтственно ихъ маскировкѣ: 4-я батарея, въ плохихъ, немаскированныхъ окопахъ, потеряла всѣхъ офицеровъ и 29 нижн. чин.; 2-я батарея понесла значительно меньшія потери, а лучше всѣхъ маскированная, 3-я — почти никакихъ.

Вступленіе пѣхоты въ бой 1 іюня не входило въ намѣренія ген. Оку; однако, на восточномъ участкѣ поля сраженія завязалась горячая схватка.

Утомленный работой въ авангардѣ и только что подошедшій въ частный резервъ къ с. Вафанвопэнъ, 1-й В.-С. стр. Е. В. полкъ, въ сущности, не былъ укрытъ фронтомъ нашего расположенія; онъ расположился уступомъ внѣ фланга, въ резервномъ порядкѣ, за скалистымъ отрогомъ. Японскіе дозоры находились уже на разстояніи ружейнаго выстрѣла. Охраненіе выставлено было лишь въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ мѣста отдыха полка; ближняя развѣдка была организована такъ: впереди находилась застава 4-го Сиб. каз. полка, прискакавшая во второмъ часу дня съ донесеніемъ, что появились японцы — въ неизвѣстныхъ силахъ; затѣмъ, командиръ 4-го В.-С. полка, полковникъ Хвастуновъ, выслалъ на юго-востокъ своихъ охотниковъ, которые донесли уже послѣ начала боя о движеніи японцевъ въ обходъ слѣва; наконецъ, конно-

охотничья команда 4-го В.-С. стр. полка обнаружила развертывание японской пѣхоты къ востоку и югу отъ Вафанвоэна, но донесение пошло въ штабъ дивизіи, а не командиру наиболѣе угрожаемаго—1-го В.-С. полка.

Полковникъ Хвастуновъ приступилъ къ развертыванію полка, но времени уже не было; 2-й и 3-й батальоны разворачивались на низшихъ отрогахъ высотъ къ сѣверо-западу

№ 14.

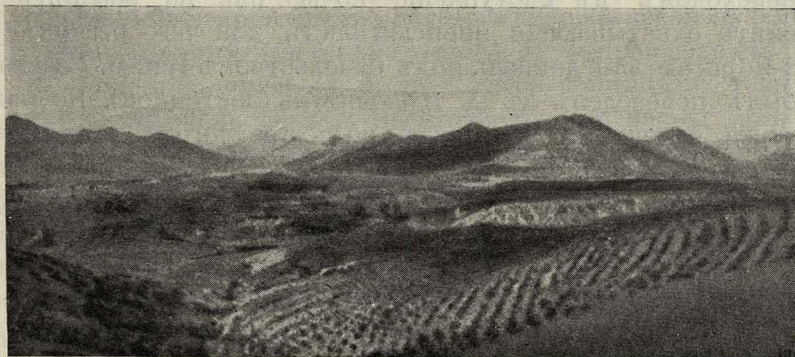
отъ Вафанвоэна, а 1-й батал. оставался еще въ резервѣ за правымъ флангомъ, когда японцы открыли огонь. Это былъ 34-й японскій полкъ, образывавшій правый боковой отрядъ 3-й дивизіи; полку предшествовалъ головной отрядъ въ составѣ II батальона, который, въ свою очередь, выслалъ съ утра далеко впередъ, на развѣдку, 7-ю роту.

Безпечное положеніе нашего лѣваго фланга привело командира 34-го японскаго полка къ рѣшенію — восполь-

зоваться случаемъ для производства внезапнаго огневого нападенія; успѣхъ его, въ свою очередь, заставилъ его попытаться захватить, на плечахъ отходившаго 1-го В.-С. стр. Е. В. полка, высоты къ сѣверо-западу отъ Вафанвопэна.

Первоначальное положеніе 1-го В.-С. ст. полка, у подножія высотъ, оказался мало удобнымъ для боя. 1-й батальонъ, находившійся въ частномъ резервѣ, пришлось отводить назадъ, при чемъ былъ убитъ командиръ полка и выбыло изъ строя 150 человекъ.

2-й батальонъ 34-го японскаго полка началъ бой около часа; къ тремъ часамъ ввязался весь 34-й полкъ, кото-

№ 15. Долина с. Вафанвопэнь съ высотъ, на которыя отошелъ 1-й В.-С. стр. полкъ.

рому, благодаря удачному началу боя, удалось сбить съ нижнихъ отроговъ три роты 1-го В.-С. стр. полка, но гребень высотъ остался, при содѣйствіи 2-го В.-С. стр. полка, за нами. Къ ночи 34-й японскій полкъ, не поддержанный другими частями, отошелъ на высоты южнаго берега долины с. Вафанвопэнь.

Бой былъ завязанъ 1-го іюня только въ районѣ 3-й японской дивизіи. Начальникъ 5-й дивизіи, въ виду поздняго времени, ограничился развертываніемъ дивизіи на лѣвомъ берегу р. Фучжоохэ.

Артиллерійскій бой въ центрѣ въ достаточной степени выяснилъ ген. Оку слагающуюся здѣсь обстановку. Но на крайнемъ лѣвомъ флангѣ обстановка ему не представлялась

ясной; долго вечеромъ 1-го іюня выжидалъ штабъ японской арміи свѣдѣній о русскихъ силахъ въ районѣ мандаринской дороги, къ сѣверо-востоку отъ г. Фучжоо; только въ 5 час. утра 2-го іюня 4-я дивизія, задержанная съ полудня 1-го іюня у с. Саатходзы, получила приказъ ген. Оку, согласно которому лишь 12-я бригада приняла участіе въ атакѣ русскихъ силъ у Вафангоу; 7-я же бригада, хотя приказъ и гласилъ, что въ направленіи долины р. Хоселиндза русскихъ силъ не обнаружено; была оставлена тамъ заслономъ.

Ген.-лейт. бар. Штакельбергъ получилъ впечатлѣніе, что японцы стремятся охватить лѣвый флангъ, и рѣшилъ переходомъ въ наступленіе—ночью или на разсвѣтѣ—смять охватывающія японскія части, для чего резервъ—2-я бригада 35-й дивизіи, подъ начальствомъ ген.-м. Гласко, былъ переведенъ къ д. Цюйдзятунъ (восточной). Ночная атака, однако, не состоялась подъ предлогомъ утомленія людей и желательности пополнить патроны. Артиллерія въ центрѣ, несмотря на выяснившееся превосходство японской артиллеріи, была ослаблена на 2 батареи, подъ предлогомъ расположенія ихъ на неудовлетворительныхъ позиціяхъ. Въ 7 час. 45 мин. ген.-лейт. Симоновъ получилъ приказаніе командира корпуса о производствѣ поиска на флангъ и тылъ противника, но отложилъ исполненіе на утро 2-го іюня. Общей диспозиціи войскамъ разослано не было, и приказанія передавались отдѣльными записками.

Изложенныя выше событія, которыя сопровождали занятіе исходнаго положенія русскими и японскими войсками передъ сраженіемъ 2-го іюня у Вафангоу, предопредѣлили уже наше пораженіе, несмотря на приблизительно равную силу обѣихъ сторонъ. Неизвѣстное намъ сосредоточеніе цѣлой дивизіи въ полупереходѣ отъ нашего праваго фланга, расположеніе нашей конницы въ несоотвѣтствующемъ районѣ, ошибочная оцѣнка обстановки на лѣвомъ крылѣ, добровольная уступка превосходства въ артиллерійскомъ отношеніи въ центрѣ, неясность отданныхъ распоряженій, — вотъ тѣ неблагоприятныя обстоятельства, которыя должны были свести на нѣтъ

усилія нашихъ войскъ въ послѣдовавшемъ сраженіи. Удѣленіе особаго вниманія періоду операцій, предшествующему бою, необходимо, во-первыхъ, потому, что дѣятельность войскъ въ этотъ періодъ имѣетъ, какъ мы видимъ въ данномъ случаѣ, громадное и часто рѣшающее значеніе, и, во-вторыхъ, потому, что какъ разъ въ этотъ періодъ ходъ событій находится въ наибольшей зависимости отъ искусныхъ или ошибочныхъ распоряженій начальниковъ.

Наша самостоятельная конница, представлявшая очень слабую дивизию (15 сот. и эск.), была употреблена на созданіе въ нѣсколькихъ верстахъ передъ охраненіемъ противника завѣсы, протяженіемъ по фронту 35 верстъ. Особенно благопріятныхъ мѣстныхъ условій, каковыя образуются, напимѣръ, совпадающей съ направленіемъ завѣсы водной линіей, не было. Служба конницы въ такихъ условіяхъ очень трудна. Несмотря на это, нашей завѣсѣ, при поддержкѣ пѣхоты, удалось 29 мая отразить рядъ высланныхъ японцами развѣдочныхъ отрядовъ.

Устройство такой завѣсы можетъ имѣть большое значеніе для скрытія на короткое время важныхъ передвиженій. При наличіи превосходства въ конницѣ она лишаетъ непріятельскіе развѣзды возможности вовремя увидѣть и вовремя донести объ этихъ передвиженіяхъ. Мѣстное населеніе и шпіоны, однако, легко проходятъ черезъ такую завѣсу, и черезъ извѣстный промежутокъ времени обстановка за такой завѣсой разъясняется. Наше медленное сосредоточеніе на Вафангоуской позиціи, продолжавшееся двѣ недѣли со времени кавалерійскаго боя 17 мая, разумѣется, не могло быть скрыто такими дѣйствіями конницы. Крайне напряженная работа конницы въ періодъ бездѣйствія обѣихъ сторонъ, 24 — 30 мая, явилась, слѣдовательно, непроизводительной. Конница, по существу, является оружіемъ наступательнымъ, и расхоловать ее, безъ крайней надобности, на такія оборонительно-пассивныя задачи нежелательно. Продолжительное нахожденіе нашей конницы на широкомъ фронтѣ передъ противникомъ, кромѣ обнаруженнаго уже направленія фронта его сторожевого охраненія, не могло дать ничего новаго.

Крайняго напряженія работы конницы на широкомъ фронтѣ слѣдовало потребовать въ періодъ начала маневрированія—и до конца операціи, т. е. 31 мая, 1, 2 и 3 іюня. Наша же конница, какъ разъ по мѣрѣ обнаруженія наступленія непріятеля, начинаетъ сворачиваться и прижиматься къ флангу пѣхоты.

Желательность дѣйствій конницы на флангахъ пѣхоты надо понимать не какъ постановку ея въ общую линію. Въ періодъ активныхъ операцій конница должна висѣть надъ противникомъ, надъ его флангомъ, а не цѣпляться за свой, не отходить назадъ какъ разъ въ ту минуту, когда работа ея впереди является наиболѣе цѣнной.

Нельзя не признать, что на руководство конницей произвела самое отрицательное впечатлѣніе непродуманная постановка ей задачи въ диспозиціи на 1-е іюня, и затѣмъ сообщеніе ей подробныхъ соображеній, какъ дѣйствовать въ случаѣ отступленія корпуса. Такія же записки получили и другіе начальники, какъ разъ въ періодъ нашего перехода въ наступленіе, и на всѣхъ онѣ произвели равно сковывающее впечатлѣніе. Всѣ соображенія объ избранномъ способѣ отступленія, въ случаѣ неудачи, надо не подвергать огласкѣ даже среди командировъ бригадъ, пока желательно толкать ихъ впередъ.

Сообщенію подъес. Буторина о появленіи близъ Фучжоо трехъ японскихъ эскадроновъ не было придано надлежащее значеніе. Робкія дѣйствія японской конницы, не рисковавшей до сихъ поръ отдѣляться отъ своей пѣхоты, не давали основаній штабу корпуса допускать, что здѣсь за конницей нѣтъ пѣхоты. Въ томъ случаѣ, если въ началѣ войны непріятельская конница одержитъ верхъ, отъ разъѣздовъ трудно будетъ ожидать полученія болѣе подробныхъ указаній, чѣмъ донесеніе подъес. Буторина о появленіи дивизіонной конницы. Это свѣдѣніе должно было бы вызвать направленіе всей конницы ген.-л. Симонова на г. Фучжоо съ тѣмъ, чтобы выяснитъ обстановку въ этомъ районѣ.

Если приведенная работа самостоятельной конницы—сначала устройство завѣсы и послѣдующій отходъ на правый флангъ пѣхоты—признается направленной оши-

бочно, то естественно рождается вопросъ, на какихъ основаніяхъ слѣдовало бы организовать ея работу?

Въ виду подвижности конницы, крайне желательно предоставить ей для дѣятельности идущія въ глубину полосы мѣстности, по которымъ она могла бы, въ зависимости отъ обстановки, подаваться впередъ или назадъ, а не привязывать ее къ опредѣленнымъ рубежамъ. Для правильной постановки задачи конницѣ слѣдуетъ, прежде всего, оцѣнить направленія, ведущія къ противнику. Ихъ было три: мандаринская дорога отъ г. Фуджоо, удобная для движенія значительныхъ силъ полоса между желѣзной дорогой и р. Тасахэ и направленіе Вафангоу—Бипзыво. Эти направленія были извѣстны нашему управленію, такъ какъ оба фланга устроенной завѣсы какъ разъ дотягивались до важныхъ путей.

Среднее направленіе требовало наблюденія, но надо имѣть въ виду, что сосредоточеніе главныхъ силъ конницы непосредственно на фронтѣ, между своей и непріятельской пѣхотой, нежелательно, такъ какъ здѣсь конница съ развитіемъ операцій все болѣе и болѣе стѣсняется, и принуждена вести развѣдку въ наиболѣе трудныхъ условіяхъ. Поэтому для развѣдки этой полосы, шириной 8 верстъ, можно было бы назначить 1 развѣдочную сотню, имѣя въ виду, что движеніе здѣсь будетъ освѣщено и съ фланга главными силами конницы.

Сравнивая же восточное и западное направленія, надо отдать преимущество западному, такъ какъ здѣсь мѣстность являлась несравненно болѣе благопріятной для развитія активныхъ дѣйствій значительныхъ силъ, и въ частности для конницы, чѣмъ труднодоступная горная мѣстность на восточномъ направленіи. Послѣднее, однако, оставлять безъ развѣдки также было нежелательно, такъ какъ оно давало возможность охватить наше расположеніе у Вафангоу слѣва. Имѣя въ виду отдаленность этого направленія и необходимость продолжительной службы развѣдочной части, желательно было бы ее усилить; но чтобы не ослаблять чрезмѣрно главныхъ силъ конницы, можно было бы ограничить ее 2 сотнями, подъ начальствомъ надежнаго офицера.

Остальные силы, т. е. 12 сот. и эск., 1 ох. ком., 6 оруд., слѣдовало бы сосредоточить на направленіи Фучжоо-Пуланьянъ, при чемъ главныя силы слѣдовало приближать къ Пуланьяну только въ случаѣ активныхъ дѣйствій противъ японскаго охраненія. Вообще же, въ цѣляхъ сохраненія силъ конницы, ее слѣдовало держать позади, не ближе, чѣмъ въ 1 переходъ, въ окрестностяхъ г. Фучжоо, выславъ впередъ 1 развѣдочный эскадронъ.

Подчеркнутая нами желательность уклоненія главныхъ силъ конницы отъ продолжительнаго пребыванія вблизи противника въ періодъ бездѣйствія отнюдь не распространяется на ея мелкія развѣдывательныя части, и объ развѣдывательныя сотни, работающія на мандаринской дорогѣ и между желѣзной дорогой и р. Тасахэ, а равно развѣдывательный дивизионъ на направленіи Вафангоу — Бицзыво должны были бы поддерживать своими мелкими развѣздами непрерывное соприкосновеніе съ противникомъ.

Едва ли можно согласиться и съ постановкой задачи японской конницѣ. Тогда какъ производство удара лѣвымъ крыломъ было задумано ген. Оку при самомъ приступѣ къ наступательной операціи, армейская конница была сосредоточена на крайнемъ правомъ крылѣ. Слѣдствіемъ этого явилась недостаточная освѣдомленность японскаго управленія объ обстановкѣ къ сѣверо-западу отъ поля сраженія. Дивизионная конница 4-й дивизіи, несмотря на отсутствіе противодѣйствія съ нашей стороны, своевременно не доказала полную безопасность лѣваго японскаго фланга. Этимъ объясняется задержка 4 дивизіи 1 іюня на р. Фучжоохэ, когда ничто не препятствовало совершенію ею болѣе глубокаго передвиженія намъ въ тылъ, и направленіе утромъ 2 іюня только половины ея для удара въ нашъ флангъ; другая же половина, охраняя лѣвый флангъ японской арміи отъ несуществующаго врага, не была притянута на поле сраженія, гдѣ вслѣдствіе этого японцы не получили численнаго перевѣса.

При надлежащемъ же употребленіи конницы ген.-лейт. Симонова, которая могла закутать 4-ю дивизію, прервать связь между нею и штабомъ арміи, энергичными атаками, при широкомъ употребленіи конной артиллеріи, отвлечь

ея вниманіе и силы къ сѣверу, армія Оку не получила бы съ запада никакого содѣйствія.

Въ крайнемъ случаѣ, если бы кавалерійскую бригаду ген. Акіямы почему бы то ни было нельзя было вести на лѣвомъ крылѣ, слѣдовало дивизионную конницу 4-й дивизіи усилить хотя бы нѣсколькими эскадронами за счетъ дивизионной конницы 3-й и 5-й дивизіи, боевое употребленіе которыхъ представлялось достаточно яснымъ.

Недостаточное вниманіе ген. Оку къ вопросу развѣдки на лѣвомъ крылѣ помѣшало ему использовать въ сраженіи 2 іюня всю силу его лѣваго крыла, и не позволило ему оборвать путь отступленія русскихъ вдоль желѣзной дороги, что увеличило бы результаты его побѣды во много разъ.

При отказѣ конницы отъ устройства завѣсы, выдѣленіе бригады пѣхоты впередъ, на одинъ переходъ, являлось бы излишнимъ, и позволяло бы сохранить силы пѣхоты для предстоящихъ боевыхъ дѣйствій. Несравненно болѣе умѣстнымъ явилось бы расположеніе уставнаго сторожевого охраненія передъ нашей укрѣпленной позиціей, отсутствіе котораго чувствительно отозвалось на завязкѣ боя, несмотря на то, что конница давала подробныя свѣдѣнія о наступленіи 3 и 4 японскихъ дивизій на нашъ фронтъ. Отдѣльнаго пораженія сторожевого охраненія надо избѣгать; сторожевое охраненіе, при полной ясности наступленія противника, не должно было бы давать упорный бой арьергарднаго характера; но оно должно было бы явиться опорой ближней развѣдки.

Пѣхота, работающая впереди фронта главныхъ силъ, должна распредѣляться на широкомъ фронтѣ; узкая позиція, которую занималъ нашъ авангардъ при отходѣ его, притомъ такъ плотно, какъ будто задача заключалась въ крайне упорной и продолжительной оборонѣ, не могла ни задержать, ни освѣтить непріятельское наступленіе на широкомъ фронтѣ. Авангардъ ген.-м. Рутковскаго могъ облегчить наши послѣдующія дѣйствія, только раздѣлившись на широкій фронтъ—въ сущности обратившись въ сторожевое охраненіе.

Переходный періодъ, когда организація дальней развѣдки, за приближеніемъ противника, перестаетъ рабо-

татъ и расформировывается, а самъ бой еще не начался, заслуживаетъ особаго вниманія съ цѣлью изученія непріятельскаго подхода; нельзя отнюдь допускать, чтобы въ этотъ періодъ нѣкоторые участки непріятельскаго наступленія, какъ то было 1-го іюня, оставались безъ освѣщенія ближней развѣдкой. Непріятельская развѣдочная часть подошла къ Вафанвопэну даже раньше располагаемаго здѣсь въ частномъ резервѣ I В.-С. стр. Е. В. полка. Наличие охраненія исключила бы такую случайность, могущую имѣть роковое вліяніе на исходъ сраженія.

Организація ближней развѣдки не можетъ исходить отъ высшихъ начальниковъ. При быстромъ измѣненіи обстановки при сближеніи съ противникомъ каждый полкъ, затѣмъ даже каждый батальонъ, долженъ располагать своей развѣдкой. Конно-охотничья команда 4-го В.-С. полка, успѣвшая ориентировать штабъ дивизіи, но не сообщившая вовремя о приближеніи японцевъ наиболѣе угрожаемому 1-му В.-С. стр. Е. В. полку, является подтвержденіемъ трудности сосредоточенія ближней развѣдки въ однѣхъ рукахъ.

Расположеніе внѣ фланга боевого расположенія корпуса, начавшееся съ разсвѣта наступленіе японцевъ, съ ночлеговъ удаленныхъ всего въ 20 верстъ отъ Вафанвопэна, отсутствіе сторожевого охраненія и надежной ближней развѣдки—все эти обстоятельства исключали отдыхъ 1-го В.-С. стр. Е. В. полка въ окрестностяхъ Вафанвопэна, въ резервномъ порядкѣ, около 1 часа дня. Несмотря на утомленіе нижнихъ чиновъ, командиръ полка, полковникъ Хвастуновъ, при правильной оцѣнкѣ обстановки долженъ былъ бы выслать немедленно на высоты южнѣе Вафанвопэна 2—3 роты для занятія сторожевого охраненія, обезпечивающаго хотя бы отъ ружейнаго огня, и образующаго хорошее исходное положеніе для высылки далѣе взводовъ и охотничьихъ командъ для ближней развѣдки; затѣмъ немедленно необходимо было рекогносцировать ближайшія возвышенности, избрать соотвѣтственныя мѣста для развертыванія въ случаѣ наступленія противника, и развести батальоны такъ, чтобы они могли быстро и притомъ укрыто занять избранныя позиціи. Боевыя требованія, въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ располагался на привалѣ

1-й В.-С. стр. Е. В. полкъ, должны были рѣшительно перевѣсить хозяйственныя соображенія.

Передовыя части 34-го японскаго полка, обнаруживъ незакончившій еще развертываніе нашъ полкъ, совершенно правильно рѣшились на производство внезапнаго огневого нападенія, успѣхъ котораго произвелъ огромное впечатлѣніе на все наше лѣвое крыло. Но рѣшеніе командира 34-го японскаго полка — воспользовавшись успѣшной завязкой боя, вопреки полученнымъ приказаніямъ, по частному почину попытаться захватить на плечахъ отступавшихъ русскихъ ротъ высоты къ сѣверо-западу отъ Вафанвопэна является сомнительнымъ. Правда, одно огневое нападеніе не даетъ рѣшительныхъ результатовъ, и требуетъ для развитія успѣха энергичнаго наступленія. Однако, такое рѣшеніе приводило къ атакѣ однимъ полкомъ главныхъ силъ русскихъ; въ томъ случаѣ, если бы онъ не получилъ поддержки отъ сосѣднихъ частей, 34-й полкъ ставилъ себя въ опасное положеніе; могло легко произойти и вступленіе въ бой всей 3-й дивизіи; военная исторія представляетъ много примѣровъ начала серьезныхъ сраженій (Вертъ) движеніемъ на выстрѣлы, даже вопреки расчетамъ старшихъ начальниковъ обѣихъ сторонъ. Но такая преждевременная атака русской позиціи, когда далеко еще не всѣ силы подтянулись, не вся артиллерія развернулась, рекогносцировка укрѣпленій русскаго фронта не закончилась, и, главное, части 4-й дивизіи еще не были нацѣлены, — такая атака являлась бы сорваннымъ залпомъ, крупнымъ неуспѣхомъ для японцевъ; невыгоды значительно превышали бы выгоды успѣшной завязки боя 34-мъ японскимъ полкомъ. Сосѣднія японскія части, однако, не были увлечены стремленіемъ 34-го полка впередъ и предоставили его своимъ силамъ.

Совершенно правильнымъ являлось рѣшеніе ген.-лейт. бар. Штакельберга немедленно обрушиться съ огромнымъ превосходствомъ въ силахъ на фронтъ и правый флангъ зарвавшихся японскихъ частей. Однако исполненіе, оттянутое на другой день, когда 34-й полкъ отошелъ уже назадъ, никуда не годилось.

Обстановка сложилась такъ, что къ вечеру 1-го іюня отъ войскъ, входившихъ въ отрядъ ген.-лейт. Симонова,

потребовались новыя усилія. Бригада ген.-м. Рутковского должна была атаковать 34-й полкъ, а конница—наступать на правомъ крылѣ. Однако, отданныя ген.-лейт. бар. Штакельбергомъ приказанія не были осуществлены: пѣхотой—потому, что отступала цѣлый день съ боемъ (25 верстъ, почти безъ выстрѣла), послѣ утренняго завтрака ничего не ѣла и не успѣла пополнить патроновъ; конницей—потому, что она уже, въ предвидѣнны ночега, нѣсколько разошлась, батарея ея неполнила патроновъ, и передъ ней находился противникъ. Въ той обстановкѣ, въ которой находились эти части у самой главной позиціи, вопросъ о замедленіи въ пополненіи патроновъ могъ явиться только при крайней нераспорядительности начальниковъ частей. Крайнее утомленіе людей и отклоненіе наступленія изъ-за пропущеннаго обѣда свидѣтельствуютъ, какъ важно умѣть беречь силы солдата. Разумѣется, при бѣльшей распорядительности небольшой переходъ не утомилъ бы войска, а близость къ противнику не помѣшала бы накормить ихъ вовремя. Въ побѣдоносныхъ войскахъ Суворова самый вопросъ о промедленіи въ исполненіи приказанія по такимъ соображеніямъ не могъ бы быть поднятъ.

Въ артиллерійскомъ отношеніи надо отмѣтить, что любыя батареи, которыя рискнули бы подражать примѣру двухъ японскихъ, выѣхавшихъ сразу на открытую позицію въ $3\frac{1}{2}$ верстахъ отъ непріятельской заблаговременно занятой позиціи, будутъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ приведены непріятельскимъ огнемъ въ полное разстройство.—Трудъ, затраченный на маскировку батарей, окупается въ бою сторицей: потери нашихъ батарей, находящіяся въ обратномъ отношеніи къ труду, затраченному на ихъ маскировку, подтверждаютъ это.—Наконецъ, совершенно недопустимымъ является ослабленіе артиллеріи на важнѣйшихъ участкахъ по тому соображенію, что нѣкоторымъ батареямъ приходится тамъ очень тяжело. Пока сраженіе не проиграно, нельзя ни подъ какимъ предлогомъ допускать очищеніе артиллеріей участковъ, на которыхъ противникъ сосредоточиваетъ свои усилія. Трудное положеніе нашего центра при перевѣсѣ непріятельской артиллеріи заставляло изыскивать всѣ средства усилить нашъ

артиллерійській огонь; только не искусство наших артиллеристовъ, не изучившихъ еще новую матеріальную часть, въ подготовкѣ стрѣльбы по невидимой цѣли помѣшало организовать дѣйствительную поддержку стоящихъ на гребняхъ батарей—батареями, расположенными въ долинѣ р. Фучжоохэ. «За одного ученаго трехъ неученыхъ даютъ. Намъ трехъ мало, давай больше», говорилъ Суворовъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Развертываніе арміи Оку передъ укрѣпленной позиціей Маѣтунь, и бой за нее 17—18 августа 1904 года.

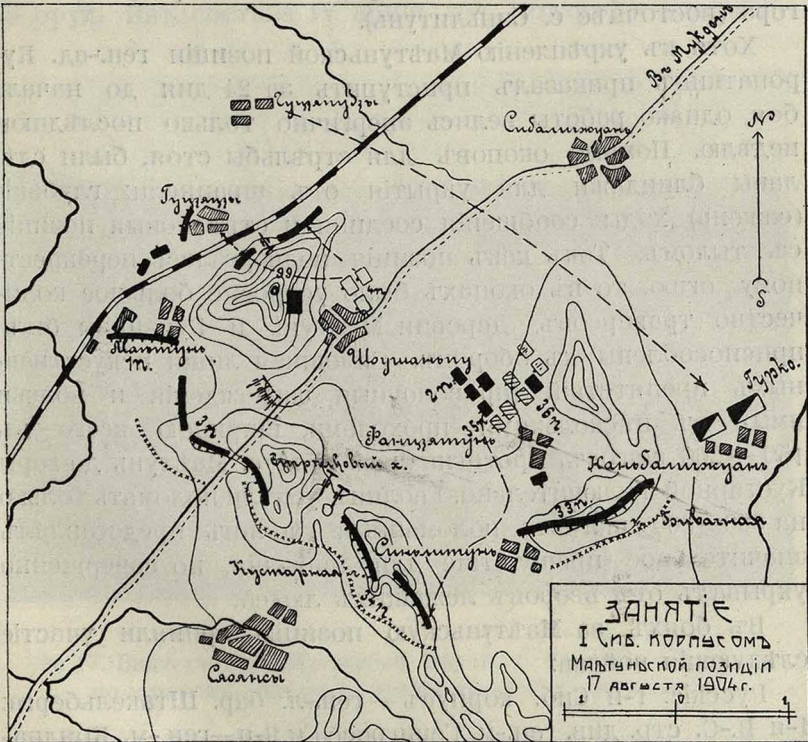
Значеніе Маѣтуньской позиціи и ея укрѣпленій; расположеніе праваго крыла Маньчжурской арміи 17 августа.—Надѣливаніе японскихъ войскъ и развертываніе ихъ.—Активныя дѣйствія на правомъ флангѣ. Ночная атака.—Рѣшительная атака 18 августа.—Тактический разборъ.

Диспозиціей войскамъ маньчжурской арміи отъ 16 августа 1904 года I Сибирскому корпусу указывалась задача—оборонять позицію на высотахъ сѣвернѣе деревень Маѣтунь—Сяосансы—Синьлитунь. Участокъ этотъ образовывалъ правое крыло нашихъ такъ называемыхъ «передовыхъ Ляоянскихъ позицій»; правѣе I Сибирскаго корпуса начиналась совершенно гладкая равнина, гдѣ въ 3 верстахъ отъ фланга корпуса, у с. Улунтай, долженъ былъ собраться конный отрядъ ген.-м. Мищенко. Лѣвѣе, отдѣленная интерваломъ въ 4 версты, начиналась позиція III Сиб. корпуса ¹⁾. Интервалъ этотъ, представлявшій равнину, получалъ хорошую перекрестную оборону съ загнутыхъ по возвышенностямъ фланговъ I и III Сиб. корпусовъ. Позади, на удаленіи 5—7 верстъ, находились укрѣпленія Ляоянской предмостной позиціи, на постройку которыхъ было удѣлено много вниманія. Здѣсь же находилась главная масса общаго резерва—II, IV, часть V Сибирскаго корпусовъ и конница Самсонова, всего 51½ батал. 94 оруд., 29 сот.

¹⁾ См. черт. № 5 на стр. 14.

Значеніе Маѣтуньской позиціи заключалось въ томъ что сохраненіе ея за нами обезпечивало намъ возможность широкаго развитія активныхъ дѣйствій на лѣвомъ берегу р. Тайцзыхэ. Съ переходомъ Маѣтуньскихъ высотъ въ руки японцевъ намъ приходилось ограничиваться усиленной защитой укрѣпленій Ляоянской предмостной позиціи, такъ какъ всякое маневрированіе внѣ

№ 16.

ея крайне стѣснялось наблюдениемъ и огнемъ съ Маѣтуньскихъ высотъ, командованіе которыхъ надъ равниной достигало 80 сажень.

Маѣтуньская позиція, протяженіемъ 8 верстъ, имѣла общій видъ люнета. Въ виду обособленнаго ея положенія, фланги ея были загнуты назадъ; это позволяло вести ея оборону противъ развернушагося на болѣе широкомъ фронтѣ противника до извѣстной степени самостоятельно,

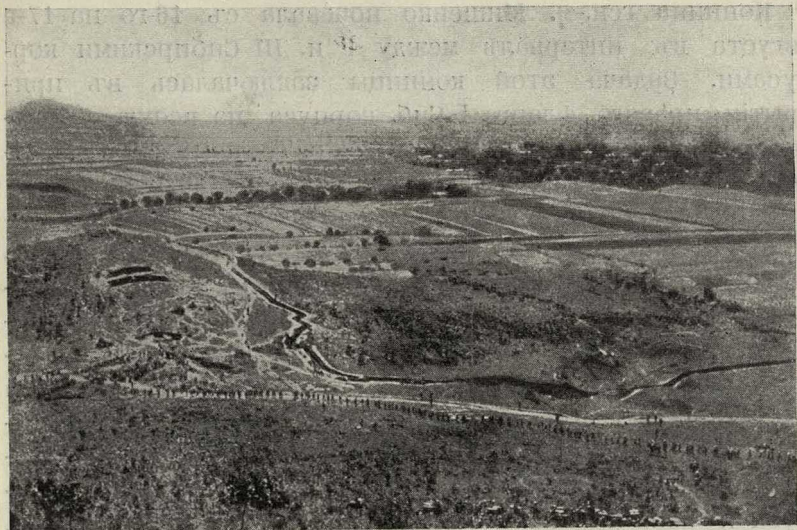
при условіи, что попытки производства противникомъ болѣе глубокаго охвата будутъ отражаться сосредоточенными у Ляояна сильными резервами. Такимъ образомъ, позиція образовывала три фаса: фронтомъ на сѣверо-западъ—с. Гуцзяцзы—с. Маѣтунъ; фронтомъ на юго-западъ—с. Маѣтунъ, Стрѣлковой холмъ (на мандаринской дорогѣ), Кустарная гора (сѣверо-восточнѣе с. Сяоянсы); фронтомъ на юго-востокъ—Кустарная гора, с. Синьлитунъ, Бивачная гора (восточнѣе с. Синьлитунъ).

Хотя къ укрѣпленію Маѣтунской позиціи ген.-ад. Куропаткинъ приказалъ приступить за 24 дня до начала боя, однако работы велись энергично только послѣднюю недѣлю. Помимо окоповъ для стрѣльбы стоя, были сдѣланы блиндажи для укрытія отъ шрапнели; глубокіе (сажень) ходы сообщенія соединяли стрѣлковыя позиціи съ тыломъ. Такъ какъ позиція подвергалась перекрестному огню, то въ окопахъ было устроено большое количество траверсовъ. Деревни Маѣтунъ и Гуцзяцзы были приспособлены къ оборонѣ. Сплошная линія искусственныхъ препятствій (проволочныя загражденія и волчьи ямы), съ нѣсколькими проходами, шириною всего въ 750—200 шаговъ, протягивалась отъ с. Маѣтунъ до горы Кустарной включительно. Гаолянъ успѣли поломать только на 600—800 шаговъ; поломанный гаолянъ представлялъ значительное препятствіе для движенія, но совершенно укрывалъ отъ взоровъ лежащихъ людей.

Въ бояхъ за Маѣтунскую позицію приняли участіе слѣдующія войска:

Русскіе: 1-й Сиб. корпусъ — ген.-л. бар. Штакельберга: 1-я В.-С. стр. див. ген.-м. Гернгросса и 9-я—ген.-м. Кондратовича, Усурійская конная бригада полк. Гурко — всего 24 батл., 10 эск. и сот., 62 оруд., 8 пул., 1 сап. батл. И одновременно приняли участіе въ поддержкѣ 1 Сиб. корпуса: 5-й В.-С. стр. дивизіи — полки 17-й, 19-й, 20-й, 16 орудій, 8 пул.; IV Сиб. корпуса—7-й Красноярскій полкъ, 12-й Барнаульскій полкъ и 24 оруд. Конный отрядъ ген.-м. Мищенко постепенно достигъ силы 24 сот., 12 к. ор. и 2 батл. Итого въ дѣйствіяхъ на правомъ флангѣ Ляоянскихъ передовыхъ позицій приняли участіе 41 батл., 34 эск. и сот., 114 оруд.

Японцы: II армія ген. Оку: 3-я дивизія — 5-я бригада (6-й и 33-й п.) и 17-я бригада (9-й и 38-й п.), 36 оруд., 3 эск.; 6-я дивизія—11-я бриг. (13-й и 45-й п.) и 24-я бриг. (23-й и 48-й п.), 36 оруд., 3 эск.; 4-я дивизія—7-я бриг. (8-й и 37-й п.) и 19-я бриг. (9-й и 38-й п.), 36 оруд., 3 эск. 11-я резерв. бриг. (12-й, 23-й, 43-й п.¹⁾); 1-я кав. бриг. г. Акіямы — 8 эск., 6 к. ор., 6 пул.; 1-я отдѣльн. арт. бригада (13-й, 14-й, 15-й п.)—108 пол. оруд., 12 батарей тяжелой артиллеріи — 68 оруд. Изъ состава IV арміи ген. Нодзу: 5-я дивизія —

№ 17. Видъ съ горы Кустарной. Вправо с. Сояянсы. Участокъ, по которому наступало правое крыло 3-й яп. дивизіи.

9-я бригада (11-й и 41-й п.) и 21-я бригада (21-й и 42-й п.), 36 ор., 8 эск. Всего 53 батл., 326 оруд., 20 эск.

Правый участокъ Маѣтуньской позиціи заняли 9 батал. и 24 оруд. 1-й В.-С. стр. див.; лѣвый участокъ — 6 бат., 24 ор. 9-й В.-С. стр. позиціи; въ резервѣ корпуса, въ полуверстѣ отъ с. Шоушаньпу, располагались 9 батал. (2-й, 35-й, 36-й полки) и 14 оруд. Въ 1-й В. С. стр. дивизіи 1-й полкъ занялъ участокъ Гуцзянцы—Маѣтунь; 3-й полкъ — Стрѣль-

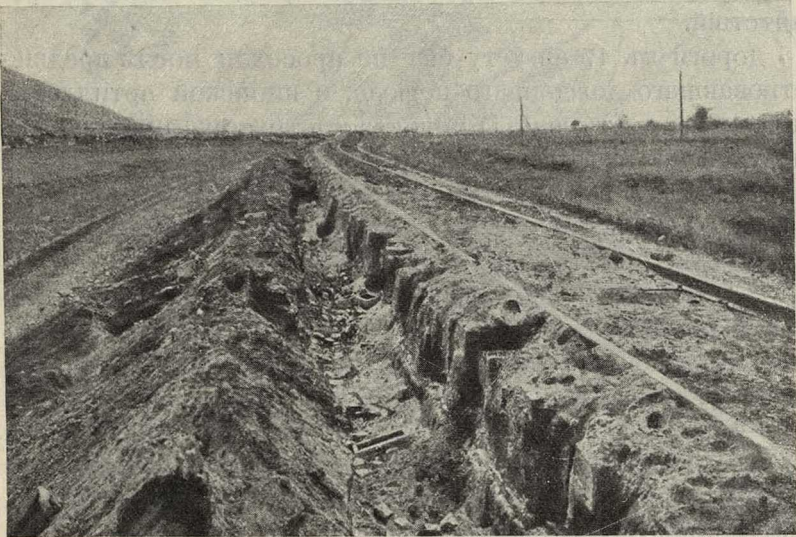
¹⁾ Резервные полки—по 2 батал., тогда какъ полевые—по 3 батал.

ковый холмъ; 4-й полкъ—резервъ дивизіи — сталъ за высотой 99; общее протяженіе участка дивизіи — 4 версты; наиболѣе слабый пунктъ образовался исходящимъ угломъ у с. Маѣтунъ; пулеметная рота усилила оборону с. Гуцзяцзы. На участкѣ 9-й В.-С. стр. див. 34-й полкъ занялъ гору Кустарную, а 33-й полкъ—Бивачную гору. Въ резервѣ дивизіи оставались 2 роты. Гребень горы Кустарной продолжался на юго-востокъ, и японцы могли анфилировать позицію 34-го полка. Только огонь съ Бивачной горы прикрывалъ 34-й полкъ отъ атаки въ лѣвый флангъ.

Конница ген.-м. Мищенко ночевала съ 16-го на 17-е августа въ интервалѣ между I и III Сибирскими корпусами. Задача этой конницы заключалась въ прикрытіи праваго фланга I Сиб. корпуса на всемъ протяженіи между желѣзной дорогой и р. Тайцзыхэ, и въ поддержаніи связи съ расположеннымъ въ 30 верстахъ, у с. Сяобейхэ, прикрывающимъ флангъ отрядомъ. Г.-м. Мищенко рѣшилъ поставленную ему задачу активнымъ образомъ, вступивъ сразу же въ бой съ крайнимъ лѣвымъ крыломъ японцевъ, предупредившимъ его въ занятіи с. Улунтай. Въ теченіе дня ген.-ад. Куропаткинъ усилилъ его отрядъ 2 батал. и 8 сотн.; армейская конница г.-м. Мищенко естественно могла усилиться еще корпусной конницей I Сибирскаго корпуса полк. Гурко, охранявшей правый флангъ корпуса у с. Чуцзяпудзы; но корпусная конница, какъ бы уклоняясь отъ этого сліянія, была отозвана и перешла послѣ полудня 17-го августа съ праваго фланга корпуса на лѣвый, къ с. Наньбаличжуань, для разрѣшенія совершенно второстепенной задачи—поддержанія связи между I и III Сибирскими корпусами.

Японскія войска, принявшія участіе въ атакѣ Маѣтуньской позиціи, принадлежали къ двумъ арміямъ, и командованіе ими не было объединено. Главныя силы арміи Оку подтянулись 16 августа къ р. Шахэ (южная), протекавшей въ 8—10 верстахъ предъ нашимъ фронтомъ. На мандаринской дорогѣ собралась 3-я дивизія, къ западу отъ желѣзной дороги—6-я и 4-я дивизіи. Во второй линіи, на мандаринской дорогѣ, въ 5 верстахъ за 3 дивизіей, располагалась 11-я резервная бригада. Кавалерійская бригада ген.-м. Акіямы, находившаяся на лѣвомъ крылѣ

арміи, съ цѣлью развѣдки нашего праваго фланга, выдвинулась къ с. Ванэршунь, лежащему менѣе, чѣмъ въ 4 верстахъ отъ с. Маѣтунь, на продолженіи фланга нашей позиціи. На фронтъ къ дер. Тутайцзы (удаленной на 3 версты отъ Стрѣлковаго холма) еще 16 августа 3-я дивизія выдвинула развѣдочный отрядъ въ 2 батал. съ 6 оруд., который обмѣнялся съ нашими батареями нѣсколькими выстрѣлами и затѣмъ отошелъ. Эта развѣдка съ фронта и фланга установила протяженіе нашей позиціи, подтвер-

№ 18. Полотно желѣзной дороги у с. Гуцзяцзы, приспособленное къ оборонѣ. Непрiятель справа.

дила имѣвшіяся свѣдѣнія о серьезномъ укрѣпленіи ея и обнаружила находеніе вблизи нея значительныхъ силъ. Отсутствие нормальнаго сторожеваго охраненія впереди укрѣпленной позиціи и пассивное поведеніе конницы облегчили японцамъ развѣдку.

5-я дивизія арміи ген. Нодзу, которая также должна была принять участіе въ атакѣ, располагалась на правомъ берегу р. Шахэ (южн.), у с. Пандялу, имѣя на высотахъ въ 3—4 верстахъ передъ собой сторожевое охраненіе.

На 17-е августа маршалъ Ойяма поставилъ перечисленнымъ войскамъ, образовавшимъ его лѣвое крыло, задачу—

овладѣть Маѣтуньской позиціей. Другая дивизія (10-я) армія Нодзу должна была съ разсвѣтомъ атаковать правый флангъ III Сибирскаго корпуса. 4-я дивизія—крайнее лѣвое крыло всѣхъ развернувшихся японскихъ армій—не должна была втягиваться въ бой безъ приказанія главнокомандующаго; японское управленіе подѣ Ляояномъ, какъ и подѣ Вафангоу, опасалось перехода въ наступленіе русскихъ резервовъ на западномъ участкѣ поля сраженія, гдѣ сосредоточивались важнѣйшія сообщенія, и гдѣ маневрированіе крупныхъ силъ встрѣчало меньше препятствій.

Дороги къ 17 августу еще не просохли послѣ предшествовавшаго дождливаго періода, и японской артиллеріи, при ея развертываніи, пришлось съ трудомъ пробираться по глубокой грязи.

Японскія дивизіи получили слѣдующія задачи:

5-й дивизіи, приказомъ по арміи Нодзу, указывалось—атаковать горы Кустарную и Бивачную.

3-й дивизіи, приказомъ по арміи Оку, указывалось, перейдя р. Шахэ (южн.) въ 5 час. утра и наступая восточнѣе желѣзной дороги, атаковать Стрѣлковый холмъ и Кустарную гору.

6-й дивизіи указывалось наступать въ тѣсной связи съ лѣвымъ крыломъ 3-й дивизіи, въ полосѣ между желѣзной дорогой и селеніями Даяотунь, Дахунци, Ликайпу, Сяочжаоцзятай—шириной не болѣе $2\frac{1}{4}$ верстѣ.

4-я дивизія должна была выступить часомъ позднѣе и, слѣдуя западнѣе 6-й дивизіи, сосредоточиться въ районѣ с. Улунтай.

Главная масса армейской артиллеріи направлялась за 6-й дивизіей; въ случаѣ большой трудности движенія по проселкамъ, направленная по мандаринской дорогѣ часть ея могла быть увеличена.

11-я резервная бригада подтягивалась къ р. Шахэ (южн.) Оцѣнивая постановку задачъ долженствовавшимъ принять участіе въ атакѣ Маѣтуньской позиціи дивизіямъ, слѣдуетъ замѣтить несогласованность въ задачахъ 5-й и 3-й дивизій. Обѣ сосѣднія дивизіи различныхъ армій должны были атаковать одну и ту же гору Кустарную; между тѣмъ, начальники дивизій, ни до сраженія, ни въ

восточномъ направленіи, на фронтъ Маѣтунь-Гуцзяцзы. А въ такомъ случаѣ представлялось гораздо выгоднѣе дивизію вести, не прижимая тѣсно къ 3-й дивизіи, а нѣсколько дальше къ западу отъ желѣзной дороги, чтобы трудную задачу перемѣны фронта дивизіи пришлось выполнять не въ непосредственной близости отъ русской позиціи, въ раіонѣ ружейнаго огня.

Начальникъ 5-й дивизіи намѣтилъ образованіе двухъ участковъ, и соотвѣтственно этому двинулъ въ 4 часа утра войска, намѣченные въ боевую часть, двумя колоннами.

Правая колонна—9-я бригада и дивизіонная артиллерія,—вытягиваясь на высоты сѣверо-восточнѣе с. Интаюань, лежавшіе въ сферѣ наблюденія съ русскихъ батарей, перешла въ строй по-ротно. Дивизіонная артиллерія выѣхала здѣсь на открытую позицію, кругозоръ съ которой былъ, однако, закрытъ горой Кустарной и шедшимъ отъ нея на юго-востокъ отрогомъ; такимъ образомъ, въ направленіи на Бивачную гору японская пѣхота не могла получить артиллерійской поддержки. Когда 11-й пѣхотный полкъ, шедшій въ головѣ, сбивъ нашихъ охотниковъ съ отрога горы Кустарной, перевалилъ черезъ нее, онъ оказался предоставленнымъ своимъ силамъ, подъ нашимъ ближнимъ (2 версты) артиллерійскимъ огнемъ, понесъ значительныя потери и отхлынулъ за спасительный отрогъ. Охватъ лѣваго фланга позиціи I Сиб. корпуса вообще являлся крайне труднымъ, такъ какъ онъ сводился, въ сущности, къ прорыву нашего фронта, и охватывающія части подставляли свой флангъ и тылъ огню III Сиб. корпуса и частей, развертывавшихся уступомъ позади интервала. Неудача, испытанная здѣсь японцами раннимъ утромъ 17-го августа, заставила ихъ вовсе отказаться отъ развитія активныхъ дѣйствій на этомъ направленіи. Слѣдующій полкъ 9-й бригады—41-й,—развернулся влѣво отъ 11-го полка, и такимъ образомъ 5-я дивизія оказалась развернутой лѣвѣе, чѣмъ то намѣчалось командующимъ арміей, ген. Нодзу.

Лѣвая колонна 5-й дивизіи—21-й полкъ, направляясь черезъ с. Хэйнючжуанъ, достигла безъ потерь с. Сяоянсы и заняла его сѣверную опушку, въ 1200—1400 шагахъ передъ нашимъ фронтомъ.

Другой полкъ той же бригады, 42-й, остался въ резервѣ дивизіи и расположился уступомъ за открытымъ правымъ флангомъ дивизіи.

Войска 3-й дивизіи, предназначенныя въ боевую часть, также наступали двумя колоннами, каждая подъ начальствомъ бригаднаго командира. Въ 5-й бригадѣ по дорогѣ на с. с. Хэйнючжуанъ и Сяоянсы двигались 33-й полкъ и 3 батареи—половина дивизионной артиллеріи; въ 17-й бригадѣ, по мандаринской дорогѣ, наступалъ 34-й полкъ и другая половина дивизионной артиллеріи. Въ 3¹/₂ верстахъ отъ нашей позиціи¹⁾ колонны эти были обстрѣляны нашей артиллеріей и развернулись. Начальникъ дивизіи, г.-л. Ошима, убѣдился личной рекогносцировкой въ трудности наступленія въ районѣ мандаринской дороги, и поэтому приказалъ главнымъ силамъ дивизіи—двумъ полкамъ пѣхоты и 6 батареямъ армейской артиллеріи, переданнымъ въ его распоряженіе, свернуть возможно правѣе; переходъ на новое направленіе главныя силы успѣли выполнить внѣ нашего орудійнаго огня. При дальнѣйшемъ наступленіи передъ фронтомъ 3-й дивизіи оказалось занятое 21-мъ полкомъ 5-й дивизіи с. Сяоянсы, и командиръ 5-й бригады принужденъ былъ развертывать свою пѣхоту правѣе. Къ полудню обѣ бригады 3-й дивизіи развернулись по сторонамъ 21-го полка, занявшаго лучшій участокъ, но державшагося въ теченіе всего дальнѣйшаго боя пассивно и образывавшаго какъ бы островъ, дѣлившій наступленіе 3-й дивизіи на два рукава. Въ резервѣ начальника дивизіи осталось 2 батальона. 17-я бригада развернула всѣ батальоны въ одну линію, такъ какъ 6-я дивизія, да и артиллерійская поддержка запоздали. Подготовка къ открытію огня нѣкоторыхъ батарей требовала 2 часа времени. Окончательно всѣ 12 батарей, приданныя дивизіи, развернулись на участкѣ Тутайцзы-Хэйнючжуанъ, почти въ 4 верстахъ отъ нашихъ батарей, т. е. въ районѣ дальняго, менѣе дѣйствительнаго, огня слабыхъ японскихъ пушекъ.

6-я дивизія также двинулась двумя колоннами: правая—11-я бригада (13-й и 45-й полки) и за ней—дивизионный

¹⁾ Расстояніе въ 4 версты было пройдено въ 1¹/₂ часа.

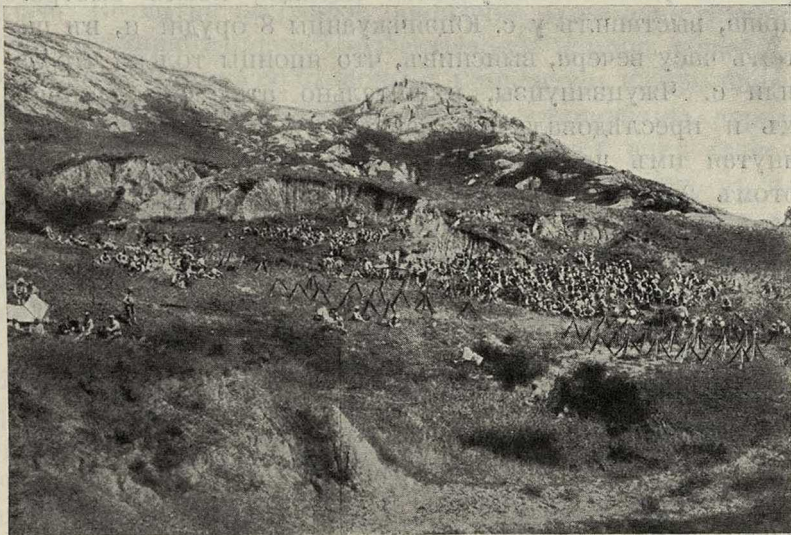
резервъ, 48-й полкъ, наступалъ вдоль желѣзной дороги, лѣвая—23-й полкъ наступалъ по лѣвой границѣ полосы, предоставленной дивизіи. Такъ какъ дивизіи предстояло, заходя лѣвымъ плечомъ, постепенно растягивать фронтъ влѣво, то назначеніе бѣльшихъ силъ въ лѣвую колонну обезпечило бы болѣе удобное развертываніе.

Головной батальонъ 45-го полка остановился около 10 час. утра противъ исходящаго угла нашей позиціи у с. Маѣтунъ, на линіи ручья, въ 800 шагахъ отъ нашихъ окоповъ. Второй и третій батальоны полка развернулись лѣвѣе и правѣе. Лѣвая колонна (23-й полкъ) поровнявшись съ участкомъ с.с. Гуцзяцзы - Маѣтунъ, съ поворотомъ направо развернулась фронтомъ къ востоку и продвинулась на 1000 шаговъ къ позиціи. Въ виду большихъ потерь, которыя несли японцы, пришлось вдвинуть между 23-мъ и 45-мъ полками батальонъ 13-го полка. Остальные 2 батальона 13-го полка остались въ частномъ резервѣ. Дивизионный резервъ, продолжительнымъ фланговымъ маршемъ, перешелъ за лѣвый флангъ дивизіи, въ районъ къ сѣверо-западу отъ с. Гуцзяцзы. Артиллерія дивизіи, съ трудомъ пробираясь по засѣяннымъ полямъ, только къ 1 часу дня выѣхала на позицію къ востоку отъ с. Дахунци, почти въ 5 верстахъ отъ нашей позиціи, и серьезной поддержки пѣхотѣ оказать не могла.

Представлялось къ полудню 17 августа яснымъ, что силы 6-й японской дивизіи для охвата загнутаго русскаго праваго крыла окажется недостаточнымъ. Рѣшающее значеніе здѣсь могло имѣть лишь вступленіе въ бой 4-й дивизіи; однако, маршалъ Ойяма, считаясь съ тѣмъ, что обходное движеніе Куроки на сообщенія русскихъ требовало еще 2—3 дней, и съ наличіемъ въ Ляоянѣ сильныхъ резервовъ, отклонилъ пожеланіе г. Оку—двинуть въ бой этотъ послѣдній резервъ. 4-я дивизія поэтому лишь поддерживала двумя батальонами бригаду ген.-м. Акіямы, борющуюся съ отрядомъ ген.-м. Мищенко. Конная батарея этой бригады, продольнымъ огнемъ отъ с. Ванэршунъ (съ 4 версты), причиняла большія потери I Сибирскому корпусу, но съ ней удалось справиться, выславъ изъ резерва корпуса отъ высоты 99 къ сѣверо-востоку 2-ю Забайкальскую конную батарею. Дивизионная артиллерія 4-й дивизіи съ трудомъ

выбралась только къ 5 час. вечера на позицію къ сѣверу отъ с. Ликайпу.

Къ вечеру, въ 800—1400 шагахъ передъ нашей позиціей, полукольцомъ на протяженіи въ 10 верстъ, лежали цѣпи трехъ японскихъ дивизій. Неудача атаки, направленной на III Сибирскій корпусъ, и опасеніе перехода его въ наступленіе вызвали указаніе главнокомандующаго—арміи Оку поторопиться съ атакой Маѣтуньской позиціи. Но генераль Оку, считаясь съ силой русской позиціи и еще далеко недостаточной артиллерійской подго-

№ 20. Резервъ на Маѣтуньской позиціи, за высотой 99.

товкой, счелъ возможнымъ только ввести въ бой новыя батареи армейской артиллеріи и произвести частныя атаки на с.с. Гуцзяцзы — Маѣтунь. Рѣшительная же атака отлагалась на ночь.

I Сибирскому корпусу удалось удержаться на всемъ фронтѣ. 54 русскихъ орудій успѣшно отвѣчали 186 японскимъ. 4-й В.-С. стр. полкъ, резервъ 1-й В.-С. стр. дивизіи, занялъ участокъ у с. Гуцзяцзы и позволилъ 4-му В.-С. стр. полку сосредоточиться на оборонѣ с. Маѣтунь. Резервъ корпуса былъ усиленъ 2 баталіонами 19-го полка, и выдѣлилъ 3 баталіона для поддержки праваго участка, и 4—для под-

держки лѣваго. На случай необходимости въ быстрой поддержкѣ корпуса, по мандаринской дорогѣ пододвинута была 5-я В.-С. стр. дивизія—7 баталіоновъ, 12 орудій, 8 пулеметовъ, 2 сотни. Но наиболѣе существенной поддержкой I-му корпусу явилось образованіе уступа противъ охватывавшей его флангъ 6-й японской дивизіи. Значеніе этого направленія для поддержки I Сиб. корпуса было оцѣнено ген.-ад. Куропаткинымъ, выдвинувшимъ сюда Барнаульскій пѣх. полкъ съ 12 орудіями. Командиръ Барнаульцевъ, полковникъ Добротинъ, въ виду сообщеній о тяжеломъ положеніи на правомъ флангѣ Магтуньской позиціи, послѣ быстрого марша, выставилъ у с. Юцзячжуанцы 8 орудій и, въ шестомъ часу вечера, выяснивъ, что японцы только что заняли с. Чжуцзяпуцзы, рѣшительно атаковалъ, выбилъ ихъ и преслѣдовалъ въ западномъ направленіи. Опрокинутая имъ часть была 1-й батальонъ, поддержанный потомъ 2-мъ батальономъ, 48-го полка—послѣдній резервъ 6-й дивизіи, обезпечивавшій съ сѣвера ея охватывающій флангъ. Ударъ полковника Добротина и огонь новой батареи съ сѣвера произвели сильное впечатлѣніе на этомъ участкѣ боя; 4-я дивизія израсходовала 4 батальона на поддержку лѣваго фланга 6-й дивизіи, что задержало развитіе нашего успѣха. Вслѣдствіе желанія ген. Куропаткина—собрать утромъ 18-го августа IV Сиб. корпусъ вновь въ резервъ, Барнаульскій полкъ въ 4 часа утра 18-го августа былъ оттянутъ въ резервъ и с. Чжуцзяпуцзы очищено; только линія желѣзной дороги удерживалась Красноярскимъ полкомъ, слѣдовавшимъ за Барнаульцами. Японцы немедленно вновь заняли с. Чжуцзяпуцзы.

Ночная атака арміи Оку осложнялась утомленіемъ войскъ и чрезполосицей въ районѣ 3-й и 5-й дивизій. Подъ впечатлѣніемъ полного неуспѣха своей 10-й дивизіи при атакѣ III Сибирскаго корпуса, перешедшей къ оборонѣ и осадившей назадъ, командующій IV арміей, ген. Нодзу, поставилъ и 5-й дивизіи на 18-го августа оборонительную задачу—приготовиться къ отраженію наступленія русскихъ въ интервалѣ между I и III Сиб. корпусами. Во исполненіе этой задачи, правая группа—три полка 5-й дивизіи—не только не приняла участія въ ночной атакѣ, но и осадила частью назадъ. 21-й же полкъ, занимавшій

опушку с. Сяоянсы, не проявилъ никакой активной дѣятельности. Поэтому обѣимъ бригадамъ 3-й дивизіи пришлось вести ночную атаку самостоятельно, и изолированно одна отъ другой.

5-я бригада нацѣливала главный ударъ на лѣвый флангъ позиціи на Кустарной горѣ, противопоставлявшій атакѣ съ юго-востока только очень узкій фронтъ. На продолженіи отрога горы Кустарной, въ 500 шагахъ, окопался одинъ батальонъ, огонь котораго бралъ продольно всю русскую позицію на горѣ Кустарной.

Японское наступленіе было раскрыто намъ около 4 час. утра. Несмотря на слабое освѣщеніе луны, защитникамъ горы Кустарной принесъ существенную помощь ружейный и пушечный огонь со стороны с. Синьлитунъ и горы Бивачной. Наступавшія японскія части остановились передъ линіей искусственныхъ препятствій. Одной ротѣ удалось сдѣлать проходъ въ загражденіяхъ и перебѣжать въ небольшое мертвое пространство близъ нашихъ окоповъ; но оно было нами заблаговременно минировано; взрывъ фугасовъ, хотя и не нанесъ японцамъ потерь, но заставилъ ихъ убраться вновь за загражденія.

Въ 17-й бригадѣ 18-й полкъ, соблазненный примѣромъ 21-го полка, остался на мѣстѣ. Вдоль мандаринской дороги рѣшительно двинулся только 34-й полкъ¹⁾, оба фланга котораго были открыты. 1-му батальону, встрѣченному въ 4 ч. 50 м. утра ружейнымъ огнемъ съ 500 шаговъ, удалось попасть какъ разъ на оставленный нами въ искусственныхъ препятствіяхъ проходъ. Цѣпи батальона въ сумракѣ были сгущены двумя ротами батальонаго резерва; бросившись впередъ, онъ, послѣ упорной штыковой свалки, къ 5 ч. 50 м. овладѣлъ окопами двухъ ротъ 3-го В.-С. стр. полка на холмѣ Стрѣлковомъ, лежавшими въ 30 шагахъ впереди гребня. Но уже разсвѣло, и попытка японцевъ поддержать этотъ батальонъ не имѣла успѣха: подъ огнемъ нашего державшагося фронта направленные японцами резервы должны были залечь на линіи препятствій. Между тѣмъ, на ворвавшійся батальонъ пере-

¹⁾ Тотъ самый полкъ, который въ одиночествѣ атаковалъ лѣвый флангъ Вафангоуской позиціи 1 июня, по своей инициативѣ.

шелъ въ наступленіе высланный изъ корпуснаго резерва 1-й батал. 36-го В.-С. стр. полка; съ сосѣднихъ окоповъ его взяли подъ перекрестный огонь. Въ 8 час. утра остатки японскаго батальона, потерявшаго 19 офицеровъ и 567 нижн. чин., отбѣжали назадъ.

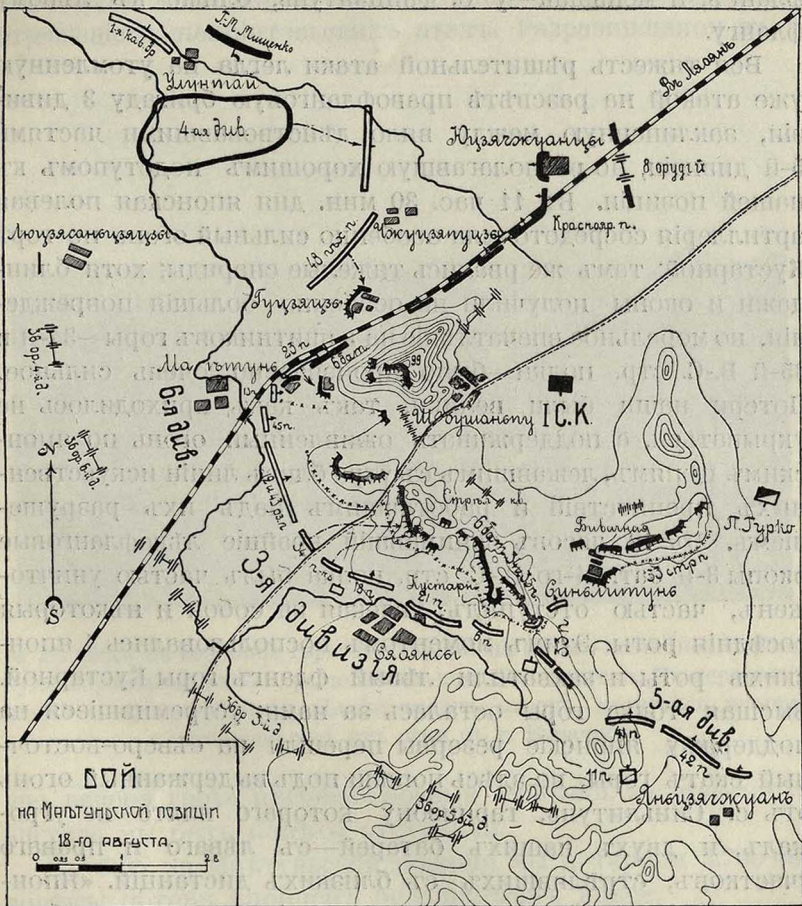
Въ 6-й дивизіи въ ночную атаку была увлечена только половина силъ. 23-й полкъ, развернувшійся къ сѣверо-западу отъ сел. Маѣтунъ, попытался овладѣть этимъ селеніемъ съ налету, пользуясь еще темнымъ временемъ (4 часа утра); всѣ три батальона наступали въ одной линіи. Подпустивъ его на разстояніе, меньшее 100 шаговъ, 1-й В.-С. стр. полкъ произвелъ внезапное огневое нападеніе, которое въ нѣсколько минутъ вырвало изъ рядовъ наступающаго одну треть. 23-й полкъ бросился назадъ; отдѣльныя кучки его окопались на линіи желѣзной дороги, всего въ 150 шагахъ отъ насъ, и такъ провели весь день 18-го августа.

Части резерва 6-й дивизіи — 48-го полка, не принимавшія участія въ бою съ Барнаульцами, пытались атаковать ночью Гуцзяцзы, но понесли тяжелыя потери; здѣсь, въ предразсвѣтномъ сумракѣ, удачно дѣйствовали наши пулеметы.

Уже къ 7 часамъ утра 18-го августа выяснился неуспѣхъ ночной атаки арміи Оку; однако, японское управленіе оказалось готовымъ къ продолженію энергичнаго боя днемъ. Въ предвидѣніи этого боя японская артиллерія использовала ночь на 18-е для переѣзда на позиціи, находившіяся на дистанціи дѣйствительнаго огня— $3\frac{1}{2}$ — $2\frac{1}{2}$ версты. Только 8 осадныхъ орудій, вслѣдствіе малой подвижности, нѣсколько замедлили и могли открыть дѣйствительный огонь лишь къ полудню. Всего на фронтѣ с.с. Яньцзячжуанъ — Люцзясаньцзяцзы, протяженіемъ 10 верстъ, расположились 234 пол. ор. и 12 тяж. батарей, что составляетъ около 30 орудій на 1 версту фронта.

Обстановка на обоихъ флангахъ оставалась для японцевъ невыясненной. Конница ген.-м. Мищенко мѣшала японцамъ освѣтить обстановку въ раіонѣ 4-й дивизіи, и заставляла держать значительную часть ея въ резервѣ. На правомъ флангѣ на содѣйствіе арміи Подззу надѣяться было нельзя. Расчитывая на могущественную под-

держку артиллерии, которая съ 10-верстнаго фронта могла скрестить огонь на трехверстный участок Стрѣлковый холмъ—Кустарная гора, японцы и главную дневную атаку повели на фронтъ 3-й дивизіи, поддержавъ западнѣе мандаринской дороги истощенный 34-й полкъ двумя ре-

№ 21.

зервными полками и сосредоточивъ огонь двухсотъ орудій на Кустарной горѣ.

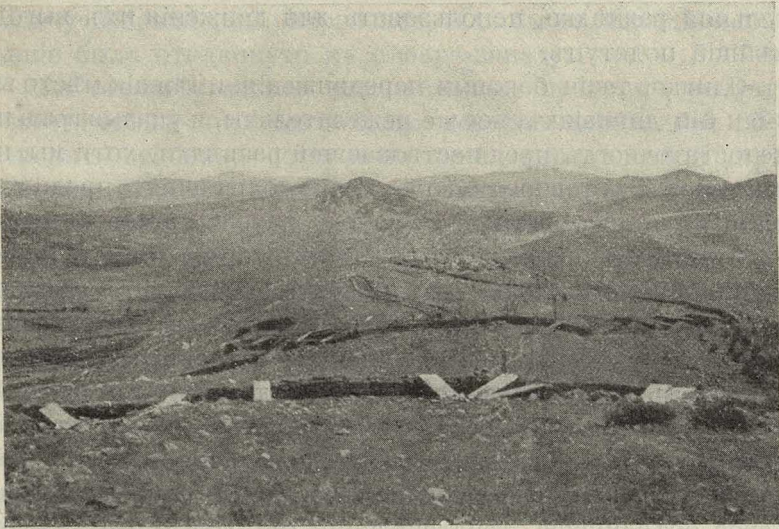
У насъ въ бою 18-го августа правый участокъ обороняли 12 батал., 8 пул., 46 оруд., лѣвый участокъ—10 батал., 24 оруд.; кромѣ того 4 батал. (Красноярскій п.), 12 ор. поддерживали нашъ правый флангъ; въ резервѣ ген.-л. бар.

Штакельберга находилось 10 батал. и 8 оруд.—преимущественно части 5-й В.-С. стр. дивизіи; резервъ располагался въ двухъ группахъ: бѣльшая—за правымъ флангомъ у с. Шуушаньпу, такъ какъ мы особенно опасались за находившійся въ неестественномъ положеніи правый флангъ, и меньшая—у с. Фанцзятунь, ближе къ лѣвому флангу.

Вся тяжесть рѣшительной атаки легла на утомленную уже атакой на разсвѣтъ правофланговую бригаду 3 дивизіи, заклиненную между вяло дѣйствовавшими частями 5-й дивизіи, но располагававшую хорошимъ подступомъ къ нашей позиціи. Въ 11 час. 30 мин. дня японская полевая артиллерія сосредоточила особенно сильный огонь по горѣ Кустарной; тамъ же рвались тяжелые снаряды; хотя блиндажи и окопы получили не особенно большія поврежденія, но моральное впечатлѣніе на защитниковъ горы—34-й и 35-й В.-С. стр. полки—было произведено очень сильное. Потери наши были велики, такъ какъ приходилось не укрываться, а поддерживать оживленный огонь по японскимъ цѣпямъ, лежавшимъ съ утра близъ линіи искусственныхъ препятствій и работавшимъ надъ ихъ разрушеніемъ. Въ 12 часовъ занимавшій крайніе лѣвофланговые окопы 3-й бат. 34-го В.-С. стр. полка былъ частью уничтоженъ, частью отступилъ, увлекая за собой и нѣкоторыя сосѣднія роты. Этимъ моментомъ воспользовались 4 японскихъ роты и захватили лѣвый флангъ горы Кустарной. Высшая точка горы осталась за нами; устремившіеся на поддержку японскіе резервы перешли на сѣверо-восточный скатъ горы, но здѣсь попали подъ выдержанный огонь отъ с. Синьлитунь, гарнизону котораго никто не угрожалъ, и двухъ нашихъ батарей—съ лѣваго и праваго участковъ, стрѣлявшихъ съ близкихъ дистанцій. «Японская артиллерія», говоритъ наша реляція, «очевидно не была извѣщена, и продолжала обстрѣливать съ особеннымъ упорствомъ захваченные окопы. Сопка съ окопами покрылась непроницаемымъ слоемъ дыма и пыли»... Все это создало чрезвычайно благоприятныя условія для контръатаки 2 батальоновъ 19-го В.-С. стр. полка изъ корпуснаго резерва; къ 1 ч. 45 мин. дня японская пѣхота очистила Кустарную гору.

Послѣ полудня ген.-лейт. бар. Штакельбергъ былъ уже предупрежденъ, что вечеромъ, въ виду рѣшенія собрать главныя силы противъ праваго крыла арміи Куроки, корпусъ долженъ очистить Маѣтунскую позицію и отойти на правый берегъ р. Тайцзыхэ. Въ силу этого, серьезныхъ активныхъ дѣйствій мы не предпринимали, ограничиваясь отраженіемъ непріятельскихъ атакъ. Разразившаяся въ 7

№ 22. Видъ съ вершины горы Кустарной на ея юго-восточной отрогъ, куда ворвалось правое крыло 3-й яп. див. 18-го августа. На переднемъ планѣ — ходы сообщенія. Далѣе виденъ отрогъ, которымъ японцы прикрывались отъ огня съ г. Бивачной.

час. вечера гроза прервала боевыя дѣйствія. Въ ночь на 19 августа мы безъ помѣхи отступили.

Въ бою на Маѣтунской позиціи мы потеряли 3.700 человекъ; потери японцевъ больше, чѣмъ вдвое.

Бой за Маѣтунскую позицію являлся вполне цѣлесообразнымъ для обѣихъ сторонъ, и потому совершенно законнымъ являлось то крайнее напряженіе силъ, которое было потребовано здѣсь отъ многихъ частей. Въ этомъ бою, продолжавшемся 40 часовъ, 43 одновременно дѣйствовавшихъ русскихъ баталіоновъ (относя сюда и отрядъ

г.-м. Мищенко), 34 сотн. и эск., 114 оруд. дали отпоръ 53 болѣ сильнымъ японскимъ баталіонамъ, 20 эск. и 326 орудіямъ.

Представляетъ интересъ техника подхода каждой японской дивизіи двумя колоннами, при чемъ голова каждой заключаетъ ядро намѣченныхъ боевыхъ участковъ, а главные силы идутъ настолько оттянуто—напримѣръ въ 3-й дивизіи, что является возможность, послѣ болѣ обстоятельной развѣдки, использовать для движенія ихъ выгоднѣйшій подступъ.

Однако, такія боковыя передвиженія, имѣвшія мѣсто въ 3-й и 6-й дивизіяхъ, все же нежелательны, и указываютъ на недостаточность предшествовавшей развѣдки, хотя мы, не выставивъ уставного сторожевого охраненія, представили японцамъ широкую свободу изучать нашу позицію.

Отсутствіе связи въ дѣйствіяхъ армій Оку и Подзу проявилось въ томъ, что развертываніе армій оказалось несогласованнымъ, и что часть арміи Подзу, участвовавшая въ атакѣ Маѣтуньской позиціи, перешла къ оборонѣ какъ разъ въ періодъ развитія рѣшительнаго наступленія арміи Оку. Основа военного искусства—сосредоточеніе силъ къ одной цѣли, требуетъ, чтобы командованіе частями, разрѣшающими общую задачу, было объединено. Такое объединеніе дѣйствій арміи ген. Оку и 5-й дивизіи должно было быть произведено или въ рукахъ маршала Ойямы, но это его отвлекло бы отъ общаго руководства боемъ, или въ рукахъ ген. Оку, къ которому 5-я дивизія должна была бы перейти во временное подчиненіе. Такая ломка постоянной организаціи оправдывалась обстановкой; также и подчиненіе 21-го полка, оказавшагося на участкѣ 3-й дивизіи, начальству послѣдней, слѣдовало бы признать совершенно необходимымъ.

Перемѣшиваніе частей, которое имѣло мѣсто на подступахъ къ горѣ Кустарной, объясняется въ значительной степени неудобными для наступленія раіонами—на мандаринской дорогѣ и передъ Бивачной горой, заставлявшими войска скучиваться; это перемѣшиваніе имѣло роковыя для японцевъ послѣдствія, и значительно облегчило намъ оборону Кустарной горы. Но съ такимъ перемѣшиваніемъ войскъ, сгоняемыхъ артиллерійскимъ

огнемъ на болѣе удобные подступы, придется часто встрѣчаться, несмотря на все желаніе избѣжать его.

Уже было отмѣчено, насколько труднымъ и мѣшкотнымъ является производство охвата частью, наступающей съ фронта и удлиняющей флангъ, какъ то имѣло мѣсто въ 6-й дивизіи. Если бы только топкость дорогъ, увеличивавшаяся по мѣрѣ удаленія къ западу, не ставила непреодолимыхъ препятствій, то 6-я дивизія выполнила бы свою задачу несравненно энергичнѣе, если бы ея походное движеніе было отодвинуто къ сѣверо-западу.

Мы видимъ, какого значительнаго времени требуетъ развертываніе крупныхъ силъ, которое необходимо производить особенно осторожно, имѣя передъ собой укрѣпленную позицію. Правда, въ данномъ случаѣ малосильнымъ артиллерійскимъ запряжкамъ приходилось съ большими усиліями вывозить по грязи батареи. Но за то предыдущій день былъ использованъ для подтягиванія арміи къ р. Шахэ (южн.), и явилась возможность наступать по двумъ дорогамъ на дивизію. Часто же всю артиллерію корпуса и необходимые боевые припасы придется передвигать къ полю сраженія по одной дорогѣ. Батареи 4-й и 6-й дивизій, не успѣвшія принять 17-го августа энергичнаго участія въ бою, показываютъ значеніе подвижности для полевой артиллеріи.

Положеніе резерва арміи, 4-й дивизіи — уступомъ внѣ фланга, очень удобно, но японская конница, дѣйствовавшая крайне вяло (потери—6 человекъ), не сумѣла своевременно разгадать слабыя силы ген.-м. Мищенко, почему 4-ю дивизію въ критическія минуты не оказалось возможнымъ двинуть на помощь, какъ равно не пришлось и артиллерію лѣваго крыла выдвинуть въ районъ с. Улунтай, откуда она могла поражать Маѣтуньскую позицію тыльнымъ огнемъ.

Въ бою мы видимъ громадную разницу въ развиваемыхъ пѣхотными частями усиліяхъ—въ зависимости отъ опредѣленности задачи, энергіи начальниковъ, болѣе или менѣе благопріятныхъ условій завязки боя, наличія подступовъ, силы непріятельскаго огня.

Въ этомъ бою огромная часть нашихъ потерь причинена артиллерійскимъ огнемъ; но задача артиллеріи за-

ключается не въ охотѣ на противника, а въ содѣйствіи наступленію своей пѣхоты. Японская артиллерія въ этомъ отношеніи не оказалась на достаточной высотѣ, такъ какъ дѣйствовала безъ связи съ пѣхотой. При протяженіи фронта Кустарной горы немного болѣе версты, четвертая часть 200 орудій, обстрѣливавшихъ ее, лучше бы справилась со своей задачей, при строгомъ согласованіи огня съ дѣйствіями пѣхоты. Безъ такой связи въ измѣнчивой обстановкѣ боя приходится стрѣлять по своимъ столько же, сколько и по противнику. Сосредоточеніе огня артиллеріи должно имѣть свои предѣлы; надо сохранять возможность имъ управлять; современная скорострѣльность даетъ возможность выпустить нужное число снарядовъ и изъ меньшаго числа пушекъ. 200 японскихъ орудій, разстрѣлявшихъ свою 5-ю бригаду на Кустарной горѣ, показываютъ всю опасность независимой дѣятельности родовъ войскъ, въ особенности — чуждой дивизіямъ армейской артиллеріи.

Защита нами Маѣтуньской позиціи показываетъ намъ тѣ преимущества оборонительнаго образа дѣйствій, которыя дѣлаютъ его законнымъ въ многихъ случаяхъ и которыя заставляютъ всю войну комбинировать, какъ чередующійся переходъ отъ наступленія къ оборонѣ и обратно. Съ меньшими силами и меньшими жертвами мы держимся на этомъ участкѣ поля сраженія, позволяя примѣнить полученную экономію для достиженія перевѣса въ силахъ на другомъ участкѣ поля сраженія. Отъ обхода наша позиція предохранена опасеніемъ непріятели активныхъ дѣйствій сосредоточенныхъ позади резервовъ.

Позиція наша укрѣплена и занята войсками весьма обдуманно; особенно выгодное значеніе имѣлъ уступъ на лѣвомъ флангѣ — с. Синьлитунь и гора Бивачная, откуда брались во флангъ всѣ попытки японскаго охвата. На правомъ флангѣ чувствовалось отсутствіе такого уступа у с. Чжуцзяпуцзы.

Расходованіе резерва на удлиненіе праваго фланга вдоль желѣзной дороги представляется нежелательнымъ. Вообще, вмѣсто расходованія резерва малыми частями, представлялось несравненно выгоднѣе употребить его на активныя дѣйствія въ направленіи, въ которомъ атаковалъ

японцевъ одинъ Барнаульскій полкъ. Впрочемъ, 18-го августа, когда отступленіе было уже рѣшено, пассивная оборона до ночи являлась вполне законной.

Ни въ какомъ случаѣ нельзя согласиться съ немедленнымъ возвращеніемъ назадъ резервовъ, послѣ одержаннаго ими успѣха, какъ то было сдѣлано ген.-ад. Куропаткинымъ по отношенію къ Барнаульскому полку и нѣкоторымъ другимъ частямъ IV Сибирскаго корпуса. Пѣхотная часть, разъ пущенная въ атаку, должна биться на данномъ направленіи до послѣднихъ силъ; въ противномъ случаѣ резервы будутъ наносить вмѣсто мастерскихъ ударовъ только булавочные уколы. Какъ будетъ видно ниже, такое употребленіе резерва было одной изъ причинъ проигрыша нами боя за с. Сыквантунь.

Дѣйствія ген.-м. Мищенко, который разрѣшилъ поставленную ему задачу — прикрытіе фланга — активными дѣйствіями, ослѣпилъ лѣвый флангъ непріятеля и стѣснилъ его маневрированіе, являются образцовыми. Но употребленіе конницы I Сиб. корпуса является отрицательнымъ примѣромъ. Постановка конницѣ второстепенныхъ, пассивныхъ задачъ ведетъ къ ея разброскѣ и бездѣйствію, и объясняетъ печальную роль ея въ Маньчжуріи. Вмѣсто стремленія къ обособленію малыхъ частей, кавалерійскіе начальники должны стремиться по возможности къ сліянію ихъ конницы въ крупныя части въ удобныхъ для ея дѣйствій районахъ. Конница полк. Гурко должна была дать себя поглотить конницѣ ген.-м. Мищенко.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Борьба за Нѣжинскую сопку 19—20 августа. Вступленіе въ бой общаго резерва.

Обстановка 19-го августа на правомъ берегу р. Тайцзыхэ. — Методическое наступленіе бригады г. Окасаки. — Ночная атака. — Задачи на 20-е августа. — Вступленіе въ бой X корпуса. — Вечерняя атака: дѣйствія праваго и лѣваго крыльевъ. — Тактической разборъ.

Получивъ 18-го августа донесеніе о переходѣ японцевъ на правый берегъ р. Тайцзыхэ, ген.-ад. Куропаткинъ рѣшилъ оставить на лѣвомъ берегу только два корпуса для обороны предмостной позиціи, а четыре корпуса направить для наступательныхъ дѣйствій противъ переправившихся черезъ рѣку японскихъ частей. 19-го августа I, III Сиб. и X арм. корпуса, отошедшіе ночнымъ маршемъ съ передовыхъ Ляоянскихъ позицій, отдыхали близъ переправъ, и только 20-го августа значительная масса войскъ должна была подтянуться къ полю предстоявшаго сраженія¹⁾; 19-го же августа въ этомъ районѣ находились только слѣдующія части: у копей Янтай—конница ген.-м. Самсонова и отрядъ—ген.-м. Орлова—всего 12 батал., 28 ор., 21 сот.; на позиціяхъ къ востоку отъ с. Сахутунь—35-я пѣх. дивизія ген.-лейт. Добржинскаго, усиленная до 18 батал. и 104 оруд.; другія части XVII арм. корпуса, подъ начальствомъ ген.-м. Янжула, стояли фронтомъ къ югу, обороняя теченіе р. Тайцзыхэ. Лѣвый флангъ ген.-лейт. Добржинскаго охраняла конница ген.-м. кн. Орбеліани (12 эск. и 6 к. ор.), установившая связь съ ген.-м. Орловымъ.

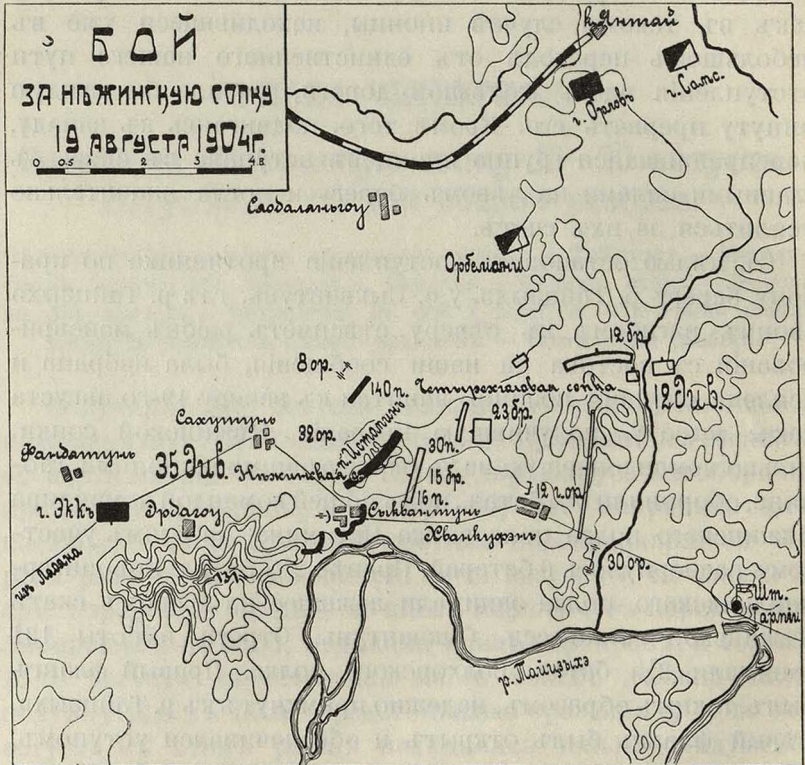
¹⁾ Смотри чертежъ № 6 на стр. 16.

Переправившимся японскимъ частямъ, прежде всего, противопоставлялась дивизія ген.-лейт. Добржинскаго, которая, по идеѣ нашего маневра, являлась армейскимъ авангардомъ, долженствовавшимъ прикрыть сосредоточеніе арміи и создать ей для вступленія въ бой выгодныя условія. Представлялось очень важнымъ не допустить развитіе японскаго наступленія вдоль р. Тайцзыхэ къ западу, такъ какъ въ такомъ случаѣ японцы, находившіеся уже въ небольшомъ переходѣ отъ единственнаго нашего пути отступленія вдоль желѣзной дороги, грозили бы каждую минуту прервать его. Кромѣ того, подвигаясь къ западу, переправившаяся группа японцевъ вступала въ связь съ главными силами на лѣвомъ берегу и могла значительно усилиться за ихъ счетъ.

Съ цѣлью остановить наступленіе противника по правому берегу р. Тайцзыхэ, у с. Сыквантунъ, гдѣ р. Тайцзыхэ своимъ изгибомъ къ сѣверу стѣсняетъ раіонъ маневрированія съ востока на наши сообщенія, была избрана и усилена окопами позиція, занятая къ вечеру 19-го августа такъ: высоту, получившую названіе Нѣжинской сопки, сильно командовавшую надъ окружающими ее полями гаоляна, обороняли 6^{1/2} батал., подъ общей командой командира Нѣжинскаго полка полковника Истомина; за этимъ участкомъ развернулось 6 батарей. Правѣе 2^{3/4} батал. Новоингерманландскаго полка занимали лежащее на южномъ скатѣ Нѣжинской сопки сел. Сыквантунъ. Отроги высоты 131 занимали 2^{3/4} батал. Болховскаго полка. Правый флангъ былъ, такимъ образомъ, надежно примкнутъ къ р. Тайцзыхэ. Лѣвый флангъ былъ открытъ и обезпечивался уступомъ, образованнымъ 140-мъ Зарайскимъ полкомъ съ 3 батареями на холмахъ въ 1^{1/2} верстахъ къ сѣверу отъ Нѣжинской сопки. Резервъ начальника дивизіи—1^{1/4} батал.—располагался за лѣвымъ флангомъ Нѣжинской сопки. 1^{1/2} батальона, выдвинутыхъ на передовую позицію къ с. Хванкуфэнъ, отошли оттуда еще раннимъ утромъ.

Генераль Куроки, лично не присутствовавшій при неудачахъ японскихъ войскъ на лѣвомъ берегу р. Тайцзыхэ 17 и 18 августа, не предусматривалъ собиравшагося на него удара; хотя 19 августа онъ располагалъ на правомъ берегу р. Тайцзыхэ только 20^{1/2} батал., 60 ор. и 6 эск., и бо-

лѣе, чѣмъ на бригаду подкрѣпленія, не могъ расчитывать все же онъ рѣшилъ дѣйствовать наступательно. Зная, только о занятіи русскими оборонительнаго расположенія у с. Сыквантунъ и о нахожденіи резервовъ на линіи желѣзной дороги, онъ рѣшилъ двинуть 15-ю бригаду ген.-м. Окасаки для фронтальной атаки войскъ ген.-лейт. Добр-

№ 23.

жинскаго, а всю 12-ю дивизию (23-ю и 12-ю бригады)—для охвата его позиціи съ сѣвера.

Ген. Окасаки, оцѣнивая значеніе Нѣжинской сопки, нацѣливаетъ свою бригаду на нее; съ приближеніемъ къ р. Тайцзыхэ количество открытых пространствъ увеличивалось; поэтому онъ избираетъ для наступленія полосу мѣстности отъ с. Хванкуфэнъ и сѣвернѣе, представляющую по преимуществу посѣвы гаоляна. Спротив-

вление—впрочемъ очень слабое—онъ встрѣчаетъ въ лежащихъ на пути селеніяхъ со стороны нашихъ выдвинутыхъ впередъ ротъ, сейчасъ же отступающихъ при угрозѣ охвата. Оба полка бригады слѣдуютъ на одной линіи; чтобы роты не разбрелись въ гаолянѣ, наступленіе ведется медленно, съ большими остановками послѣ каждаго пройденныхъ 200—300 шаговъ. Первоначальной цѣлью ген. Окасаки ставитъ выдвигеніе лишь за с. Хванкуфэнъ, на 2 версты отъ Нѣжинской сопки, что необходимо для прикрытія выѣзда артиллеріи.

Въ 8 ч. 25 минутъ утра дивизионная артиллерія (30 полевыхъ пушекъ) открываетъ огонь съ позиціи къ востоку отъ с. Хванкуфэнъ, находящейся на удаленіи 4 версты отъ Нѣжинской сопки. Надъ устройствомъ окоповъ для батарей японцы работали всю ночь; къ утру они маскировали ихъ, а въ 7 ч. 30 мин.—заняли орудіями. Огонь съ этой дистанціи желательной дѣйствительности не имѣлъ, но японцамъ не удалось вырыть орудійные окопы ближе изъ-за занятія русскими въ ночь на 19-ое августа передового расположенія у с. Хванкуфэнъ.

Артиллерійскій бой разгорался вяло. Въ одиннадцатомъ часу утра наша артиллерія, наконецъ, установила положеніе открытой, но хорошо маскированной позиціи японскихъ батарей и удачнымъ огнемъ заставила прислугу укрыться въ окопахъ.

Выждавъ до 11 ч. 30 мин. приближеніе 2-й дивизіи, которой приходилось наступать въ болѣе кружномъ и пересѣченномъ направленіи, ген. Окасаки вновь двинулъ свою бригаду, и пройдя версту въ 1¹/₂ часа, остановился въ 1 час. дня на удаленіи въ 1.500 шаговъ отъ Нѣжинской сопки. Здѣсь онъ получилъ свѣдѣніе объ отказѣ ген. Куроки отъ охвата позиціи ген.-лейт. Добржинскаго 2-й дивизіей съ сѣвера, вслѣдствіе поступившихъ свѣдѣній о сосредоточеніи русскихъ войскъ въ районѣ копей Янтай. 12-я бригада 12-й дивизіи развертывалась въ видѣ бокового авангарда на Четырехголовой сопкѣ, фронтомъ противъ отряда г.-м. Орлова; только 23-я бригада могла поддерживать дальнѣйшую атаку ген. Окасаки, и то не активно, выдвигаясь впередъ и охватывая русскую позицію,

а болѣе пассивно—слѣдуя уступомъ позади и охраняя правый флангъ ген. Окасаки отъ русскаго охвата.

Переходъ праваго крыла къ оборонѣ не заставилъ ген. Окасаки отказаться отъ первоначально поставленной задачи—захвата Нѣжинской сопки, являвшагося японцамъ необходимымъ и для созданія сноснаго фронта для обороны. Съ 1 часа дня часть батарей переноситъ огонь на русскую пѣхотную позицію; такъ какъ 12-я дивизія не задается въ этотъ день активными задачами, то ген. Окасаки проситъ у нея поддержки артиллеріей, и получаетъ двѣ горныя батареи, которыя къ 2 час. дня располагаются на закрытой позиціи въ 2 верстахъ отъ Нѣжинской сопки и обстрѣливаютъ ее до вечера, оставаясь незамѣченными нами. Наша артиллерія обстрѣливаетъ, между прочимъ, японскія войска, обнаруженныя на Четырехголовой сопкѣ, и, главнымъ образомъ, батареи дивизионной артиллеріи ген. Окасаки. Около 5 час. дня намъ въ этомъ артиллерійскомъ состязаніи вновь удается одержать обманчивый успѣхъ; вообще же артиллерійскій бой на удаленіи около 5 верстъ даетъ минимальные результаты, и обстрѣлъ нашими батареями не помѣшалъ японскимъ батареямъ истратить въ этотъ день весь свой боевой комплектъ и остаться на 20 августа почти безъ снарядовъ.

Условія артиллерійскаго боя складывались такъ благополучно для японцевъ, несмотря на наше численное превосходство (104 орудія противъ 42), отчасти и потому, что ген.-лейт. Добржинскій отвлекъ много батарей для другихъ задачъ: 24 орудія находились слишкомъ далеко, въ уступной группѣ, за лѣвымъ флангомъ; 32 орудія были установлены на тыловой позиціи, у с. Сахутунь, и должны были обстрѣливать Нѣжинскую сопку въ случаѣ захвата ея японцами; 42 орудія, расположенныя между с.с. Сыквантунь и Сахутунь, несли на себѣ всю тяжесть боя. Въ 8-мъ часу вечера, изъ-за опасенія потерять эти батареи въ случаѣ ночного боя, начали снимать ихъ съ позицій и отводить къ с. Сахутунь. На ночь была оставлена на позиціи, и то въ 1½ верстахъ за Нѣжинской сопкой, только одна батарея. Уходъ русской артиллеріи въ спускавшихся сумеркахъ совпалъ съ началомъ рѣшительныхъ дѣйствій.

Въ 5 час. вечера стрѣлковыя цѣпи ген. Окасаки, лежавшія съ 1 часа дня отъ насъ въ удаленіи 1.500 шаговъ, двинулись впередъ по гаолянѣ; къ семи часамъ вечера онѣ остановились на удаленіи въ 700 шаговъ отъ передовыхъ окоповъ Нѣжинской сопки. Оба полка (16-й и 30-й) бригады ген. Окасаки наступали рядомъ; въ резервъ бригады наступалъ батальонъ 4-го полка, направленный для ея усиленія. Справа къ бригадѣ примкнулъ 24-й полкъ

№ 24. Пѣхота въ гаолянѣ.

12-й дивизіи. Всего вступило въ бой 10 японскихъ батальоновъ.

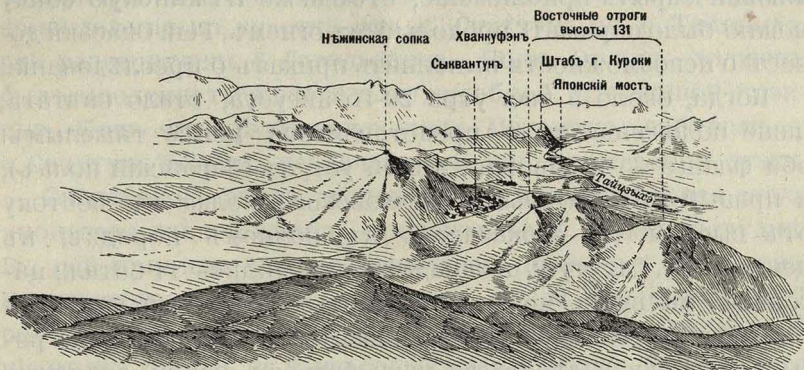
Въ восьмомъ часу вечера мы готовились къ отраженію ночной атаки: усиливали цѣпи, занимавшіе окопы у подножія сопки, и подводили ближе къ ея гребню резервы. Неожиданно, въ 7 ч. 20 мин. вечера, когда уже мы считали дѣйствія артиллеріи законченными, всѣ японскія батареи открыли огонь и полчаса обстрѣливали нашу пѣхотную позицію бѣглымъ огнемъ. Внезапность этого обстрѣла произвела большое впечатлѣніе на наши войска, въ виду отхода нашей артиллеріи. 11 ротъ Новоингерманландскаго полка, занимавшія сел. Сыквантунъ, въ виду принимавшихся на ихъ глазахъ мѣръ на случай потери нашей

позиціи, мѣръ, истолкованныхъ, какъ подготовка къ переносу обороны назадъ, а также вслѣдствіе отсутствія органической связи съ сосѣдними войсками (часть 3-й дивизіи, заклиненная въ 35-й дивизіи), прегрѣшеній командованія и приобрѣтеннаго уже размаха назадъ (часть ротъ отходила съ утра отъ с. Хванкуфѣнь), какъ только обнаружилась близость японской пѣхоты, очистила селеніе Сыквантунъ. Сейчасъ же его заняли японцы.

На другомъ флангѣ намъ пришлось также платиться за свои ошибки. Уступомъ за флангомъ находился частный резервъ — 2 батальона Нѣжинскаго полка — не принявшій никакихъ мѣръ охраненія. Японскія цѣпи, постепенно охватывавшія сопку, обнаружили его и съ 600 шаговъ внезапно открыли по нему частый огонь. Неожиданное огневое нападеніе разстроило резервъ и лишь съ большимъ трудомъ удалось часть его развернуть фронтомъ на сѣверъ.

Успѣхъ на флангахъ и результаты вечерней стрѣльбы артиллеріи создавали въ девятомъ часу вечера весьма удачную подготовку для рѣшительной атаки главныхъ силъ ген. Окасаки, развернутыхъ въ 700 шагахъ отъ Нѣжинской сопки. Однако, въ виду того, что наступила полная темнота, и что мѣстность, по которой предстояло атаковать, представляла много препятствій — канавъ, обрывовъ, скалъ — атаку условлено было начать съ восходомъ луны. На 2¹/₂ часа бой затихъ, но этимъ временемъ мы не воспользовались для того, чтобы привести въ порядокъ войска на фронтъ, вернуть отступившія части, подтянуть сильные уступы, окаймлявшіе нашу позицію съ обоихъ фланговъ, наконецъ, подвести корпусный резервъ. Поэтому, когда въ двѣнадцатомъ часу ночи лунное освѣщеніе облегчило движеніе, и японцы двинулись въ атаку, имъ оказывали сопротивленіе лишь отдѣльныя, разрозненныя части. Японскіе батальоны наступали, развернувъ каждый одну роту въ густую цѣпь и ведя остальные три роты за ея флангами и центромъ, — въ колоннахъ по отдѣленіямъ, или даже, гдѣ движеніе было стѣснено, въ колоннахъ рядами. Окопы у подножія сопки были очищены нами почти безъ сопротивленія. Японское наступленіе поддерживалось огнемъ съ обоихъ фланговъ; нахожденіе

японцевъ въ с. Сыквантунъ сильно смущало защитниковъ сопки. Штурмъ вершины удался. Съ нашей стороны энергичную контръ-атаку произвелъ только одинъ батальонъ Моршанскаго полка; вслѣдствіе отсутствія поддержки, ему, послѣ кровопролитной свалки, пришлось отступить.

№ 25. Видъ поля сраженія 19—20 августа съ высоты 131.

Въ третьемъ часу ночи полковникъ Истомина собралъ у с. Сахутунъ очистившія Нѣжинскую сопку части. Японцы немедленно же начали окапываться на захваченныхъ позиціяхъ.

Успѣхъ, одержанный на Нѣжинской сопкѣ, увеличеніе силъ на правомъ берегу р. Тайцзыхэ до 28 батал., сообщеніе ген. Оку о надеждѣ его 20-го августа овладѣть русской предмостной позиціей — всѣ эти благопріятныя данныя привели ген. Куроки къ выводу, что сраженіе уже выиграно. Утромъ 20-го онъ отдалъ приказъ для преслѣдованія русскихъ до желѣзной дороги; вся армія должна была сдѣлать переходъ впередъ. Бригада Окасаки должна была овладѣть выс. 131 и двинуться на с. Лотатай.

Ген. Окасаки съ Нѣжинской сопки оцѣнивалъ обстановку далеко не такъ радужно. Онъ видѣлъ большія силы; русская артиллерія открыла огонь, число батарей все увеличивалось, а японская, по недостатку снарядовъ, молчала. За ночь артиллерія его дивизіи переѣхала на версту впередъ, къ с. Хванкуфѣнъ, но, дорожа каждымъ снарядомъ, приберегала ихъ на крайній случай. Поэтому

все свое вниманіе ген. Окасаки обратилъ на укрѣпленіе захваченной сопки, выдвинувъ впередъ всего до шести ротъ на отроги высоты 131—не ради преслѣдованія русскихъ, а для обезпеченія своего расположенія съ лѣваго фланга, къ которому отроги высоты 131 образовывали подступъ, позволяющій скрыть приближеніе; отсюда же Нѣжинскую сопку можно было поражать продольнымъ огнемъ. Ген. Окасаки донесъ о невозможности выполнить приказъ о преслѣдованіи.

Когда, около 5 час. утра 20-го августа, стало свѣтать, наше положеніе стало представляться менѣе тяжелымъ: оба фланга 35-й дивизіи—лѣвый уступъ (Зарайскій полкъ), и правый— $1\frac{3}{4}$ батальона Болховскаго полка къ востоку отъ высоты 131—оказались въ полномъ порядкѣ; въ центрѣ, у с. Сахутунъ и западнѣе, находились 11 батал.; наконецъ, мы вновь могли пользоваться могучими услугами 104 пушекъ ген.-лейт. Добржинскаго. Правда, пришлось разыскивать, куда дѣлись за ночь батареи, паркы, зарядные ящики, и открыть огонь удалось только въ 7 час. утра; болѣе энергичный обстрѣлъ начался еще позднѣе, съ 11 час. дня. Такимъ образомъ, первые свѣтлые часы, пока японцы еще не закопались въ землю, остались неиспользованными.

Кромѣ значительныхъ силъ, находившихся въ распоряженіи ген.-лейт. Добржинскаго, 20-го августа на этомъ участкѣ поля сраженія мы могли воспользоваться и свѣжими полками. Сводная бригада ген.-м. Экка—Выборгскій и Чембарскій полки, составлявшая резервъ XVII корпуса, находилась у с. Эрдагоу. Изъ Ляояна подходилъ X армейскій корпусъ (21 батал., 80 орудій, 4 сотни), голова авангарда котораго къ 8 час. утра находилась въ 1 верстѣ недоходя с. Сахутунъ.

Отдавая себѣ точный отчетъ въ необходимости въ районѣ предстоявшихъ рѣшительныхъ дѣйствій сохранить за нами Нѣжинскую сопку, командиръ XVII корпуса, ген.-лейт. Бильдерлингъ, приказалъ ген.-лейт. Добржинскому захватить вновь эту важную позицію; при этомъ послѣдній могъ рассчитывать на помощь бригады ген.-лейт. Экка.

Ген.-ад. Куропаткинъ остановилъ главныя силы X корпуса на привалѣ, а авангарду ген.-м. Васильева (Пензенскій и Козловскій полки, 24 орудія, 3 сотни) приказалъ оказать возможное содѣйствіе правому крылу ген. Добр-

жинскаго, гдѣ японцы, казалось наступали. Въ 2 часа дня на усиленіе ген.-м. Васильева былъ направленъ еще Елецкій полкъ.

Ген. Добржинскій прежде всего принялъ мѣры для обезпеченія своего центра, гдѣ развѣтывалась сильная артиллерія. Съ этой цѣлью онъ ввѣрилъ полковнику Орлову командованіе на участкѣ отъ с. Сахутунъ до р. Тайцзыхэ, гдѣ развернулись 6 батальоновъ. Полк. Орловъ долженъ былъ продвинуться впередъ до «удобной стрѣлковой позиціи». Подъ его прикрытіемъ полк. Истоминъ собиралъ у с. Сахутунъ 7 батал., назначенныхъ для рѣшительной атаки.

Слѣдствіемъ этихъ распоряженій явилась первая атака японскаго расположенія, произведенная послѣ полудня. Въ ней приняли участіе Пензенскій полкъ и 1 батальонъ Козловскаго полка изъ авангарда ген.-м. Васильева, и 7 ротъ Болховскаго полка изъ отряда полк. Орлова; движенія этихъ группъ не были согласованы; 7 ротъ Болховскаго полка, неподдержанныя другими частями, выдвинулись изъ дер. Сахутунъ къ Нѣжинской сопкѣ, вступили въ огневой бой на короткой дистанціи съ японской пѣхотой и, понеся большія потери, отступили. Пензенскій полкъ наступалъ успѣшнѣе. На отрогахъ высоты 131 онъ столкнулся съ выдвинутыми сюда 6 японскими ротами и опрокинулъ ихъ послѣ горячаго боя, что заставило японцевъ загнуть свой лѣвый флангъ.

Всего передъ Нѣжинской сопкой мы развернули 20-го августа 154 орудія, которыя могли разрѣшать свою задачу безъ всякой помѣхи со стороны неприятельской артиллеріи. Управление огнемъ этой массы орудій не было налажено; связи съ пѣхотой не было, такъ что часто приходилось приостанавливать огонь изъ спасенія стрѣльбы по своимъ и пропускать моменты, когда для пѣхоты артиллерійская поддержка была особенно важна.

Во второмъ часу дня командующій арміей указалъ начальнику резерва XVII корпуса, г.-м. Экку, на необходимость поддержать Пензенскій полкъ, что привело къ построенію нашихъ войскъ на правомъ участкѣ въ три линіи: впереди войска ген.-м. Васильева—Пензенцы и Козловцы, къ вечеру и Ельцы; во второй линіи—части полковника Орлова, и въ третьей—ген.-м. Экка. Дистанція

могъ выполнить своей объединяющей задачи и предоставилъ событія ихъ естественному теченію. Правый участокъ, на который командующій арміей двинулъ войска ген.-м. Васильева и ген.-м. Экка, остался безъ связи съ лѣвымъ, гдѣ распоряжалось начальство XVII корпуса. Главныя силы X корпуса такъ и остались стоять въ 7 верстахъ отъ Нѣжинской сопки; но представляется вообще сомнительнымъ, чтобы, получивъ приказаніе въ этотъ поздній часъ, при тяжелыхъ условіяхъ наступленія, главныя силы X корпуса могли еще успѣть принять разумное участіе въ атакѣ Нѣжинской сопки ранѣ утра слѣдующаго дня.

Первоначально предполагалось штурмовать Нѣжинскую сопку въ 5 час. дня; но въслѣдствіе запозданія въ развертываніи войскъ и вялости артиллерійскаго огня, по просьбѣ полковника Истомина, который объединялъ командованіе на лѣвомъ участкѣ атаки, пѣхотная атака была отложена и состоялась лишь около 7 час. вечера.

Правое крыло атаковало въ темнотѣ въ полномъ безпорядкѣ; Выборгскій полкъ овладѣлъ с. Сыквантунъ, но, обстрѣливая оттуда Нѣжинскую сопку, поражалъ своихъ. Одни полки, наступая вслѣдъ за другими, присутствіе которыхъ имъ не было извѣстно, не только стрѣляли по своимъ, но даже бросались въ штыки на свои же части. Многіе солдаты, въ особенности запасные, отстали отъ своихъ частей. Въ нѣкоторыхъ ротахъ Чембарскаго полка разразилась паника. Чтобы привести части въ порядокъ, офицеры отдавали приказаніе оркестрамъ играть; подавались младшими начальниками сигналы «отбой» и «сборъ въ колонну».

Въ результатѣ, главная масса атаковавшихъ частей отхлынула назадъ; но отдѣльныя группы солдатъ со своими офицерами зацѣпились и оставались на скатахъ Нѣжинской сопки, о каковомъ успѣхѣ ген.-м. Васильевъ, подавленный безпорядочнымъ отступленіемъ главной массы, вначалѣ не былъ вовсе освѣдомленъ.

Въ значительно большемъ порядкѣ атаковало лѣвое крыло подъ командой полковника Истомина. Онъ построилъ еще въ 4 часа дня свои 7 батальоновъ такъ, что пять батальоновъ (4—Нѣжинскаго полка и 1—Новоингерманландскаго) развернулись въ одну линію, а 2 батальона

Моршанцевъ образовали резервъ за лѣвымъ флангомъ. Началось утомительное движеніе по гаоляну, прерванное на время возобновленія артиллерійскаго огня. Когда стало уже темнѣть, порядокъ былъ нѣсколько нарушенъ; времени на остановки для приведения въ порядокъ частей уже не оставалось. Послѣдніе 2.000 шаговъ были пройдены безостановочно подъ огнемъ японскихъ стрѣлковъ, открывшихъ оживленный огонь сейчасъ же послѣ прекращенія стрѣльбы нашей артиллеріей (около 7 час. вечера). Строй былъ избранъ тотъ же, какой примѣняли наканунѣ японцы: впереди батальона—роты въ разомкнутомъ строю, за ними резервы—зѣмляками; такое построеніе вынуждалось гаолянномъ.

Въ сумеркахъ, около 7¹/₂ час. вечера, начался штурмъ; резервъ полковника Истомина тоже вошелъ въ боевую часть, заполнивъ образовавшійся прорывъ. Черезъ часть весь западный склонъ сопки находился въ нашихъ рукахъ. На гребнѣ наши цѣпи лежали не въ далекомъ разстояніи отъ японскихъ. Правый флангъ бригады Окасаки, поддержанный I батальономъ 29-го полка изъ армейскаго резерва, прибывшимъ еще засвѣтло, съ трудомъ держался. Когда окончательно стемнѣло, японцы прекратили перестрѣлку, и только залпами въ упоръ, съ нѣсколькихъ шаговъ, встрѣчали наши части, внезапно наталкивавшіяся на ихъ окопы.

Около полуночи г.-м. Васильеву стало извѣстно, что на склонахъ Нѣжинской сопки остались части X корпуса; имѣя въ виду, что на утро X корпусъ долженъ стянуться, чтобы образовать резервъ арміи, г.-м. Васильевъ распорядился объ отходѣ съ Нѣжинской сопки частей подчиненныхъ ему полковъ.

Выполненіе этого приказанія привело къ отступленію съ сопки и частей XVII корпуса; замѣстившій контуженаго полковника Истомина подполковникъ Матовъ, ознакомившись съ содержаніемъ приказанія объ отходѣ частей X корпуса, отвелъ и удерживавшіяся еще на сопкѣ роты Нѣжинскаго и Моршанскаго полковъ.

Участвовавшія въ ночномъ штурмѣ части въ безпорядкѣ собирались у с.с. Сахутунъ и Эрдагоу. Наши потери въ бояхъ за Нѣжинскую сопку достигали 3.392 че-

лов. Заслуживаетъ вниманія, что при взятіи сопки японцы потеряли всего 360 человекъ, а при оборонѣ около тысячи человекъ. Нашъ неуспѣхъ въ этомъ бою имѣлъ огромныя послѣдствія, такъ какъ привелъ ген.-ад. Куропаткина къ рѣшенію отступить отъ Ляояна на сѣверъ, признавъ себя побѣжденнымъ, несмотря на рядъ тактическихъ успѣховъ на лѣвомъ берегу р. Тайцзыхэ и тройное численное превосходство—на правомъ.

Захватъ японцами Нѣжинской сопки и наша контръ-атака являются весьма поучительными, такъ какъ бой велся въ крайне трудныхъ условіяхъ для ориентированія и поддержанія связи. Чѣмъ труднѣе поддерживать въ бою порядокъ въ войскахъ, тѣмъ на него необходимо обращать большее вниманіе. Беспорядочное вступленіе въ бой 20-го августа отряда г.-м. Орлова и частей, дѣйствовавшихъ у Нѣжинской сопки, стоило намъ потери Ляоянскаго сраженія.

Съ этой точки зрѣнія осторожное наступленіе г.-м. Окасаки, вообще крайне энергичнаго, стремительнаго, но обладавшаго лучшимъ тактическимъ глазомѣромъ въ японской арміи, заслуживаетъ особаго вниманія. Полосу въ 4 версты шириной, отдѣлявшую его отъ Нѣжинской сопки, онъ проходитъ въ 15 час. времени, и затѣмъ еще выжидаетъ три часа восхода луны для веденія атаки въ болѣемъ порядкѣ. Было бы заблужденіемъ думать, что японцы обладаютъ какимъ-то особымъ свойствомъ—ориентироваться въ высокихъ гаоляновыхъ поскѣвахъ, котораго нѣтъ у русскихъ. Съ 8 ч. до 11 ч. 30 м. утра Окасаки задерживаетъ наступленіе на дистанціи въ 3.000 шаговъ отъ сопки; отъ 1 ч. до 5 ч.—новая остановка на удаленіи въ 1.500 шаговъ; отъ 7 до 8 — окончательное нацѣливаніе войскъ для ночной атаки, и затѣмъ, три часа, выжиданіе луннаго освѣщенія; опасеніе беспорядка, неразлучнаго съ движеніемъ въ полной темнотѣ, столь значительно, что неиспользуется для рѣшительной атаки успѣхъ внезапнаго огневого нападенія около 8 час. вечера. На трехъ главныхъ рубежахъ наступленія японцы оставались по 3—4 часа, что было вполне достаточно для установленія

связи по фронту, принятія расположенія, допускающаго отраженіе перехода непріятели въ наступленіе и производства детальной ближней развѣдки, предшествующей переходу на слѣдующій рубежъ. При столь длинныхъ остановкахъ, разумѣтся, правильнымъ являлось обращеніе японцевъ къ лопатѣ и устройству окоповъ, особенно, если имѣть въ виду, что сколько нибудь напряженнаго стрѣлковаго боя вести не приходилось.

Какъ будетъ видно изъ описанія штурмовъ Лѣсистой сопки, та же бригада произвела наступленіе и атаку въ полосѣ, глубиной въ 3 версты, въ условіяхъ, требовавшихъ быстроты, всего въ 1 ч. 40 мин. Поэтому было бы ошибочно дѣлать заключенія о томъ, что современныя условія боя непременно требуютъ медленнаго, методическаго наступленія. Но современный бой требуетъ прохожденія подъ огнемъ значительныхъ пространствъ, при чемъ очень часто — по закрытой мѣстности; бригада ген. Окасаки сама уклонилась, во избѣжаніе потерь, отъ болѣе открытаго берега р. Тайцзыхэ въ сплошное море гаоляна къ сѣверу. Также и въ будущихъ бояхъ наступающая пѣхота будетъ особенно охотно пользоваться для наступленія пространствами, заросшими лѣсомъ, кустами, пересѣченными изгоролями, засаженными виноградниками. Наступленіе въ безпорядкѣ не можетъ рассчитывать на успѣхъ; поэтому каждый начальникъ въ бою долженъ прибѣгать къ той степени методичности наступленія, какая требуется, чтобы преодолѣть трудности обстановки и нанести противнику мощный ударъ.

Еще болѣе трудныя условія поддержанія порядка создались для нашей контръ-атаки, такъ какъ на полѣ сраженія послѣ полудня начали прибывать новыя части, не снабженныя удовлетворительными планами, не ориентированныя въ положеніи ведущихъ бой войскъ, скрывааемыхъ гаоляновыми посѣвами. Изъ гаоляна возвышается Нѣжинская сопка, къ которой естественно тяготеютъ усилія войскъ, и, такимъ образомъ, сразу намѣчается атака по концентрическимъ направленіямъ, въ которой части легко сталкиваются и перемѣшиваются. Однако, мы не только не принимаемъ особыхъ мѣръ для веденія наступленія въ порядкѣ, но и нарушаемъ основное тре-

бованіе для поддержанія такового—не объединяемъ командованія на правомъ участкѣ поля сраженія.

Намъ приходилось атаковать сопку, обороняемую 8 японскими батальонами; лѣвый участокъ — полковника Истомина образовывался всего 7 батальонами, притомъ утомленными уже 36-ти часовымъ боемъ, морально ослабленными предшествовавшей ночной неудачей; на правомъ участкѣ у ген. Васильева и Эка, съ частями 35-й дивизіи, имѣлось 20 батал., притомъ большей частью совершенно свѣжихъ. И все же 7 усталыхъ батальоновъ лѣваго крыла развиваютъ гораздо болѣе сильный натискъ, чѣмъ 20 свѣжихъ батальоновъ на правомъ флангѣ. Въ окончательномъ результатѣ, неуспѣхъ праваго крыла увлекаетъ за собой назадъ и лѣвое. Въ общемъ, порывистое вступленіе въ бой X корпуса — общаго резерва, несмотря на первоначальный успѣхъ Пензенскаго полка, сбившаго японцевъ съ передовой позиціи — скорѣе помѣшало, чѣмъ помогло XVII корпусу разрѣшить свою задачу.

Даже выѣздъ батарей X корпуса не являлся необходимымъ, такъ какъ достаточно было установить правильный притокъ снарядовъ къ 104 пушкамъ ген.-лейт. Добржинскаго, не встрѣчавшимъ противодѣйствія непріятельской артиллеріи, чтобы обезпечить надлежащее напряженіе огня; гораздо важнѣе для успѣха артиллерійской стрѣльбы было бы отсутствіе на полѣ сраженія пѣхотныхъ частей, не связанныхъ съ артиллеріей. Вслѣдствіе же слуховъ о томъ, что Пензенскій полкъ уже вблизи Нѣжинской сопки, и опасенія стрѣлять по своимъ, многія батареи почти не открывали огня.

Что же привело къ столь плачевнымъ результатамъ вступленія въ бой за Нѣжинскую сопку нашего общаго резерва?

Включеніе среди боя въ боевые участки новыхъ крупныхъ частей, съ новымъ начальствомъ, неизбѣжно связано со значительными невыгодами. Приходится или перекраивать въ самыя горячія минуты боевые участки и связанныя съ ними боевыя задачи, или дробить подошедшій резервъ по небольшимъ частямъ и затыкать ими образовавшіяся щели, какъ то сдѣлали съ 5-й В.-С. стр. дивизіей на Маѣтуньской позиціи; первый способъ ведетъ къ круп-

нымъ недоразумѣніямъ, второй—къ достиженію лишь малыхъ цѣлей. Несравненно выгоднѣе складываются условія, если общій резервъ развертывается на новомъ участкѣ, на флангѣ боевой части. Помощь съ фланга, успѣхъ, одержанный на новомъ участкѣ, и переносъ на него активными усиліями резерва центра тяжести борьбы—все это надежнѣе облегчитъ положеніе боевой части, чѣмъ одно подпираніе ея сзади. Какъ наступленіе Барнаульцевъ сразу же облегчило положеніе I Сиб. корпуса на Маѣтуньской позиціи, такъ и ударъ X корпуса въ районѣ къ сѣверу отъ Нѣжинской сопки легче всего разрѣшилъ бы кризисъ на фронтѣ XVII корпуса.

На X корпусъ, во второй періодъ Ляоянскаго сраженія, возлагались двѣ послѣдовательныя задачи: сначала—подтолкнуть XVII корпусъ, затѣмъ, не развивая этого удара, самостоятельно выступить на сѣверномъ направленіи. Постановка двухъ задачъ крупнымъ частямъ еще болѣе вредна, чѣмъ малымъ частямъ. Развертываніе и толковое вступленіе въ бой—обращеніе грузной походной колонны въ могучіе боевые тиски—столь трудная и мѣшкотная операція, поглощающая столько моральной и физической энергіи войскъ, что развернутый резервъ долженъ всегда, за исключеніемъ рѣшеннаго уже отступленія, напрягать въ бою всѣ свои силы, а не сохранять ихъ для новаго боя. Выводъ частей изъ боя для образованія вновь резерва, являющійся наиболѣе характернымъ въ способѣ управленія войсками въ бою ген.-ад. Куропаткина, часто смягчалъ неудачи, но исключалъ и побѣду, дозволяя войскамъ развить лишь небольшую степень упорства въ достиженіи поставленной задачи. Если бы X корпусъ поддержалъ XVII корпусъ безъ оглядки на иную предстоящую ему на завтра задачу, результаты были бы несомнѣнно лучше.

По оборонѣ нами Нѣжинской сопки можно сдѣлать слѣдующія замѣчанія: выдвигеніе къ с. Хванкуфэнъ 6 ротъ хотя и не задержало наступленія японцевъ 20 августа, но стѣснило развертываніе ихъ артиллеріи. Могушественная артиллерія наша при оборонительномъ способѣ дѣйствія не можетъ быть такъ использована, какъ при наступленіи, когда непріятельскую пѣхоту можно вынудить

занять известный рубежъ; снятіе артиллеріи на ночь съ позиціи и уводъ ея въ тылъ представляетъ нежелательное явленіе, такъ какъ возбуждаетъ сомнѣніе пѣхоты въ необходимости удержанія во что бы то ни стало занятыхъ позицій. Частный резервъ Нѣжинскаго полка не охраняетъ себя съ фланга и неожиданно попадаетъ, съ 600 шаговъ, подъ огонь японцевъ; расположеніе въ резервѣ не освобождаетъ пѣхотныхъ начальниковъ всѣхъ степеней отъ принятія дѣйствительныхъ мѣръ для предупрежденія не только внезапной атаки противника холоднымъ оружіемъ, но и отъ внезапнаго огневого нападенія. Наконецъ, значеніе Нѣжинской сопки требовало расходованія для ея обороны всѣхъ резервовъ 35-й дивизіи, включая фланговые уступы, на что, при заблаговременной рекогносцировкѣ подступовъ, продолжительность боя за сопку давала полную возможность.

Организація атаки, при поддержкѣ XVII корпуса, могла покоиться на слѣдующихъ основаніяхъ: возможно заблаговременное рѣшеніе, какія силы двинуть на поддержку XVII корпусу, и одновременная передача ихъ въ распоряженіе командира послѣдняго; личное представленіе старшихъ начальниковъ X корпуса командиру XVII корпуса; направленіе послѣднимъ главныхъ силъ X корпуса на участокъ Зарайскаго полка, съ подчиненіемъ послѣдняго X корпусу. Направленіе на отроги высоты 131 резерва XVII корпуса—бригады г.-м. Экка, съ подчиненіемъ послѣднему и находящихся тамъ частей 35-й дивизіи. Нацѣливаніе наступленія не по сходящимся направленіямъ на вершину сопки, а на фронтъ достаточной ширины—не менѣе трехъ верстъ отъ с. Сыквантунъ къ сѣверу, при чемъ на X корпусъ ложится задача—глубокаго охвата сопки. Артиллерія должна быть выставлена возможно раньше; широкое примѣненіе открытыхъ позицій, выѣздъ на ближнія дистанціи для облегченія связи съ пѣхотой; методическое продвиженіе на всемъ фронтѣ пѣхоты съ утра на такую дистанцію, которая бы вынудила противника вступить въ стрѣлковый бой и подставить себя огню нашей артиллеріи; подчиненіе артиллеріи начальникамъ участковъ, чтобы на каждомъ участкѣ имѣть одного хозяина для обезпеченія взаимодействія артиллерійскаго

огня и наступленія пѣхоты. Пораженіе продольнымъ артиллерійскимъ огнемъ Нѣжинской сошки и ея тыла съ отроговъ высоты 131. Стремленіе закончить атаку днемъ, чтобы использовать превосходство въ артиллеріи; вступленіе въ бой запаздывающихъ частей X корпуса лучше отложить на 21 августа, чѣмъ задерживать общую атаку, требующую значительнаго времени; предпочтеніе атаки меньшими силами, въ порядкѣ, скомканному наступленію большихъ массъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Охватъ праваго фланга III Сибирскаго корпуса въ бою подъ Ляндясанемъ.

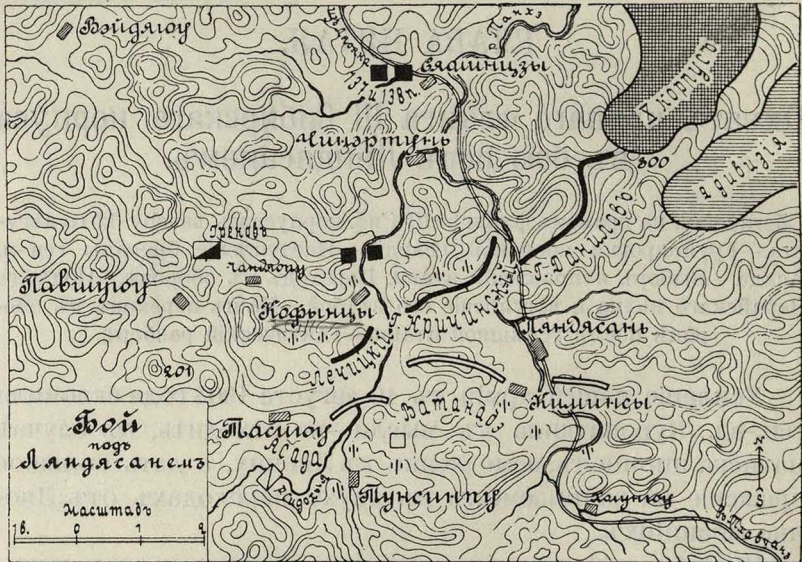
Обстановка на правомъ флангѣ III Сиб. корпуса къ вечеру 12-го августа.—Группировка японской гвардіи.—Наступленіе бригады ген.-м. Асада.—Выборъ направленія атаки. Переходъ къ оборонѣ.—Подходъ Зарайскаго полка и вступленіе его въ бой.—Нашъ переходъ къ оборонѣ послѣ успѣшной атаки.—Тактическій разборъ.

Усиленіе нашей арміи къ 10 августа 1904 года склонило ген.-ад. Куропаткина къ мысли—не отходить, въ случаѣ натиска японцевъ, немедленно къ Ляояну, а дать большое сраженіе на занимаемыхъ въ двухъ переходахъ отъ Ляояна позиціяхъ.

III Сибирскій корпусъ занималъ Ляндясаньскую позицію, протяженіемъ 10 верстъ; боевую часть составляла 6-я В.-С. стр. дивизія; 3-я В.-С. стр. дивизія составляла резервъ. Непосредственно къ лѣвому крылу корпуса примыкала позиція X корпуса. Правое крыло, образованное 24-мъ В.-С. стрѣлк. полковъ съ 24 п. оруд., подъ начальствомъ полковника Лечицкаго, оставалось открытымъ; еще правѣе находилась южная группа (I и IV Сиб. корпуса), но ихъ отдѣлялъ отъ III Сибирскаго корпуса интервалъ въ 1 переходъ. Въ резервъ за Восточнымъ фронтомъ находился XVII корпусъ, командиръ котораго объединялъ командованіе III Сиб., X и XVII армейск. корпусами.

Ошибочно рисовавшія обстановку донесенія конницы приводили насъ къ предположенію, что на правый флангъ III Сиб. корпуса можетъ выйти вся IV японская армія.

Въ предвидѣніи охвата, главная группа резерва III Сиб. корпуса — 3 полка располагались въ долину р. Сидохья, ближе къ правому флангу корпуса. Для своевременнаго же обнаруженія угрозы правому флангу въ долину р. Сидохья, къ с. Тунсинпу, былъ выдвинутъ отрядъ полковника Дружинина — $1\frac{1}{2}$ батал. и 2 (потомъ $3\frac{1}{2}$) сотни, служившій опорой отряду г.-м. Митроф. Грекова (1 батал., 12 сот., 4 ор.), выдвинутому еще выше по рѣкѣ.

№ 27.

10-го августа армія Куроки получила задачу — атаковать нашу Восточную группу. Главная атака намѣчалась 13-го августа на X корпусъ, а демонстративную атаку должна была вести гвардейская дивизія на чувствительный пунктъ нашего Восточнаго фронта — правый флангъ III Сиб. корпуса. Такъ какъ въ пересѣченномъ крутыми горами районѣ направленія главнаго удара полевая артиллерія и конница не могли принести существеннаго содѣйствія, то гвардейская дивизія была усилена 3 батареями и 2 эскадронами, что довело ея составъ до 12 батал., 60 оруд., 5 эск. Къ вечеру 12-го августа 2-я гвард. бригада располагалась противъ фронта и праваго крыла III Сиб. корпуса, на фронтѣ Ляндысань-Тасинтунь, а 1-я бригада

сосредоточилась на высотахъ праваго берега р. Сидохья, между с.с. Тасинтунь и Тусинпу.

Генер. Грековъ отвелъ свой отрядъ за позицію полк. Лечицкаго, къ с. Чандяоу. Отрядъ полк. Дружинина, ночевавшій у с. Павшугоу, утромъ 13-го августа долженъ былъ продолжить правый флангъ корпуса, на высотахъ сѣвернѣе с. Тасигоу. Съ той же цѣлью ген.-лейт. Ивановъ, командиръ III Сибирскаго корпуса, рано утромъ 13 августа выдвинулъ изъ своего резерва 3 батал. подъ начальствомъ г.-м. Столица, непосредственно правѣе участка полк. Лечицкаго. Начальникъ же Восточной группы генер. отъ кав. бар. Бильдерлингъ вечеромъ 12-го августа, въ предвидѣніи предстоящаго на завтра боя, двинулъ 35-ю дивизію на помощь III Сиб. корпусу. Правая колонна 35-й дивизіи, 140-й Зарайскій полкъ, 8 ор. и 1 эск., подъ начальствомъ полк. Мартынова, выступивъ въ 12 час. ночи изъ с. Цофантунь (на Ляоянскихъ «передовыхъ» позиціяхъ), къ 6 час. утра подошла къ с. Вѣйдяоу, и должна была слѣдовать далѣе на с. Кофынцы. Объединеніе всѣхъ боевыхъ дѣйствій на правомъ крылѣ было возложено на г.-м. Кашталинскаго.

Японская гвардейская дивизія приняла на 13 августа слѣдующую группировку: 2-я бригада ген. Ватанабэ (5 батал., 12 оруд., $\frac{1}{4}$ эск.)—образовывала заслонъ противъ фронта III Сиб. корпуса между р.р. Сидохья и Танхэ; 1-я бригада ген. Асада (6 батал., $\frac{1}{4}$ эск.) должна была атаковать участокъ полк. Лечицкаго, съ охватомъ его праваго фланга; главная масса артиллеріи — 42 оруд. — поддерживала его атаку съ высотъ у с. Тунсинпу; въ резервѣ оставался 1 батал., $\frac{1}{2}$ эск. — также у с. Тунсинпу. 4 эскадрона конницы освѣщали районъ передъ лѣвымъ флангомъ и устанавливали связь съ IV арміей.

Командиръ 1-й бригады ген.-м. Асада располагалъ данными о сильномъ укрѣпленіи высотъ южнѣе с. Кофынцы, о нѣкоторомъ удлиненіи русскаго праваго фланга и присутствіи къ сѣверу отъ с. Тасигоу многочисленной конницы съ конной артиллеріей. Распоряженія его на 13-е августа указывали:

1-му полку (I и III батальоны) выступить въ 3 часа утра, слѣдовать на западъ, и, выйдя южнѣе с. Тасигоу,

атаковать высоты южнее с. Чандяопу; 2-му полку — выступить в 4 часа утра, следовать восточнее с. Тасигоу и атаковать высоту 110, оставив батальон на высотах южнее с. Тасинтунь для связи с 1-й бригадой. Бригадный резерв — 2-й батал. 1-го полка — наступает за левым крылом. Таким образом, имея в виду перемный фронт на северо-восток, ген. Асада высылал свой левый участок часом раньше и держал к ним свой резерв.

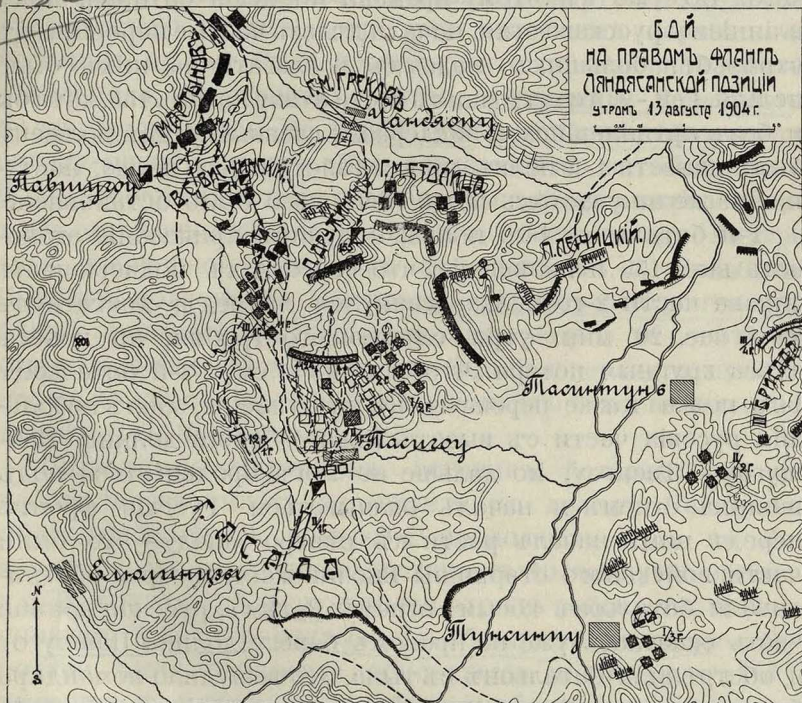
1-й полк, наступая в одной колонне, у с. Тасигоу встретил в четвертом часу утра заставы, выставленные полк. Дружининым и ген. Грековым. Находившаяся на пути движения застава была сейчас же сбита, но казачий взвод с гребня, что на 1.200 шагов западнее с. Тасигоу, обстреливал наступление 1-го полка с фланга. Выяснив, что для беспрепятственного наступления по высотам восточнее долины с.с. Тасигоу — Павшугоу необходимо иметь боковой отряд на высотах западнее той же долины, командир 1 полка выслал туда 12-ю роту. 1-й батальон, выждав успеха наступления 12-й роты, потребовавшего много времени, продолжал движение; уже при столкновении с заставой разсыпавшуюся головную роту пришлось поддержать другой. В восьмом часу утра, на высоте 124, он был встречен более серьезным ружейным огнем, и окопался; все 4 роты развернулись в одну линию.

3-й батал. 1-го полка, следовавший за первым, свернул влево и, охватывая позицию отряда полк. Дружинина, слился с 12-й ротой — боковым отрядом.

2-й гвардейский полк в шестом часу утра втянулся в лощину западнее с. Тасигоу, при чем его движение прикрывали: головной отряд — 1 рота, выдвинувшаяся на седловину у начала лощины, и боковой отряд — 2 роты, двигавшиеся правее по гребню. Развернувшись в 6 час. 30 мин. вдоль лощины, с перемной фронта на северо-восток, 2-й гвардейский полк перешел через 1-й гребень, под ружейным огнем; русская артиллерия, встретившая его было метким огнем с $1\frac{1}{2}$ верст, принуждена была вступить в борьбу с японскими батареями у с. Тусинпу. К 8 час. цепи полка заняли гре-

бень въ 1000 шагахъ отъ окоповъ праваго фланга полк. Лечицкаго и завязали горячую перестрѣлку.

Ген.-м. Асада, прибывшій въ восьмомъ часу на позиціи 1 батал. 1-го полка, имѣя въ виду развертываніе своей бригады на два фронта, долженъ былъ оцѣнить, какое направленіе — сѣверное или сѣверо-западное — представляется болѣе выгоднымъ для нанесенія удара. Одновремен-

№ 28.

ное наступленіе обоихъ полковъ по расходящимся направленіямъ привело бы къ разрыву и потерѣ связи, и при слабыхъ силахъ японской бригады являлось нежелательнымъ.

Глубокая лощина передъ правымъ флангомъ полк. Лечицкаго обрисовывала сильную позицію; на гребнѣ были устроены окопы и, повидимому, сильно заняты. На сѣверномъ направленіи, на высотѣ 155, виднѣлся батальонъ — это былъ отрядъ полк. Дружинина, занимавшій позицію случайнаго характера и не успѣвшій еще окопаться; за

нимъ имѣлась, повидимому, горная батарея (изъ отряда ген.-м. Грекова); небольшія русскія части занимали, повидимому, сѣверный берегъ долины Павшугоу.

Въ пользу направления удара на участокъ полк. Лечицкаго говорила возможность, въ такомъ случаѣ, получить поддержку со стороны 42 орудій у с. Тунсинпу, которыя могли афилировать загнутый флангъ полк. Лечицкаго. Но уже къ этому времени японскія батареи, подъ влияніемъ русскаго огня, начали дѣлать частые перерывы въ стрѣльбѣ; большихъ надеждъ возлагать на нихъ было нельзя. Ген.-м. Асада рѣшилъ вести атаку на выс. 155, хотя бы и безъ артиллерійской поддержки; главный ударъ долженъ былъ нанести 1-й полкъ, при содѣйствіи 2-го полка; наступленіе же на участокъ полк. Лечицкаго было остановлено.

1-й батальонъ 1-го полка, получивъ приказаніе атаковать выс. 155 и извѣщеніе, что его будутъ поддерживать справа части 2-го полка, двинулся впередъ, достигнулъ въ 8 час. 20 мин. утра слѣдующаго гребня, но понесъ здѣсь крупныя потери. Чтобы помочь ему, 3-й батальонъ 1-го полка также перешелъ въ наступленіе, сбиль небольшія русскія части съ высотъ лѣваго берега долины Павшугоу — Тасигоу, но дальше не могъ продвигаться подъ нашимъ огнемъ и началъ окапываться. Русскій фронтъ передъ нимъ началъ расти къ сѣверо-западу—это были части войскового старшины Висчинскаго, которые обстрѣливали батальонъ косымъ огнемъ. Затѣмъ, русская конная часть оказалась уже на правомъ берегу долины Павшугоу и обстрѣляла батальонъ съ тыла. Это вынудило командира батальона роту батальоннаго резерва повернуть кругомъ и двинуть на правый берегъ долины.

Поддержанный одной ротой бригаднаго резерва, 1-й бат. 1-го полка сдѣлалъ новую неуспѣшную попытку овладѣть высотой 155. Неудачный оборотъ боя заставилъ ген. Асада въ 9 час. 15 мин. утра обратиться къ начальнику дивизіи съ просьбой о содѣйствіи и задержать вступленіе въ бой послѣднихъ 3 ротъ своего резерва. Японская бригада временно застыла, съ поданнымъ впередъ лѣвымъ флангомъ.

Тогда какъ отряды полк. Дружинина и ген.-м. Столицы, тѣсно примыкая другъ къ другу, но безъ всякой связи между собой, задерживали наступленіе бригады

ген. Асады, г.-м. Грековъ отвелъ свой отрядъ еще на 2 версты къ сѣверо-западу отъ с. Чандяоу, выславъ на высоты западнѣе с. Павшугоу только небольшой отрядъ войск. старш. Висчинскаго (1 рота, 2 сотни, 1 ох. ком.). Около 6 час. утра командиръ Зарайскаго полка получилъ, въ личномъ разговорѣ, отъ г.-м. Грекова свѣдѣнія объ охватѣ японцами нашего лѣваго фланга. Хотя въ письменномъ приказаніи полковнику Мартынову указывался только пунктъ, куда ему надлежитъ перейти—с. Кофынцы, но ему было извѣстно, что, по основной мысли начальника Восточной группы, назначеніе Зарайскаго полка заключалось въ томъ, чтобы противодѣйствовать охвату нашего фланга. При создавшейся же обстановкѣ было несравненно выгоднѣе бороться съ японскимъ охватомъ, держась внѣ нашего фланга, чѣмъ заходя внутрь дуги, очерченной японскимъ фронтомъ, къ с. Кофынцы. Поэтому, полковникъ Мартыновъ рѣшилъ отступить отъ буквы приказанія и исполнить свою задачу въ соответствии съ основной мыслью ген. бар. Бильдерлинга, примѣнительно къ создавшейся обстановкѣ, о чемъ немедленно донесъ г.-м. Кашталинскому.

Полковникъ Мартыновъ, оставивъ батарею, оказавшуюся не въ силахъ перевалить въ долину Павшугоу, подъ прикрытіемъ полуроты продолжать путь на Кофынцы, свернулъ вправо, достигъ къ 10 час. утра высоту у с. Павшугоу, гдѣ располагался отрядъ войск. старш. Висчинскаго и откуда открывался обширный кругозоръ. Короткая рекогносцировка обнаружила японскую пѣхоту, лежащую флангомъ къ Зарайскому полку, на сопкахъ восточнѣе долины; небольшія части находились въ самой долинѣ; артиллеріи не было. Зарайскій полкъ тѣмъ временемъ стягивался совершенно укрыто въ резервный порядокъ.

Благопріятно сложившаяся обстановка привела полковника Мартынова къ рѣшенію—немедленно же нанести ударъ лѣвому флангу японцевъ. I батальонъ долженъ былъ наступать по западному берегу долины с. Павшугоу—Тасигоу, III батал. въ центрѣ, по восточному берегу, IV—еще лѣвѣе, по горамъ, и за нимъ II батальонъ—полковой резервъ. Пѣшіе охотники наступали горами западнѣе долины; конно-охотничья команда направлялась на раз-

вѣдку на с. Елюлинцзы, эскадронъ—оставленъ въ с. Павшугоу.

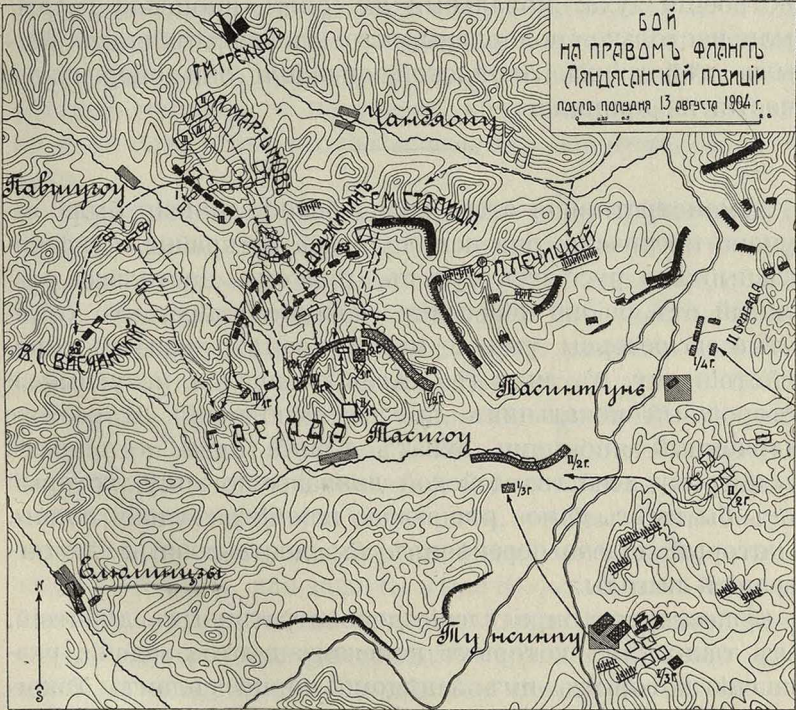
Зарайскій полкъ развернулся къ 12 час. дня и перешелъ въ наступленіе. III батальонъ 1-го гв. полка былъ сбитъ немедленно съ потерей половины его состава. Около 1 часа дня Зарайцы выдвинулись на одну линію съ полк. Дружининымъ, который также двинулся впередъ. Еще лѣвѣ наступалъ подп. Амилахори (2 полуроты изъ отряда г.-м. Столицы), а правѣ Зарайцевъ, на высоту 201, двигался войск. старш. Висчинскій.

Тогда какъ крайній лѣвый флангъ бригады ген. Асады въ безпорядкѣ отступалъ въ долину Тасигоу, остальные части осадили въ то положеніе, которое занимали въ 8 час. утра. Остатки бригаднаго резерва влились въ цѣпь. Дивизионный резервъ и II батал. 2-го полка, оставленный для связи съ 1-й бригадой, всего 2 батальона, могли dospѣть только къ 4 час. дня. Къ вечеру гвардейская дивизія могла получить подкрѣпленіе лишь въ составѣ одного резервнаго полка. Положеніе дивизіи становилось критическимъ, и при общемъ переходѣ русскихъ въ наступленіе грозило полнымъ погромомъ. 32 оруд., дѣйствовавшія на правомъ крылѣ Восточнаго отряда, безусловно торжествовали надъ 48 японскими орудіями у с. Тунсинпу. Чтобы выгадать время, начальникъ гвардейской дивизіи приказалъ 2-й бригадѣ произвести ложную атаку на фронтъ участка полковника Лечицкаго. Хотя при этомъ 2 японскихъ батальона понесли значительныя потери отъ артиллерійскаго огня, но цѣль была достигнута—наше высшее управленіе было занято здѣсь до 5 час. вечера, когда разразилась гроза, прекратившая боевыя дѣйствія, и даже направило сюда 138-й Болховскій полкъ, половину котораго ген. Кашталинскій направилъ на поддержку полковника Лечицкаго, а половину—къ г.-м. Столицѣ. Переходъ нашъ въ наступленіе, начатый такъ успѣшно всецѣло по инициативѣ частныхъ начальниковъ, сравнительно скоро заглохъ.

Около 2 часовъ дня полковникъ Мартыновъ получилъ отъ начальника конно-охотничьей команды донесеніе, что у с. Елюлинцзы собирается японская пѣхота, сѣвернѣе же ея, въ долинѣ, стоитъ кавалерійскій полкъ. На самомъ

дѣлѣ тамъ находились 2 японскихъ эскадрона, освѣщавшіе лѣвый флангъ японской гвардіи, и, можетъ быть, одна рота. Это донесеніе, съ преувеличенными о японцахъ свѣдѣніями, относилось, однако, къ столь важному направленію, что произвело крайне охлаждающее впечатлѣніе на полк. Мартынова. Перспектива перехода изъ положенія охватывающаго въ положеніе охватываемаго пред-

№ 29.

ставлялась далеко не соблазнительной, что заставило Зарайскій полкъ отказаться отъ дальнѣйшаго развитія успѣха и перейти къ оборонѣ. III и половина I батальона Зарайскаго полка были оттянуты на высоты восточнаго берега долины Павшугу, II и IV батальоны остались въ соприкосновеніи съ бригадой Асады, а 2 роты I батальона, увлеченныя преслѣдованіемъ, прошли до высотъ, командующихъ долиной Тасигу.

Въ очерченномъ бою мы потеряли 430 человекъ, японцы—около 1000. Всего съ нашей стороны сражались 11 батальоновъ противъ 9 японскихъ¹⁾. Около полуночи, вслѣдствіе неудачи X корпуса, ген.-ад. Куропаткинъ отдалъ приказъ объ отступленіи на «передовыя» Ляоянскія позиціи. Однако нашъ успѣхъ здѣсь не пропалъ даромъ: III Сиб. корпусъ могъ выполнить отступленіе безъ потерь и занялъ Ляоянскія позиціи въ повышенномъ настроеніи духа; моральныя же силы японской гвардіи были настолько подорваны, что въ дальнѣйшихъ боевыхъ дѣйствіяхъ Ляоянской операціи она энергичнаго участія не приняла.

Демонстративная атака гвардейской дивизіи была задумана прекрасно: она направлялась на крайне чувствительный для русскихъ пунктъ, притомъ настолько удаленный отъ района нанесенія главнаго удара, что оттянутые ею резервы уже не могли поспѣть для противодействия ему. Въ лицѣ ген. Асады нашелся искусный и осторожный начальникъ для ея выполненія. И все же задуманный японцами охватъ фланга едва не привелъ къ погрому всей гвардейской дивизіи—погрому, который могъ бы имѣть самое рѣшающее вліяніе на судьбу войны, и который далеко перевѣсилъ бы доставленныя демонстраціей выгоды.

Существуетъ опредѣленіе демонстративныхъ дѣйствій, какъ такихъ, въ которыхъ войскамъ даются задачи, разрѣшеніе которыхъ имъ завѣдомо не по силамъ. Такою завѣдомо непосильной для гвардейской дивизіи задачей являлась атака въ охватъ праваго фланга III Сиб. корпуса. Расчитывая на нашу пассивность, японское управленіе въ теченіе войны часто ставило войскамъ—въ крупномъ и мелкомъ масштабѣ—демонстративныя задачи. Бой подъ Ляндясанемъ показываетъ опасность такого метода, который грозитъ полной неудачей при энергичномъ противодействіи. Современныя средства воздушной раз-

¹⁾ Не считая Болховскаго полка и учитывая три принявшихъ участіе въ вечернемъ наступленіи батальона 2-й гв. бригады.

вѣдки ограничить еще болѣе сферу примѣненія демонстрацій.

При выполненіи японцами охвата поучительно выдвигеніе уступомъ впередъ, на часъ времени, заходящаго фланга; правильнымъ является отказъ г.-м. Асады отъ атаки полк. Лечицкаго и переносъ активныхъ дѣйствій на сѣверное направленіе. Но обезпеченіе операціи съ лѣваго фланга хромало съ самаго начала. Японская конница, хотя и собранная на флангъ гвардейской дивизіи въ достаточныхъ силахъ (4 эскадрона), напугана, повидимому, слухами о нахожденіи передъ ней большой массы русской конницы, и не только не выдвигается впередъ, но и не слѣдуетъ за охватывающимъ флангомъ своей пѣхоты.

Упущеніе въ работѣ конницы не было возмѣщено соотвѣтственной группировкой японскихъ войскъ. Имѣя свѣдѣнія о сильной конницѣ русскихъ, ген. Асада долженъ былъ бы ожидать покушеній на свой флангъ и тылъ, все болѣе обнажаемые по мѣрѣ развитія охвата и захожденія лѣвымъ плечомъ. Прикрытіе лѣваго фланга требовало, при отсутствіи конницы, выдѣленія бокового отряда въ цѣлый батальонъ. Необходимость такого бокового отряда почувствовалась въ бою дважды—при выдѣленіи раннимъ утромъ 12-ой роты, чтобы сбить заставу казаковъ, обстрѣливавшую японцевъ во флангъ, и позднѣе—11-й роты, для защиты тыла III батальона 1-го полка; наконецъ, въ рѣшающія минуты удара Зарайцевъ отсутствіе бокового прикрывающаго отряда поставило японцевъ въ совершенно беззащитное положеніе.

Успѣхъ дѣйствій казачьихъ взводовъ на флангъ японскаго наступленія, задерживавшихъ его и отвлекавшихъ вниманіе японскаго управленія въ сторону и назадъ отъ важнѣйшаго направленія, показываетъ, что тамъ, а не въ тылу пѣхоты, было мѣсто всей конницѣ г.-м. Митрофана Грекова. Отсутствіе участія ея главныхъ силъ въ общемъ переходѣ въ наступленіе нашего праваго фланга также сказалось весьма невыгодно. При отсутствіи полнаго освѣщенія района, прилегающаго къ флангу, крайнему пѣхотному уступу поневолѣ приходится принимать оборонительную роль бокового заслона. Такъ оборонительно дер-

жалась 4-я японская дивизія на лѣвомъ флангѣ въ теченіе всего Ляоянскаго сраженія, и къ той же оборонѣ пришелъ полковникъ Мартыновъ послѣ первыхъ же шаговъ наступленія. Увѣренный и энергичный охватъ непріятельскаго фланга безъ содѣйствія конницы крайне трудно осуществимъ.

Японскій охватъ слѣдовало бы вести большими силами; между тѣмъ, даже изъ 12 батал. гвардейской дивизіи для рѣшительной атаки назначается только 5 батал.; 5 бат. остаются для поддержки связи и прикрытія своихъ сообщений, и 2 батал. удерживаются далеко позади въ резервѣ. Болѣе энергичному сосредоточенію японскихъ силъ противъ нашего фланга мѣшала забота объ ихъ собственныхъ сообщеніяхъ, отходившихъ въ другомъ направленіи и требовавшихъ независимаго отъ охватывающихъ частей заслона. Во всякомъ случаѣ, японцы могли удѣлить этой пассивной задачѣ меньше силъ и вниманія, чѣмъ активной—охвату. Помимо малой вѣроятности нашего перехода въ наступленіе съ фронта укрѣпленной позиціи, неуспѣхъ на правомъ флангѣ и потеря связи съ арміей Куроки не ставили гвардейскую дивизию во время охвата въ безвыходное положеніе, такъ какъ она вступала въ полную связь съ арміей Нодзу, наступавшей западнѣе.

Надо указать на одно обстоятельство, заранѣе произносившее приговоръ надъ предпринятымъ ген. Асада маневромъ, даже если бы полковникъ Мартыновъ не проявилъ столь блестяще личной инициативы: III Сиб. корпусъ не былъ занятъ боемъ на фронтѣ; резервы его не были скованы; атака на фронтѣ началась лишь вечеромъ, для того, чтобы замаскировать пораженіе лѣваго крыла. Позади тонкой линіи занимавшихъ фронтъ войскъ резервы русскихъ могли переливаться въ нужномъ направленіи. Можно обходить и охватывать твердо пригвожденныя точки, но не свободно движущіяся. А III Сиб. корпусъ былъ свободенъ, такъ какъ боя на фронтѣ не было, и ген. Асада могъ заранѣе предвидѣть, что по мѣрѣ его охвата русское правое крыло будетъ удлиняться. Охватъ фланга, безъ боя на фронтѣ,—это погоня за химерой. Нашъ ударъ на японскій флангъ, несмотря на то,

что японцы могли предчувствовать его за 3—4 часа, со времени появления на полѣ боя отряда войск. старш. Висчинскаго, попалъ точно въ цѣль, такъ какъ бригада ген. Асада была вся связана боемъ на ея фронтъ — съ ген. Столицей и полк. Дружининымъ и Лечицкимъ, была пригвождена къ своимъ позиціямъ. Окопы, которые успѣлъ вырыть III батальонъ 1-го полка подъ нашимъ огнемъ, обращенные флангомъ къ с. Павшугоу, являлись символомъ достаточной фронтальной подготовки удара Зарайцевъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

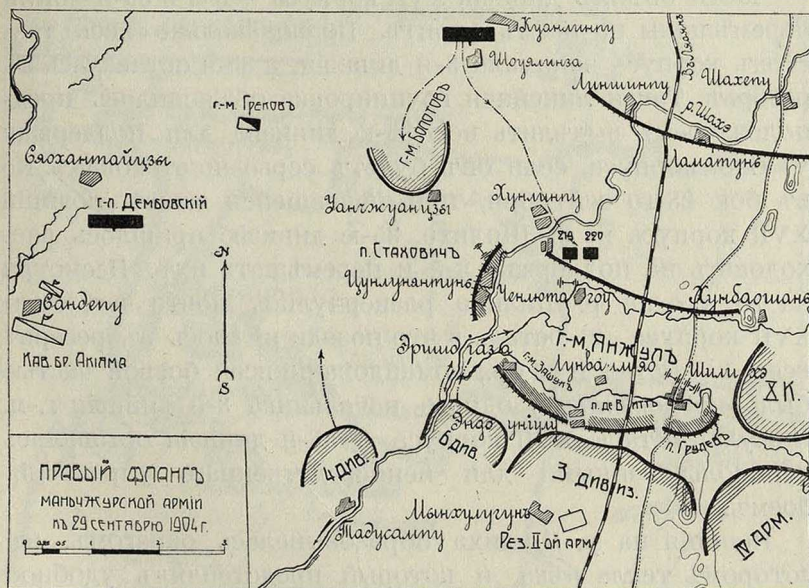
Схватъ праваго фланга XVII корпуса въ бою 29 сентября на р. Шилихэ.

Мѣры для охраны праваго фланга Западнаго отряда.—Позиція XVII корпуса на р. Шилихэ.—Наступленіе арміи Оку.—Наша контръ-атака послѣ полудня.—Дѣйствія полк. Стаховича и частей VI Сиб. корпуса.—Тактический разборъ.

Во время нашего сентябрьскаго наступленія XVII корпусъ образовывалъ правое крыло Западнаго отряда, имѣвшаго оборонительную задачу—составить заслонъ противъ японскаго фронта въ періодъ нанесенія удара Восточнымъ отрядомъ. 28-го сентября корпусъ занималъ позицію, носившую названіе авангардной, протяженіемъ до 7 верстъ, вдоль р. Шилихэ, отъ с. Шилихэ до с. Эршидіаза включительно. Сторожевое охраненіе корпуса появилось на этой позиціи уже 23-го сентября; такимъ образомъ времени для укрѣпленія ея было достаточно. Непосредственно лѣвѣе примыкало расположеніе X корпуса. Въ тылу имѣлись двѣ укрѣпленныя позиціи: первая, называвшаяся «главной»—вдоль ручья, протекающаго черезъ с.с. Хунбаошань—Ченлютангоу, и вторая—на линіи с.с. Линшинту—Ламатунь.

Правый флангъ XVII корпуса признавался особенно угрожаемымъ, и для обезпеченія его былъ принятъ рядъ мѣръ. Командиръ корпуса выдѣлилъ особый правый боковой отрядъ полковника Стаховича, силой 3 батал., 10 ор., 5 эскадр. Отрядъ этотъ въ ночь на 29 сентября располагался уступомъ за флангомъ, въ с. Цунлунянтунь. На-

чальникъ Западнаго отряда на томъ же правомъ флангѣ сосредоточилъ свою конницу—12 эск., 6 ор. г.-м. Грекова, которая въ ночь на 29 сентября расположилась уступомъ назадъ. Еще дальше флангъ охранялся двумя отрядами: г.-л. Дембовскаго—12 батал., 32 ор., 16 сот., находившимся въ долиинѣ р. Хунхэ, и г.-м. Коссаговскаго—6¹/₂ бат., 16 ор., 9 сот., выдвинутымъ въ долину р. Ляохэ. Кромѣ того, въ предвидѣнны удара на правый флангъ XVII корпуса, ген.-ад. Куропаткинъ располагалъ уступомъ за нимъ, у

№ 30.

с. Шоуялинза, VI Сиб. корпусъ, въ составѣ 24 батал. и 80 ор. Всего, такимъ образомъ, для ближняго и дальняго обезпеченія праваго фланга было сгруппировано 45¹/₂ батал., 42 эск. и сотн., 144 ор.

Ген.-ад. Куропаткинъ все же не былъ спокоенъ за нашъ правый флангъ, несмотря на наличие уступнаго расположенія. Имѣя свѣдѣнія о начавшемся наступленіи лѣваго крыла японцевъ и предполагая, что японцы совершатъ охватъ—быть можетъ, глубокий, который захватитъ и VI сиб. корпусъ, ген.-ад. Куропаткинъ утромъ 29-го сентября отдалъ приказаніе Западнему отряду—

отойти на «главную» позицію. Такъ какъ бой, однако, уже начался и дневное отступленіе по гладкой равнинѣ было связано съ крупными потерями, и такъ какъ въ ночь на 29-е сентября лихая атака Моршанцевъ и Зарайцевъ вернула намъ единственное утраченное наканунѣ на фронтѣ корпуса селеніе—Ендоуніулу, и все шло успѣшно, то выполненіе приказанія ген.-ад. Куропаткина, находившагося подъ впечатлѣніемъ неудачъ нашего центра, было отложено до вечера.

Части обѣихъ дивизій XVII корпуса —3-й и 35-й—были перемѣшаны на всемъ фронтѣ. Первоначально весь участокъ корпуса занимала 3-я дивизія, а 35-я оставалась въ резервѣ. Такая линейная группировка объяснялась предположеніемъ выдѣлить всю 35-ю дивизію для поддержки VI Сиб. корпуса, если онъ будетъ серьезно атакованъ. Но въ бою 28-го сентября, при начавшейся атакѣ позицій XVII корпуса на р. Шилихэ, 35-ю дивизію пришлось расходовать на поддержку 3-й и перемѣшать ихъ. Несмотря на то, что на р. Шилихэ развернулись почти всѣ силы XVII корпуса—25 батал., и что позади имѣлось въ резервѣ всего 3¹/₂ батал. и 32 ор., командованіе всей боевой частью было возложено на одного начальника 3-й дивизіи г.-м. Янжула. Штабы XVII корпуса и 35-й дивизіи оставались неиспользованными для непосредственнаго управленія боемъ.

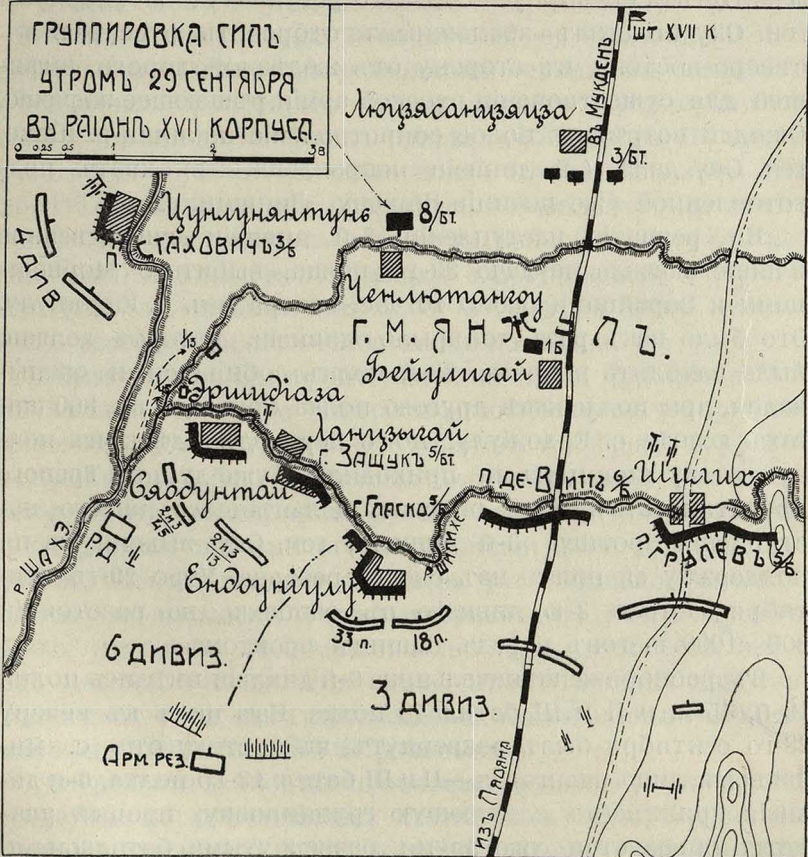
Позиція на р. Шилихэ образовывалась оврагомъ, въ которомъ текла рѣка, и который представлялъ удобное закрытіе, и рядомъ тянувшихся вдоль нея деревень. Открытая мѣстность позади стѣсняла расположеніе и маневрированіе войскъ въ тылу. Поэтому, вся боевая часть сосредоточилась въ узкой полосѣ вдоль р. Шилихэ; въ резервѣ г.-м. Янжула находился всего 1 батал. и 2 эск. у с. Бейулигай.

Правый участокъ с.с. Эршидіаза—Сяодунтай, занимали 8 батал. и 24 ор. г.-м. Защука; при этомъ 16 ротъ крайняго праваго фланга принадлежали къ 6 батальонамъ трехъ различныхъ полковъ; участокъ у с. Ендоніулу занимали 5 батал. г.-м. Гласко; по обѣ стороны жел. дор. располагались 6 батал. и 16 ор. полк. де-Витта, и с. Шилихэ оборонялъ полк. Грулевъ съ 5 бат. и 16 ор.

Японцы 29 сентября наносили ударъ въ центрѣ, считывая прорвать его. Армія Оку должна была содѣйствовать этому удару, сбивъ XVII корпусъ съ позиціи на р. Шилихэ.

Ген. Оку поставилъ своимъ войскамъ слѣдующія задачи: 3-я дивизія (12 батал., 36 ор.), развернутая противъ участка

№ 31.

с. с. Шилихэ—Эндоніулу (5 верстѣ), должна была нанести ударъ своимъ лѣвымъ флангомъ по возможности еще до разсвѣта и затѣмъ наступать на участокъ Шахепу—Ламатунь. 6-я дивизія (8 батал., артиллерія усилена армейской—до 72 оруд.) должна была сбить еще ночью правое крыло XVII корпуса, и затѣмъ наступать на участокъ Ламатунь—

Линшинпу. 4-я дивизія (7 батал. 36 ор.) должна была наступать на участокъ Линшинпу—Куанлинпу. 1-я кав. бриг., усил. 2 батал. 4-й дивизіи, у с. Сандепу охраняла флангъ арміи. Резервъ арміи—7 батал. изъ состава 6-й и 4-й дивизій, $\frac{1}{2}$ всѣхъ силъ, удерживался за центромъ, у с. Мынхулугунъ. Не имѣя еще свѣдѣній о нахожденіи за правымъ флангомъ XVII корпуса сильнаго уступа—VI Сиб. корпуса, ген. Оку полагалъ возможнымъ отбросить русскихъ къ сѣверо-востоку, въ сторону отъ желѣзной дороги, имѣвшей для существованія русской арміи рѣшающее значеніе. Ожидая встрѣтить новое сопротивленіе на линіи р. Шахэ, ген. Оку далъ 4-й дивизіи направленіе въ охватъ подготовленной уже позиціи Шахепу—Линшинпу.

На развитіе наступленія 3-й дивизіи существенное вліяніе оказала неудача 33-го полка, выбитаго Моршанцами и Зарайцами около 10 час. вечера изъ с. Ендоніулу. Это было какъ разъ то крыло дивизіи, которое должно было заходить впередъ. 33-й полкъ собирался и окапывался, при поддержкѣ другого полка бригады, въ 800 шагахъ южнѣе с. Ендоніулу, но о переходѣ здѣсь въ ночную атаку японцамъ не приходилось уже думать. Тревога прокатилась въ тылъ; опасаясь дальнѣйшаго нашего наступленія противъ 3-й дивизіи, ген. Оку выдвинулъ на поддержку ей полкъ изъ своего резерва. Утро 29-го сентября застало 3-ю дивизію въ окопахъ, на разстояніи 800—1000 шаговъ передъ нашимъ фронтомъ.

Въ распоряженіи начальника 6-й дивизіи имѣлись полки 13-й, 45-й, и II и III батал. 48 полка. Изъ нихъ къ вечеру 28-го сентября былъ развернуть, къ востоку отъ с. Янцзяванъ, лишь авангардъ—II и III батал. 13-го полка. 6-я дивизія принимаетъ слѣдующую группировку: правый участокъ образуется уже двумя развернутыми батальонами 13-го полка, долженствующими наступать на с. Сяодунтай; лѣвый участокъ—весь 45-й полкъ и I батал. 13-го полка, атакуетъ с. Эршидіаза. 2 батал. 48-го полка—резервъ дивизіи—остаются за центромъ. 72 ор. дивизіи (противъ 24 нашихъ) группируются близъ рѣки Шахэ, на дистанціи дѣйствительнаго огня.

Правый участокъ 6-й дивизіи пытался продвинуться вечеромъ; сначала его задерживалъ ружейный и артилле-

рійскій огонь обнаружившаго его движеніе Ингерманландскаго полка; рядомъ закипѣлъ бой за с. Ендоніулу, и только около полудночи вызванная имъ горячая перестрѣлка начала замолкать. Пользуясь затишьемъ, правый участокъ выдвинулся и окопался въ разстояніи 600 шаговъ отъ занятаго нами с. Сяодунтай.

Войска лѣваго участка были направлены въ боевую часть въ 5 час. вечера 28-го сентября; отъ 6 до 9 час. вечера они отдыхали въ резервномъ порядкѣ въ селеніяхъ въ долину р. Шахэ, въ чертѣ нашего артилерійскаго огня и успѣли въ котелкахъ согрѣть себѣ ужинъ. На этомъ участкѣ II и III батал. 45-го полка предназначались для фронтальной атаки сел. Эршидіаза. I батал. того же полка долженъ былъ охватить селеніе съ запада, пользуясь незанятымъ промежуткомъ между с.с. Эршидіаза и Цунлунтангунь, протяженіемъ въ 1800 шаговъ; за нимъ слѣдовалъ резервъ участка—I батал. 13-го полка.

Назначенные для фронтальной атаки с. Эршидіаза II и III батал. 45-го полка употребили ночное время на приближеніе на дистанцію 600—800 шаговъ къ нашей стрѣлковой линіи, и здѣсь окопались. Въ теченіе ночи эти части огня не открывали; когда русскіе замѣчали ихъ движеніе, и открывали сильный огонь—японскія цѣпи бросались на землю, возводили легкія закрытія, устанавливали связь по фронту и высылали ближнюю развѣдку. Всего за ночь было пройдено 1100 шаговъ въ три приема: 600, 300 и 200 шаговъ. Русскій огонь въ темнотѣ являлся дѣйствительнымъ, такъ какъ прохожденіе каждаго этапа обходилось японцамъ въ 15—20 раненыхъ.

На разсвѣтѣ японцы произвели дружное огневое нападеніе; мы не рассчитывали, что японцы окажутся на дистанціи ближняго боя, но послѣ перваго неблагоприятнаго впечатлѣнія разобрались; наличность окоповъ предохранила отъ большихъ потерь. Энергичный огонь загорѣлся по всему фронту.

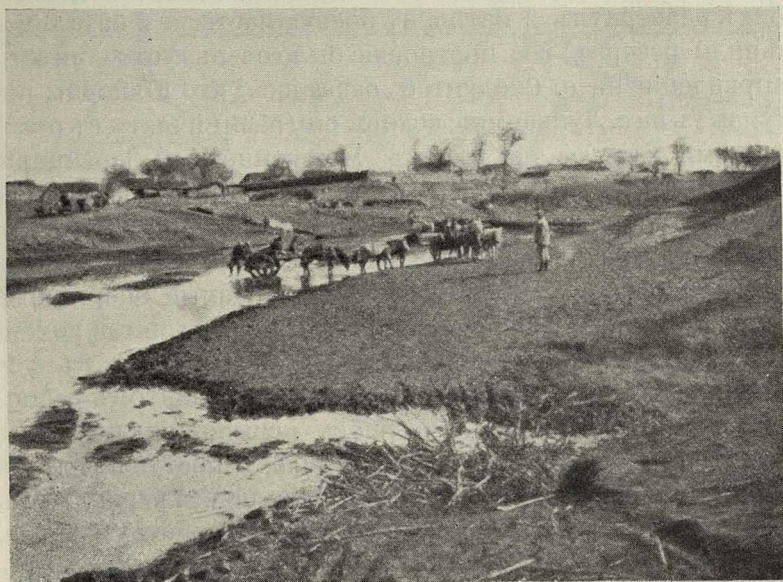
I батал. 45-го полка, назначенный для производства охвата, воспользовался оврагомъ р. Шилихэ и выпадающаго въ него ручья. Роты слѣдовали одна за другой. Въ каждой ротѣ всѣ 3 взвода слѣдовали змѣйками на одной высотѣ, на разстояніи въ 20 шаговъ между взводами. Каждому взводу

предшествовалъ дозоръ. Движеніе совершалось весьма медленно, чтобы дать возможность пѣшей развѣдкѣ выяснить русскій флангъ и мѣры его охраненія. Послѣднихъ не оказалось, флангъ же русскихъ окоповъ былъ обнаруженъ въ 400 шагахъ къ востоку отъ оврага. Раннимъ утромъ командиръ батальона изготовился къ атакѣ въ связи съ другими батальонами своего полка, наступавшими съ фронта, но затѣмъ, не встрѣчая препятствій къ дальнѣйшему охвату, продвинулъ свой батальонъ еще впередъ по оврагу. На фронтѣ давно уже шелъ горячій стрѣлковый бой, когда первая его рота, разсыпавшись по оврагу, выползла изъ него; русскій флангъ находился на постоянномъ прицѣлѣ, но не замѣчалъ японцевъ; къ первой японской ротѣ присоединились еще двѣ, и тогда онѣ сразу открыли огонь во флангъ находившемуся здѣсь I батал. Нѣжинскаго полка. Слѣдовавшій за I батал. 45-го полка, I бат. 13-го полка развернулся еще съвернѣе. Застигнутый огнемъ съ фланга врасплохъ, правый флангъ г.-м., Зашука отступилъ; въ распоряженіи г.-м. Зашука резерва не было, самъ онъ былъ раненъ, и управленіе боемъ съ нашей стороны утратилось. Сопротивленіе распространенію противника оказывали лишь войска, занимавшія селенія. Но с. Эршидіаза, гдѣ наши части были перемѣшаны, японцамъ удалось, при поддержкѣ артиллеріей и одновременной атакѣ съ фронта и съ фланга, захватить въ двѣнадцатомъ часу дня. Болѣе сильное сопротивленіе они встрѣтили въ сел. Сяодунтай, гдѣ находился полностью 9-й Ингерманландскій полкъ. Около полудня полкъ получаетъ приказаніе г.-м. Зашука очистить с. Сяодунтай—но въ это время японцы уже врываются въ с. Ланцзыгай, а 6-я дивизія, введя въ бой свой послѣдній резервъ, штурмуетъ с. Сяодунтай. Стойко державшіеся Ингерманландцы при отступленіи подвергаются полному разстрѣлу—потеря полка 2611 чел. При этомъ японцамъ остаются двѣ батареи, стоявшія къ сѣверу отъ с. Сяодунтай; передки ихъ находились у с. Ченлютангоу, въ двухъ верстахъ къ сѣверу, и не успѣли вовремя къ орудіямъ. Третью батарею, стоявшую рядомъ, увести удалось.

Ударъ японцевъ постепенно распространялъ свое вліяніе по фронту XVII арм. корпуса; около часа дня

Моршанцы и Зарайцы покидаютъ участокъ у с. Ендоунилу, при чемъ отступление ихъ проходитъ въ порядкѣ—японцы задержаны самопожертвованіемъ Ингерманландцевъ.

Въ тѣ часы, когда участокъ г.-м. Защука подвергался разгрому изъ-за отсутствія резервовъ за правымъ флангомъ, что дѣлало его участокъ беззащитнымъ отъ японскаго охвата, у с. Ченлютангоу, въ двухъ верстахъ за нашимъ крыломъ, находились свѣжія части—2-я бригада 55-й пѣх. дивизіи, выдвинутая VI Сиб. корпусомъ въ ре-

№ 32. Рѣка Шилихэ.

зервъ XVII корпуса, и 3 батал. Нѣжинскаго полка. Бригада VI Сиб. корпуса—полки Юхновскій и Епифанскій съ 32 оруд.—была двинута въ с. Ченлютангоу въ 5 ч. 30 м. утра, но нѣсколько проплутала, такъ какъ на прохожденіе 7 верстъ ей потребовалось 4 ч. 30 м. Связи съ боевой частью установлено не было. Здѣсь же бездѣйствовали 51 оруд. XVII арм. и VI Сиб. корпус., тогда какъ у ген.-м. Защука 24 орудія съ трудомъ вели бой противъ 72 японскихъ орудій. Тревожныхъ свѣдѣній отъ ген.-м. Защука не поступало. Правѣе полк. Стаховича VI Сиб. корпусъ

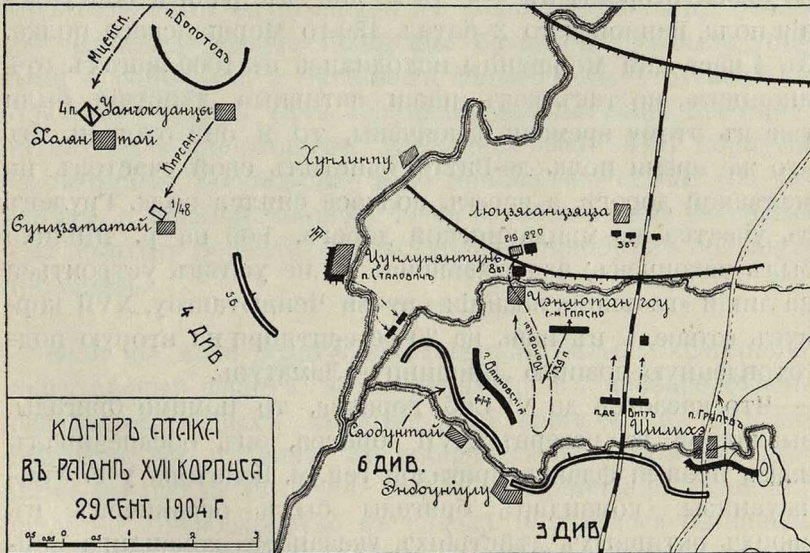
выдвинулъ 1-ю бригаду 72-й дивизіи. Все, казалось, шло благополучно, когда пришло извѣстіе, что г.-м. Зашукъ раненъ, войска его въ полномъ отступленіи, 2 батареи потеряны.

Для того, чтобы возстановить бой на правомъ флангѣ XVII корпуса, въ 12 ч. 15 м. изъ с. Ченлютангоу былъ двинутъ Юхновскій полкъ; другіе же части корпуснаго резерва приступили къ занятію тыловой позиціи. Цѣлью движенія Юхновскаго полка было поставлено выдвигеніе къ с. Сяодунтай; направленіе было указано лично г.-м. Янжуломъ. Полкъ развернулъ 2 батал. въ боевую часть, а 2 батал. составили резервъ; все построеніе было очень густое; вмѣсто направленія на с. Сяодунтай оказалось, что Юхновцы наступаютъ на с. Лунванмяо; вскорѣ они разминулись съ отходившими оттуда на сѣверъ Моршанцами и Зарайцами. Справа начали ложиться пули; японскій огонь скоро усилился—Юхновцы были въ центрѣ образованной японскимъ охватомъ дуги. Полкъ перемѣнилъ фронтъ на юго-западъ на с. Сяодунтай, откуда японцы вели самый энергичный огонь. Совершенно неориентированный батальонный командиръ, замѣстившій раненаго командира полка, въ 3 ч. 10 м. отдалъ приказаніе окапываться въ занятомъ расположеніи; но приказаніе оказалось невыполнимымъ, такъ какъ лѣвый флангъ былъ подставленъ наступавшей съ юга 3-й японской дивизіи. Въ 5 час. дня полкъ вернулся въ исходное положеніе, къ с. Ченлютангоу, потерявъ 1252 чел.

Въ командованіе участкомъ раненаго г.-м. Зашука вступилъ полковникъ Ванновскій. Сохранившіеся остатки 9-го, 10-го и 12-го полковъ были сведены въ три батальона, которые были двинуты полк. Ванновскимъ къ с. Сяодунтай, чтобы вернуть оставленные орудія. Но усталыя части полк. Ванновскаго не были уже способны къ энергичному наступленію. Войдя внутрь дуги японскаго охвата сводные батальоны залегли, не дойдя 200 шаговъ до брошенныхъ орудій, и начали окапываться; до с. Сяодунтай оставалось 1000 шаговъ. Въ началѣ четвертаго часа отступление Юхновцевъ увлекло и участокъ полк. Ванновскаго.

Полковн. Стаховичъ, долженствовавшій со своимъ боковымъ отрядомъ непосредственно прикрывать флангъ XVII корпуса, все свое вниманіе съ утра обращалъ на

оборону с. Цунлунынтунь, которое съ разсвѣта энергично атаковала 4-я японская дивизія, развернувшая противъ полк. Стаховича 5 батал. и 36 ор. и охватывавшая его съ юго-запада и запада. Поддержаніе связи между Цунлунынтунемъ и правымъ флангомъ г.-м. Зашука, на разстояніи 1800 шаговъ возлагалось на 1 эск. Нѣжинск. драг. полка; конницѣ трудно было разрѣшать задачу, связанную съ пребываніемъ на открытой мѣстности, на одной линіи съ пѣхотными цѣпами. Только около полудня полк. Стаховичу стало извѣстно объ охватѣ и о пораженіи пра-

№ 33.

ваго фланга г.-м. Зашука; вскорѣ онъ получилъ и записку полковника Ванновскаго о содѣйствіи. Оставивъ для защиты с. Цунлунынтунь 2 батал., полк. Стаховичъ двинулъ подошедшій въ это время на его усиленіе сводный батальонъ, а за нимъ и свой резервъ—1 батальонъ Псковскаго полка, для атаки охватывающаго крыла японцевъ. Контръ-атака полковника Стаховича, встрѣчая лишь слабое противодѣйствіе со стороны разстроенной атакіи 6-й японской дивизіи, докатилась до ручья, текущаго отъ с. Ченлютангоу; японское крыло, обстрѣленное съ тыла, значительно задержало свое наступленіе. Но неподдержанное артил-

лерійскимъ огнемъ, находящееся само подъ угрозой 4-й японской дивизіи съ тыла и предпринятое небольшими силами, безъ твердо поставленной цѣли—опрокинуть японское крыло, наступленіе полковника Стаховича задержалось у оврага ручья; въ четвертомъ часу дня, получивъ извѣщеніе объ отступленіи полк. Ванновскаго, полк. Стаховичъ началъ отходить и, очистивъ с. Цунлунянтунь, къ вечеру собралъ свои войска на линіи Ченлютангоу—Хунлинпу.

Г.-м. Гласко, отводившій къ сѣверу Зарайцевъ и Моршанцевъ, замѣтивъ начало нашей контръ-атаки, выслалъ со своей стороны въ 2 ч. 15 м. дня въ районъ наступленія полк. Ванновскаго 3 батал. 139-го Моршанскаго полка. Въ 4 часа дня Моршанцы находились въ 1000 шагахъ отъ японцевъ, но такъ какъ наши активныя дѣйствія были уже къ этому времени закончены, то и они отошли. Въ это же время полк. де-Виттъ очистилъ свой участокъ на желѣзной дорогѣ, а черезъ полчаса снялся полк. Грулевъ съ участка на мандаринской дорогѣ. Бой на р. Шилихэ былъ законченъ; задержавшись, но не успѣвъ устроиться на линіи «главной» позиціи—ручья Ченлютангоу, XVII корпусъ отошелъ въ ночь на 30-ое сентября на вторую подготовленную позицію Линшинпу—Ламатунь.

Что касается до VI Сиб. корпуса, то помимо бригады, высланной въ резервъ XVII корпуса, онъ обезпечивалъ нашъ правый флангъ бригадой ген.-м. Болотова у с. Уанчжуанцзы; командиръ бригады былъ ограниченъ въ своихъ активныхъ дѣйствіяхъ указаніемъ командира корпуса—расходовать на поддержку полк. Стаховича (влѣво) и ген.-м. Грекова (вправо) не болѣе 3 батальоновъ; это распоряженіе вызывалось стремленіемъ сохранить части VI Сиб. корпуса—послѣдняго резерва ген.-ад. Куропаткина—отъ преждевременнаго вступленія въ бой. Противъ ген.-м. Болотова находились заслоны, выставленные 4-ой дивизіей: у с. Сунцзятатай—1 батал., и у с. Холянтай—2¹/₄ эск. дивизионной конницы.

Получивъ около 3 часовъ дня записку полк. Ванновскаго ¹⁾ съ просьбой объ оказаніи скорѣйшей помощи, ген.-м.

¹⁾ «Насъ обходятъ, насѣдаютъ. У насъ адъ. Начальникъ отряда приказалъ мнѣ держаться съ двумя батальонами. Ваше движеніе впередъ можетъ выручить насъ».

Болотовъ рѣшилъ перейти въ наступленіе 1 батал. Кирсановскаго полка на с. Сунцзятагай, и 1 батал. Мценскаго—на с. Холянтай. Кирсановцы были встрѣчены японскимъ батальономъ, поддержаннымъ потомъ вторымъ батальономъ, и въ этихъ условіяхъ, послѣ огневого боя съ разстоянія 800 шаговъ, должны была отойти. Мценцы наступали въ густомъ резервномъ порядкѣ по гаоляну, прикрытые только дозорами, недостаточно удаленными, и въ этомъ положеніи внезапно оказались на постоянномъ прицѣлѣ отъ японской спѣшенной конницы. Бѣглый огонь японцевъ произвелъ страшныя опустошенія въ колоннѣ Мценцевъ; около 500 человекъ—свыше половины батальона, было убитыми и ранеными, и батальонъ долженъ былъ отказаться отъ своей задачи. Такъ кончилась демонстрація, предпринятая ген.-м. Болотовымъ для поддержки XVII корпуса. Къ потерямъ послѣдняго было прибавлено свыше 600 человекъ, а крайній японскій флангъ, отбивъ нашу несерьезную попытку перейти въ наступленіе, приобрѣлъ большую прочность.

Если мы даже исключимъ большія силы, охранявшія нашъ правый флангъ, но не втянутыя въ непосредственный районъ боевыхъ дѣйствій XVII корпуса, то все же окажется, что противъ 34 японскихъ батал. съ 150 орудіями мы имѣли 42 батал. съ 147 несравненно лучшими орудіями. Превосходство въ силахъ находилось на нашей сторонѣ. Мы заблаговременно предвидѣли охватъ нашего праваго фланга и приняли соответствующую группировку силъ. Мы опирались на укрѣпленную позицію; мѣстность въ общемъ весьма благопріятствовала оборонѣ. Войска наши исполняли свой долгъ; въ какихъ бы трудныхъ положеніяхъ они ни оказывались—нигдѣ паника не проносилась по нашимъ рядамъ, и наши полки, повинуваясь каждому приказанію, мужественно двигались впередъ. И несмотря на этотъ рядъ исключительно благопріятныхъ условій, мы понесли 29 сентября, на очерченномъ клочкѣ поля сраженія, одно изъ наиболѣе тяжкихъ пораженій за всю войну. Отъ 10 до 4 часовъ дня мы потеряли до 6.000 человекъ убитыми и ранеными, 2 батареи, и должны были отойти на 8 верстъ на сѣверъ. Причины нашей крупной

неудачи относятся цѣликомъ къ области тактическаго искусства, и тѣмъ поучительнѣе остановиться на нихъ.

Непосредственной причиной неудачи XVII корпуса явилось проникновеніе японцевъ въ незанятый интервалъ между его флангомъ и боковымъ отрядомъ, каковое движеніе удалось укрыть оврагомъ ручья. Было бы, однако, ошибочно приходить отсюда къ заключенію о недопустимости малѣйшихъ щелей въ современномъ боевомъ расположеніи. Незанятый интервалъ въ 1800 шаговъ не прерываетъ огневой связи между сосѣдными частями. Даже значительно большій интервалъ—3—4 версты, какъ между I и III Сиб. корпусами на передовыхъ Ляоянскихъ позиціяхъ, является допустимымъ при оборонѣ, при условіи соответственнаго эшелонированія войскъ въ глубину, и серьезнаго укрѣпленія тѣхъ участковъ, которые могутъ обстрѣливаться непріателемъ съ болѣе широкаго фронта. Наступающій же, пользуясь болѣею свободой маневрированія, еще шире можетъ прибѣгать къ оставленію незанятыхъ промежутковъ для сосредоточенія достаточныхъ силъ на важнѣйшіе участки.

Такимъ образомъ, сущность нашей ошибки заключается не въ оставленіи незанятаго интервала, а въ постановкѣ войскъ въ такое положеніе, что они могли давать отпоръ противнику только при условіи сплошнаго фронта, въ принятіи такой группировки войскъ, отдѣльныя части которой не обладали самостоятельностью, что расширило частную неудачу до размѣровъ общаго пораженія.

Разумѣется, свою долю отвѣтственности несутъ командиры крайнихъ батальоновъ главныхъ силъ и бокового отряда XVII корпуса, не связавшіеся непосредственно и недостаточно бдительно наблюдавшіе тянувшійся между ними оврагъ; существенное значеніе имѣетъ и упущеніе въ дѣятельности эскадрона Нѣжинскаго полка, которому эта задача была специально поручена; хотя работа наряду съ пѣхотой мало отвѣчаетъ свойствамъ конницы, однако, кавалерійскій начальникъ обязанъ вложить всѣ силы своей части и въ разрѣшеніе хотя бы чисто пѣхотной, поставленной ему, задачи.

Дозорная служба на этомъ участкѣ не работала, вслѣдствіе чего движеніе двухъ японскихъ батальоновъ не

было обнаружено своевременно. Однако, участь арміи не должна покоиться на исправной работѣ всякаго дозора. Ошибочныя дѣйствія войскъ боевой части всегда имѣли и будутъ имѣть мѣсто, и необходимо располагать средствами бороться съ допущенными недоразумѣніями. Объ этомъ должно заботиться управление войсками; съ этой цѣлью и оставляются частные резервы, притомъ на такомъ удаленіи позади фронта, чтобы имѣть возможность совершить всѣ боковыя передвиженія внѣ давленія огня противника. Почему же въ данномъ случаѣ, по обнаруженіи пробивающагося черезъ нашъ фронтъ противника, резервы не законопатили образовавшуюся щель, а допустили струйку непріятеля разростись въ сильный потокъ, размывшій весь нашъ фронтъ?

Резервы оказались въ достаточныхъ силахъ и на соотвѣтственномъ мѣстѣ; бригада VI корпуса, переданная въ распоряженіе командира XVII корпуса, находилась въ с. Чен-лутангоу и въ теченіе получаса могла бы, выдвинувшись между с.с. Цунлунянтунъ и Эршидіаза, сама охватить и заключить въ огненное полукольцо охватившихъ Эршидіазу японцевъ. Другія двѣ бригады VI корпуса, простымъ фронтальнымъ наступленіемъ, могли бы опрокинуть заслонъ 4-й дивизіи, и не только выручить XVII корпусъ, но и разгромить все лѣвое японское крыло. Если эти резервы не были употреблены въ бой какъ слѣдуетъ, то прежде всего потому, что не были подчинены тѣмъ начальникамъ, которые руководили боемъ на данномъ участкѣ. Наше управление было построено противно требованіямъ глубокой тактики; XVII корпусъ оказался построеннымъ въ двѣ линіи; первая, болѣе сильная, г.-м. Янжула, вела бой, вторая—резервъ—оставалась въ рукахъ командира корпуса, при чемъ естественно больше заботилась о связи по своему второлинейному фронту, о способѣ занятія имѣвшейся здѣсь второлинейной позиціи, чѣмъ о связи съ войсками, ведущими бой, и о поддержкѣ ихъ. Вся работа въ бою была возложена на штабъ 3-й дивизіи, а штабы 35-й дивизіи и корпуса, вплоть до начала общаго отступленія, не имѣли отвѣтственной задачи. Роль высшаго управленія сводилась до тормазы, задерживающаго расхищеніе резерва. вмѣсто того, чтобы участокъ

ген.-м. Зашука вытянуть въ глубину, подчинивъ ему и нѣкоторый резервъ въ долину ручья с. Ченлютангоу, что было особенно необходимо въ виду фланговаго его положенія, мы вытянули его въ одну линію. Для вступленія въ бой резерва отъ Ченлютангоу недостаточно уже простаго приказанія ген.-м. Зашука — необходима соотвѣтственная мотивированная просьба г.-м. Янжулу, подлежащая доставкѣ, подъ огнемъ противника, на три версты въ сторону, къ желѣзной дорогѣ, затѣмъ обращеніе послѣдняго къ командиру XVII корпуса. Все это увеличиваетъ время, необходимое для вступленія въ бой резерва отъ Ченлютангоу, съ 20 минутъ до двухъ часовъ, и при томъ лишаетъ резервъ надлежащей ориентировки.

То же самое, въ болѣе крупномъ масштабѣ, повторяется и съ главными силами VI Сиб. корпуса, являющимися, по существу, единственнымъ резервомъ Западнаго отряда, но не подчиненнымъ начальнику его, а выжидающимъ указаній ген.-ад. Куропаткина. Мы организовывали свою боевую группировку по образцу линейнаго боевого порядка; въ послѣднемъ вторая линія не поддерживаетъ, а смѣняетъ первую линію; такъ и у насъ—резервы вступили въ бой, когда уже первая линія очищала поле сраженія.

Всѣ высказанныя истины относительно преимуществъ организаціи управленія на полѣ сраженія въ глубину, а не линейнымъ образомъ, настолько элементарны, что является вопросъ: мы не могли ихъ не знать; почему мы ихъ нарушили?

Глубокая группировка войскъ, давая возможность развить большое упорство на данномъ участкѣ поля сраженія, органически связываетъ резервы съ боевой частью, и, слѣдовательно, отвѣчаетъ въ большей степени тому случаю, когда принято рѣшеніе—вести въ бой ихъ на данномъ участкѣ. Если же обстановка потребуетъ введенія въ бой резервовъ на новомъ фронтѣ, какъ то было подъ Мукденомъ, то предварительная глубокая группировка войскъ приведетъ лишь къ тому, что придется собирать по дивизіямъ отдѣльные полки и образовывать сводные отряды.

Къ 29 сентября у ген.-ад. Куропаткина не было еще опредѣленнаго рѣшенія относительно боевого употребле-

нія войскъ праваго крыла. Раіонъ развертыванія VI Сиб. корпуса, возможность вывода 35-й дивизіи для вступленія въ бой на другомъ участкѣ—все оставалось подѣ сомнѣніемъ. При отсутствіи же своего рѣшенія и стремленіи сообразовать свои поступки по дѣйствіямъ непріятели естественнымъ является желаніе имѣть резервы, не связанные органически съ боевой частью, представляющіе независимыя группы. Естественно является линейный порядокъ, съ послѣдующимъ перемѣшиваніемъ частей. Нарушеніе постоянной организациі, столь характерное для нашего управленія войсками въ Маньчжуріи, являлось не умышленнымъ дѣйствіемъ, а слѣдствіемъ отсутствія опредѣленнаго и послѣдовательно приводимаго въ исполненіе рѣшенія. Японцамъ также приходилось нарушать организацию, когда для парированія нашихъ ударовъ—хотя бы только воображаемыхъ—приходилось отступать отъ основной идеи операціи (5-я дивизія въ сраженіи на р. Шахэ).

Въ нашей контръ-атакѣ приняли участіе крупныя силы—до 14 батал.; но она не имѣла успѣха, такъ какъ велась въ ложномъ направленіи. 3 сводныхъ батальона полковника Ванновскаго, образованные изъ отступившихъ войскъ, разумѣется, не были способны къ какому либо маневрированію—ихъ можно было толкать, насколько возможно, на врага. Но того же нельзя сказать о 7 батальонахъ Юхновскаго и Моршанскаго полковъ. Не будемъ останавливаться на блужданіи Юхновцевъ, попавшихъ вмѣсто с. Сюдунтай къ с. Лунванмяо, хотя замѣтимъ, что какія либо ссылки на отсутствіе проводниковъ совершенно неумѣстны. Полкъ, простоявшій 2 часа въ 2 верстахъ за фронтомъ, долженъ знать, что за селенія передъ нимъ, какія части ихъ занимаютъ и какъ идетъ бой; разумѣется, такая оріентировка, при эшелонированіи въ глубину каждаго участка, получается гораздо легче, чѣмъ при независимости частей второй линіи отъ первой. Обратимъ самое существенное вниманіе на данное полку направленіе на с. Сюдунтай, внутрь японскаго охвата. Разъ непріятельскій охватъ давитъ наши войска, то совершенно непроизводительно подставлять въ тѣ же тиски все новые и новые резервы. Надо искать, гдѣ противника возможно, въ свою очередь, за-

жать въ огненные тиски, и туда двинуть резервъ. Достаточно было бы Юхновскому полку развернуться не лѣвѣе полк. Ванновскаго, а правѣе его, между нимъ и полковникомъ Стаховичемъ, чтобы заклинившіяся въ наше расположеніе части японцевъ были бы взяты подъ жестокой перекрестный огонь. Тактическое искусство начальниковъ должно обезпечить войскамъ вступленіе въ борьбу въ наиболѣе выгодныхъ условіяхъ, а не давать ихъ раскалывать противнику съ наименьшимъ усиленіемъ.

Чтобы направить Юхновскій полкъ много правѣе, не нужно было обладать особенной хитростью, но мы легко поймемъ мотивы, заставившіе нацѣлить всю контръ-атаку на с. Сяодунтай, если вспомнимъ, что вблизи этого селенія были оставлены нами 16 орудій. Въ первомъ часу дня сраженіе было еще далеко не проиграно. Съ одной стороны держался ген.-м. Гласко, съ другой—полк. Стаховичъ. Главная масса японской артиллеріи, подготовившая свою стрѣльбу только по селеніямъ на р. Шилихэ, была не въ силахъ поддержать перешагнувшія черезъ нее части 6-й дивизіи. Японская пѣхота, разстроенная атакой, должна была рассчитывать только на свои силы. Въ ближайшемъ тылу стояли безъ дѣла нашихъ 56 орудій. При нѣкоторой предусмотрительности они были бы уже готовы открыть съ удаленія въ 3 версты огонь по прорвавшимся японцамъ. Но если бы стрѣльба съ закрытой позиціи не была подготовлена—являлся подходящій случай вывести большимъ аллюромъ нѣсколько батарей на открытую позицію и взять зарвавшіяся части японцевъ подъ перекрестный огонь.

Въ критическія минуты боя артиллерія должна жертвовать собой. Мы же въ эти критическія минуты приносили въ жертву нашу пѣхоту, шли на пораженіе—изъ-за безплодной попытки спасти имущество, цѣной въ 150.000 рублей. Рота, назначенная въ прикрытіе батарей, должна оборонять ее до послѣдней степени; но начальники, ставящіе прикрытіе своей артиллеріи выше разрѣшенія своей тактической задачи, не охватываютъ лежащей на нихъ отвѣтственности, и могутъ только терпѣть пораженія.

Веденная съ недостаточными силами и едва обозначенная контръ-атака полк. Стаховича не могла создать

перелома боя; во всякомъ случаѣ огонь съ тыла по охватывающему крылу 6-й дивизіи умѣрилъ порывъ японцевъ и обезпечилъ намъ сравнительно спокойное отступление. Демонстрація ген.-м. Болотова, стоившая 600 челов., лишній разъ показываетъ намъ, что производство такихъ толчковъ не является болѣе умѣстнымъ въ современномъ бою. Поставивъ себѣ какую-либо наступательную задачу — овладѣніе однимъ или двумя селеніями, слѣдовало серьезно отнестись къ ея исполненію — организовать надлежащую развѣдку, собрать достаточныя силы, нацѣлить ихъ какъ слѣдуетъ, обезпечить имъ поддержку артиллеріей и т. д. Прогулки же подъ непріятельскимъ огнемъ съ демонстративной цѣлью — недопустимы.

Отсутствіе энергіи въ нашей контръ-атакѣ, какъ и неполное напряженіе всѣхъ силъ XVII корпуса (въ особенности артиллеріи) для боя на фронтѣ, объясняется тѣмъ, что позиція на р. Шилихэ являлась для насъ не главной, а передовой. Ген.-ад. Куропаткинъ хотѣлъ очистить ее еще утромъ 29 сентября; начальникъ Западн. отряда полагалъ отойти къ вечеру. Наступающему необычайно трудно сбить обороняющагося съ одной, ясной позиціи; но если существуетъ сомнѣніе, не осталась ли главная позиція въ тылу, и не есть ли обороняемая въ настоящій моментъ только второстепенная, передовая, то непріятелю удастся первымъ же своимъ успѣхомъ разрѣшить это сомнѣніе въ смыслѣ отступления на «главную» позицію; и чѣмъ больше войскъ примутъ участіе въ оборонѣ «передовой» позиціи и послѣдующемъ отступленіи, тѣмъ больше будутъ размѣры испытаннаго пораженія. Чтобы побѣдить, нужно имѣть рѣшеніе; широкое же примѣненіе передовыхъ позицій маскируетъ, чаще всего, отсутствіе опредѣленнаго рѣшенія.

Помимо очерченныхъ выше ошибокъ русскаго управленія, японцы обязаны успѣхомъ своего охвата энергичному бою на всемъ фронтѣ съ самаго утра 29 сентября. Помимо благопріятной случайности — возможности скрытно продвинуться по оврагу — атака с. Эршидіаза облегчалась положеніемъ ея въ исходящемъ углу русской позиціи, что давало атакующему возможность бороться огнемъ съ болѣе широкаго фронта. Достиженіе здѣсь японцами трой-

ного превосходства въ числѣ орудій имѣло значеніе; особенно важно было отсутствіе артиллерійской поддержки крайняго праваго фланга XVII корпуса у с. Эршидіаза; поставленная уступомъ позади батареи парализовала бы всякую попытку удара во флангъ и оттянула бы на себя значительную часть японской артиллеріи.

Можно увѣренно сказать, что если бы японцы остановились передъ потерями, связанными съ наступленіемъ на фронтъ укрѣпленной позиціи, и не подошли бы на дистанцію ближняго ружейнаго огня передъ фронтомъ ген.-м. Янжула и полк. Стаховича, мы бы сумѣли во-время закрыть артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ щель въ нашемъ расположеніи. Но энергичный бой на фронтѣ сковываетъ противника, пригвождаетъ все его вниманіе, слѣпить его, нарушаетъ связь между его частями. Малѣйшіе интервалы въ расположеніи противника, когда его резервы влились въ боевую часть, и онъ представляетъ только одну линію, вся активная дѣятельность которой сведена къ нулю, даютъ возможность не только прорваться, но и бить противника по частямъ. Передъ японцами, подошедшими къ намъ на широкомъ фронтѣ на 800—600 шаговъ, между Эршидіазой и Цунлунянтунемъ не былъ легко перекрываемый огнемъ интервалъ, а было два фланга двухъ начальниковъ, каждый изъ которыхъ былъ занятъ своимъ дѣломъ. Тотъ флангъ, котораго не могла никакъ достигнуть своимъ охватомъ гвардейская дивизія въ бою 13 августа, такъ какъ III Сиб. корпусъ не былъ связанъ боемъ на фронтѣ, былъ найденъ здѣсь у XVII корпуса, хотя русскія войска находились и далѣе къ западу.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Бой за Лѣсистую сопку 28 сентября 1904 г.

Расположеніе ген.-лейт. Мау на Лѣистой сопкѣ. — Задача 2-й японской дивизіи. — Оцѣнка условій атаки Лѣистой сопки. — Развертываніе и наступленіе 15-й бригады. — Результатъ атаки. — Тактическій разборъ.

28-е сентября ген.-ад. Куропаткинъ провель въ ожиданіи результатовъ атаки, начатой Восточнымъ отрядомъ на 20 батальоновъ японскаго праваго крыла. Западный отрядъ продолжалъ укрѣпляться. Для заполненія промежутка между восточнымъ и западнымъ отрядомъ ген.-ад. Куропаткинъ приступилъ къ расходованію центральной группы общаго резерва. IV Сиб. корпусъ былъ выдвинутъ въ боевую часть; правый флангъ его — участокъ ген.-м. Левестама—28-го сентября занималъ высоту къ юго-востоку отъ с. Сантайцзы. Чтобы обезпечить IV Сибирскій корпусъ отъ охвата съ запада и связать его расположеніе съ Западнымъ отрядомъ, ген.-ад. Куропаткинъ выдвинулъ два уступа и занялъ ими оконечности возвышенностей, обрывающихся въ широкую долину р. Шилихэ. Бригада ген.-лейт. Мау, заимствованная изъ резерва X корпуса, заняла позиціи на высотахъ сѣвернѣе с.с. Утіасъ—Сантайцзы; части I арм. корпуса, еще остававшагося въ резервѣ за центромъ—Новочеркасскій и Царицынскій полки—стали развертываться на Двурогой и сосѣднихъ сопкахъ.

Войска ген.-лейт. Мау—Пензенскій и Тамбовскій полки, 1 эскад., 16 оруд.—достигли высотъ сѣвернѣе с. Сантайцзы уже 26-го сентября, и имѣли 48 час. времени для укрѣ-

плєнія своего расположенія. Мѣстность представляетъ рядъ низкихъ сопокъ, напминающихъ по высотѣ Дудергофскій холмъ¹⁾; отъ общаго гребня въ юго-западномъ направленіи отдѣляются узкіе отроги; наиболѣе выдвигается въ равнину и закрываетъ обстрѣлъ съ позадилежащаго гребня отрогъ, окончивающійся «Лѣсистой» сопкой—высотой съ Кавелахтскій хребетъ въ средней его части²⁾. У подножія его, въ неглубокомъ оврагѣ, протекаетъ ручей, впадающій въ р. Шилихэ.

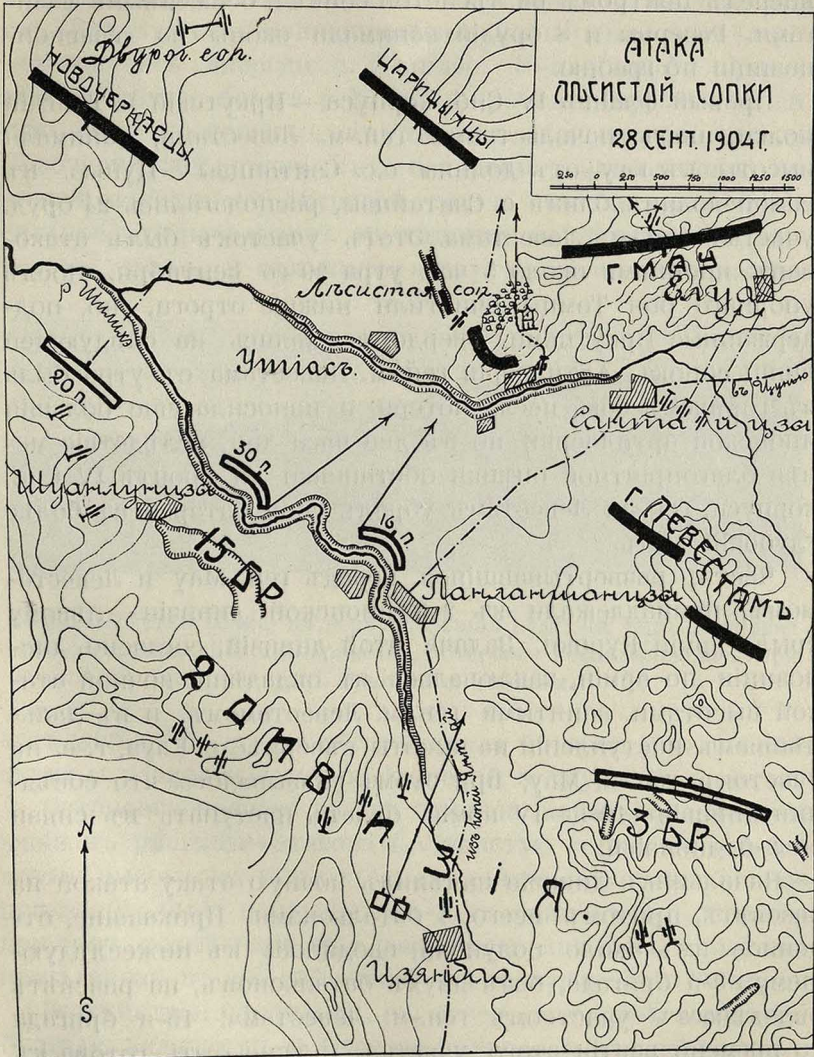
Мѣстность давала возможность избрать 3 позиціи: вдоль оврага, на Лѣсистой сопкѣ, на гребнѣ высотъ; эти позиціи обладали различными свойствами. Нижняя позиція, вдоль оврага, находилась въ разстояніи 3—4 верстъ отъ командующихъ ею высотъ лѣваго берега р. Шилихэ и, такимъ образомъ, не представляла особыхъ выгодъ для перваго періода боя. Но за то съ нея открывался прекрасный обстрѣлъ на 2.500 шаговъ, она имѣла достаточное протяженіе для развертыванія стрѣлковыхъ цѣпей, имѣла готовое укрытое сообщеніе вдоль фронта, и два опорныхъ пункта—с.с Утіасъ и Сантайцзы. Вторая позиція—на Лѣсистой сопкѣ—имѣла прекрасный обзоръ, но образовывала лишь узкій фронтъ въ 300—400 шаговъ, притомъ отчетливо выдѣляющійся на гладкой равнинѣ. Третья позиція—на гребнѣ болѣе высокихъ сопокъ—имѣла неудовлетворительный дальній обстрѣлъ и, кромѣ того, была настолько осажена назадъ, что сохраненіе ея въ нашихъ рукахъ не обезпечивало еще правый флангъ IV Сиб. корпуса отъ ближняго охвата. Эти недостатки, лишавшіе послѣднюю позицію важности, заставили ген.-ад. Куропаткина, только издали видѣвшаго этотъ районъ, потребовать, чтобы ген.-лейт. Мау удерживалъ бы непременно Лѣсистую сопку.

Ген.-лейт. Мау эшелонировалъ оборону на этихъ трехъ позиціяхъ слѣдующимъ образомъ: позиція вдоль оврага была занята охраненіемъ; позиція на Лѣсистой сопкѣ сначала была занята, какъ передовой пунктъ впереди праваго фланга, 1 ротой и охотниками; но въ день боя, 29 сентября, ее обороняли уже 6 ротъ, и съ обоихъ ея флан-

1) 40 сажень.

2) 15 сажень.

говъ располагалось по 4 орудія; при этомъ, вслѣдствіе предупрежденія командующаго арміей — подготовиться къ встрѣчѣ возможнаго охвата праваго фланга — правѣ Ль-

№ 34.

систой сопки были выдвинуты 2 батальона Тамбовскаго полка, расположившіеся вдоль имѣвшейся рывины, фронтомъ на западо-юго-западъ, и образовавшіе, такимъ обра-

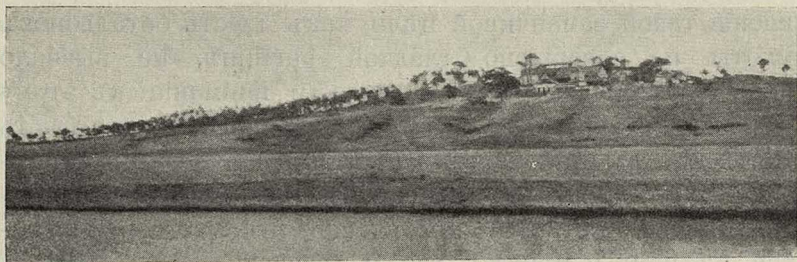
зомъ, заблаговременный загибъ фланга; лѣвѣе былъ занятъ отрогъ къ сѣверу отъ с. Сантайцзы, и наше положеніе приобрѣло видъ исходящаго угла, съ выдвинутымъ впередъ центромъ на Лѣсистой сопкѣ и осаженными флангами. Резервы и 8 орудій занимали окопы на «главной» позиціи по гребню.

Правый флангъ IV Сиб. корпуса — Иркутскій и Томскій полки, подъ начальствомъ ген.-м. Левестама, занимали высоты къ югу отъ долины с.с. Сантайцзы — Цунью. Въ самой долинѣ, близъ с. Сантайцзы, располагались 24 оруд. участка ген.-м. Левестама. Этотъ участокъ былъ атакованъ японцами около 5 час. утра 29-го сентября. Послѣ упорнаго боя Томцы очистили нижніе отроги, но, поддержанные Иркутцами, твердо держались на слѣдующей линіи сопокъ. Артиллерія ген.-м. Левестама съ утра была въ горячемъ бою, несла потери и наносила еще большія японской артиллеріи; но въ два часа дня, вслѣдствіе менѣе благоприятной оцѣнки обстановки на фронтѣ IV Сиб. корпуса, ген.-м. Левестамъ убралъ свои батареи въ болѣе глубокой тылъ.

Части, развертывавшіяся передъ ген. Мау и Левестамомъ, принадлежали къ 2-й японской дивизіи — лѣвому крылу арміи Куроки. Задача этой дивизіи, согласно диспозиціи по арміи, заключалась въ овладѣніи ночной атакой высотами, занятыми ген.-м. Левестамомъ, и въ дальнѣйшемъ наступленіи на высоты сѣвернѣе с. Елуа, т.-е. на участокъ ген.-л. Мау; при этомъ указывалось, что сосѣдняя дивизія—10-я—IV арміи будетъ наступать въ связи со 2-й дивизіей.

Начальникъ дивизіи замѣнилъ ночную атаку атакой на разсвѣтѣ, притомъ всего 4 батальонами. Приказаніе, отданное имъ около полуночи, сводилось къ нижеслѣдующему: 3-я бригада, безъ двухъ батальоновъ, на разсвѣтѣ овладѣваетъ участкомъ ген.-м. Левестама; 15-я бригада ко времени взятія этого участка, должна быть готова къ наступленію отъ с. Панланшанцзы на высоты сѣвернѣе с. Елуа, въ связи съ 10-й дивизіей. Артиллерія должна подготовить и поддержать эти атаки. 2 батальона дивизионнаго резерва—у с. Цзяндао и копей Янтай. Штабъ дивизіи—на высотахъ у копей Янтай.

Наступленіе 3-й бригады затянuloсь до 1 ч. 30 м. дня, когда окончательно выяснилось, что она не въ силахъ сбить части ген.-м. Левестама. 15-я бригада, ген.-м. Окасаки, еще ночью подтянулась къ р. Шилихэ, на участокъ с.с. Шуанлунцзы—Панланшанцзы. Дивизионная артиллерія развернулась впереди с. Цзяндао. 10-я дивизія заняла высоты лѣваго берега р. Шилихэ противъ Двурогой сопки, гдѣ лишь постепенно, въ теченіе дня, сосредоточился Новочеркасскій полкъ съ 2 батареями; впечатлѣніе отъ нашей позиціи на Двурогой сопкѣ оказалось настолько сильное, что начальникъ 10-й дивизіи не рѣшился штурмовать ее днемъ и отложилъ атаку на ночь; сильная его

№ 35. Лѣсистая сопка; на верху большая кумирня; подъ кумирней малообстрѣливаемое пространство, которымъ воспользовалась при штурмѣ бригада г. Окасаки.

артиллерія (72 орудія) обстрѣливала батареи ген.-м. Левестама и расположенныя у Лѣистой и Двурогой сопокъ.

Остановка праваго крыла привела начальника 2-й дивизіи къ рѣшенію—атаковать Лѣистую сопку, не ожидая взятія высотъ къ югу отъ с. Сантайцзы. Соотвѣтственное приказаніе было получено ген.-м. Окасаки въ 2 ч. 30 мин., при чемъ послѣднему еще разъ подчеркивалась желательность связи въ его дѣйствіяхъ съ наступленіемъ IV арміи.

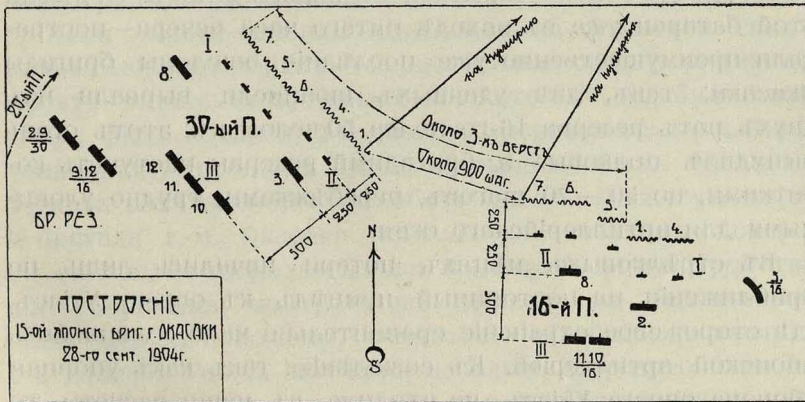
Бездѣйствіе послѣдней не остановило 15-ю японскую бригаду. Задача ген.-м. Окасаки приводила къ наступленію, на протяженіи 2200 шаговъ, по лишенной всякаго укрытія долины, при томъ фланкируемой—какъ съ Двурогой сопки, такъ и съ участка ген.-м. Левестама. Но являлись и выгодныя данныя для атаки; позиція русскихъ на Лѣистой сопкѣ была всѣмъ прекрасно видна и выгодно

освѣщалась склонявшимся къ западу солнцемъ; сохраненіе правильнаго направленія атаки на сопку не представляло затрудненій; можно было ожидать лишь умѣренного огня съ узкаго фронта русской позиціи на Лѣсистой сопкѣ; русскія батареи прерывали свой огонь частыми интервалами и частью уже исчезали; въ виду удобства наблюденія, можно было ожидать хорошей поддержки артиллерійскимъ огнемъ, и такъ какъ на этомъ участкѣ поля сраженія наступала только 15-я бригада, то поддерживать ее могли всѣ батареи 2-й дивизіи и ближайшія—IV арміи. Такимъ образомъ, въ настоящую минуту обстановка складывалась довольно удачно для японцевъ; ген. Окасаки приходилось, однако, опасаться, чтобы появленіе такой заманчивой цѣли, какъ шесть батальоновъ пѣхоты на совершенно гладкой равнинѣ, не вызвало новой группировки русскихъ силъ и вниманія къ этому участку поля сраженія. Лучшимъ средствомъ избѣжать вступленія въ бой новыхъ русскихъ батарей и организованнаго фланкирующаго огня изъ имѣющихся уже батарей являлась быстрота прохожденія открытаго пространства. Къ нему и прибѣгъ ген.-м. Окасаки.

15-я бригада развернулась укрыто въ оврагѣ р. Шилихэ, на протяженіи 4000 шаговъ; 16-й полкъ—правѣ, 30-й—лѣвѣ; между полками оставался интервалъ въ 800 шаговъ, но полки должны были наступать по сходящимся направленіямъ: направляющими являлись внутренніе фланги обоихъ полковъ, оба нацѣленные на кумирню на Лѣсистой сопкѣ. Въ первой линіи находились 10 ротъ; каждая рота, оставивъ взводъ въ поддержкѣ, разсыпала по 2 взвода; такимъ образомъ, первоначально, на 3200 шаговъ протяженія стрѣлковыхъ цѣпей приходилось 1400 стрѣлковъ, т.-е. на cadaго стрѣлка приходилось $2\frac{1}{2}$ шага. Каждый батальонъ имѣлъ одну роту въ резервѣ: въ полковыхъ резервахъ было 2—3 роты; бригадный резервъ достигалъ 4 ротъ, по 2 отъ cadaго полка, и двигался за болѣе угрожаемымъ лѣвымъ флангомъ. Кромѣ того, по просьбѣ ген.-м. Окасаки, 10-я дивизія выдвинула 2 бат. 20-го полка уступомъ за его лѣвымъ флангомъ, на случай контръатаки русскихъ со стороны Новочеркаскаго и Царицынскаго полковъ. 20-й полкъ, однако, замѣшкался и не

былъ бы въ состояніи воспрепятствовать удару во флангъ быстро выдвинувшейся бригады ген.-м. Окасаки. Для обезпеченія наступленія со стороны праваго фланга, одна рота 16-го полка получила задачу — образовать заслонъ къ с. Сантайцзы. За правымъ же флангомъ, но часомъ позже, долженъ былъ слѣдовать резервъ дивизіи для захвата с. Сантайцзы.

Всѣ резервы и поддержки наступали въ одношереножномъ, частью разомкнутомъ, строю; ротныя поддержки — въ 250 шагахъ за цѣпями; далѣе въ 500 шагахъ слѣдовали батальонные резервы. Общее указаніе — всей бригадѣ, въ

№ 36.

особенности наиболее подверженному фланговому огню 30-му полку, стремиться достигнуть скорѣе оврага Утіасъ.

Въ 3 ч. 30 мин. около 400 орудій сосредоточили огонь на узкомъ фронтѣ Лѣсистой сопки; густой дымъ заволокъ ее. Японскія цѣпи вышли изъ оврага р. Шилихэ и бѣглымъ шагомъ прошли 600—800 шаговъ; наши заставы и охотники изъ оврага Утіасъ открыли по нимъ довольно рѣдкій огонь на 1400 шаговъ. Японскія цѣпи, отвѣтивъ огнемъ въ теченіе 5 минутъ, продолжали наступленіе длинными перебѣжками, цѣлыми ротами. Артиллерійскимъ огнемъ съ фронта японцы не были встрѣчены, такъ какъ японское наступленіе произвело такое впечатлѣніе на оборонявшаго Лѣсистую сопку полк. Домонтовича, что онъ, рѣшивъ твердо держаться съ пѣхотой, сейчасъ же

отослалъ въ тылъ свою батарею. Также и ген.-л. Мау нашелъ въ болѣе глубокомъ тылу подходящую позицію для батареи, стоявшей на «главной» позиціи, и такимъ образомъ въ эту рѣшительную минуту 16 ближайшихъ орудій отъѣзжали въ тылъ. Правда, около 2 час. дня ген.-ад. Куропаткинъ для поддержки ген.-л. Мау приказалъ 2-й батар. 43-й артил. бригады выѣхать къ Двурогой сопкѣ; батарея эта выѣхала на позицію къ тому времени, когда Окасаки приказалъ начать наступленіе; но подготовка къ стрѣльбѣ подъ японскимъ артиллерійскимъ огнемъ потребовала свыше часа; за это время уже значительная часть 15-й бригады успѣла скрыться въ оврагѣ Утіасъ. Отъ огня этой батареи уже въ исходѣ пятаго часа вечера—пострадали преимущественно уже послѣдніе эшелоны бригады Окасаки; такъ, двѣ удачныхъ шрапнели вырвали изъ двухъ ротъ резерва 16-го полка 50 человекъ; этотъ огонь вынудилъ полковые и бригадный резервы наступать короткими, по 50—70 шаговъ, перебѣжками, трудно уловимыми для артиллерійскаго огня.

Въ стрѣлковыхъ цѣпяхъ потери начались лишь по приближеніи на постоянный прицѣлъ къ оврагу Утіасъ, гдѣ сторожевое охраненіе сравнительно мало ослѣплялось японской артиллеріей. Къ сожалѣнію, такъ какъ упорная оборона оврага Утіасъ не входила въ наши расчеты, то какъ разъ въ этотъ моментъ началось отступленіе нашихъ передовыхъ частей. Черезъ 40 минутъ послѣ начала наступленія 2200 шаговъ до оврага Утіасъ были преодолены 30-мъ японскимъ полкомъ, находившимся въ особенно угрожаемомъ положеніи. Цѣпи 16-го полка нѣсколько отстали, въ особенности на его правомъ флангѣ, который былъ обстрѣлянъ дальнимъ ружейнымъ огнемъ съ участка ген.-м. Левестама и долженъ былъ нѣсколько повернуть къ востоку.

Перейдя на правый берегъ оврага Утіасъ, японцы начали ожесточенный стрѣлковый бой съ удаленія въ 600—700 шаговъ отъ нашей позиціи, во время котораго выяснилось, что юго-западный склонъ Лѣсистый сопки частью представляетъ мертвое пространство, частью обстрѣливается русскими съ очень узкаго фронта. Японская артиллерія посылала сотни снарядовъ въ каменную кумирню на вер-

шинѣ сопки, около которой группировались русскіе резервы и которая могла явиться опорнымъ пунктомъ.

35 минутъ продолжался огонь съ главной стрѣлковой позиціи на правомъ берегу оврага Утіасъ. За это время резервы подтянулись и, пользуясь оврагомъ Утіасъ, сосредоточились противъ мертваго пространства. Въ 4 ч. 45 мин. центръ бригады г. Окасаки началъ атаку по слабо обстрѣливаемой полосѣ, а въ 5 час. 10 мин. захватилъ кумирню. Прохожденіе полосы, шириной въ 2 версты, и атака потребовали всего 1 ч. 40 мин. времени. Лопаты, за которыя японцы не брались въ теченіе всего наступленія, сейчасъ же были пущены въ ходъ для полученія окоповъ для стрѣльбы съ колѣна.

Какъ только японцы оказались на Лѣсистой сопкѣ вмѣсто нашихъ войскъ — первоначально также на узкомъ фронтѣ—японская артиллерія значительно ослабила свой огонь; часть батарей 2-й дивизіи переѣзжала къ с. Панланшанцзы; хорошихъ цѣлей больше не было. Наши же батареи начали энергично обстрѣливать Лѣсистую сопку и бригада г.-м. Окасаки понесла значительныя потери; мы, однако, не воспользовались моментомъ ея разстройства для энергичной контръ-атаки. Японцы же значительно облегчили ея положеніе, занявъ с. Сантайцзы резервомъ 2-й дивизіи. Ген.-л. Мау первоначально сосредоточился на «главной» позиціи, а къ утру 30-го сентября очистилъ и ее.

Значеніе захвата Лѣсистой сопки было существенно, такъ какъ онъ въ значительной степени облегчалъ фронтальную атаку гвардейской дивизіи на IV Сиб. корпусъ; въ то же время, перейдя первымъ долину р. Шилихэ и зацѣпившись на ее правомъ берегу, г.-м. Окасаки поставилъ въ гораздо болѣе выгодныя условія ночную атаку Двурогой сопки 10-й дивизіей.

Потери бригады ген.-л. Мау можно опредѣлить около 1.300 человекъ; бригада Окасаки изъ 4.800 человекъ личнаго состава потеряла 921—19%. Наиболѣе тяжелыя потери падаютъ на 30-й полкъ—23%; въ значительной степени онъ были причинены артиллерійскимъ огнемъ, уже послѣ взятія Лѣсистой сопки. Японцы выпустили въ среднемъ по 35 патроновъ на винтовку, но на стрѣлка въ

цѣпи вѣроятно придется двойное количество, что даетъ скорость огня—1 патронъ на минуту остановки.

При всеобщемъ опасеніи движенія подъ огнемъ по открытой эспланадѣ, такъ ярко выразившемся въ отмѣнѣ дневной атаки на участкѣ 10-й дивизіи, густое и быстрое движеніе бригады ген.-м. Окасаки не могло не быть признано многими противорѣчающимъ современнымъ требованіямъ боя. Иные признаютъ его ошибочнымъ; болѣе рѣдкое, выдержанное наступленіе, съ болѣе широкимъ использованиемъ огня и частымъ обращеніемъ къ лопатѣ—методъ наступленія II арміи на фронтѣ XVII корпуса въ томъ же сраженіи на рѣкѣ Шахэ—привелъ бы, по мысли сторонника бурскихъ тенденцій въ тактикѣ, къ покушкѣ того же успѣха болѣе дешевой цѣной. Ошибочный будто бы методъ, примененный бригадой ген. Окасаки, объясняется ¹⁾ тѣмъ, что бригада воевала 6 мѣсяцевъ въ горахъ, гдѣ условія наступленія складываются совершенно отличнымъ образомъ. Это объясненіе, однако, не можетъ удовлетворить насъ, такъ какъ за 40 дней до этого боя мы видѣли ген.-м. Окасаки, ведущаго свою бригаду по подступамъ къ Нѣжинской сопкѣ съ громадной выдержкой и осторожностью. Также едва ли можно примкнуть къ мнѣнію очевидца, ген. Гамильтона, объясняющаго успѣхъ «дерзкой» атаки ген. Окасаки плохимъ искусствомъ стрѣльбы русской пѣхоты. Дѣйствительно, ружейный огонь съ Лѣсистой сопки, не остановившій наступленія японцевъ, былъ плохъ,—но не въ зависимости отъ степени искусства пѣхотинцевъ, а вслѣдствіе тактической обстановки. На 40—45 шаговъ немаскированного русскаго фронта на сопкѣ приходилась японская пушка; кромѣ того, на двѣ или три роты скученныхъ здѣсь пѣхотинцевъ, стрѣлявшихъ по расходящимся направленіямъ, приходилось 10 свободнѣе расположенныхъ японскихъ ротъ, стрѣлявшихъ по сходящимся направленіямъ. Въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находилась наша оборона, едва ли даже часть, составленная исключительно изъ призовыхъ

¹⁾ Въ подробныхъ тактическихъ очеркахъ австрійскаго генеральнаго штаба.

стрѣлковъ, достигла бы значительно лучшихъ результатовъ.

Несмотря на всѣ усовершенствованія огнестрѣльнаго оружія, дневныя атаки по открытому пространству являются и нынѣ не только возможными, но и необходимыми; изолированное положеніе участка непріятельской позиціи, недостаточное развитіе его стрѣлковыхъ позицій по фронту, легкость ориентировки, хорошая артиллерійская поддержка и возможность быстро миновать пространство, поражаемое непріятельской артиллеріей—все это создаетъ такую обстановку, которая побуждаетъ пѣхотныхъ начальниковъ вести наступленіе ускореннымъ темпомъ. Быстрота движенія впередъ, если только сила непріятельскаго огня допускаетъ ее, лучше предохранитъ войска отъ большихъ потерь, чѣмъ самое методическое возведеніе окоповъ. Хотя ориентироваться въ положеніи противника теперь много труднѣе, вслѣдствіе возросшихъ дистанцій боя, все же часто удастся подмѣтить выгодныя для активныхъ дѣйствій минуты, и было бы ошибочнымъ не наперечъ всѣ силы, чтобы использовать эти мгновенія. Методическое наступленіе, съ длинными остановками и медленнымъ переходомъ на ближайшія къ противнику стрѣлковыя позиціи, не должно являться шаблономъ для слѣпого копированія. Всѣ задержки, передышки, оглядыванія во всѣ стороны, продолжительныя огневыя схватки, накапливанія, перепалзыванія, въ которыхъ въ данномъ случаѣ нѣтъ нужды, только тормозятъ наступленіе, ведутъ къ потерѣ времени, губятъ порывъ войскъ и представляютъ тяжелую расплату за недостаточную подготовку пѣхотныхъ начальниковъ. Полоса ружейнаго огня непріятеля, въ зависимости отъ обстановки, можетъ быть пройдена и въ мѣсяць, и въ тридцать минутъ. Отъ глазомѣра пѣхотныхъ начальниковъ будетъ зависѣть оцѣнка дѣйствій, лишнихъ для даннаго случая, выбросивъ которыя, мы можемъ ускорить—не только самый темпъ наступленія, но и достиженіе поставленной цѣли. Ген.-м. Окасаки былъ несомнѣнно правъ, использовавъ заминку въ работѣ нашей артиллеріи и слабость нашей стрѣлковой позиціи для достиженія быстрымъ броскомъ оврага Утіасъ. Какія либо дополнительныя остановки на пройденной равнинѣ яв-

лялись бы рѣшительно неумѣстными; если бы бригада ген.-м. Окасаки воспроизвела ихъ на томъ основаніи, что такъ обыкновенно ведется пѣхотное наступленіе, то она обнаружила бы отсутствіе гибкости тактической подготовки, необходимой для успѣха въ современномъ бою. Что касается до потерь, то медленное наступленіе вызвало бы, безусловно, лишнія жертвы; уже послѣдніе эшелоны бригады несли бѣльшія потери, чѣмъ передніе. Во всякомъ случаѣ, соображеніе о потеряхъ не должно являться рѣшающимъ—прежде всего надо стремиться къ достиженію цѣли; при движеніи впередъ, тѣ же потери менѣе разстраиваютъ войска, чѣмъ при продолжительной остановкѣ на мѣстѣ.

Поучительно, что ген. Окасаки, имѣвшій широкій опытъ въ ночныхъ дѣйствіяхъ (бои на Нѣжинской сопкѣ), не отложилъ наступленіе на ночь, къ чему онъ имѣлъ полную возможность, въ виду указанія на желательность совмѣстныхъ дѣйствій съ 10-й дивизіей. Не слѣдуетъ отлагать на ночь то, что возможно сдѣлать днемъ, въ особенности не слѣдуетъ бояться потерь отъ современнаго усовершенствованнаго оружія при наступленіи засвѣтло, когда обстановка огневого боя складывается благопріятно для насъ. Увлеченіе ночными дѣйствіями не должно заставлять насъ забывать, что все устройство современныхъ армій рассчитано на то, что бы разрѣшать крупнѣйшія задачи днемъ.

Какія же мѣры слѣдовало бы принять для болѣе успѣшной обороны Лѣсистой сопки? Прежде всего необходимо было позаботиться о противопоставленіи противнику болѣе широкаго огневого фронта. Лѣвый флангъ можно было примкнуть къ сел. Сантайцзы, обративъ самое серьезное вниманіе на фланкированіе подступа съ юго-запада на Лѣсистую сопку, слабо обстрѣливаемаго съ самой сопки. Эта задача окупила бы выдѣленіе къ сел. Сантайцзы 2 пушекъ. Правый флангъ не долженъ былъ погибать на сѣверо-западъ вслѣдствіе находенія удобной рывтины; здѣсь, на равнинѣ, устройство окоповъ требовало лишь короткаго времени. Въ виду опасенія удара съ запада два батальона, назначенные на правый флангъ, лучше было расположить уступами, съ направленіемъ

фронта на участокъ отъ сопки до с. Утіасъ включительно; Царицынцы бы образовали крайній уступъ.

Открытая долина р. Шилихэ открывала широкое поле прище артиллерійскому огню; разбросанность нашихъ пѣхотныхъ позицій при широкихъ интервалахъ между занятыми участками затрудняла взаимную поддержку ружейнымъ огнемъ; безъ сильной артиллеріи, которая бы своимъ мощнымъ дальнобойнымъ огнемъ связала бы эти отдѣльные участки въ одно цѣлое, каждый изъ нихъ, въ борьбѣ съ неприятельской арміей, предоставлялся своимъ ограниченнымъ силамъ. Нужно было настаивать на развертываніи многихъ батарей, остававшихся еще въ резервѣ ген.-ад. Куропаткина. Во всякомъ случаѣ, начальники группъ на Двурогой и Лѣсистой сопкахъ должны были установить между собой тѣсную связь и обезпечить другъ другу возможную поддержку имѣющимся батареями.

При полномъ торжествѣ японскаго артиллерійскаго огня въ четвертомъ часу дня, успѣхъ длительного перехода въ наступленіе Царицынцевъ во флангъ бригады г. Окасаки представляется сомнительнымъ. Но подать съ этой стороны нѣкоторую помощь защитникамъ исходящаго угла у Лѣсистой сопки было крайне желательно, и если первоначальное положеніе недопускало такой поддержки огнемъ, то не слѣдовало останавливаться предъ тѣмъ, чтобы бросить рывину и сдѣланные окопы, и выдвинуть впередъ правымъ плечомъ двѣ-три роты на открытое мѣсто для фланкированія наступающихъ японцевъ. Лучше драться безъ окоповъ, чѣмъ привязывать себя къ такимъ окопамъ, положеніе которыхъ не удовлетворяетъ требованіямъ боевой обстановки.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Атака Двурогой сопки въ ночь на 29 сентября 1904 года.

Группировка русскихъ силъ на Двурогой сопкѣ.—Задача 10-й японской дивизіи.—Распоряженія для ночной атаки.—Ходъ боя и положеніе къ утру 29 сентября.—Тактическій разборъ.

Шестиверстный промежутокъ между отрядами ген.-лейт. Мау на Лѣсистой сопкѣ и авангардомъ ген.-м. Рябинкина—правымъ флангомъ Западнаго отряда—охранялся къ утру 28 сентября только нѣсколькими охотничьими командами. За этимъ промежутокъ располагалась уцѣлѣвшая часть центральной группы общаго резерва—I арм. корпусъ. Охраненіе его находилось въ 4 верстахъ къ сѣверу отъ Двурогой сопки. Между тѣмъ, на лѣвомъ берегу р. Шилихэ противъ этого промежутка уже съ утра оказались японцы, и бой постепенно разгорался на сосѣднихъ участкахъ—у ген. Мау и Рябинкина. Такая обстановка вынудила насъ въ теченіе 28 сентября принять мѣры для болѣе прочнаго занятія этого промежутка, чтобы установить тѣсную связь между нашимъ центромъ и Западнымъ отрядомъ, и обезпечить ген. Мау отъ охвата его праваго фланга.

Всѣмъ этимъ промежутокъ командовала Двурогая сопка, далеко вдававшаяся въ равнину; сюда и направлялись части, назначенныя для обороны промежутка. Въ девятomъ часу утра застава охотниковъ ген.-м. Рябинкина была смѣнена 1 ротой Новочеркаскаго полка, занявшей вершину сопки и юго-западный склонъ ея. Въ полдень

участокъ у сопки былъ занятъ уже 2 батальонами и 8 оруд.; признаки японскаго наступленія, артиллерійскій огонь и готовившаяся атака Лѣсистой сопки заставили ген.-ад. Куропаткина во второмъ часу дня усилить участокъ 1 батальономъ, а въ четвертомъ часу дня — еще 1 батал. и 8 оруд.; кромѣ того 1 батал. Царицынскаго

№ 37.

полка былъ направленъ на промежутокъ между Двурогой и Лѣсистой сопками, но задержался уступомъ позади.

Всего на этомъ участкѣ, подъ командой ген.-м. Мандрыка, къ вечеру развернулись изъ общаго резерва 4 батал. Новочеркасцевъ, 1 батал. Царицынцевъ и 16 оруд. Кромѣ того, ген. Рябинкинъ занялъ с. Импань, но связи между батальономъ въ с. Импань и Новочеркасцами установлено

не была. Хромала связь и на лѣвомъ флангѣ. Спустившіеся въ шестомъ часу вечера сумерки скрыли отъ Новочеркасцевъ занятіе японцами Лѣсистой сопки, и извѣстіе объ этомъ дошло до нихъ только черезъ 3 часа. Между тѣмъ, потеря Лѣсистой сопки вызвала отходъ назадъ и батальона Царицынскаго полка. Уже глубокой ночью ген. Мандрыка узналъ отъ своихъ лѣвофланговыхъ ротъ, что его флангъ совершенно открытъ съ юго-востока. За то въ его распоряженіе былъ выдвинуть I батал. Самарскаго полка.

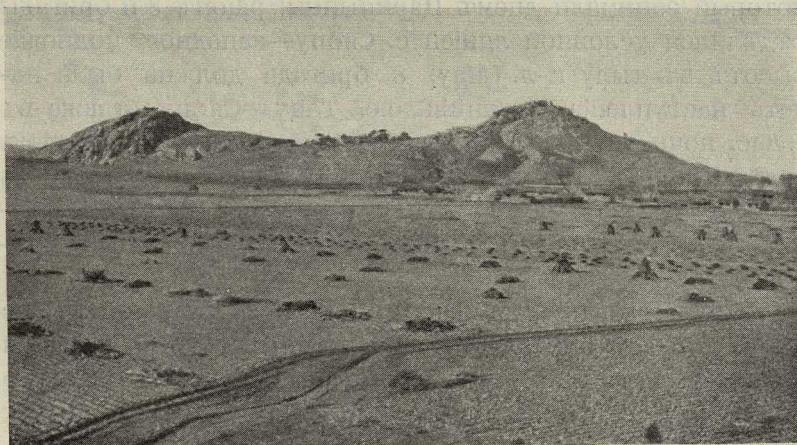
Къ ночи ген. Мандрыка занималъ слѣдующее расположеніе: самую сопку занимала только первая рота Новочеркасцевъ; остальные роты I батальона съ 8 оруд. занимали позицію у с. Тагоу, примыкая къ ея сѣверному склону; батарея здѣсь была подана на линію стрѣлковыхъ цѣпей, чтобы открыть ей, насколько возможно, заслоненный Двурогой сопкой обстрѣлъ влѣво, тѣмъ не менѣе, подступы на Двурогоую со стороны с. Тапу, крайне трудные сами по себѣ (обрывы), получали лишь слабую фронтальную оборону. III и IV батальоны, подъ начальствомъ подполк. Клингенберга, располагались у с. Танхайши; этотъ участокъ былъ занятъ такъ сильно вслѣдствіе вниманія, вызваннаго къ лѣвому флангу атакой ген. Окасаки. Резервъ составлялъ II батальонъ Новочеркасцевъ; одна рота была выдѣлена въ прикрытіе 2-й батар. 43-й артил. бригады, обстрѣливавшей полосу наступленія ген. Окасаки, а другая рота со знаменемъ находилась въ глубокомъ тылу у с. Цандятунь. Батальонъ Самарцевъ во второмъ часу ночи былъ подтянуть къ Двурогой сопкѣ. Роты окапывались по мѣрѣ выдвигенія въ боевую часть; прибывшая саперная рота строила батареямъ блиндажи.

Противъ нашихъ 5 батальоновъ, растянутыхъ по фронту на 2¹/₂ версты, съ утра находилась 10-я японская дивизія¹⁾, насчитывавшая, со своей резервной бригадой, 14 батал. 36 пол. и 36 горн. оруд. Задача дивизіи заключалась въ глубокомъ охватѣ расположенія ген.-л. Мау и всего VI Сиб. корпуса, каковой ударъ, въ связи съ фронтальной атакой арміи Куроки, долженъ былъ окончательно разгромить

¹⁾ 8-я бригада—полки 10-й и 40-й; 20-я бригада—полки 20-й и 39-й; 10-я резервн. бригада—резервные полки 10-й и 20-й.

нашъ центръ. Сосредоточеніе здѣсь большихъ силъ на фронтѣ около 4 верстѣ, усиленіе 10-й дивизіи изъ резерва главнокомандующаго пѣхотой и артиллеріей, позднѣйшее вступленіе ея въ бой, подготовленное боями арміи Куроки ночью и на разсвѣтъ 28-го сентября, и боемъ другой, 5-й дивизіи IV арміи, выставленной въ заслонъ противъ X корпуса, расположеніе за нею послѣднихъ частей резерва главнокомандующаго—все это придавало выступленію 10-й дивизіи характеръ того послѣдняго рѣшительнаго удара общаго резерва, которымъ такъ несравненно

№ 38. Двурогаѣ сопка.

умѣлъ Наполеонъ сметать распатанное боемъ построеніе непріятеля. Направленіе атаки было предуказано; начальнику 10-й дивизіи осталось выбрать минуту для ея начала.

Ровное поле долины р. Шилихэ и могучая профиль Двурогаѣ сопки, на которой виднѣлись отдѣльные русскіе солдаты, произвели на начальника дивизіи, ген. Кавамура, впечатлѣніе очень сильной позиціи, и атаку ея онъ отложилъ до захвата Лѣсистой сопки ген. Окасаки. Такимъ образомъ, большія силы японцевъ бездѣйствовали все утро передъ одной ротой Новочеркасцевъ. Близняя развѣдка отсутствовала. Отходъ Царицынцевъ съ промежуточнаго отрога также остался незамѣченнымъ.

Окончательное рѣшеніе атаковать было принято только въ 5 час. 40 мин. вечера, послѣ взятія Лѣсистой сопки. Быстро стемнѣло, и войска должны были разбираться въ своихъ задачахъ и готовиться къ ночной атакѣ уже въ темнотѣ. Вслѣдствіе упущеній въ службѣ связи, 10-й полкъ—крайнее лѣвое крыло—получилъ окончательныя указанія только въ одиннадцатомъ часу вечера.

Диспозиція по 10-й дивизіи указывала 20-й бригадѣ¹⁾ овладѣть высотами въ тылу г.-л. Мау, при чемъ она, развернувшись въ 1 часъ ночи въ оврагѣ между Лѣсистой сопкой и с. Сяопу, нацѣливалась на промежуточный отрогъ, который занимали днемъ Царицынцы; районъ 8-й бригады отдѣлялся условной линіей с. Сяопу—западное подножіе высотъ въ тылу г.-л. Мау; 8-я бригада должна была начать наступленіе съ линіи с.с. Тапу—Сяопу, также въ 1 час. ночи, овладѣть сначала Двурогой сопкой и затѣмъ содѣйствовать атакѣ 20-й бригады. Каждая бригада должна была имѣть свой резервъ. 10-я резервная бригада выступала съ лѣваго берега р. Шилихэ въ 1 час. ночи и слѣдовала за центромъ.

Кромѣ того, начальникъ дивизіи далъ собраннымъ на высоту у с. Суйцзяшань начальникамъ устные указанія по детальнымъ вопросамъ. Роты, развернутыя въ боевую часть, должны были слѣдовать развернутымъ фронтомъ; стрѣлять разрѣшалось только этимъ ротамъ, и то лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Бригадные и дивизионныя резервы слѣдовали въ линіи ротныхъ колонъ. Войска должны были одѣть шинели, и на лѣвомъ рукавѣ прикрѣпить бѣлую повязку. Къ 12 час. 30 мин. всѣ перестроенія должны были быть закончены, а въ 1 часъ ночи, по свѣтовому сигналу, наступленіе начиналось.

8-я бригада запоздала; только черезъ полчаса послѣ подачи свѣтового сигнала достигла она своего исходнаго положенія. 40-й полкъ, съ 2 бат. въ боевой части и 1 бат. въ резервѣ, составлялъ правое крыло; 10-й полкъ, имѣя

---

¹⁾ Безъ 2 батал. 20-го полка, выдѣленныхъ въ уступъ за лѣвый флангъ г.-м. Окасаки для содѣйствія ему въ бою за Лѣсистую сопку; такъ какъ, однако, ночью боя у г.-м. Окасаки не было, то эти батальоны присоединились, по инициативѣ командира полка, къ своей бригадѣ и атаковали вмѣстѣ съ ней.

2 бат. уступомъ за лѣвымъ флангомъ, образовывалъ лѣвое крыло. Первыми же выстрѣлами секретовъ роты Новочеркасцевъ, занимавшей Двурогую сопку, были ранены командующіе бригадой и 10-мъ полкомъ. На лѣвомъ флангѣ произошло замѣшательство, такъ какъ всѣ батальоны 10-го полка сбились въ с. Тапу и частью перемѣшались.

№ 39.

Послѣ паники, съ которой удалось справиться, значительная часть 10-го полка откололась вправо, и вмѣстѣ съ 40-мъ полкомъ атаковала с. Танхайши; другая группа постепенно тѣснила обороняющую Двурогую сопку роту, а лѣвофланговый уступ оторвался влѣво, на участокъ I бат. Новочеркасцевъ, послѣ чего въ замѣшательствѣ отступилъ.

Правое крыло 8-й бригады, потерявшее всякую связь съ далеко ушедшей впередъ 20-й бригадой, охватило III и IV бат. Новочеркасцевъ у с. Танхайши; завязавшійся здѣсь упорный стрѣлковый бой на дистанціяхъ 50—300 шаговъ продолжался съ 2 час. ночи до разсвѣта; многія русскія и японскія роты растрѣляли всѣ патроны, и пополнить ихъ въ обстановкѣ ночного боя оказалось невозможнымъ.

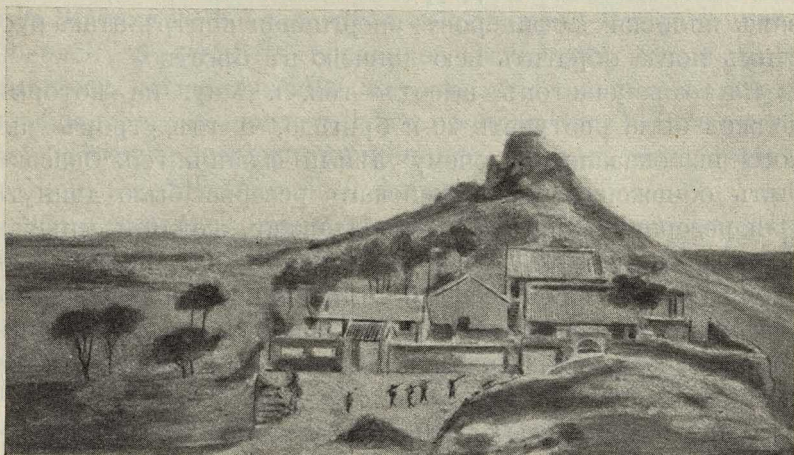
Высоты, на которыя нацѣливалась 20-я бригада, находились уже не въ тылу ген.-л. Мау, а были заняты его главными силами, оставившими гребень непосредственно къ сѣверу отъ Лѣсистой сопки. Однако, дозоры 20-й бригады, начавшей движеніе въ 1 часъ ночи, по диспозиціи, не дошли до нашего расположенія. Въ 2 часа ночи бригада, сильно перемѣшавшись, находилась у подножія высотъ; сзади нея, отъ с. Танхайши, слышался шумъ оживленнаго боя—стрѣльба пачками, крики «ура» и «банзай», пѣніе японскаго гимна, которымъ пытались останавливать вспыхивавшую въ разныхъ мѣстахъ панику и стрѣльбу по своимъ. 20-я бригада естественно перемѣнила фронтъ на 90°, всѣ части окончательно перемѣшались, и бригадному командиру ничего не оставалось другого, какъ толкать эту массу впередъ, на Двурогую сопку, въ тылъ защитникамъ с. Танхайши. Вскорѣ онъ былъ раненъ, командиръ 39-го полка—убитъ.

10-я резервная бригада—резервъ дивизіи, находилась въ 3 ч. 30 мин. въ районѣ къ юго-востоку отъ с. Танхайши; начальникъ ея, выяснивъ своими дозорами измѣненіе направленія атаки 20-й бригады, принялъ, по своему почину, рѣшеніе—помочь овладѣнію с. Танхайши, и приказалъ своимъ полкамъ двинуться туда же. 20-й резервный полкъ принялъ влѣво и растворился въ массѣ обложившей деревню японской пѣхоты; до 10-го же резервнаго полка приказаніе не дошло, и онъ остался къ востоку, заслоняя японскую атаку со стороны войскъ ген.-л. Мау.

Между 4 и 5 часами ночи III и IV батал. Новочеркасцевъ, окруженные подавляющими силами, не получая поддержки, пробивались отдѣльными партіями въ тылъ. Кучка упорныхъ храбрецовъ оставалась въ горѣвшей де-

ревнѣ до разсвѣта, отбивая недружные попытки японцевъ штурмовать.

Ген.-м. Мандрыка считалъ особенно важнымъ удержатъ Двурогую сопку, и потому только съ этой цѣлью и расходовалъ свой резервъ. Кумирню на Двурогой онъ занялъ 1-й ротой Самарцевъ, но она скоро отступила подъ давленіемъ 20-й бригады. Путь отступленія роты Новочеркасцевъ, занимавшей западный зубъ, былъ отрѣзанъ, и она погибла на высокихъ скалахъ. Чтобы облегчить отступление отъ с. Танхайши, г.-м. Мандрыка занялъ двумя ротами резерва восточный зубъ Двурогой и сдѣ-

№ 40. Двурогая сопка: видъ съ восточнаго зуба на западный.

лалъ слабую попытку отобрать кумирню, продвигая по ротѣ по сѣверному и южному скату Двурогой.

Густой утренній туманъ окуталъ поле сраженія. На просьбу о поддержкѣ г.-м. Мандрыка получилъ обѣщаніе присылки двухъ ротъ, которыя, конечно, не могли измѣнить судьбу боя. Батареи отошли, во избѣжаніе захвата—одна ночью, другая на разсвѣтѣ. Ген.-м. Мандрыка рѣшилъ отвести свои войска назадъ. Чтобы обезпечить сборъ отступавшихъ частей, онъ занялъ весьма неудобную арьергардную позицію у с. Цандятунь, у подножія Двурогой. Лѣвѣе его, подъ натискомъ генерала Окасаки, отходилъ и устраивался на высотахъ южнѣе с. Хаматанъ

отрядъ ген. Мау. Рѣшительное преслѣдованіе 10-й дивизіей могло бы принести значительные плоды, но она не была способна ни на какое активное усиліе. Части были слишкомъ перепутаны, да и некому было взять на себя инициативу дальнѣйшаго наступленія; два полковыхъ командира и оба бригадныхъ выбыли изъ строя, а начальникъ дивизіи оставался у с. Суйцзяшань. Разсвѣтъ обнаружилъ огневую схватку 20-го резервнаго полка съ частями 10-го японскаго полка: первый атаквалъ, а второй защищалъ западный зубъ Двурогой. Только около полудня японцамъ удалось разобратъся; до этого же времени положеніе ихъ на Двурогой было таково, что, по словамъ японскыхъ офицеровъ, энергичная контръ-атака русскихъ могла обратить всю дивизію въ бѣгство.

На тотъ участокъ высотъ—ген.-л. Мау, на который должна была наступать 20-я бригада, и гдѣ утромъ никого не оказалось, почему лѣвый флангъ ген. Окасаки былъ обнаженъ, изъ армейскаго резерва была двинута 11-я резервная бригада. Въ поддержку же 10-й дивизіи былъ двинуть 40-й резервный полкъ. Въ теченіе 29 сентября передъ фронтомъ 10-й дивизіи были выдвинуты резервные полки, что дало ей возможность придти въ порядокъ. Однако, въ дальнѣйшихъ бояхъ сраженія на р. Шахэ она принимала уже вялое участіе.

Наши потери—около 800 человѣкъ; потери японцевъ—1.310 человѣкъ.

Если мы сравнимъ результаты этого боя 14 японскихъ батальоновъ съ 14 русскими ротами съ результатами атаки бригады ген. Окасаки—6 японскихъ батальоновъ на 8 русскихъ, то придемъ къ заключенію, что дневная атака потребовала меньше силъ, несравненно менѣе распатала принимавшіе участіе въ бою войска, стоила меньшихъ потерь и болѣе ослабила ряды противника. Успѣхъ днемъ вообще можетъ быть шире использованъ, тогда какъ серьезный ночной бой надолго лишаетъ войска способности къ активнымъ дѣйствіямъ, вслѣдствіе сильнаго моральнаго и физическаго истощенія. Ночное наступленіе представляетъ крупныя невыгоды, и достойное замѣчанія, что части войскъ, дравшіяся ночью, и даже

имѣвшія успѣхъ, рѣдко прибѣгаютъ второй разъ къ ночнымъ атакамъ. Ночью атакующая пѣхота теряетъ цѣннаго союзника — артиллерійскій огонь; поддержка артиллеріи даетъ атакующему гораздо больше выгоды, чѣмъ оборонѣ. При осадѣ Портъ-Артура, гдѣ рѣшительное превосходство въ артиллерійскомъ огнѣ находилось на сторонѣ японцевъ, послѣ перваго неудачнаго опыта они отказались вовсе пользоваться ночнымъ временемъ для атакъ.

Правда, организація японской атаки на Двурогую была крайне неудовлетворительна, и по своему неустройству напоминаетъ нашу неудачную атаку Нѣжинской сопки въ ночь на 20 августа. Однако, начальникъ 10-й дивизіи, г.-л. Кавамура, впослѣдствіи командующій V арміей, пользовался репутаціей искуснаго генерала; цѣлый рядъ ошибокъ, недоразумѣній, случайностей является непременнымъ спутникомъ всякаго ночного боя, и при оцѣнкѣ выгоды обращенія къ ночнымъ атакамъ надо учитывать ихъ неблагоприятныя послѣдствія.

Въ настоящее время трудность ночной атаки, по сравненію съ эпохой описаннаго эпизода, увеличилась вслѣдствіе широкаго примѣненія пулеметовъ и полевыхъ прожекторовъ, въ значительной степени увеличившихъ силу огня обороны въ ночное время. Въ любой моментъ атакующій можетъ попасть въ снопъ яркаго свѣта и быть скошенъ пулеметнымъ огнемъ на близкихъ дистанціяхъ ночного боя. Одно присутствіе у противника средствъ для искусственнаго освѣщенія вынуждаетъ атакующаго отказаться отъ пользованія при ночной атакѣ сомкнутыми строями. Протяженіе фронта ротъ и батальоновъ будетъ расширяться, и управление, представляющее уже теперь почти непреоборимыя трудности, встрѣтитъ еще новыя препятствія. Задача 10-й дивизіи въ ночномъ бою была чрезвычайно осложнена развертываніемъ ея на фронтъ въ 4 версты, что повлекло сперва къ потерѣ связи, а потомъ и къ перемѣшиванію частей. Въ будущемъ же придется считаться съ такими широкими фронтами.

Какъ бы мы ни оцѣнивали невыгоды ночныхъ боевъ, въ слѣдующую войну придется часто встрѣчаться съ ними—такъ какъ современныя сраженія не укладываются въ тѣсныя рамки свѣтлаго времени одного дня, и обѣ

стороны не будутъ прекращать на ночь активную дѣятельность. Кромѣ того, рядъ частныхъ боевыхъ задачъ вообще можетъ быть выполненъ ночью успѣшнѣе, чѣмъ днемъ—въ особенности, когда обстановка заставляетъ серьезно считаться съ дѣйствіемъ непріятельской артиллеріи. Предшествовавшее разсужденіе имѣетъ въ виду только отмѣнить неправильность бездѣйствія днемъ изъ-за обманчивыхъ выгодъ наступленія въ темнотѣ. Начальникъ 10-й дивизіи былъ неправъ, имѣя возможность овладѣть Двурогой сопкой дневнымъ наступленіемъ и откладывая его, чтобы испытать ночью свое счастье. Возможный успѣхъ ночью не долженъ служить оправданіемъ нерѣшительности начальника, опасася дѣйствія огня днемъ.

Даже при отсутствіи всякой подготовки къ ночной стрѣльбѣ, огонь Новочеркасцевъ при оборонѣ Двурогой сопки наносилъ уже японцамъ большія потери на дистанціяхъ до 600 шаговъ. Моральное дѣйствіе огня ночью еще больше, чѣмъ днемъ. Нашъ огонь останавливалъ японцевъ, заставлялъ бросаться на землю, открывать во всѣ стороны беспорядочную стрѣльбу, команды и сигналы не въ силахъ были прекратить огонь, и нѣкоторыя роты замолкали только вслѣдствіе полного истощенія патроновъ, пополнять которые ночью невозможно. Ночной огонь атакующаго несравненно менѣе дѣйствителенъ; онъ теряетъ гораздо больше, чѣмъ обороняющій; абсолютная мѣткость огня послѣдняго, вслѣдствіе меньшихъ дистанцій ночного боя и отсутствія подавляющаго вліянія непріятельскаго артиллерійскаго огня, при нѣкоторой подготовкѣ можетъ оказаться даже выше мѣткости стрѣльбы днемъ, по болѣе рѣдкимъ и удаленнымъ цѣлямъ.

Отмѣтимъ сложность распоряженій для ночного боя, объясняемую тѣмъ, что старшему начальнику, организующему ночной бой, необходимо предусмотрѣть цѣлый рядъ вопросовъ, разрѣшеніе коихъ въ дневномъ бою можно было предоставить инициативѣ частныхъ начальниковъ. Ночью, вслѣдствіе ограниченности кругозора каждаго частнаго начальника и невозможности ему ориентировать сосѣдей объ измѣненіи своей боевой роли, желательно болѣе точное, чѣмъ днемъ, согласованіе всѣхъ дѣйствій съ полученными приказаніями. Такой починъ, какой про-

явила, напримѣръ, 20-я бригада, измѣнивъ на 90° направленіе атаки противъ указаннаго, можетъ привести въ ночномъ бою къ возникновенію печальныхъ случайностей.

Эти усложненія приказаній для ночного боя—указанія начальника дивизіи каждой бригадѣ имѣть свой резервъ, разграниченіе района наступленія между бригадами, требованіе особыхъ мѣръ для обезпеченія лѣваго фланга 8-й бригады, указаніе—вести всѣ роты первой линіи развернутымъ фронтомъ, точное урваненіе во времени всего марша, указанія объ открытіи огня и т. д.—ни въ коемъ случаѣ, однако, немогутъ доходить до постановки войскамъ, вмѣсто частныхъ боевыхъ задачъ, требованія—наступать, сохраняя свое мѣсто въ общемъ боевомъ порядкѣ. Въ описанной атакѣ Двурогой сопки 8-я и 20-я бригады получили свои независимыя задачи, и въ дальнѣйшемъ развитіи боя образованныя ими различныя боевыя группировки работали надъ частными задачами. Первые же свѣдѣнія¹⁾ объ этой атакѣ 10-й дивизіи гласили о построеніи 23 батальоновъ въ три линіи, на небольшихъ интервалахъ и дистанціяхъ, и о постепенномъ наступленіи такого чисто смотрового построенія, въ которомъ самостоятельность частныхъ начальниковъ сведена къ нулю. При первыхъ же выстрѣлахъ Новочеркасцевъ такой ящикъ изъ войскъ развалился бы, и если единственная забота начальниковъ заключалась въ томъ, чтобы держать свое мѣсто, пораженіе 10-й дивизіи было бы обезпечено. Болѣе тѣсно согласуя дѣйствія частныхъ начальниковъ, каждому изъ нихъ необходимо все же указывать его частную цѣль, чтобы въ томъ безпорядкѣ, котораго ночью не избѣжать, онъ могъ сознательно работать надъ достиженіемъ ея.

Главныя ошибки со стороны японцевъ заключались въ слѣдующемъ. Отсутствие ближней развѣдки заставило ихъ утромъ остановиться передъ однимъ профилемъ занятой только охотниками Двурогой сопки; поздняя отдача приказаній для ночной атаки лишила полки возможности вовремя занять исходное положеніе, осмотрѣться, организовать свою ближнюю развѣдку, рекогносцировать пе-

¹⁾ Разсказъ японскаго офицера ген. Гамильтону и другимъ военнымъ агентамъ.

реходы черезъ оврагъ р. Шилихэ и обдумать и подготовить прохожденіе широкимъ фронтомъ черезъ деревни. Въ результатъ, несмотря на ту ориентировку, которую давалъ вырѣзавшійся на небѣ массивъ Двурогой, батальоны наступали по взаимно скрещивающимся направлєніямъ, части перепутались, много стрѣляли по своимъ и испытали нѣсколько моментовъ остраго замѣшательства, граничившаго съ паникой.

Нужно отмѣтить также недостаточную выдержку японскихъ начальниковъ, торопившихся бросать войска къ сторонѣ с. Танхайши. Нужно твердо усвоить, что бой за селеніе, упорно обороняемое, требуетъ много времени; даже при большемъ превосходствѣ въ силахъ для взятія селенія нужно нѣсколько часовъ; прибытіе 20-го резервнаго полка увеличило беспорядокъ у атакующаго, но едва ли ускорило взятіе с. Танхайши.

У насъ расходованіе резервовъ впало въ другую крайность. Капля за каплей собирается Новочеркасскій полкъ на Двурогой сопкѣ; командующій арміей разстается съ большимъ сожалѣніемъ съ каждой ротой своего резерва. Помимо того, что вниманіе, которое удѣлялъ ген.-ад. Куропаткинъ участку у Двурогой сопки, шло въ ущербъ общему руководству ходомъ боя, болѣе ранняя атака 10-й японской дивизія заставила бы насъ пожалѣть, что Двурогая сопка занималась лишь послѣдовательно. Разъ за Двурогой сопкой было признано большое тактическое значеніе, нужно было и занять ее сразу достаточными силами.

Ту же ошибку дѣлаетъ въ теченіе ночного боя ген.-м. Мандрыка, расходуя свой резервъ по-ротно. Разъ было сознано важное значеніе кумирни, расположенной на сѣдловинѣ Двурогой, для сохраненія за нами всей сопки, эту кумирню слѣдовало занимать не одной ротой, а цѣлымъ батальономъ. Также и активныя дѣйствія слѣдовало предпринимать не отдѣльными ротами, а собравъ все, что имѣлось, снявъ роты съ неатакованныхъ участковъ, обезпечивъ себѣ, по возможности, содѣйствіе сосѣдей. Пока держалось с. Танхайши и западный зубъ Двурогой—слѣдовательно, въ теченіе трехъ часовъ времени, можно было подготовить и нанести японцамъ одинъ рѣзкій ударъ, ко-

торый имѣлъ много шансовъ обратить противника въ паническое бѣгство.

Оборона сложилась бы для насъ выгоднѣе, если бы въ предвидѣнны ночного боя наше расположеніе сжалось; у с. Танхайши лучше бы было, въ виду незащищенности фланга, приготовиться къ охвату его, отнеся оборону къ самому селенію и приведя его въ оборонительное состояніе. Главныя же силы ген.-м. Мандрыка было бы лучше всего расположить на ночлегъ въ важнѣйшемъ тактическомъ пунктѣ—кумирнѣ на Двурогой, хотя бы это и не было удобно для войскъ. Боевымъ требованіямъ слѣдовало отдать рѣшительное предпочтеніе передъ хозяйственными.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Атака Путиловской сопки.

Положеніе праваго фланга арміи Оку къ концу сраженія на р. Шахэ
Выдвиженіе отряда ген. Ямада. — Организація атаки сопки съ дере
вомъ. — Атака центральной группы и обоихъ крыльевъ. — Тактическій
разборъ.

14. 11. 5. 7
Въ теченіе 1-го и 2-го октября II японская армія достигла
р. Шахэ на участкѣ Линшинпу—Ламатунь—Сахепу. Бой про-
должался уже 6 дней, армія потеряла пятую часть своего
состава, войска были крайне изнурены. Генераль Оку,
согласно полученныхъ отъ главнокомандующаго указаній,
не предполагалъ вести наступленіе дальше, и японцы
окапывались. Но бой продолжался, и особенно тяжелымъ
было положеніе 3-й дивизіи у Сахепу; противъ нея части
X корпуса держались на постоянномъ прицѣлѣ передъ
фронтомъ, а части I армейскаго корпуса занимали на
флангѣ сопку, названную потомъ Путиловской. Русскія
силы предъ 3-й дивизіей росли, и надо было ожидать пе-
рехода ихъ въ наступленіе. Сосѣдняя же IV армія укрѣ-
плялась уступомъ въ 4 верстахъ позади, на фронтѣ
Чаплинза—Пуцаова, откуда правый флангъ 3-й дивизіи не
получалъ достаточно дѣйствительной поддержки. Вслѣд-
ствіе этого, по просьбѣ II арміи, IV армія изъ состава
своего резерва выдѣлила сборный отрядъ ген. Ямада, въ
составѣ 41-го полевого и 20-го резервнаго¹⁾ полковъ, 2

¹⁾ 20-й резервный полкъ принималъ участіе въ атакѣ Двурогой сопки, гдѣ
стрѣлялъ по своимъ.

полевыхъ и 3 горныхъ батарей, всего 5 бат. и 30 орудій; сборный составъ этого отряда объясняется тѣмъ, что затянувшіеся бои, во время которыхъ японское управленіе нѣсколько разъ видоизмѣняло свои рѣшенія, нарушили постоянную организацію войскъ. 41-й полкъ въ IV арміи оставался единственнымъ полкомъ 5-й дивизіи, главныя силы которой были переброшены на востокъ; 20-й резервный полкъ оставался единственнымъ полкомъ 10-й ре-

№ 41. Путиловская сопка съ запада.

зервной бригады въ армейскомъ резервѣ—остальные находились въ боевой части.

15.10 Къ вечеру 2-го октября отрядъ ген. Ямада потѣснилъ находившіяся у Путиловской сопки и сопки съ деревомъ (впослѣдствіи «Новгородская») части 22-й дивизіи, и утромъ 3-го октября сбиль ихъ, прежде чѣмъ онѣ успѣли получить подкрѣпленія. Затѣмъ ген. Ямада перешелъ къ оборонѣ. Командующій, правый участокъ позиціи — Новгородскую сопку—онъ занялъ 41-мъ полкомъ, развернувшимъ два батальона въ боевую часть, и одинъ батальонъ оставившимъ въ резервѣ, за сопкой. Лѣвый уча-

стокъ—Путиловская сопка—былъ занятъ 2 батальонами 20-го резервнаго полка. Здѣсь же располагалась и артиллерія отряда, такъ какъ отсюда было удобно поражать косымъ огнемъ части X корпуса, тѣснившія 3-ю дивизию.

Во вторую половину дня отрядъ г. Ямада оживленно обстрѣливался артиллерійскимъ огнемъ; къ вечеру отчетливо обозначилось рѣшеніе русскихъ атаковать его. Генераль Ямада, заботясь о сохранности артиллеріи, приказалъ батареямъ съ наступленіемъ темноты отойти на болѣе удаленную въ тылъ позицію. Батареи приступили къ выполнению этого приказанія, но переѣздъ ихъ задерживался распутицей.

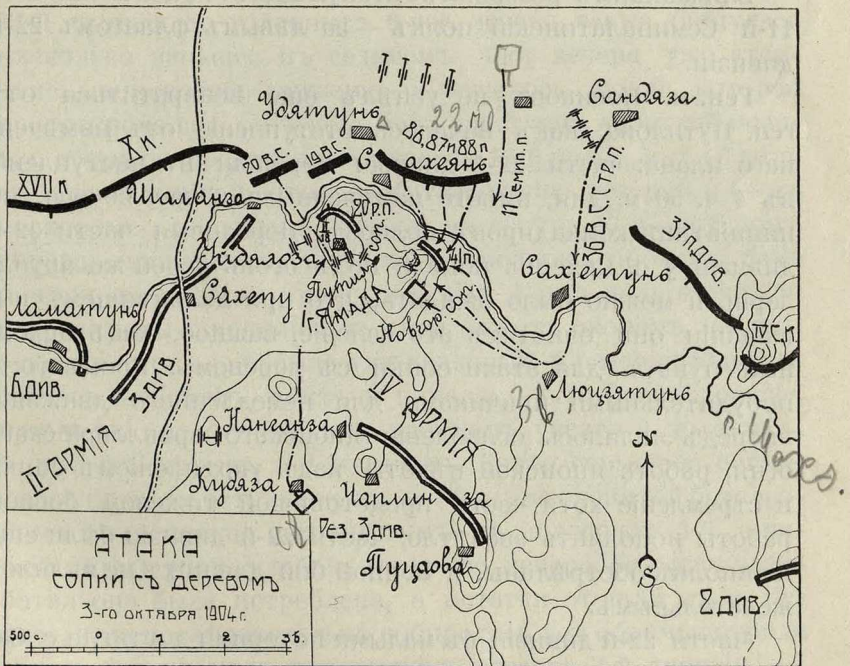
Когда стемнѣло, и въ отрядѣ г. Ямады завязался бой, 3-я дивизія выдвинула на поддержку его батальонъ 18-го полка, который дошелъ до с. Уйдялоза и оказался, такимъ образомъ, за участкомъ 20-го резервнаго полка.

16.10. Къ 3-му октября ген.-ад. Куропаткину удалось, выдѣливъ изъ Восточнаго отряда резервъ, силой въ 22 батал. и 4 батар., подъ начальствомъ г.-л. Гернгросса, перебросить его къ западу; прибытіе этого резерва позволяло задаться активными дѣйствіями противъ II японской арміи. Неожиданная потеря утромъ 3-го октября сопки съ деревомъ, ставившая въ тяжелое положеніе X корпусъ и склонявшая на сторону японцевъ всѣ выгоды расположенія на р. Шахэ, заставила ген.-ад. Куропаткина поставить себя для начала активныхъ дѣйствій ближайшую цѣль—отобрать у японцевъ эту важную позицію.

Для фронтальной атаки сопки съ деревомъ назначались, прежде всего, 3 полка (22-й) дивизиі (86-й, 87-й и 88-й), подъ начальствомъ ген. Новикова, лишь недавно очистившіе сопку и расположенные частью въ с. Удятунь, а частью у самаго подножія сопки—с. Сахеянь. Ближайшей поддержкой являлась бригада г.-м. Путилова (19-й и 20-й В.-С. стр. полки), которую первоначально имѣлось въ виду направить для атаки праваго фланга 3-й японской дивизиі на участкѣ с.с. Сахепу—Шаланцза, что являлось неисполнимымъ, пока сопка съ деревомъ находилась въ рукахъ японцевъ. Бригада г.-м. Путилова остановилась въ 4 часа дня западнѣе с. Удятунь, правѣе 22-й дивизиі. Командованіе атакующими сопку войсками было ввѣрено г.-м. Путилову;

временнымъ начальникомъ его штаба былъ назначенъ выдающийся офицеръ генеральнаго штаба, полковникъ Запольскій.

Съ трехъ часовъ дня сопки обстрѣливались съ сѣвера четырьмя батареями ген.-м. Новикова, и съ сѣверо-востока—2 батареями IV Сиб. корпуса. Ген.-м. Путиловъ въ 4 часа дня, въ с. Удятунь, указалъ явившемуся къ нему ген.-м. Новикову слѣдующій планъ атаки: во избѣжаніе

№ 42.

излишнихъ потерь, наступленіе начинается съ сумерками, въ 6 час. вечера; ген.-м. Новиковъ ведетъ отъ с. Удятунь фронтальную атаку на сопку съ деревомъ, ген.-м. Путиловъ съ своей бригадой атакуетъ ее въ охватъ съ запада.

Въ дополненіе къ намѣченному ген. Путиловымъ плану, сопка съ деревомъ была атакована и съ востока. Ген.-лейт. Гернгроссъ, начальникъ резерва, двинутаго на западъ изъ состава Восточнаго отряда, рекогносцируя сопку съ дере-

вомъ съ востока, пришелъ къ выводу, что ее можно съ удобствомъ атаковать со стороны с. Люцзятунь; испросивъ разрѣшеніе ген.-ад. Куропаткина, въ 3 ч. 15 мин. дня онъ приказалъ 36-му В.-С. стрѣлк. полку выдвинуться къ с. Люцзятунь и атаковать оттуда сопку съ деревомъ. Г.-м. Путиловъ былъ извѣщенъ объ этомъ въ 5 час. вечера; части 22-й дивизіи въ это время уже начали атаку и не могли быть предупреждены.

Ближайшимъ резервомъ атакующихъ войскъ являлся 11-й Семипалатинскій полкъ — за лѣвымъ флангомъ 22-й дивизіи.

Ген.-м. Новиковъ не успѣлъ еще возвратиться отъ ген. Путилова, какъ началось отступленіе отъ намѣченнаго плана: части 22-й дивизіи перешли въ наступленіе въ 4 ч. 50 м. дня, вмѣсто намѣченныхъ 6 час. вечера, по инициативѣ командировъ полковъ. Передовыя части 22-й дивизіи у с. Сахейнь попали подъ огонь своей же артиллеріи, и можно было ожидать, что при дальнѣйшемъ выжиданіи они очистятъ это селеніе, важное, какъ исходный пунктъ для атаки сопки съ деревомъ. Кромѣ того, побудительными причинами для немедленнаго движенія впередъ являлось ослабленіе японскаго артиллерійскаго огня, работа японской пѣхоты надъ укрѣпленіемъ сопки и стремленіе хотя часть предстоявшей тяжелой боевой работы исполнить засвѣтло; части 22-й дивизіи были еще не вполне обстрѣляны, и ночной бой для нихъ не являлся желательнымъ.

Части 22-й дивизіи съ малыми потерями достигли с. Сахейнь, и, послѣ энергичнаго стрѣлковаго боя съ южной опушки этого селенія, начали атаку черезъ р. Шахэ. Ширина рѣки здѣсь около 20 шаговъ, при глубинѣ не свыше аршина; склоны сопки съ деревомъ круто обрываются въ долину рѣки. Отдѣльнымъ ротамъ удалось взобраться по крутизнамъ и зацѣпиться на склонахъ сопки съ деревомъ. Переходъ черезъ р. Шахэ, на узкомъ фронтѣ, въ районѣ ближняго огня японцевъ, стоилъ значительныхъ потерь и привелъ въ перемѣшиванію всѣхъ трехъ полковъ, тѣснившихся въ мертвыхъ и менѣе поражаемыхъ пространствахъ. Непосредственно передъ фронтомъ столпившейся дивизіей находился сплошной фронтъ двухъ японскихъ

батальоновъ, и они отбивали ближнимъ огнемъ всѣ попытки дивизіи штурмовать вершину; всѣ три командира полковъ 22-й дивизіи были ранены при попыткахъ двинуть впередъ дивизію, но благодаря усиліямъ офицеровъ 22-я дивизія не отходила назадъ, а удерживалась въ занятомъ положеніи, поддерживая съ близкаго разстоянія ожесточенный огонь по вершинѣ сопки. Въ 8 час. вечера наступленіе дивизіи приостановилось.

Бригада ген.-м. Путилова, узнавъ о началѣ наступленія 22-й дивизіи до условныхъ 6 час. вечера, также двинулась нѣсколько раньше. Въ седьмомъ часу вечера уже стемнѣло; направление движенія облегчалось луной, которая проектировалась какъ разъ надъ участкомъ японской позиціи, которую предстояло атаковать. 19-й полкъ, имѣя 6 ротъ въ первой линіи, 2 роты—въ батальонномъ резервѣ, и 4—въ полковомъ, наступалъ прямо на сопку, 20-й—уступомъ справа; движеніе совершалось въ полномъ порядкѣ, безъ помѣхи со стороны японскаго огня. Когда подвигавшіяся впереди роты находились въ 50 шагахъ отъ окоповъ, японцы открыли огонь—но было уже поздно: 20-й резервный полкъ сейчасъ же былъ сбитъ и началось его преслѣдованіе, при чемъ удалось не дать японцамъ увезти 9 полевыхъ, 5 горныхъ пушекъ и 1 пулеметъ. Болѣе серьезное сопротивленіе было встрѣчено въ с. Уйдялоза, занятой батальономъ 18-го полка, выдвинутымъ на поддержку 3-й дивизіей. Послѣ упорнаго боя, къ 11 час. вечера, большая часть батальона была истреблена, а остатки отошли къ с. Кудяза, куда послѣдовательно собирались всѣ обломки отряда ген.-м. Ямады, подъ прикрытіемъ резерва 3-й дивизіи.

Части бригады ген.-м. Путилова разбрелись и съ трудомъ собирались; влѣво, по направленію на вершину сопки съ деревомъ, стрѣлки поддерживали сильный огонь.

36-й В.-С. стрѣлковый полкъ, выдвинутый къ с. Люцятунь, долженъ былъ совершить въ 2—3 верстахъ передъ фронтомъ IV арміи фланговый маршъ, протяженіемъ свыше 3 верстъ, прежде чѣмъ атаковать сопку съ деревомъ. Еще при приближеніи къ с. Люцятунь полкъ былъ замѣченъ съ фронта IV арміи и обстрѣлянъ шрапнелью; но этимъ и ограничилась помощь, оказанная IV арміей отряду ген. Ямада.

36-й полкъ выступилъ изъ с. Люцзятунь въ условленное время—6 час. вечера и, имѣя въ боевой части всѣ три батальона, скрытно и въ полномъ порядкѣ подошелъ къ сопкѣ съ деревомъ. Въ каждомъ батальонѣ, за цѣпью дозоровъ, наступали двѣ роты развернутымъ фронтомъ и двѣ роты—въ резервѣ. I и III батальоны, наступавшіе ближе къ р. Шахэ, въ восьмомъ часу вечера попали въ районъ праваго фланга 41-го японскаго полка, жестоко обстрѣливавшійся 22-й дивизіей, были встрѣчены огнемъ

М 43. II батальонъ 36-го В.-С. стр. полка нанесъ дружный ударъ въ штыки резерву 41-го японскаго полка близъ вершины сопки съ деревомъ.

загнутого японскаго фланга и залегли. II батальонъ, не встрѣчая препятствій, подошелъ къ вершинѣ сопки, гдѣ находилась знаменная рота 41-го полка; остальные 2 роты полкового резерва 41-го полка только что двинулись впередъ для поддержки боевой части, дравшейся съ 22-й дивизіей. Командиръ 41-го полка успѣлъ приказать знаменику уходить въ тылъ, самъ же, съ $1\frac{1}{3}$ роты встрѣтилъ натискъ нашего слабаго батальона ¹⁾. Обмѣнявшись

¹⁾ Весь наличный составъ 36-го полка былъ 27 офиц., 1502 чел., изъ нихъ въ этомъ бою выбыли 22 офицера и 750 человекъ, въ томъ числѣ почти весь II батальонъ.

съ японцами нѣсколькими выстрѣлами въ упоръ, наши стрѣлки бросились за офицерами и перекололи японцевъ. II батальонъ 36-го В.-С. полка расположился у вершины сопки, сильно обстрѣливаемый со стороны 22-й дивизіи и бригады г.-м. Путилова, и былъ сейчасъ же атакованъ двумя возвратившимися ротами резерва 41-го японскаго полка. Такъ какъ въ это время атака со стороны 22-й дивизіи прекратилась, то 41-й полкъ выдѣлилъ и другія части для контръ-атаки противъ 36-го В.-С. стрѣл-

№ 44. Сопка съ деревомъ (Новгородская) утромъ 4-го октября 1904 г.

коваго полка. II батальонъ отразилъ японцевъ въ четырехъ схваткахъ, но и самъ былъ почти уничтоженъ; командиръ 36-го В.-С. стрѣлковаго полка, коему не удалось установить связь ни съ 22-й дивизіей, ни съ бригадой г.-м. Путилова, ни даже съ тыломъ, куда дважды посылались просьбы о подкрѣпленіи, рѣшилъ отступить; въ 11 час. вечера полкъ началъ собираться въ с. Люцятунь, откуда отступилъ въ с. Сахетунь, гдѣ, передъ атакой, было сложено его снаряженіе.

Всякое управленіе боемъ у японцевъ утратилось; очищеніе вершины сопки 36-мъ В.-С. стр. полкомъ открывало

имъ путь отступленія. Устроившаяся 22-я дивизія получила приказаніе г.-м. Путилова—овладѣть сопкой съ деревомъ до 5 ч. утра. Въ 4 часа утра 7-я рота и охотники 87-го Нейшлотскаго полка выбили съ вершины послѣднихъ японцевъ. Поле сраженія осталось за нами, и мы спѣшно приступили къ его укрѣпленію.

Наши потери въ этой атакѣ достигали 3.000 человекъ. Потери японцевъ—около 1.200 человекъ, при чемъ какъ въ 41 полку ¹⁾, такъ и въ батальонѣ 18 полка убитыхъ было значительно больше, чѣмъ раненыхъ, что характеризуетъ упорство и ожесточеніе происходившихъ схватокъ.

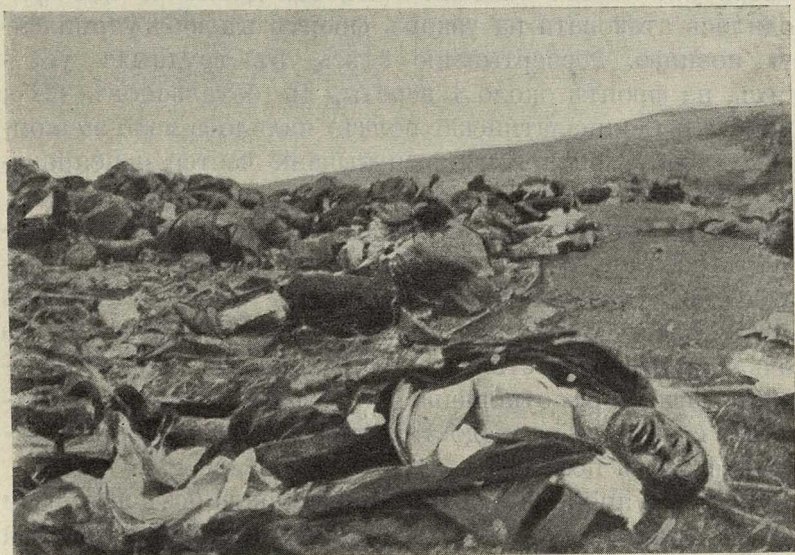
Непосредственнымъ слѣдствіемъ потери сопки явилось отступленіе 3-й японской дивизіи съ фланкируемыхъ съ Путиловской сопки позицій на р. Шахэ и очищеніе взятаго съ большимъ трудомъ на фронтѣ X корпуса с. Сахепу. Наши войска уже одерживали въ эту войну, до атаки сопки съ деревомъ, значительные успѣхи, но лишь при оборонѣ, или при наступленіи частями около полка. Взятіе Путиловской сопки явилось первымъ успѣхомъ активныхъ дѣйствій значительныхъ силъ. Одержанная побѣда, съ захватомъ трофеевъ, имѣла, помимо крупнаго тактическаго значенія, огромное моральное значеніе, и, конечно, съ лихвой окупала большія потери, понесенныя нами въ этой атакѣ. Повидимому, наступающій въ ночномъ бою, встрѣтивъ упорное сопротивленіе, несетъ всегда потери большія, чѣмъ обороняющійся; стрѣльбу по своимъ во время наступленія крупныхъ силъ, въ особенности при охватахъ, приводящихъ къ атакѣ по сходящимся направленіямъ, нужно считать явленіемъ обычнымъ.

Огонь наноситъ и ночью большія потери; на этотъ разъ въ этомъ убѣдились нашъ центръ и лѣвое крыло. Открытіе огня обороной съ малаго разстоянія, какъ то было сдѣлано—вѣроятно, по недостатку вниманія—20-мъ резервнымъ полкомъ, можно рекомендовать лишь при наличіи искусственныхъ препятствій или большей выдержкѣ части, такъ какъ спокойно стрѣлять на нѣсколько десятковъ шаговъ крайне трудно, а противникъ однимъ поры-

¹⁾ 330 убитыхъ на 193 раненыхъ.

вомъ можетъ дойти до штыкового удара; между тѣмъ, оборонѣ крайне выгодно заставить атакующаго залечь и открыть огонь, послѣ чего, какъ показывается опытъ 22-й дивизіи, I и III батальоновъ 36-го полка, а также японскихъ частей въ бою за Двурогую, взять въ руки и поднять пѣхотную часть крайне трудно.

Всего въ атакѣ противъ 6 батальоновъ и 5 батарей японцевъ приняли участіе 25 батал. и 6 батарей. Разсчитывать на одновременное введеніе въ ночной бой столь зна-

№ 45. На склонахъ сопки съ деревомъ (Новгородской) утромъ 4-го октября 1904 г.

чительныхъ силъ, съ сохраненіемъ одного непрерывнаго фронта, едва ли слѣдуетъ. Дѣйствительно, несмотря на пассивность непріятеля, случайности—въ данномъ случаѣ инициатива частныхъ начальниковъ, вызываютъ разновременность начала атаки. Правильнымъ, поэтому, являлось расчлененіе атакующихъ войскъ на три группы; независимость бригады г.-м. Путилова и 36-го В.-С. стр. полка отъ группы г.-м. Новикова позволила имъ въ порядкѣ подойти къ противнику и успѣшно атаковать. Но, конечно, войска г.-м. Новикова нуждались въ ориентировкѣ о движеніи 36-го В.-С. стр. полка; мѣры связи для

быстраго сообщенія одной группѣ объ успѣхѣ другой группы должны были быть приняты. Имѣя такую связь, 36-й В.-С. стр. полкъ вѣроятно нашелъ бы въ себѣ силы для того, чтобы выждать полное очищеніе японцами поля сраженія.

Сила развиваемаго войсками усилія находится въ болѣе-шей зависимости отъ порядка, чѣмъ отъ массы атакующихъ войскъ. Наибольшую трудность направленіе атаки въ порядкѣ представляло на участкѣ г.-м. Новикова, гдѣ войска уже частью ввязались въ бой днемъ и гдѣ приходилось атаковать на узкомъ фронтѣ въ лобъ укрѣпленную позицію. Развертываніе здѣсь, въ трудныхъ условіяхъ, на фронтѣ около 1 версты, 16 батальоновъ (22-я дивизія и Семипалатинскій полкъ) являлось мало экономнымъ, и обусловливало перепутываніе частей и производительныя большія потери.

Рѣшеніе командировъ полковъ 22-й дивизіи — использовать свѣтлое время для сближенія съ противникомъ — слѣдуетъ привѣтствовать, такъ какъ все, что можетъ быть сдѣлано днемъ, не должно быть откладываемо на ночь. Однако, отсутствіе г.-м. Новикова въ первые, особенно важныя въ отношеніи управленія, моменты наступленія сказалось въ недостаточномъ упорядоченіи нацѣливанія здѣсь полковъ.

Дѣйствія японцевъ, оставившихъ почти безъ поддержки отрядъ ген. Ямада на его выдвинутой крайне важной позиціи, свидѣтельствуютъ, прежде всего, объ истощеніи ихъ шестидневными боями. 41-й японскій полкъ, какъ и Новочеркасцы у с. Танхайши, подтвердилъ возможность удерживать ночью стрѣлковой цѣпью значительныя силы непріятели на фронтѣ. Сосѣднія части II и IV армій имѣли достаточно времени для устройства контръ-атаки восточнѣе и западнѣе сопки съ деревомъ. Въ виду той безпомощности, въ которой оказывается атакующій ночью даже при успѣхѣ — какъ, напримѣръ, разбредшаяся по всѣмъ западнымъ склонамъ бригада г.-м. Путилова, и трудности атакующему обезпечить ночью толковое употребленіе оставленныхъ въ тылу резервовъ, своевременная контръ-атака, веденная въ порядкѣ и не малыми пакетами, а сразу достаточными силами, имѣетъ всѣ шансы

на успѣхъ. Крупнымъ пораженіемъ ген. Ямады японцы обязаны пассивности его соудей.

Начавшееся движеніе въ тылъ артиллеріи отразилось на упорствѣ обороны 20-го резервнаго полка замѣтнымъ образомъ. Боевая цѣнность резервнаго полка оказалась далеко ниже цѣнности полевого полка, и нашъ толчокъ сразу же открылъ щель въ японскомъ фронтѣ. Во вторую половину войны для обороны позицій на фронтѣ японцы широко примѣняли резервные полки, и энергичный ударъ на широкомъ фронтѣ обнаружилъ бы намъ цѣлый рядъ такихъ щелей.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Бой за селеніе Юхуантунь.

Расположеніе 25-й дивизіи.—Задачи бригады Намбу; наступленіе ея и переходъ къ оборонѣ.—Движеніе русскихъ резервовъ къ с. Юхуантунь. — Атака Лифляндскаго и Козловскаго полковъ. — Положеніе къ вечеру 22-го февраля.—Тактическій разборъ.

22-го февраля 1905 года лѣвое крыло японцевъ должно было тянуться къ сѣверу для охвата уклоненнаго назадъ праваго фланга русскихъ армій.

Успѣхъ этого маневра зависѣлъ отъ того, насколько боемъ на фронтѣ удалось связать силы русскихъ армій и лишить ген.-ад. Куропаткина средствъ для противодѣйствія охвату.

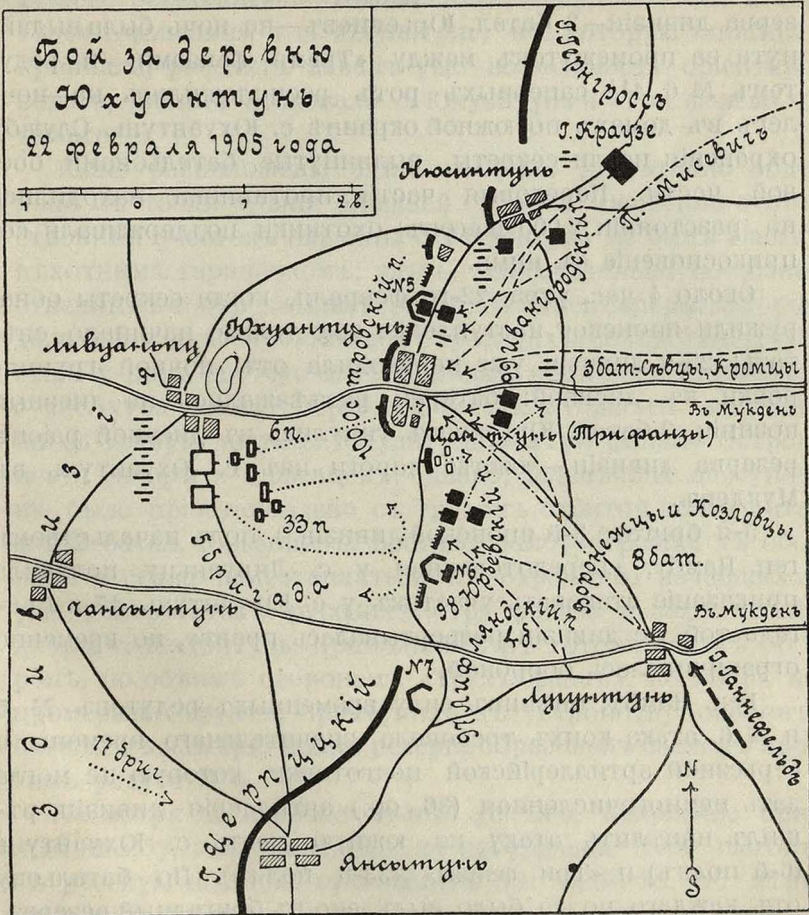
Съ этой цѣлью японцы 22 февраля, къ югу отъ р. Хуньхэ энергично атаковали нашу III армію; на западномъ же фронтѣ, воспользовавшись прибытіемъ изъ резерва главнокомандующаго свѣжей 3-й дивизіи, японцы нанесли энергичный ударъ на центръ арміи ген. бар. Каульбарса, въ направленіи на участокъ 25-й дивизіи.

25-я дивизія, въ составѣ 11¹/₂ батал. (безъ Лифляндскаго полка) и 48 оруд. занимала участокъ заблаговременно укрѣпленной позиціи, протяженіемъ по фронту 4 версты, въ 6 верстахъ къ западу отъ станціи Мукденъ, являвшейся сосредоточеніемъ дѣятельности тыловыхъ учрежденій. Участокъ 25-й дивизіи начинался отъ с. Нюсинтунь, включалъ редутъ № 5, большое селеніе Юхуантунь, поселокъ Цантунь, именовавшійся въ бою «Три фанзы», и редутъ № 6. Селенія были приведены въ оборонительное состояніе, редуты, сильной профили, имѣли развитую

около нихъ пѣхотную позицію, блиндажи, являвшіеся вполне надежными при отсутствіи у японцевъ гаубичныхъ батарей, и искусственныя препятствія.

С. Нюсинтунъ заняли 2 батал. 99-го Ивангородскаго полка; 100-й Островскій полкъ занялъ редутъ № 5 (1 ба-

№ 46.

тал.) и с. Юхуантунъ (2 батал.), оставивъ за редутомъ № 5 въ частномъ резервѣ 1 батал.; 1 батал. Юрьевскаго полка занималъ $1\frac{3}{4}$ роты «Три фанзы» и $2\frac{1}{4}$ роты — редутъ № 6. Въ резервѣ дивизіи находились 2 батал. Ивангородцевъ и 3 батальона Юрьевцевъ. Артиллерія зани-

мала частью закрытыя, частью маскированныя позиціи за центромъ и правымъ участкомъ. Лѣвѣе и правѣе къ участку 25-й дивизіи примыкали непосредственно позиціи войскъ ген. Церпицкаго и Гернгросса.

На ночь батареи были оттянуты за с. Юхуантунь, гдѣ ночевали и 2 батал. Ивангородцевъ; остальная часть резерва дивизіи—3 батал. Юрьевцевъ—на ночь была выдвинута за промежутокъ между «Тремя фанзами» и редутомъ № 6. 1½ саперныхъ ротъ расположились на ночлегъ въ домахъ по южной окраинѣ с. Юхуантунь. Службу охраненія несли секреты, выдвинутыя батальонами боевой части. Передовыя части противника находились на разстояніи 2.000 шаговъ; охотники поддерживали соприкосновеніе съ ними.

Около 4 час. утра 22-го февраля, когда секреты обнаружили японское наступленіе, еще только начинало свѣтать; 25-я дивизія уже переходила отъ ночной группировки къ дневной: батареи разтѣжались на дневныя позиціи, 3 батал. Юрьевцевъ тянулись въ дневной районъ резерва дивизіи—южнѣе дороги изъ с. Юхуантунь въ Мукденъ.

5-я бригада 3-й японской дивизіи¹⁾, подъ начальствомъ ген. Намбу, сосредоточенная у с. Ливуаньшу, получила приказаніе атаковать участокъ у с. Юхуантунь. 17-я бригада той же дивизіи развертывалась правѣе, но временно ограничивалась обороной.

Ген. Намбу, оцѣнивъ силу временныхъ редутовъ № 5 и № 6, атака коихъ требовала значительнаго времени и серьезной артиллерійской подготовки, которую не могла дать немногочисленная (36 ор.) артиллерія дивизіи, рѣшилъ нацѣлить атаку на южную часть с. Юхуантунь (6-й полкъ) и «Три фанзы» (33-й полкъ). По батальону отъ каждаго полка было выдѣлено въ бригадный резервъ.

Для того, чтобы сберечь время и силы бригады, ген. Намбу рѣшилъ воспользоваться предразсвѣтнымъ сумракомъ для приближенія къ нашей позиціи, съ тѣмъ, что-

¹⁾ Полки 6-й и 33-й, тѣ же, которые 18-го августа ворвались на Кустарную гору, и послѣ были съ нея сбиты. 33-й полкъ былъ выбитъ штыками Моршанцевъ и Зарайцевъ изъ с. Ендоніулу.

бы самую атаку произвести на разсвѣтъ. Артиллерія дивизіи, расположенная близъ с. Ливуанпу, должна была помочь бригадѣ удержать захваченное.

Рѣшительно наступая, бригада ген. Намбу около 4 час. утра была замѣчена и встрѣчена ружейнымъ огнемъ. Въ нашемъ расположеніи оказалась цель— промежутокъ между «Тремя фанзами» и с. Юхуантунь, въ которую японцы и проникли; разсвѣтъ давалъ уже возможность ориентироваться; японцы атаковали с. Юхуантунь и «Три фанзы» съ фланга.

Наше расположеніе здѣсь не было достаточно обдумано съ точки зрѣнія ближней обороны. Особенно отвѣтственный участокъ окраины с. Юхуантунь не былъ занятъ пѣхотнымъ гарнизономъ; здѣсь, исключительно по хозяйственнымъ соображеніямъ, расположились саперы, которые дали себя застигнуть японцамъ врасплохъ. Вслѣдствіе отсутствія у насъ достаточнаго порядка, японцамъ удалось къ 5 час. утра частью перебить, частью отбросить занимавшихъ южную часть с. Юхуантунь и «Три фанзы» Островцевъ, саперъ и Юрьевцевъ; однако, дальнѣйшее наступленіе было пріостановлено съ трудомъ отбитой контръ-атакой 2 батал. Юрьевцевъ. Бригада Намбу перешла къ оборонѣ и стала подготавливаться къ отраженію начавшихся уже контръ-атакъ русскихъ. «Три фанзы» и захваченные дворы с. Юхуантунь приводились въ готовность къ оборонѣ; по обѣимъ сторонамъ «Трехъ фанзъ», несмотря на промерзшій грунтъ, приступили къ устройству окоповъ; батальонъ изъ бригаднаго резерва образовалъ заслонъ противъ редута № 6.

Несмотря на первоначальный успѣхъ, положеніе бригады Намбу, заклинившейся на протяженіи 2.000 шаговъ въ русскую позицію, становилось все тяжелѣе, по мѣрѣ того, какъ проходили первыя минуты замѣшательства.

Первымъ устоемъ 25-й дивизіи, прорванной въ центрѣ, явился огонь ея 48 орудій. Далѣе, редутъ № 6 твердо держался и своимъ огнемъ препятствовалъ японцамъ устраиваться и прерывалъ связь ихъ съ тыломъ; пополненіе патроновъ стало для японцевъ невозможнымъ. Подошедшіе—частью по инициативѣ частныхъ начальниковъ, частью по приказанію начальника дивизіи—3 батал. Иван-

городцевъ и 1 батал. Островцевъ изъ общаго и частныхъ резервовъ, позволили намъ удержаться въ сѣверной части с. Юхуантунъ. Японцамъ, чтобы сохранить занятое положеніе, около 9 час. 30 мин. пришлось израсходовать послѣдніе резервы. Если намъ не удавалось сразу же отобрать южную часть с. Юхуантунъ, зато изъ сѣверной части этой деревни сообщенія бригады ген. Намбу брались подъ самый дѣйствительный огонь и были окончательно прерваны. Японцы уже не могли, даже при желаніи, отступить по разстрѣливаемой съ двухъ сторонъ эспланадѣ.

Несмотря на то, что уже въ десятомъ часу утра равновѣсіе боя въ районѣ с. Юхуантунъ было восстановлено силами 25-й дивизіи, и бригада ген. Намбу, поставленная въ критическое положеніе, опасныхъ для насъ дѣйствій не могла предпринять, — утвержденіе японцевъ въ части с. Юхуантунъ, въ 6 верстахъ отъ станціи, и неожиданность и энергія полученнаго на разсвѣтѣ удара произвели глубокое впечатлѣніе на все наше управленіе. Просьбы о подкрѣпленіи, направленные съ Юхуантунскаго участка, нашли широкій откликъ. Сосѣдній участокъ ген.-лейт. Церпицкаго поспѣшилъ вернуть на участокъ 25-й дивизіи 97-й Лифляндскій полкъ (4 батал.). Командующій арміей, ген. бар. Каульбарсъ, двинулъ свой резервъ — Воронежскій и Козловскій полки (8 батал.). Главнокомандующій направилъ изъ своего резерва 3 батал. (Сѣвцы и Кромцы); всего, такимъ образомъ, для контръ-атаки на бригаду ген. Намбу, въ дополненіе къ 11^{1/2} батал. участка, двигалось 15 батал., что обезпечивало намъ четверной перевѣсъ въ силахъ. Кромѣ того, сюда же были подтянуты, но не приняли участія въ бою, отряды ген.-м. Ганненфельдта (8 батал., 5 батар.) и полк. Мисевича (4 батал., 2 батар.), что доводило наши силы, противопоставленные 6 батал. и 36 оруд. ген. Намбу, до 38 батал. и 112 оруд.

Лифляндскій полкъ подошелъ въ 9 час. утра къ с. Лугунтунъ, въ 4.000 шагахъ отъ непріятельской пѣхоты и въ 5 верстахъ отъ непріятельской артиллеріи, и, выславъ на развѣдку охотниковъ, собрался въ селеніи въ резервномъ порядкѣ. Черезъ часъ ближняя развѣдка ориентировала

полкъ въ положеніи на полѣ сраженія. Командиръ полка рѣшилъ атаковать на участкѣ—южная часть с. Юхунтунь—редутъ № 6. I и II батальоны образовывали боевую часть; III и IV батальоны слѣдовали за ними. Развертываніе изъ резервнаго порядка въ с. Лугунтунь потребовало три четверти часа; въ 10 час. 45 мин. началось наступленіе по открытой мѣстности. Вскорѣ батальоны резерва влились въ боевую часть.

№ 47. Лифляндскій полкъ, подъ артиллерійскимъ огнемъ, въ резервномъ порядкѣ, въ с. Лугунтунь.

Огонь японцевъ отъ «Трехъ фанзъ» раздробилъ наступленіе Лифляндскаго полка на двѣ группы: I и III батальоны — правая группа, нацѣленная на южную часть с. Юхунтунь, двигалась въ крайне трудныхъ условіяхъ, уклонилась къ сѣверу отъ указаннаго ей направленія на южную окраину с. Юхунтунь и частью попала въ нашу, сѣверную часть деревни. II и IV батальоны получили самую дѣйствительную поддержку ружейнымъ огнемъ съ редута № 6 и потому могли продвигаться впередъ въ значительно лучшихъ условіяхъ; $2\frac{1}{2}$ версты были пройдены въ 3 ч. 15 м.; около 2 час. дня эти батальоны на-

ходились въ 400 шагахъ отъ совершенно ослабленнаго нашимъ огнемъ праваго крыла японцевъ, и наступленіе было увѣнчано успѣшной штыковой атакой.

Нѣсколько позднѣе, въ третьемъ часу дня, имѣла мѣсто энергичная атака Козловцевъ и Воронежцевъ. Первые нацѣливались на южную часть с. Юхуантунь, вторые—на «Три фанзы». Каждый полкъ наступалъ на узкомъ фронтѣ, менѣе полуверсты, и вслѣдствіе этого принялъ глубокое построеніе. Козловскій полкъ наступалъ такъ: впереди—командиръ полка и командиръ батальона; за ними наступала рота, разсыпанная въ крайне рѣдкую цѣпь, на 500—600 шаговъ по фронту; на стрѣлка приходилось по 4—5 шаговъ; за этой ротой въ томъ же порядкѣ слѣдовала, въ 60—80 шагахъ, другая рота—и такъ, на протяженіи полуверсты въ глубину, наступало 9 послѣдовательныхъ цѣпей. Мѣстность не представляла ни малѣйшаго прикрытія, и непріятельскія шрапнели и ружейный огонь наносили громадныя потери (Козловцы потеряли около 1000 человекъ). Тѣмъ не менѣе, Козловцы подвигались впередъ, какъ на парадѣ. Какъ только первая цѣпь оставалась на продолжительное время, сейчасъ же слѣдующая вливалась и сгущала ее.

Примѣрно также наступали и Воронежцы. Японскій огонь не остановилъ энергичное наступленіе. Воронежцы овладѣли «Тремя фанзами» и прилегающими окопами, Козловцы—с. Юхуантунь. Японцы (около 1½ ротъ) удерживались лишь въ трехъ прочныхъ дворахъ на южной окраинѣ с. Юхуантунь, откуда выбить ихъ безъ надлежащей артиллерійской подготовки не удавалось. Вытащенные на рукахъ на позицію въ сотнѣ шаговъ отъ занятыхъ японцами домовъ 2 пушки нѣсколькими выстрѣлами, шрапнелью на ударъ, не смогли проложить путь пѣхотѣ въ глинобитной стѣнѣ. Такая же неудача постигла и смѣнившія ихъ 2 поршневыя пушки. Къ вечеру атака была задержана; послали за пироксилиномъ, чтобы подорвать эти дома и стѣны, но прежде, чѣмъ успѣли доставить пироксилинъ, немногіе уцѣлѣвшіе японцы отступили въ разбродъ, воспользовавшись спустившимися сумерками. Въ селеніи было захвачено 69 плѣнныхъ, большей частью раненыхъ.

Такимъ образомъ, къ вечеру бригада ген. Намбу была уничтожена—изъ 4.200 человекъ ушло всего 437. Весь участокъ у с. Юхуантунъ былъ снова въ рукахъ 25-й дивизіи. Этотъ успѣхъ стоилъ намъ 143 офиц. и 5.266 ниж. чин., выбывшихъ изъ строя.

Бригада ген. Намбу связала въ теченіе 22 февраля до 38 батальоновъ на фронтѣ, сосредоточила къ этому участку заботы русскаго управленія, и хотя и была почти уничтожена, но разрѣшила поставленную ей задачу; само-

№ 48. Окопъ 33-го японскаго полка у «Трехъ фанзѣ», взятый Воронежцами и Козловцами.

пожертвованіе ея значительно облегчило развитіе японскаго охвата.

Наше управленіе отнеслось съ чрезмѣрной нервностью какъ къ нашей неудачѣ на разсвѣтѣ, такъ и къ послѣдующей контръ-атакѣ, которая не дала немедленно полныхъ результатовъ, слѣдствіемъ чего явилось нагроможденіе на этомъ участкѣ многочисленныхъ резервовъ, которые съ несравненно большей пользой могли быть введены въ бой противъ охватывающаго японскаго крыла. Можно также указать, что, хотя тактическая побѣда осталась на нашей сторонѣ, но значеніе ея было бы больше, если бы послѣдніе дворя с. Юхуантунъ были взяты нами днемъ съ боя, а не очищены добровольно остат-

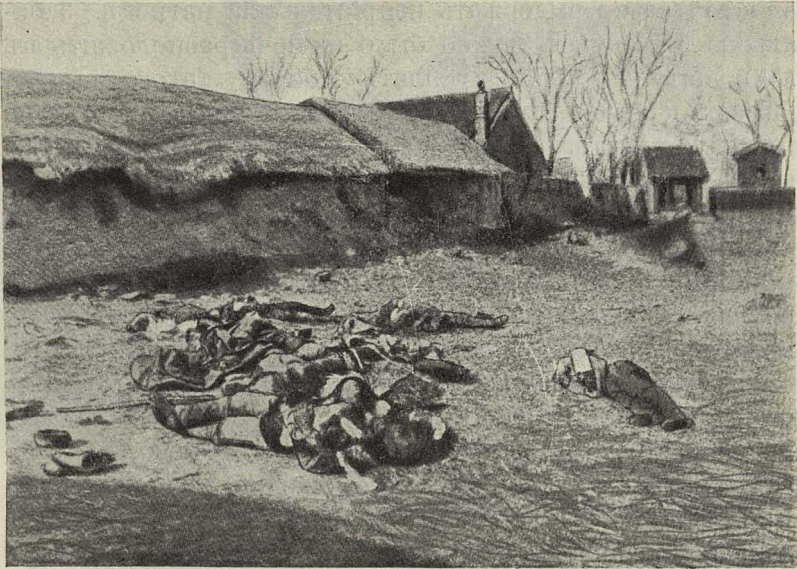
ками бригады ген. Намбу. Наступленіе на с. Юхуантунъ, начавшееся въ 9 час. утра и черезъ шесть часовъ не давшее еще окончательнаго результата, заставило насъ отчаяться въ возможности одержать побѣду и прекратить атаку. Между тѣмъ, за исключеніемъ шероховатостей, за которыя мы платились излишними потерями, атака развивалась успѣшно, $\frac{9}{10}$ японцевъ было уже выведено изъ строя, и еще часъ боевой работы—и противникъ пересталъ бы здѣсь существовать. Мы рано сложили руки.

Болѣе спокойное отношеніе высшаго командованія къ развитію боя у с. Юхуантунъ требовалось и потому, что бой за мѣстный предметъ, представляющій такія удобства для обороны его по частямъ, какъ китайское селеніе, продолжается много времени, и какъ бы мы ни усиливали боевую часть, нельзя значительно ускорить его развязку. Особенно удивляться высокимъ потерямъ (90%) и продолжительности сопротивленія бригады ген. Намбу у с. Юхуантунъ не приходится, такъ какъ большія потери и длительное время сопротивленія характеризуютъ всякій бой первоклассныхъ войскъ за селеніе. Мы можемъ, со своей стороны, указать на оборону сѣверной части с. Суману 15 января 1905 года, въ сраженіи Сандепу—Хейгоутай, оборонѣ, представляющей значительную аналогію съ боемъ за с. Юхуантунъ: послѣ упорнаго боя ночью войскамъ ген. бар. Штакельберга удалось захватить сѣверные дворы этого селенія, переполненнаго японцами; утромъ переходъ японцевъ въ наступленіе заставляетъ насъ очистить это селеніе, но приказаніе объ отступленіи черезъ обстрѣливаемую улицу не могло быть передано во II батал. 6-го стрѣлковаго полка и къ остаткамъ нѣсколькихъ ротъ, восточно-сибирскихъ стрѣлковъ, всего около 800 пѣхотинцамъ, занимавшимъ особый кварталъ. Мы полагали, что очистили всю деревню въ 10-мъ часу утра; на самомъ дѣлѣ, поддержанная другими частями 8-я японская дивизія до 3 час. дня не являлась хозяйкой с. Суману, и не могла развитъ въ теченіе этого дня дальнѣйшаго наступленія на войска бар. Штакельберга; японцамъ, съ громадными усиліями и жертвами—людьми и временемъ—приходилось отвоевывать каждый уголъ глинобитнаго забора, каждый домъ; окруженные вдесятеро сильнѣйшимъ противникомъ,

наши стрѣлки держались еще около 3 час. дня; въ руки японцамъ попало лишь нѣсколько десятковъ плѣнныхъ, изъ нихъ только 2—3% не раненыхъ. Много времени и много крови—вотъ характеръ боя за селеніе, удобное для обороны по частямъ, характеръ, чрезвычайно благоприятствующій проявленію всего упорства, на которое только способна пѣхота.

Неудача наша на разсвѣтъ объясняется недостаточнымъ уваженіемъ къ боевымъ требованіемъ при размѣ-

№ 49. Послѣдній редюитъ японцевъ на южной окраинѣ с. Юхуантунъ; постройки уцѣлѣли, несмотря на сосредоточенный на нихъ шрапнельный огонь нашихъ батарей.

щеніи войскъ въ с. Юхуантунъ. Важная окраина селенія занята, по соображеніямъ хозяйственнымъ, саперами; въ тѣхъ же домахъ едва не расположился штабъ дивизіи. Противникъ находился съ вечера въ районѣ дальняго ружейнаго огня; солиднаго сторожевого охраненія впереди не было; даже при гораздо большемъ удаленіи врага всѣ мѣры для обороны селенія должны были быть приняты. На опушкѣ опорнаго пункта не должно оставаться ни щели безъ обороны, стрѣльба въ темнотѣ съ окраины должна

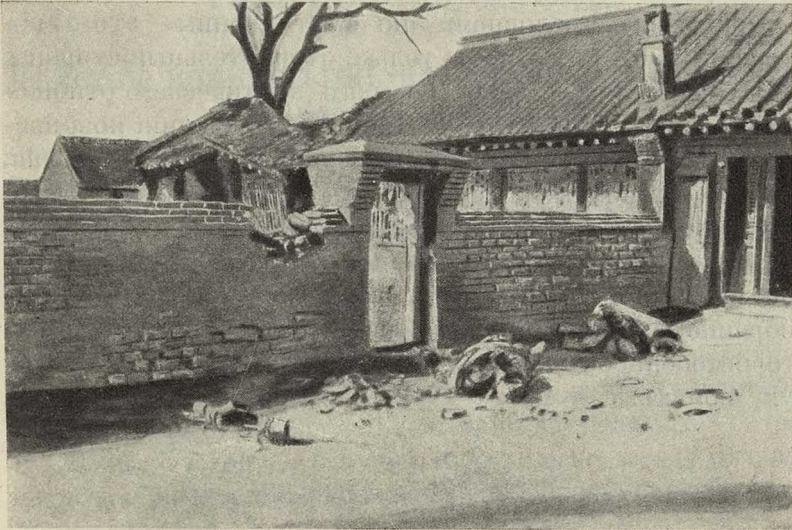
быть подготовлена, и все должно быть обдуманно на случай ночного нападенія; рассчитывать на импровизацію обороны разбуженныхъ ближнимъ боемъ войскъ не приходится.

Совершенно нельзя согласиться съ выдвигеніемъ на ночь бѣльшей группы резерва дивизіи на ночлегъ на промежутокъ между редутомъ № 6 и «Трѣя фанзами». Именно ночью не слѣдуетъ тянуться къ занятію сплошь всего фронта позиціи; именно ночью надо стремиться къ такой группировкѣ войскъ, чтобы каждая группа могла самостоятельно выдержать непріятельскій натискъ. 3 батальона Юрьевцевъ можно было на ночь расположить въ с. Юхуантунъ, чтобы усилить оборону этого выдающегося впередъ и слабѣе всего обезпеченнаго отъ штурма опорнаго пункта. Двухъ батальоновъ Островскаго полка было недостаточно для прочнаго занятія этого селенія, имѣвшаго обводъ не менѣе 2 версты.

При наличіи сильныхъ укрѣпленій, 11^{1/2} батал. и 48 ор. было вполне достаточно для обороны участка 25-й дивизіи, протяженіемъ въ 4 версты, и неудачи на разсвѣтъ можно было избѣжать.

Бой за с. Юхуантунъ подчеркнулъ крайнюю желательность снабженія полевой артиллеріи фугасными снарядами, пригодными для разрушенія построекъ. Однако, не слѣдуетъ думать, что и фугасные снаряды сравниваютъ съ землей селеніе, которое намѣчено атаковать. Наши шрапнели, пробивавшія стѣны домовъ, не оставляли замѣтныхъ проломовъ, но разрываясь въ домахъ, выводили изъ строя многихъ изъ находившихся въ нихъ. Но атакующимъ войскамъ чрезвычайно важенъ внѣшній эффектъ артиллерійскаго обстрѣла, ничтожный при шрапнели. Постройки того же с. Юхуантунъ, находившіяся подъ усиленнымъ обстрѣломъ японскихъ шимозъ, пострадали все же сравнительно мало и представляли значительное препятствіе для штурма. Фугасные снаряды производятъ на обороняющаго сильное впечатлѣніе, могутъ пробить въ заборѣ или стѣнѣ брешь—въ случаѣ точнаго указанія постройки командиру батареи, но задача общаго разрушенія каменныхъ построекъ, разбросанныхъ на площади квадратной версты—для полевой артиллеріи неразрѣшима. Преуве-

личенныя надежды на фугасный огонь могутъ въ послѣдствіе привести къ тягостнымъ разочарованіямъ; штурмующія войска должны быть готовы непосредственно устранить тѣ препятствія къ атакѣ, которыя уцѣлѣли отъ фугаснаго огня. Саперы съ пироксилиномъ должны быть готовы немедленно занять мѣсто въ передовыхъ частяхъ пѣхоты и взрывами расчищать ей путь. Приостановка атаки и посылка въ глубокой тылъ за специалистами и нужными матеріалами, какъ то было при атакѣ с. Юху-

№ 50. Результаты бомбардировки шимозами — одинъ изъ наиболѣе пострадавшихъ отъ японской артиллеріи дворовъ въ с. Юхуантунь.

антунь, недопустима. Но въ бою поддержка саперъ явится вовремя лишь въ томъ случаѣ, если ее не придется импровизировать, если саперы будутъ работать совмѣстно съ пѣхотой и въ мирное время.

Представляетъ интересъ построение, въ которомъ атаквали Козловцы, далекое отъ устава, представляющее попытку личнаго толкованія опыта войны. Свойства его заключаются въ крайней неудобноуправляемости, такъ какъ каждая рота раскидывается на 500—600 шаговъ по фронту, что лишаетъ ротнаго командира возможности дѣйствительно вліять на своихъ солдатъ, и такъ какъ, по мѣрѣ

сгущенія цѣпи, автоматически получается полное перемѣшиваніе ротъ; другимъ свойствомъ является только кажущаяся неуязвимость его рѣдкихъ цѣпей. Для шрапнели не можетъ быть лучшей цѣли, чѣмъ 9 цѣпей на глубинѣ полуверсты; пули каждой шрапнели будутъ уловлены 4—6 цѣпями; ружейная пуля, предназначенная одной шеренгѣ, будетъ находить себѣ жертвы и въ другихъ, а на близкихъ разстояніяхъ—выводить даже нѣсколько человекъ. По уязвимости это нагроможденіе рѣдкихъ цѣпей почти равно сомкнутому строю.

Примѣненіе Козловцами «по опыту войны» этого построения, представляющаго только отрицательныя стороны, показываетъ необходимость строго критическаго отношенія къ предлагаемымъ во время самой кампаніи нововведеніямъ, иногда основаннымъ лишь на недоразумѣніи. Если же Козловцы, потерявшіе въ этомъ построеніи около 1000 человекъ, все же разрѣшили свою боевую задачу, и атака ихъ увѣнчалась успѣхомъ, то это обстоятельство доказываетъ намъ, что, какъ ни важна внѣшняя форма избраннаго для атаки построения, все же она имѣетъ лишь второстепенное значеніе; рѣшающее же принадлежитъ духу войскъ.

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

Дѣйствіе конницы ген.-ад. Мищенко въ сраженіи Сандепу—Хейгоутай.

Группировка силъ на правомъ флангѣ 12-го января. — Движеніе японскихъ подкрѣпленій 13-го января; дѣйствія коннаго отряда. 14-е января; бой у Ландунгоу. — 15-е января; положеніе въ 1 Сиб. корпусѣ; бой конницы со 2-й японской дивизіей. — Тактическій разборъ.

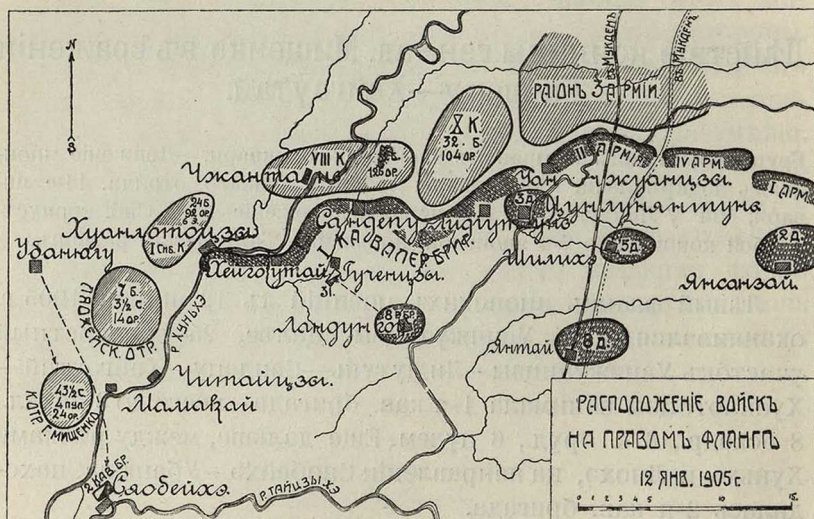
Лѣвый флангъ японскихъ позицій къ 12 января 1905 г. оканчивался у с. Уанчжуанцзы. Далѣе, 25-ти верстный участокъ Уанчжуанцзы—Лидутунь—Сандепу—Хейгоутай—Хуанлотоцзы занимала 1-я кав. бригада—всего до 3 батал., 8 эскадр., 6 к. оруд., 6 пулем. Еще дальше, между рѣчками Хуньхэ и Ляохэ, на направленіи Сяобейхэ—Убанюла, находилась 2-я кав. бригада.

Непосредственной поддержкой 1-й кав. бриг. являлась 8-я резервн. бригада (5-й, 17-й, 31-й резервные полки), выдвинутая къ с. Ландунгоу. Авангардъ ея, 31-й резервный полкъ, располагался у с. Гученцзы. Дальнѣйшими резервами, которые японцы могли притянуть въ этотъ районъ, были: 8-я дивизія—резервъ главнокомандующаго, у станціи Янтай; во II, IV и I арміяхъ находилось въ резервѣ по дивизіи—3-я, 5-я, 2-я. Изъ нихъ ближайшей являлась 3-я дивизія—у с. Цунлунянтунь, которая могла непосредственно продолжить фронтъ II арміи. 5-я дивизія у с. Шилихэ, и 2-я—у с. Янсанзай—находились на удаленіи свыше одного перехода.

Большое значеніе въ тылу 1 кав. бриг. имѣло с. Ландунгоу, гдѣ находились магазины, изъ которыхъ доволь-

ствовавались войска крайняго лѣваго фланга; къ этому селенію сходились дороги съ фронта 1-й кав. бригады и отъ расположенія дивизій, находившихся въ резервѣ. Вслѣдствіе этого, къ этому селенію японскій главнокомандующій направлялъ резервы, которые затѣмъ поступали въ распоряженіе управлявшаго боемъ на лѣвомъ японскомъ крылѣ, ген. Ташими (начальникъ 8-й дивизіи).

Хотя противъ лѣваго японскаго крыла мы исподволь собирали значительныя силы, все же японцы своевременно не были ориентированы объ угрожающей имъ опасности.

№ 51.

Полагаясь исключительно на тайную развѣдку, японцы не вели дѣятельной развѣдки конницей и пѣхотой. Выставленное нашими войсками охраненіе прервало въ самый важный моментъ тѣ пути для связи, которыми пользовались японскіе шпіоны, и донесенія ихъ не могли поспѣть вовремя.

Нашъ планъ основывался на преувеличенныхъ свѣдѣніяхъ о силѣ японцевъ—на фронтѣ Хейгоутай—Лидіутунь. Онъ предусматривалъ развертываніе трехъ дивизій на фронтѣ 8 верстъ—Хейгоутай—Чжантань, и дальнѣйшее ихъ наступленіе вдоль всего японскаго фронта. По мѣрѣ того, какъ японскія позиціи атакывались во флангъ, всту-

пали въ бой и части, расположенныя на фронтѣ противъ нихъ.

Наиболѣе отвѣтственная задача выпадала на I Сиб. корпусъ — крайнее правое крыло атаки. Не отрываясь къ югу, онъ долженъ былъ развивать главныя усилія для содѣйствія сосѣднему VIII арм. корпусу. Поздно вечеромъ 12 января 1-й Сиб. корпусъ овладѣлъ с. Хейгоутай, обороняемый японской кавалеріей, поддержанной авангарднымъ полкомъ 8-й резервной бригады.

№ 52. Наступленіе праваго фланга Сиб. корп. 11 января черезъ р. Хуньхэ близъ с. Хуанлотоцзы.

Конница ген.-ад. Мищенко должна была содѣйствовать наступленію 1-го Сиб. корпуса, а Ляохэйскій отрядъ — 7 батал., $3\frac{1}{2}$ с., 14 ор.—прикрывалъ его тылъ и флангъ со стороны с. Сяобейхэ. Къ вечеру 12-го января Ляохэйскій отрядъ захватилъ с.с. Мамакай и Читайцзы и удерживалъ ихъ до конца сраженія.

Ген.-ад. Мищенко имѣлъ подъ своимъ начальствомъ кавалерійскій корпусъ, силой въ $43\frac{1}{2}$ сотни, 4 пул., 24 ор.; онъ образовывался 4-мя бригадами: 2-й бригадой 4-й Дон-

ской казачьей дивизіи—ген.-м. Телешева; Кавказской бригадой ген.-м. князя Орбеліани; Урало-Забайкальской дивизіей ген.-м. Павлова, въ составѣ бригадъ Уральской и Забайкальской. Въ предшествовавшіе сраженію дни конница ген.-ад. Мищенко, поддержанная 14-й пѣх. дивизіей, выдвигалась для атаки с. Убанюлу, гдѣ, по слухамъ, располагались значительныя силы, а на самомъ дѣлѣ оказалась лишь 2-я кав. бригада, сейчасъ же отошедшая въ районъ с. Сяобейхэ. Не получивъ своевременно диспозицію на 12-е января, указывавшую ему задачу на правомъ флангѣ I Сиб. корпуса, ген.-ад. Мищенко 12-го января двинулся въ направленіи на с. Сяобейхэ, отбросилъ къ самой р. Хуньхэ арьергардъ 2-й японской кав. бригады и заночевалъ въ районѣ западнѣе с. Мамакай.

13-го января, около полудня, на участкѣ Гученцзы—Эрцзя начала развертываться 8-я японская дивизія и 8-я резервная бригада. Резервная бригада развернулась у с. Пяоцяо и, атакуя двинувшуюся къ сѣверу отъ Хейгоутая бригаду I Сибирскаго корпуса, полк. Леша, помѣшала ей подать помощь VIII корпусу, ударивъ съ юга на сел. Сандепу. 16-я бригада оставалась въ резервѣ у с.с. Гученцзы—Датай, а къ вечеру выдвинулась въ направленіи на с. Лицзявоту, противъ фланга атакующей Сандепу 14-й дивизіи (VIII корпуса) и вынудила ее отойти назадъ. Гарнизонъ с. Сандепу былъ нѣсколько усиленъ за счетъ 3-й дивизіи.

Другая, 4-я бригада 8-й японской дивизіи, развернувшись на фронтѣ Сумапу (5-й полкъ)—Эрцзя (31-й полкъ), атаковала I Сиб. корпусъ на фронтѣ с.с. Хейгоутай—Тоупао. Главная атака велась 31-мъ полкомъ отъ с. Эрцзя на с. Тоупао, до овладѣнія которымъ наступленіе на Хейгоутай, фланкируемое отъ с. Тоупао, признавалось затруднительнымъ. Лѣвый флангъ японцевъ охранялъ конный отрядъ полк. Танеды—полкъ дивизионной конницы, усиленный полкомъ 1-й кав. бригады, выбитымъ наканунѣ изъ с. Хейгоутай. Еще южнѣе, у с. Сантьяза, находился резервный батальонъ.

13-го января активныя дѣйствія съ нашей стороны ограничились неуспѣшной атакой с. Сандепу 14-й дивизіей. I Сиб. корпусъ оставался на фронтѣ Тоупао—Хейгоутай.

но конная артиллерія его могла обстрѣлять съ фланга и тыла резервы 31-го полка, который сейчасъ же долженъ былъ отказаться отъ атаки с. Тоупао и перешелъ къ оборонѣ у с. Эрцзя. Положеніе на правомъ флангѣ I Сиб. корпуса, нуждавшагося въ передышкѣ послѣ взятія с. Хейгоутай наканунѣ глубокой ночью, сейчасъ же облегчилось.

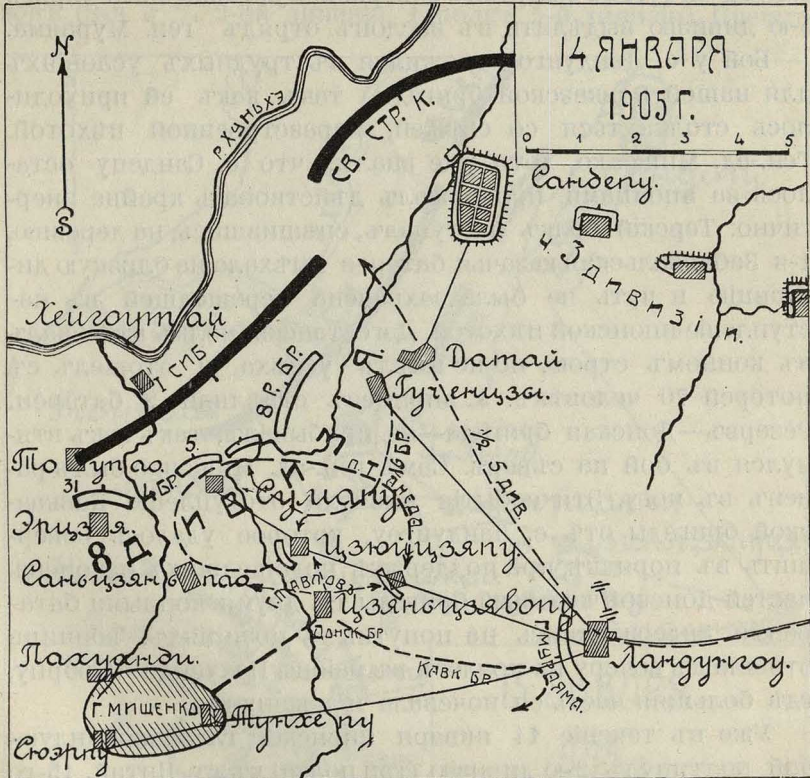
На ночлегъ съ 13-го на 14-е конница ген.-ад. Мищенко стянулася въ районъ Тунхепу—Сюэрпу—Пахуанди.

Серьезный оборотъ, который принимали событія въ районѣ лѣваго японскаго крыла, и бездѣйствіе русскихъ силъ на фронтѣ обусловили принятіе поздно вечеромъ 13-го января маршаломъ Ойямой рѣшенія—двинуть на помощь 8-й дивизіи—5-ю. Съ утра 14-го января 5-я дивизія, послѣ ночного марша, начала подтягиваться къ с. Ландунгоу, гдѣ выдѣлила въ заслонъ противъ нашей кавалеріи боковой отрядъ ген. Мураяма, въ составѣ 1 полка, 1 батареи и гарнизона этапа Ландунгоу. Главныя силы 5-й дивизіи направлялись на участокъ Датай—Сандепу, а освободившіяся здѣсь части 8-й дивизіи (16-я бригада) двинулись на присоединеніе къ главнымъ силамъ дивизіи (4-й бригадѣ), находившимся въ тяжеломъ положеніи у с. Сумапу. На всемъ фронтѣ Сандепу — Сумапу (исключительно) японцы пытались наступать. Конный отрядъ полковн. Танеды, охраняя лѣвый флангъ, передвинулся изъ Цзюйцзяпу въ Саньцзяньпао.

Наша II армія должна была въ этотъ день бездѣйствовать, готовясь къ новой атакѣ с. Сандепу. Подъ вліяніемъ оказавшихся потомъ ошибочными слуховъ о взятіи с. Сандепу и для обезпеченія нѣкотораго простора расположенію корпуса, ген.-л. бар. Штакельбергъ рѣшилъ дѣйствовать активно и овладѣть участкомъ с.с. Сумапу—Эрцзя. Постепенно въ бой съ 8-й японской дивизіей втянулись всѣ части корпуса. Днемъ наше наступленіе вынудило 5-й полкъ очистить позиціи передъ с. Сумапу; въ ночь на 15-е января японцы очистили с. Эрцзя; части I Сиб. корпуса, поддержанныя частью Своднаго стрѣлковаго корпуса, ворвались ночью въ сѣверную часть с. Сумапу и засѣли въ ней.

Ген.-ад. Мищенко, выжидая утромъ поступленія донесеній отъ разъѣздовъ, получилъ ложное извѣщеніе о

взятіи с. Сандену—и сейчас же рѣшился развить успѣхъ преслѣдованіемъ въ сѣверо-восточномъ направленіи. Когда наша конница съ боя овладѣла с. Цзяньцзявону, обнаружилось занятіе японцами с. Цзюйцзяпу и Саньцзяньпао и нахожденіе ихъ въ большихъ силахъ у с. Ландунгоу, куда ген.-ад. Мищенко и рѣшилъ двинуться для

№ 54.

выясненія обстановки. На этотъ разъ движеніе долженъ былъ прикрывать съ сѣвера боковой отрядъ ген.-м. Павлова (18 сот. и 6 ор.), заставившій векорѣ отступить конницу полк. Танеды и втянувшійся въ бой противъ тыла и фланга 8-й дивизіи. Нашему боковому отряду, поддержанному изъ резерва Донской бригадой съ 12 оруд., удалось овладѣть сс. Цзюйцзяпу и Цзиньцзяпуца, обстрѣлять съ тыла 8-ю дивизію, захватить продовольствіе и

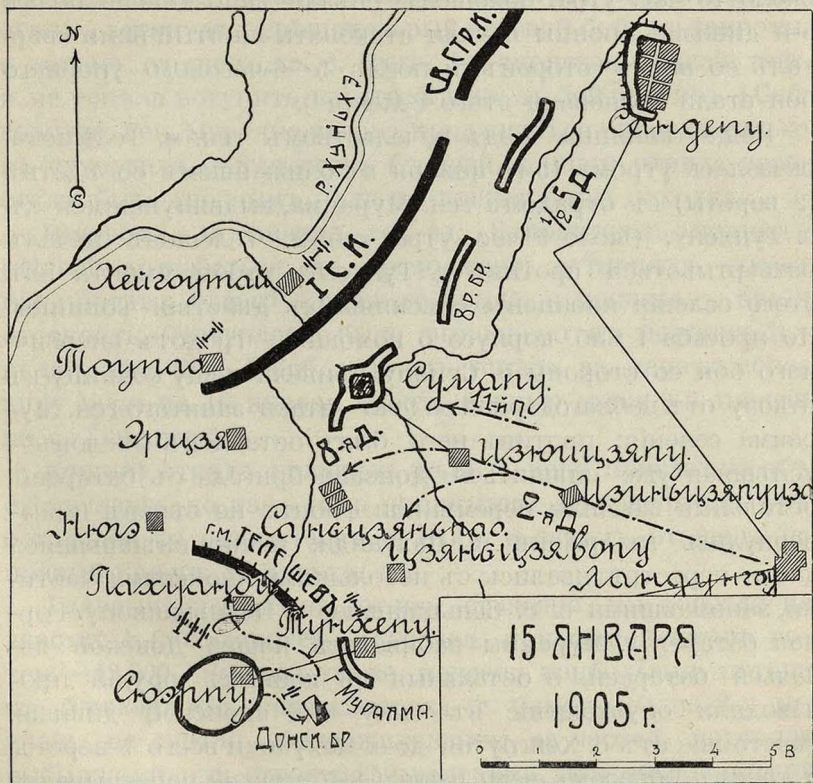
боевые припасы 31-го японскаго полка и оттянуть на себя вниманіе и часть силъ передвигавшейся къ с. Сумапу 16-й бригады 8-й дивизіи.

Въ то время, когда резервъ коннаго отряда—Донская бригада—втянулся въ бой на сѣверномъ фронтѣ, ген.-ад. Мищенко съ Кавказской бригадой и 6 оруд. направлялся къ с. Ландунгоу, гдѣ вынудилъ совершавшую фланговый маршъ 5-ю дивизію выдѣлить въ заслонъ отрядъ ген. Мураяма.

Бой у с. Ландунгоу сложился въ трудныхъ условіяхъ для нашей Кавказской бригады, такъ какъ ей приходилось столкнуться со свѣжей, неразстроенной пѣхотой. Ген.-ад. Мищенко, хотя уже зналъ, что с. Сандепу осталось за японцами, продолжалъ дѣйствовать крайне энергично: Терскій полкъ наступалъ, спѣшившись, на деревню, 1-я Забайкальская казачья батарея выѣхала на близкую дистанцію и чуть не была захвачена перешедшей въ наступленіе японской пѣхотой, Дагестанскій полкъ атаковалъ въ конномъ строю, но не имѣлъ успѣха, и отошелъ съ потерей 70 человекъ. У японцевъ стрѣляли 2 батареи. Резервъ—Донская бригада—не прибывалъ, такъ какъ втянулся въ бой на сѣверѣ. Самъ ген.-ад. Мищенко былъ раненъ въ ногу. Эти событія вызвали отступленіе Кавказской бригады отъ с. Ландунгоу, которое удалось совершить въ порядкѣ, при поддержкѣ подошедшихъ наконецъ частей Донской казачьей бригады съ двумя конными батареями. Задержавшись на попутныхъ позиціяхъ, конница отошла къ вечеру на ночлегъ въ районъ Пахуанди—Сюэрпу, гдѣ большая часть ея ночевала и накануне.

Уже въ теченіе 14 января японскій главнокомандующій подтянулъ 2-ю дивизію (три полка) къ ст. Янтай. 15-го января сражающееся лѣвое крыло японской арміи получило новыя подкрѣпленія: подошелъ запоздавшій полкъ 5-й дивизіи (11-й) и приблизилась 2-я дивизія. Подкрѣпленія эти направлялись черезъ с. Ландунгоу на с. Сумапу, гдѣ 1-й Сиб. корпусъ потѣснилъ 8-ю дивизію. На всемъ фронтѣ с.с. Сандепу (исключительно) — Эрцзя японцы пытались перейти къ активнымъ дѣйствіямъ, развернувъ на протяженіи 8 верстъ 10 полевыхъ и 3 резервныхъ полка. Изъ состава бездѣйствовавшихъ на фронтѣ армій собирались и передвигались къ западу новые резервы.

Мы предполагали 15-го января вновь штурмовать с. Сандепу, бездѣйствуя на остальномъ фронтѣ, но наступательныя дѣйствія японцевъ заставили насъ отложить атаку с. Сандепу и перейти къ оборонѣ на всемъ фронтѣ. Самый горячій бой завязался на правомъ флангѣ 1-го Сиб. корпуса, противъ котораго наступали 8 японскихъ полковъ (8-я и $\frac{3}{4}$ 2-ой дивизіи, 1 полкъ 5-й дивизіи). Прежде

№ 55.

всего японцамъ надо было вернуть сѣверную часть с. Суимапу, которой I Сиб. корпусъ завладѣлъ ночной атакой. Общій переходъ къ оборонѣ русской стороны сказался на рѣшеніи ген.-л. бар. Штакельберга—прекратить активныя дѣйствія для захвата южной части с. Суимапу. А въ такомъ случаѣ приходилось отказаться отъ захваченныхъ ночью с. Эрцзя и части с. Суимапу и снова устроиваться

на фронтѣ с. с. Хейгоутай-Тоупао. Утромъ часть ворвавшихся въ с. Сумапу войскъ отошла, и въ десятомъ часу утра мы полагали, что это селеніе находится въ рукахъ японцевъ. На самомъ же дѣлѣ 800 нашихъ европейскихъ и сибирскихъ стрѣлковъ занимали еще кварталъ с. Сумапу. Японскій огонь отрѣзывалъ всякую связь съ ними. 8-я дивизія не въ силахъ была выбить ихъ, но когда, около 10 час. утра, подошелъ свѣжій запоздавшій полкъ 5-й дивизіи, японцы начали атаковать занятый нами кварталъ со всѣхъ сторонъ, и послѣ 5—6-часового упорнаго боя стали хозяевами этого селенія¹⁾.

Наша конница, подъ начальствомъ ген.-м. Телешева, оказалась утромъ 15-го января въ ближайшемъ сосѣдствѣ (2 версты) съ отрядомъ ген. Мураяма, выдвинувшимся къ с. Тунхепу. Около 9 час. утра ген.-м. Телешовъ началъ развертываться противъ с. Тунхепу, чтобы выбить изъ этого селенія японцевъ, стѣснявшихъ дѣйствія конницы. Но просьба I Сиб. корпуса о помощи и грохотъ энергичнаго боя со стороны с. Сумапу привели нашу конницу къ отказу отъ неблагоприятной задачи—атаки занятаго ген. Мураяма селенія; противъ него былъ оставленъ заслонъ—успѣвшая уже спѣшиться Донская бригада съ батареей, остальные же силы перемѣнили фронтъ на сѣверъ и развернулись въ районъ с. Пахуанди; наши спѣшившіяся части перестрѣливались съ небольшими японскими частями, занимавшими с. с. Саньцзяньпао и Цзяньцзявопу. Горная батарея г. Мураяма забивалась нашей Донской казачьей батареей, а остальные 18 конныхъ орудій производили опустошеніе въ тылу 8-й японской дивизіи. Разстояніе отъ с. Хейгоутая до с. Пахуанди всего 5 верстъ, и такимъ образомъ весь районъ 8-й дивизіи перекрывался дѣйствительнымъ перекрестнымъ огнемъ батарей I Сиб. корпуса и коннаго отряда.

Двигавшаяся по дорогѣ с. с. Ландунгоу—Цзиньцзяпуца — Цзюйцзяпу — Сумапу 2-я японская дивизія (всего 8 батал., 1 эск., 18 ор.) около 2 час. дня оказалась въ походной колоннѣ, въ 3¹/₂ верстахъ отъ батарей коннаго отряда. Въ такихъ условіяхъ фланговый маршъ, конечно,

¹⁾ См. стран. 168.

не могъ продолжаться. «Наши артиллеристы, бывшіе въ двухъ кампаніяхъ, никогда не стрѣляли по такимъ цѣлямъ», доносилъ начальникъ коннаго отряда. Какъ ни стремилась 2-я дивизія въ районъ главныхъ операцій къ с. с. Сумапу—Эрцзя, какъ ни нежелательно для нея было втягиваться въ бой съ коннымъ отрядомъ, все же ей пришлось развернуть всѣ три свои батареи у с. Саньцзяньпао и двинуть противъ казаковъ пѣхотныя части. Конный отрядъ затанулъ нерѣшительный огневой бой до темноты, и затѣмъ отошелъ къ с. Нюгэ. 2-я японская дивизія такъ и не успѣла вступить въ этотъ день въ бой противъ I Сиб. корпуса. Ген. Мураяма началъ продвигаться впередъ только въ сумеркахъ, когда огонь батарей коннаго отряда пересталъ быть грознымъ, и наша конница уже отходила.

Вечеромъ 15 января ген.-ад. Куропаткинъ принялъ рѣшеніе—отказаться отъ продолженія активныхъ операцій противъ лѣваго японскаго крыла, и приказалъ арміи отступить. Отступление было выполнено въ полномъ порядкѣ, при чемъ I Сиб. корпусъ успѣлъ въ первую половину ночи на 16 января отбить ночную атаку 8-й дивизіи на с. Хейгоутай.

Конный отрядъ получилъ въ 1 ч. ночи приказаніе объ отступленіи, но такъ какъ японцы его не тревожили, онъ оставался до разсвѣта въ с. Нюгэ, и затѣмъ отошелъ на правый берегъ р. Хуньхэ.

Главныя потери въ этомъ сраженіи мы понесли на участкѣ I Сиб. корпуса—8.700 чел., при общей цифрѣ потерь—12.000. Японцы также понесли наибольшія потери въ ближайшихъ окрестностяхъ с. Сумапу. Одна 8-я дивизія, не считая поддерживавшихъ ее частей, потеряла выбывшими изъ строя 6.250 человекъ, при общей потерѣ японцевъ около 10.000. Въ сравненіи съ этими цифрами потери коннаго отряда—15 оф. и 222 н. чин.—являются весьма скромными, особенно если вспомнить, что треть потерь коннаго отряда приходится на неимѣвшую успѣха конную атаку Дагестанскаго полка, подъ с. Ландунгоу.

Работа нашего коннаго отряда въ теченіе сраженія Сандепу—Хейгоутай въ значительной степени измѣняла обста-

новку на важнѣйшемъ участкѣ поля сраженія, у с. Сумапу — Хейгоутай, въ нашу пользу. 12-го января ген.-ад. Мищенко отбрасываетъ назадъ 2-ю японскую кав. бригаду и этимъ обезпечиваетъ намъ районъ между рѣками Ляохэ и Хунхэ на все время сраженія. 13-го января ему приходится имѣть дѣло съ японской конницей¹⁾ и резервной пѣхотой, включавшими части, выбитыя нами наканунѣ изъ Хейгоутая, и потому деморализованныя; энергичное наступленіе конницы не встрѣчаетъ серьезнаго отпора, и боковые отряды японцевъ открываютъ флангъ главныхъ силъ; японцы вынуждены отказаться отъ атаки на с. Тоупао. 14-го января наша конница глубоко вдается въ тылъ противнику, отвлекаетъ на себя части 8-й и 5-й японскихъ дивизій и создаетъ обстановку, позволяющую I Сиб. корпусу ночью продвинуться на участкѣ Эрцзя—Сумапу. Наконецъ, 15 января, когда I Сиб. корпусъ находится въ томъ разстройствѣ, которое является неразрывнымъ слѣдствіемъ всякой ночной атаки, и лишь съ трудомъ устраивается для встрѣчи японской контр-атаки,—конный отрядъ существенно помогаетъ ему, обстрѣливая съ тыла 8-ю дивизію и останавливая приближеніе 2-й дивизіи. Управление на всемъ лѣвомъ японскомъ крылѣ, и въ особенности 8-й дивизіей, было поставлено въ крайне трудныя условія. 8-я дивизія не могла ввести въ бой въ сносныхъ условіяхъ свою артиллерію; подвозъ боевыхъ припасовъ, довольствіе войскъ — все встрѣчало крайнія затрудненія. I Сиб. корпусъ, при поддержкѣ свѣжихъ частей, могъ бы безусловно развить 15 января свой успѣхъ противъ 8-й дивизіи, а съ прочнымъ утвержденіемъ его въ районѣ с. Сумапу падалъ весь фронтъ Сумапу—Сандепу, и японцы, вѣроятно, добровольно бы очистили послѣднее селеніе, которому мы придавали преувеличенное значеніе.

Работа коннаго отряда получила столь выигрышное значеніе вслѣдствіе ошибокъ японскаго управления, которое не оцѣнило сразу необходимость принятія серьезныхъ мѣръ для противодѣйствія русскому наступленію,

¹⁾ Японская конница въ этотъ періодъ была нѣсколько ослаблена выдѣленіемъ отборныхъ партизанскихъ отрядовъ для нападенія на нашъ глубокой тылъ.

и направляло въ районъ боя резервы небольшими пакетами. Каждымъ пакетомъ приходилось затыкать важнѣйшую щель на фронтѣ боя, нашему же конному отряду предоставлялась свобода дѣйствія. Тотъ отрядъ ген. Мураяма, который былъ наконецъ выдѣленъ 14 января противъ ген.-ад. Мищенко, имѣлъ на 3¹/₂ батал. пѣхоты только 6 слабыхъ горныхъ орудій; онъ по составу своему не отвѣчалъ задачѣ дѣйствія противъ конницы на откры-

№ 56. Наши стрѣлки въ окопѣ въ сраженіи Сандепу — Хейгоутай. Устройство окоповъ встрѣчало большія затрудненія въ промерзшемъ грунтѣ; пѣхота рѣзко выдѣлялась на снѣгу и представляла благодарную цѣль для артиллеріи.

той, занесенной снѣгомъ равнинѣ, гдѣ невозможно замаскировать наступленіе днемъ, и гдѣ трудность устройства окоповъ отводила широкую роль артиллеріи. Слабость въ артиллеріи обрекала ген. Мураяма на оборонительный способъ дѣйствій днемъ, и только ночью онъ могъ подвигаться впередъ.

Во время сраженія на р. Шахѣ японцы на нашъ переходъ въ наступленіе отвѣтили общей контръ-атакой; въ сентябрѣ 1904 года они искали рѣшенія. Въ январѣ же 1905 года, выжидая прибытія арміи ген. Ноги отъ Портъ-Ар-

тура, японское управленіе не искало рѣшенія, а отвѣчало намъ на фронтѣ Сандепу—Сумапу лишь частнымъ ударомъ ¹⁾. Сильнаго уступа, съ достаточной артиллеріей, который бы прикрылъ слѣва главную атаку на с. Хейгоутай, выставлено не было — и японскія войска были поставлены въ критическое положеніе. При томъ малоподвижномъ характерѣ, который принялъ бой 13, 14, 15-го января, мы имѣли полную возможность въ районѣ дѣйствія коннаго отряда подтянуть Ляохэйскій отрядъ, или цѣлую дивизію изъ резерва, и тогда японская контръ-атака, скупая разбѣренная, могли бы быть окончательно раздавлена въ огненныхъ тискахъ.

Передъ нашимъ коннымъ отрядомъ ежедневно представлялись двѣ задачи: одна — непосредственное содѣйствіе огнемъ флангу I Сиб. корпуса; другая — болѣе глубокой ударъ въ тылъ противнику, на с. Ландунгоу. Едва ли справедливо было бы укорять вождя нашей конницы въ томъ, что онъ не склонился категорически въ сторону той или другой задачи. Главное, рѣшающее значеніе имѣютъ дѣйствія пѣхоты; поэтому, всякая конная часть, усматривающая возможность дѣйствительно помочь своей пѣхотѣ, обязана не уклоняться отъ этой задачи. Ген. Мищенко обязанъ былъ поддерживать 1-й Сиб. корпусъ, стѣснять огнемъ флангъ и тылъ 8-й дивизіи, но всю конницу, которую можно было съэкономить при разрѣшеніи этой задачи, крайне желательно было двинуть болѣе глубоко въ тылъ японцамъ, чтобы разстроить движеніе тѣхъ резервовъ, безъ прибытія которыхъ японцы не могли держаться.

Каждый день спѣшенная конница ведетъ бой на обоихъ направленіяхъ; та легкость, съ которой она обрываетъ бой, переставшій быть выгоднымъ, и переноситъ свои усилія на участокъ, гдѣ бой можетъ дать лучшіе результаты, какъ то было, на примѣръ, 15 января, является очень характерной для дѣйствій конницы въ пѣшемъ строю.

Неуспѣхъ конной атаки Дагестанцевъ на неразстроенный отрядъ ген. Мураяма отнюдь еще не доказываетъ не-

¹⁾ Мы же повторили ошибку японцевъ въ Ландясанскомъ бою: охватывали непріятели, не сковавъ его боемъ на фронтѣ.

возможность конныхъ атакъ вообще, такъ какъ атака сложилась въ крайне трудныхъ условіяхъ. Если наша конница въ прошлую войну мало прибѣгала къ дѣйствіямъ въ конномъ строю, а работала по преимуществу, какъ конная пѣхота, то это въ значительной степени объясняется конскимъ составомъ многихъ полковъ—въ особенности Забайкальскихъ казаковъ. Маленькая, слабосильная, еле скачущая лошадь не возбуждаетъ стремленія давить врага.

Значеніе боя конницы въ пѣшемъ строю возрастаетъ, однако, и при наилучшемъ конскомъ составѣ. Современ-

№ 57. Развѣздъ Забайкальцевъ.

ныя условія заставляютъ убирать конницу съ фронта и сосредоточивать на фланги, гдѣ конница будетъ встрѣчать, какъ то и было 14 и 15 января въ отрядѣ ген.-ад. Мищенко, неразстроенную пѣхоту противника, быстроту передвиженія которой необходимо парализовать. Въ подвижной, полевой войнѣ войска будутъ также спѣшить къ полю завязавшагося сраженія, какъ 8-я, 5-я и 2-я японскія дивизіи къ с.с. Суману—Датай, и первая задача крупныхъ частей конницы будетъ заключаться въ томъ, чтобы задержать и спутать непріятельское сосредоченіе.

Значеніе конной артиллеріи при такихъ операціяхъ громадно, такъ какъ ея присутствіе во много разъ увеличиваетъ значеніе захвата конницей позицій въ районѣ маневрированія неприятельскихъ частей. Если бы не артиллерія коннаго отряда, 2-я дивизія спокойно миновала бы его и обрушилась 15-го января на много выстрадавшій уже I Сиб. корпусъ. Угроза конной атаки задержала бы японскую пѣхоту всего на нѣсколько минутъ.

Если бы во время Мукденской битвы наша конница повисла такимъ же образомъ на флангъ и въ тылу лѣваго японскаго крыла, которое вело главную атаку, то исходъ битвы могъ бы подвергнуться значительному измѣненію. Но ген.-ад. Мищенко лежалъ раненый, ген. Ренненкампфъ былъ отозванъ на противоположный флангъ—и у насъ не оказалось начальниковъ, которые бы смогли вывести конницу изъ постыднаго бездѣйствія.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Ускоренная атака крѣпости Портъ-Артуръ.

Очищеніе передовыхъ позицій.—Сухопутный фронтъ крѣпости; артиллерія, группировка гарнизона.—Силы осадной арміи. Переходъ къ тѣсному обложению.—Выборъ фронта атаки и распредѣленіе силъ; дѣйствія артиллеріи; бой на фронтѣ.—Главная атака; взятіе редутовъ №№ 1 и 2; ночной штурмъ.—Тактическій разборъ.

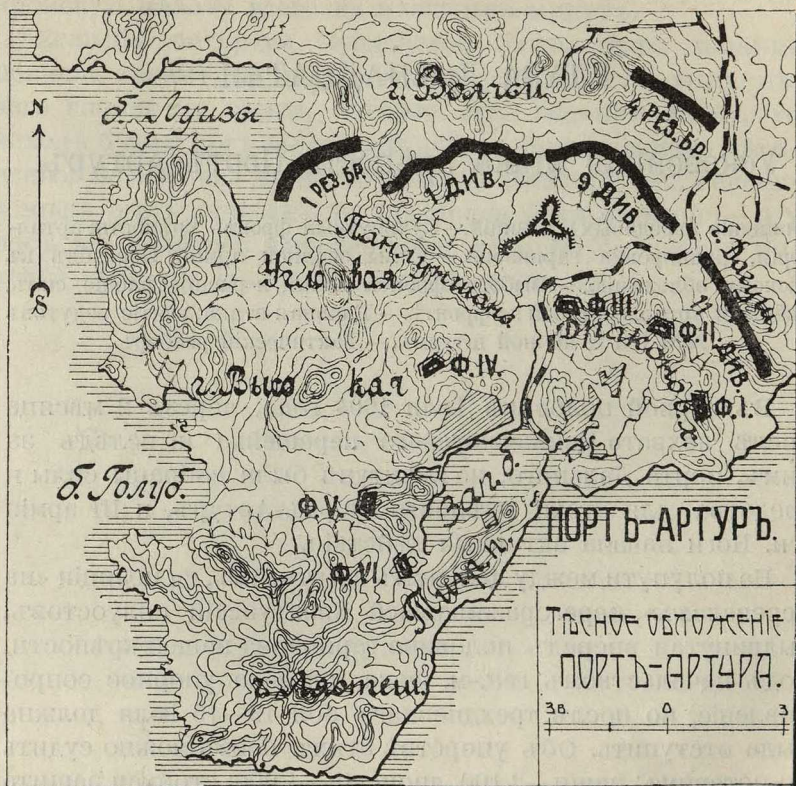
Въ первой половинѣ іюля 1904 года, черезъ 2 мѣсяца послѣ захвата Цзиньчжоускаго перешейка и, вслѣдъ за нимъ, порта Дальняго, на Квантунѣ были собраны силы и средства для атаки крѣпости Портъ-Артуръ, и III армія ген. Ноги начала активныя дѣйствія.

На полупути между Дальнимъ и Артуромъ, на позиціи «на перевалахъ», перегораживавшей Квантунскій полуостровъ, выдвинутая впередъ половина гарнизона нашей крѣпости, подъ начальствомъ ген.-м. Фока, оказала упорное сопротивленіе, но послѣ трехдневнаго боя 13—15 іюля должна была отступить. Объ упорствѣ этихъ боевъ можно судить по потерямъ: наши—2.100, японскія—4.000; стойкая защита этой передовой позиціи указывала японцамъ, что имъ придется встрѣтить на крѣпостныхъ веркахъ достойнаго противника.

Упорство, вложенное нами въ оборону «позиціи на перевалахъ», не дало намъ возможности удѣлить достаточно силъ, вниманія и времени оборонѣ слѣдующей позиціи, на Волчьихъ горахъ, находившейся всего въ 4 верстахъ передъ крѣпостью, и японцы, слѣдуя за частями, отступавшими съ позиціи «на перевалахъ», безъ особыхъ усилій

17-го іюля сбили насъ съ Волчьихъ горъ и оказались, такимъ образомъ, въ разстояніи орудійнаго выстрѣла отъ крѣпости. Широкое обложеніе Портъ-Артура было закончено.

Сухопутный фронтъ Портъ-Артурской крѣпости, протяженіемъ 19 верстъ, былъ болѣе законченъ въ восточной части, гдѣ на долговременныхъ фортахъ и укрѣпленіяхъ

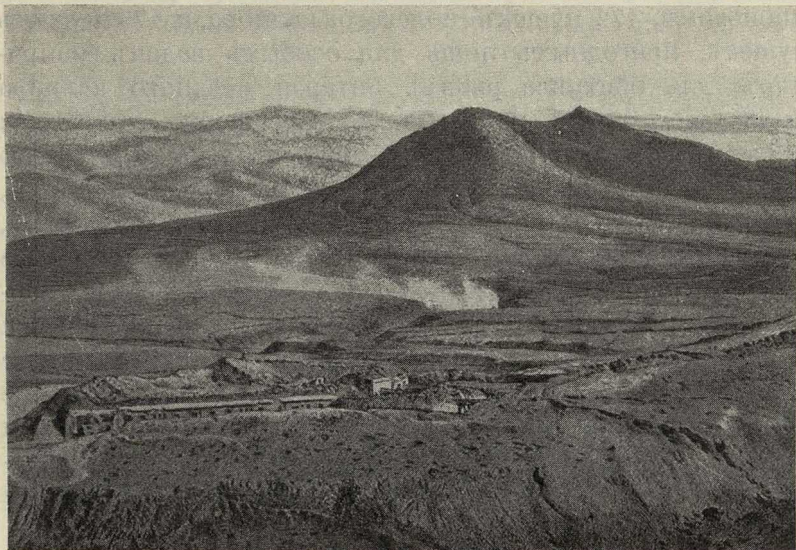

№ 58.

имѣлись бетонныя казармы, поддающіяся разрушенію лишь мортирами самаго крупнаго калибра, а высѣченныя въ скалистомъ грунтѣ рвы имѣли уже фланговую оборону изъ кофровъ. Долговременныя укрѣпленія западной половины сухопутнаго фронта менѣе подвинулись впередъ, но такъ какъ прошло со времени начала войны уже полгода, то недостающія долговременныя укрѣпленія были замѣнены вре-

менными. Пробѣловъ въ главной крѣпостной позиціи было бы меньше, если бы мы при постройкѣ крѣпости сразу направили на нее всѣ средства; мы же, вмѣсто того, въ первую очередь построили неимѣвшую серьезнаго значенія непрерывную ограду у самаго города.

Недостатками крѣпости являлись неудовлетворительный ближній обстрѣлъ со многихъ укрѣпленій, возведенныхъ такъ, что въ двадцати шагахъ передъ ними начиналось мертвое пространство, и невключеніе въ главную

№ 59. Гора Дагушань съ Б. Орлинаго Гнѣзда. На переднемъ планѣ — горжа форта II.

крѣпостную позицію господствовавшихъ надъ ней высотъ: на правомъ флангѣ—горы Дагушань и на лѣвомъ — горы Высокой съ ея отрогами. Захватъ противникомъ этихъ массивовъ давалъ ему возможность наблюдать внутренность крѣпости и укрыто приблизить къ ней свои батареи; съ горы Высокой, сверхъ того, виденъ былъ весь внутренній рейдъ крѣпости; установивъ на ней наблюдательный пунктъ, японцы получали возможность разстрѣлять всѣ находившіяся въ гавани крупныя суда; слѣдовательно, Портъ-Артуръ, безъ горы Высокой, не разрѣшалъ задачу образованія убѣжища нашей эскадрѣ. Вслѣд-

ствіе этихъ соображеній, гарнизонъ крѣпости занялъ временными укрѣпленіями горы Дагушань и группу возвышенностей около горы Высокой, обративъ на послѣднюю главное вниманіе. Кромѣ того, передовая позиція, меньшаго значенія, была занята и въ центрѣ — у редутовъ Кумирненскаго и Водопроводнаго.

Артиллерія сухопутнаго фронта, съ тѣми пушками, которыя могли быть позаимствованы во флотъ и съ приморскаго фронта, состояла изъ 108 орудій средняго калибра, правда, не новѣйшихъ образцовъ, но не уступавшихъ японскимъ, 172 пушекъ полевого калибра и 175 мелкихъ пушекъ, пригодныхъ лишь для особыхъ задачъ (напримѣръ, для обстрѣла рвовъ). Батареи средняго калибра были расположены на гребняхъ, совершенно открыто, и послѣ нѣсколькихъ часовъ боя были приведены къ молчанію японской артиллеріей, размѣстившейся, большей частью, на закрытыхъ и маскированныхъ позиціяхъ. Впрочемъ, эта наша ошибка предохранила насъ отъ другой, еще болѣе опасной — разстрѣлять ограниченный боевой комплектъ крѣпостныхъ орудій въ бесплодной артиллерійской дуэли. Тѣ 200—500 снарядовъ, которыя мы имѣли на орудіе средняго калибра, были выпущены исподволь, въ теченіе всей осады; однако, оставленіе пѣхоты безъ поддержки артиллеріей средняго калибра въ первые же часы ускоренной атаки произвело на защитниковъ крѣпости крайне тяжелое впечатлѣніе.

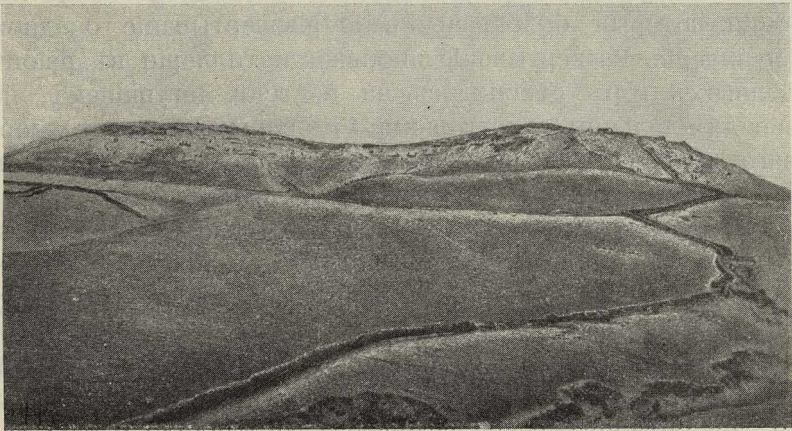
Но при всѣхъ своихъ недостаткахъ, крѣпость Портъ-Артуръ имѣла и огромный плюсъ, заключавшійся въ многочисленности и качествахъ ея гарнизона. Обыкновенно, гарнизонъ крѣпостей рассчитывается по 1 батальону на 1 версту обвода, и притомъ составляется почти исключительно изъ второочередныхъ, запасныхъ и ополченскихъ частей. Въ Портъ-Артурѣ же, на 19 верстѣ обвода, имѣлось всего 33 батальона, въ томъ числѣ 27 батал.—9 полковъ прекрасныхъ Восточно-Сибирскихъ стрѣлковъ. Сверхъ того, десантъ съ эскадры могъ дать до 5.000 моряковъ, также представлявшихъ первоклассный матеріалъ для ближняго боя за укрѣпленія.

Гарнизонъ крѣпости группировался такъ: сухопутная оборона, общимъ начальникомъ которой былъ назначенъ

ген.-м. Кондратенко, дѣлилась на три участка: правое крыло, до долины р. Лунхэ, оборонялъ ген.-м. Горбатовскій съ 7 батал.; передовую позицію въ центрѣ (редуты Водопроводный, Кумирненскій и Панлуншанскій) оборонялъ полк. Семеновъ съ 7 батал.; лѣвый участокъ—столь важную передовую позицію на отрогахъ горы Высокой—оборонялъ полк. Ирманъ съ 12 батал. Въ общемъ резервъ ген.-м. Фока оставалось 7 батал.

Въ виду надвигавшейся опасности, наша эскадра сдѣлала попытку пробиться во Владивостокъ, но, послѣ окончившагося неудачей боя 28-го іюля, большая часть судовъ

№ 60. Гора Высокая.

вернулась въ Портъ-Артуръ. Присутствіе ихъ здѣсь заставляло японцевъ напрягать все усилія къ скорѣйшему взятію Портъ-Артура.

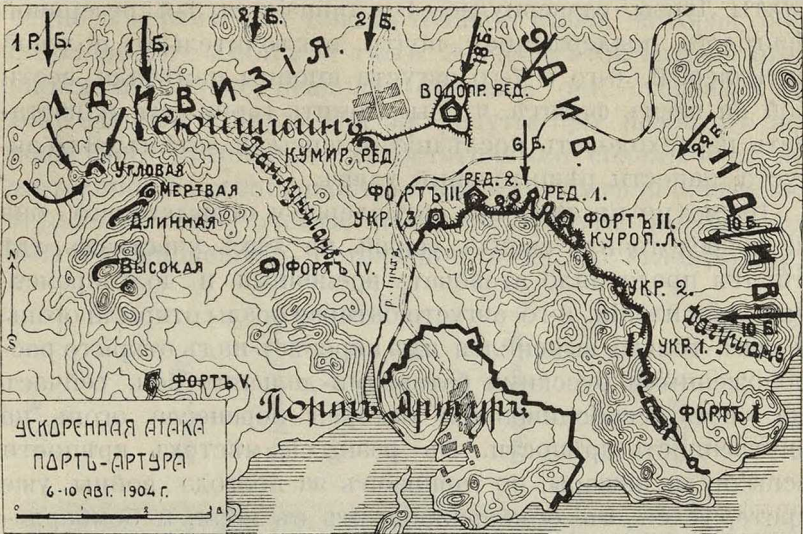
III армія ген. Ноги состояла изъ 1-й дивизіи (бригады 1-я и 2-я), 9-й дивизіи (бригады 6-я и 18-я), 11-й дивизіи (бригады 10-я и 22-я), съ ихъ артиллеріей (36 орудій на дивизію), 1-й и 4-й резервныхъ бригадъ (каждая изъ 3 полковъ по 3 батальона); армейская артиллерія состояла изъ бригады полевой артиллеріи (72 пушки), 2 батальоновъ полевыхъ гаубицъ, команды морскихъ артиллеристовъ, и осаднаго артиллерійскаго полка, насчитывавшаго до 6 батал. Всего имѣлось 54 батал. пѣхоты (изъ нихъ 36 полевыхъ батал.), 224 орудія пол. калибра (изъ нихъ 72

горныхъ пушекъ и 24 мал. мортиръ) и 162 орудія средняго калибра. Такимъ образомъ, японцы имѣли лишь небольшой перевѣсъ въ полевой пѣхотѣ, равную артиллерію полевого калибра и небольшой перевѣсъ въ среднемъ калибрѣ. Ни одного орудія крупнѣе 6" калибра у японцевъ не было, и, слѣдовательно, всѣ наши бетонныя постройки оставались неуязвимыми. Да и количество 6" орудій — 88, въ томъ числѣ только 16 новыхъ гаубицъ, являлось недостаточнымъ. Съ этими скромными средствами японцы предприняли ускоренную атаку Портъ-Артура.

Первымъ этапомъ къ атакѣ крѣпости является переходъ къ тѣсному обложению, т. е. къ захвату такихъ позицій, которыя бы обезпечивали развертываніе осадной артиллеріи. Развертываніе японской артиллеріи въ раіонѣ Волчьихъ горъ стѣснялось на востокъ Дагушанемъ, на западъ — дальними предгорьями Угловой горы. Послѣ упорнаго двухдневнаго боя, 27-го іюля японцамъ удалось сбить 2 нашихъ батальона съ передовой позиціи у Дагушаня и овладѣть этимъ важнымъ наблюдательнымъ пунктомъ. 2-го августа японцы отгѣснили наше сторожевое охраненіе съ предгорій Угловой и заняли полуостровъ между бухтами Луизы и Голубиной.

Работы по сооружеію батарей быстро подвигались. Двѣ узкоколейныя линіи связали осадную армію съ г. Дальнимъ. 10 локомотивовъ и 500 вагонетокъ доставляли матеріальную часть. На батареяхъ былъ образованъ запасъ въ 180 снарядовъ на орудіе, и 240 снарядовъ на орудіе находились въ паркахъ, внѣ досягаемости русскихъ батарей. Пѣхота съ большимъ рвеніемъ работала надъ укрѣпленіемъ захваченнаго фронта, чтобы создать сильную позицію на случай большой вылазки гарнизона крѣпости.

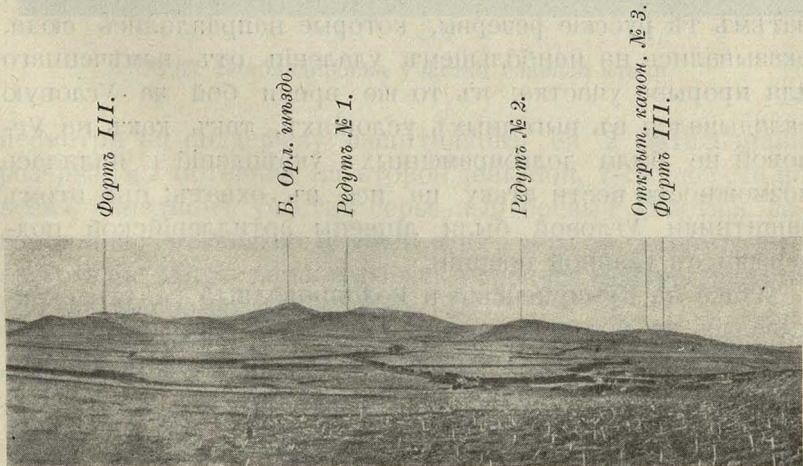
Главный ударъ намѣчался на участокъ между фортами II и III, находившійся въ самомъ ближнемъ удаленіи отъ ядра крѣпости. Нѣсколько овраговъ облегчали здѣсь подходъ къ русской оборонительной линіи. Непосредственно за ред. № 1 находилась командующая точка — Большое Орлиное Гнѣздо. Если бы японцамъ удалось утвердиться на немъ, то вся оборона сѣверо-восточнаго фронта скоро пала бы, и японцы быстро завладѣли бы важнѣйшей восточной половиной крѣпости. Противъ намѣченнаго участка

№ 61.

главного удара японцы развернули и главную массу осадных батарей.

Прорывъ нашего фронта возлагался на 9-ю дивизию, усиленную 4-й резервной бригадой. Слева ее поддерживала 11-я дивизия, развернувшаяся по обѣ стороны Дагущаня; правѣе, на участкѣ отъ мандаринской дороги до

№ 62. Видъ со стороны осаждающаго участка главной атаки.

бухты Луизы, развернулась 1-я дивизія съ 1-й резервной бригадой, поддержанная почти исключительно полевой артиллеріей. 6-го и 7-го августа японцы намѣчали вести бой на всемъ фронтѣ, чтобы утомить гарнизонъ и заставить израсходовать послѣдніе резервы, и затѣмъ, 8-го августа, нанести рѣшительный ударъ.

Несмотря на слабость артиллеріи у осаждающаго, она не сосредоточила своихъ усилій на тѣхъ участкахъ, гдѣ пѣхотѣ предстояло атаковать временныя и долговременныя укрѣпленія. 6-го августа батареи осады открыли огонь, и какъ только выяснился ихъ перевѣсъ надъ открыто расположенными русскими батареями дальняго боя, сейчасъ же часть освободившихся батарей перенесла огонь на внутренность крѣпости. Въ разныхъ мѣстахъ крѣпости вспыхнули пожары; но гарнизонъ за полгода войны уже притерпѣлся къ бомбардировкамъ съ моря, и бомбардировка съ сухопутной стороны, болѣе слабыми калибрами, не могла разстроить оборону.

Бой на фронтѣ велся 6-го и 7-го августа энергично лишь на западномъ участкѣ поля сраженія. Главной цѣлью японскихъ атакъ явилась гора Угловая, и передовая позиція—редуты Кумирненскій и Водопроводный. Гору Угловую японцамъ было выгодно атаковать, такъ какъ со взятіемъ ея гарнизону крѣпости приходилось прочно занимать большими силами важный участокъ у горы Высокой; затѣмъ тѣ русскіе резервы, которые направлялись сюда, оказывались на наибольшемъ удаленіи отъ намѣченнаго для прорыва участка; въ то же время бой за Угловую складывался въ выгодныхъ условіяхъ, такъ какъ на Угловой не было долговременныхъ укрѣпленій и являлась возможность вести атаку на нее въ охватъ; при этомъ защитники Угловой были лишены артиллерійской поддержки съ главной позиціи.

Атака на Кумирненскій и Водопроводный редуты складывалась въ болѣе трудныхъ условіяхъ, такъ какъ они находились въ 2000—3000 шаговъ отъ главной позиціи и получали съ нея хорошую артиллерійскую поддержку, даже ночью, при освѣщеніи прожекторами. По выдающемуся положенію Водопроводнаго редута вблизи намѣченнаго для прорыва участка, захватъ его являлся чрезвы-

чейно важнымъ для успѣха главной атаки, которая представляла ему флангъ и тылъ. Значеніе этой группы было японцами, однако, неполнѣ оцѣнено; они атаковали Водопроводный и Кумирненскій редуты при недостаточной поддержкѣ артиллеріи, недостаточными силами и съ недостаточной настойчивостью. Въ результатѣ японское наступленіе было отбито, и группа—редуты Водопроводный и Кумирненскій—осталась за нами. Но Угловую гору,

кр. № 2.

Батр. Л. Б.

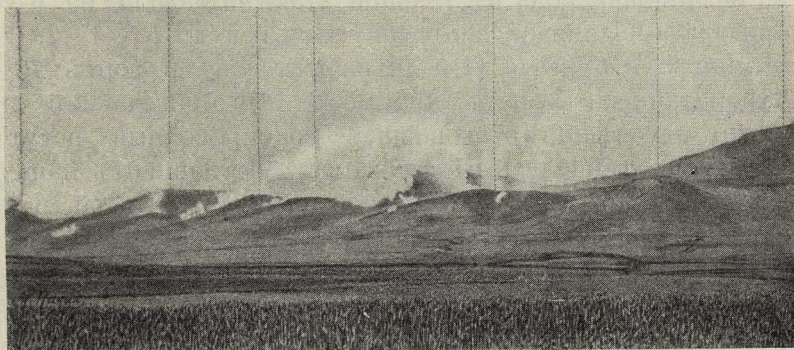
Курортск. мюн.

Фортъ II.

Откр. кан. № 2.

Ред. № 1.

Б. Орл. Гнездо.

№ 63. Бомбардировка участка главной атаки.

несмотря на поддержку защитниковъ ея 2 батальонами резерва, мы потеряли на второй день боя. 7-го августа на всемъ западномъ участкѣ серьезныя боевыя дѣйствія закончились; нѣсколько вялыхъ атакъ 8-го и утромъ 9-го августа не могли замаскировать переноса центра тяжести боя на сѣверо-восточный фронтъ.

Съ фортвъ II и III открывался крайне ограниченный обстрѣлъ. Важнѣйшей нашей пѣхотной позиціей здѣсь являлся устроенный еще китайцами оборонительный гласисъ—«Китайская стѣнка», хорошо примѣненный къ мѣстности. 4 горные отрога между фортами были заняты укрѣпленіями: два средніе — болѣе прочно, редутами № 1

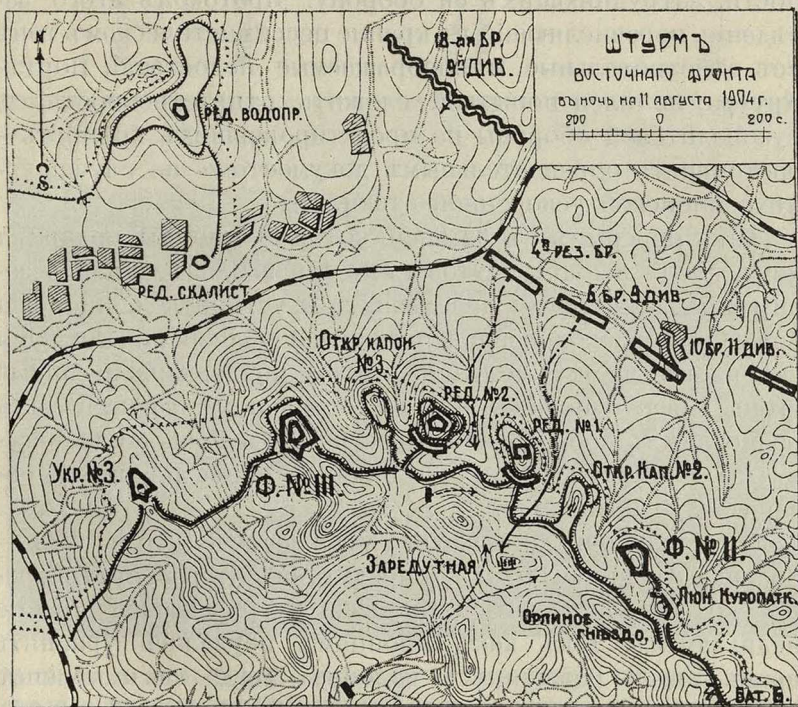
и № 2, и два крайніе — кольцевыми окопами. Совокупность этихъ укрѣпленій позволяла выбирать мертвые пространства передъ фронтомъ перекрестнымъ огнемъ. Промоины въ лощинахъ между укрѣпленіями не могли быть обстрѣлены вовсе; на днѣ ихъ были заложены фугасы. Отъ японскаго огня долговременныя укрѣпленія почти не пострадали; половина пушекъ дальняго боя—18—была подбита; другая половина, подавляемая японскимъ огнемъ, могла стрѣлять только урывками; только одна хорошо маскированная мортирная (Волчья) батарея могла вести стрѣльбу безъ помѣхи. Больше всего доставалось отъ японской артиллеріи редутамъ №№ 1 и 2, деревянные блиндажи которыхъ не давали достаточнаго укрытія и постепенно разбивались.

Важнѣйшая роль въ главной атакѣ выпадала на 6-ую бригаду 9-й дивизіи, нацѣленную на редуты №№ 1—2. Соединяя 22-я бригада 11-й дивизіи атаквала фортъ II и Куропаткинскій люнетъ. Другая же 18-я бригада 9-й дивизіи, неуспѣшно атаквавшая Водопроводный редутъ, частью удерживалась въ близкомъ разстояніи отъ нашего фронта, частью, вмѣстѣ съ 4-й резервной бригадой, являлась поддержкой для 6-й бригады.

8-го августа всѣ ожесточенныя атаки на фронтъ батареи лит. Б—редутъ № 2 были отбиты. Но всѣ резервы руководившаго здѣсь боемъ ген.-м. Горбатовскаго были израсходованы, наши войска понесли большія потери и лишь съ большимъ трудомъ держались передъ Китайской стѣнкой, внѣ фортовъ.

9-го августа, днемъ, командующій японской арміей предполагалъ уже приостановить наступленіе въ виду безуспѣшности атакъ; но въ это время редуты №№ 1 и 2 оказались въ рукахъ японцевъ. Послѣ цѣлаго ряда рукопашныхъ схватокъ съ японцами, немногіе уцѣлѣвшіе защитники редутовъ отошли за Китайскую стѣнку. Японцы, овладѣвъ редутомъ № 1, ввели въ бой за редутъ № 2 часть 4-й резервной бригады, но она не могла и приблизиться къ мѣсту боя. Только прибытіе свѣжаго батальона 18-й бригады дало японцамъ возможность захватить и редутъ № 2.

Успѣхъ японцевъ на редутахъ №№ 1 и 2 ободрилъ ихъ, и они рѣшили продолжать наступленіе. Однако, войска были настолько истощены боями 8-го и 9-го августа, связь съ тыломъ подъ огнемъ редута Водопроводнаго и укрѣпленной позиціи около фортовъ III и II представляла такія трудности, что для организациі дальнѣйшей атаки, пополненія патроновъ, группировки резервовъ

№ 64.

японцы должны были сдѣлать перерывъ. Дальнѣйшее наступленіе съ участка редутовъ №№ 1 и 2 преграждалось Китайской стѣнкой. Чтобы сберечь атакующія войска отъ фланкирующаго огня фортовъ, штурмъ «стѣнки» было рѣшено произвести ночью, но такъ какъ къ ночи на 10-е августа войска къ штурму еще не были готовы, то онъ былъ отложенъ на ночь съ 10 на 11 августа.

9-го августа, когда гарнизонъ крѣпости оказался не въ силахъ удержатъ редуты №№ 1 и 2, положеніе наше

рисовалось многимъ критическимъ. Ген.-лейт. Стессель собралъ совѣтъ обороны крѣпости, въ которомъ, правда, не приняли участіе ни ген.-м. Кондратенко, ни его ближайшіе помощники — начальники участковъ сухопутнаго фронта. Въ эти тяжелыя минуты г.-л. Стессель поставилъ на обсужденіе совѣта обороны, казалось бы, совершенно теоретическій вопросъ о недостаткахъ крѣпости, затрудняющихъ ея оборону. Протоколъ этого за-сѣданія, перечисляющій въ крайне пессимистическомъ тонѣ всѣ дѣйствительныя и воображаемыя недостатки Портъ-Артура, являлся попыткой сложить отвѣтственность съ руководителей обороны на проектировавшихъ крѣпость — настоящимъ оправдательнымъ документомъ на случай успѣха японской ускоренной атаки.

Тотъ перерывъ въ 32 часа, который японцы подарили намъ послѣ взятія редутовъ №№ 1 и 2, далъ, однако, защитникамъ крѣпости передохнуть и устроиться. Японскія батареи, израсходовавшія имѣвшіеся вблизи нихъ запасы снарядовъ, частью молчали, частью поддерживали вялый огонь. Прекратившійся бой на остальномъ фронтѣ далъ возможность собрать вновь резервы. Къ ночи на 11 августа за участкомъ г.-м. Горбатовскаго вновь появился резервъ — 1½ батальона.

Отъ полуночи до 4 часовъ утра районъ редута № 1 — Большое Орлиное Гнѣздо — Заредутная батарея сталъ ареной кровопролитнаго боя. Японскій штурмъ вышелъ крайне недружнымъ, такъ какъ японцамъ не удалось уравнять время атаки различныхъ колоннъ. Тогда какъ полевые батальоны — главнымъ образомъ 6-й бригады — рѣшительнымъ натискомъ смяли стрѣлковъ, занимавшихъ Китайскую стѣнку противъ редута № 1, и временно захватили даже Заредутную батарею, батальоны 4-й резервной бригады не нашли въ себѣ достаточной энергіи, чтобы броситься впередъ изъ района редута № 2. Такимъ образомъ, прорывъ японцевъ состоялся лишь на узкомъ фронтѣ, что дало намъ возможность небольшіе резервы наши усилить ротами, занимавшими сосѣдніе участки; наши контръ-атаки на тылъ и флангъ японцевъ и огонь съ форта II сбили японцевъ въ безпомощную толпу у Китайской стѣнки, противъ редута № 1, гдѣ они терпѣли

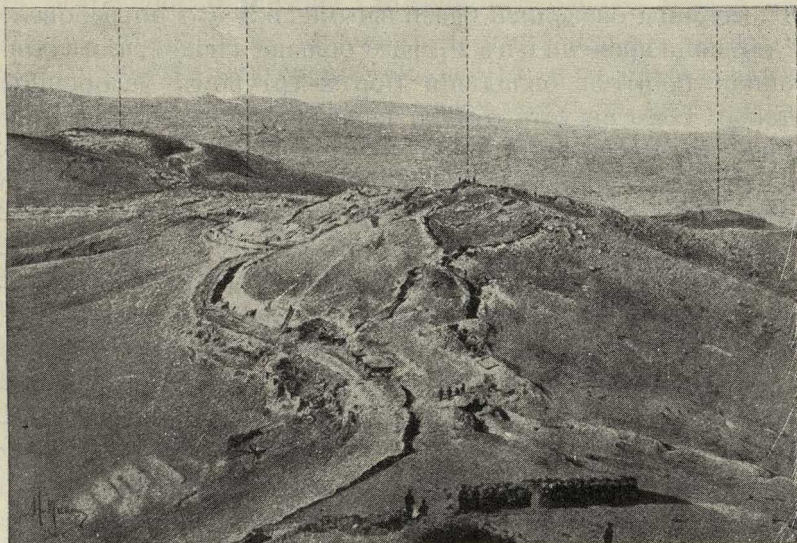
страшныя потери. На утро здѣсь лежало 2.500 японскихъ труповъ. 6-я японская бригада была почти совершенно уничтожена—въ 6 батальонахъ послѣ боя насчитывалось лишь 4 офиц. и 455 ниж. чиновъ. Уцѣлѣвшіе участники штурма успѣли отступить до разсвѣта. Поступившія

Фортъ III.

Бат. Волчья.

Бат. Заредутная.

Ред. № 2.

№ 65. Видъ съ Б. Орлинаго Гнѣзда на Заредутную батарею, переходившую въ ночь на 11-е августа въ руки японцевъ. Три 6" пушки въ 120 пуд., составлявшіе вооруженіе Заредутной, были подбиты 7-го августа, исправлены ночью и частью вновь подбиты 8-го, къ 11 час. утра, тогда какъ маскированная Волчья батарея—на 4—9" мортиры, расположенная на сѣдловѣ лѣвѣе, уцѣлѣла до конца.

къ ген. Ноги свѣдѣнія рисовали обстановку въ столь плачевномъ видѣ, что онъ не рѣшился ввести въ бой имѣвшіеся у него еще резервы и отказался отъ продолженія ускоренной атаки.

Потери японцевъ за ускоренную атаку 6—11 августа, достигавшія 14.756 человекъ, превышали почти вчетверо наши.

Значеніе успѣшнаго отраженія ускоренной атаки было очень велико; японцы должны были соразмѣрить дальнѣйшее наступленіе на Портъ-Артуръ въ гораздо болѣе медленномъ темпѣ, выждать доставки болѣе могущественной осадной артиллеріи, подтянуть новыя пѣхотныя части, постепенно захватывать мѣстность передъ нашимъ фронтомъ, предпринимать рядъ частныхъ атакъ для захвата державшихся еще русскихъ передовыхъ позицій, обратиться къ содѣйствию минеровъ для разрушенія тѣхъ частей долговременныхъ укрѣпленій, противъ которыхъ даже 11" гаубицы оказались безсильными; все это потребовало $4\frac{1}{2}$ мѣсяца времени и въ $2\frac{1}{2}$ раза больше жизней, чѣмъ описанная попытка овладѣнія Портъ-Артуромъ ускоренной атакой. 11-го августа отпали надежды японцевъ на скорое освобожденіе осадной арміи, что привело, какъ извѣстно, къ рѣшенію японскаго главнокомандующаго немедленно вступить въ рѣшительную битву съ русскими подъ Ляояномъ. Духъ же защитниковъ Портъ-Артура, лично убѣдившихся въ томъ, что энергія и силы японцевъ не безпредѣльны, и что стойкое сопротивленіе останавливаетъ осаждающаго, значительно поднялся; въ крѣпости создавалась та увѣренность въ своихъ силахъ которая отсутствовала еще 9 августа и которая одна обезпечиваетъ прочность обороны.

Было бы крайне ошибочно, однако, дѣлать выводъ, что если та беззавѣтная энергія, съ которой 6-я японская бригада вела рѣшительную атаку въ направленіи на Большое Орлиное Гнѣздо, не привела къ успѣху, то и вообще производство ускоренной атаки крѣпости, въ современныхъ условіяхъ, заранѣе обречено на неуспѣхъ. 9-го августа напряженіе гарнизона Портъ-Артура достигло крайнихъ границъ, и можно быть увѣреннымъ, что болѣе слабый гарнизонъ—числомъ или качествомъ—не смогъ бы остановить порыва японцевъ. Гарнизонъ, составленный изъ второочередныхъ частей, навѣрно не успѣлъ бы сбросить японцевъ съ бруствера Водопроводнаго редута, не измоталъ бы ихъ геройской защитой редутовъ №№ 1 и 2, не произвелъ бы въ непроглядной темнотѣ ночи на 11-е августа, отдѣльными ротами, тѣ штыковыя контръ-атаки на безпорядочную толпу прорвавшихся японцевъ, которыя

рѣшили участь ускоренной атаки. Въ бою за крѣпость главнѣйшее значеніе принадлежитъ не бетоннымъ сводамъ и разнообразнымъ препятствіямъ, а живой силѣ—тѣмъ же войскамъ, которыя рѣшаютъ судьбы сраженій въ полѣ. И если живая сила крѣпости—по количеству и качеству—окажется не на нужней высотѣ—ускоренная атака будетъ имѣть большіе шансы на успѣхъ.

Причиной неуспѣха японцевъ, помимо наличія въ Портъ-Артурѣ сильнаго гарнизона, явилась слабость арміи Ноги. Ускоренная атака крѣпости, главный шансъ которой въ истощеніи гарнизона, должна вестись на широкомъ фронтѣ. Дѣйствія же японцевъ противъ нашего центра и лѣваго участка постепенно смолкаютъ, и въ рѣшительную минуту японское наступленіе вырождается въ наступленіе на фронтѣ всего около версты. Водопроводный, Кумирненскій редуты, гора Высокая—долженствовали 9 и 10 августа быть полемъ ожесточеннаго боя, если бы у японцевъ имѣлись достаточныя силы—пѣхоты и артиллеріи. Японское же истощеніе на фронтѣ, приведшее къ бездѣйствію въ минуту рѣшающаго прорыва, представляетъ аналогію со штурмомъ Плевны 30-го августа 1877 года, когда вялость боя на фронтѣ позволила туркамъ бросить всѣ резервы противъ заклинившихся въ ихъ позицію войскъ ген. Скобелева, и заставила насъ отказаться отъ плодовъ крайне энергичной атаки¹⁾.

Чувствительнѣе всего отзывалась слабость японской артиллеріи, исключавшая возможность подготовки фортовъ къ штурму; однако, при болѣе искусномъ руководствѣ артиллеріей, можно было бы сосредоточить противъ Водопроводнаго редута достаточное количество батарей, чтобы поддержать его штурмъ. Отъ всѣхъ второстепенныхъ задачъ—въ томъ числѣ отъ обстрѣла ядра крѣпости—нужно было отказаться, чтобы съ достаточной силой поддерживать атаку пѣхоты. Оставляетъ желать лучшаго и связь артиллеріи съ пѣхотой: обстрѣлъ форта II часто прекращался въ минуты, когда по сторонамъ его происхо-

¹⁾ «Третья Плевна» и атака Портъ-Артура 6—10 августа представляютъ много общаго—такое же направленіе атаки, исключющее огневой охватъ, та же энергія на рѣшительномъ пунктѣ, тѣ же ошибки и одинаковыя потери.

дили оживленные схватки пѣхоты, что позволяло гарнизону форта занимать его бруствера и производить огнемъ опустошенія въ японскихъ рядахъ. Лучше дѣйствовали японскія батареи при штурмѣ редутовъ №№ 1 и 2, вмѣшиваясь въ самый пѣхотный бой; какъ только наша контръ-атака отбрасывала японцевъ на гласисъ, сейчасъ же внутренность редутовъ начинала энергично обстрѣливаться, и ворвавшіяся въ нихъ части начинали таять.

Продолжительность наступленія на укрѣпленныя позиціи въ настоящее время значительно возросла, и Дагушань, Угловая гора, редуты №№ 1 и 2 — достаются наступающему лишь на второй день боя.

Относительно ночныхъ атакъ японцы вынесли изъ описанныхъ боевъ самое отрицательное впечатлѣніе. Дѣйствительно, ночью они теряли содѣйствіе своей лучшей помощницы — артиллеріи, пѣхота очень нервничала, теряла порядокъ, резервныя части выходили вовсе изъ повиновенія. Послѣ ночного штурма на 11-е августа японцы отказались почти вовсе отъ ночныхъ предпріятій противъ нашей крѣпости. Ночные бои этого періода представляютъ интересъ въ томъ отношеніи, что въ нихъ участвуютъ средства искусственнаго освѣщенія — прожектора ¹⁾ и свѣтящіяся ракеты, значительно стѣсняющіе атакующаго.

Послѣдовательность дѣйствій атакующихъ Портъ-Артуръ японцевъ заключалась въ оттѣсненіи авангарда, въ развертываніи арміи на пушечномъ выстрѣлѣ передъ крѣпостью и дальнѣйшемъ приближеніи, дабы выиграть пространство для развертыванія осадной артиллеріи, въ обезпеченіи укрѣпленіями этого исходнаго для дальнѣйшей атаки положенія, въ борьбѣ за передовыя позиціи, въ бою на всемъ фронтѣ, съ цѣлью связать живую силу гарнизона и истощить его резервы, и затѣмъ въ энергичныхъ усиліяхъ для достиженія окончательной побѣды на участкѣ важнѣйшаго значенія. Это та же послѣдовательность дѣйствій, которую нужно имѣть въ виду и при борьбѣ въ полѣ; какой-либо принципиальной разницы между боемъ въ полѣ и боемъ подъ крѣпостью — нѣтъ. Сосредоточеніе достаточныхъ

---

¹⁾ Не въ районѣ главной атаки, такъ какъ на фортѣ II прожекторъ былъ подбитъ.

силъ, согласованность въ дѣйствіяхъ и упорство въ преслѣдованіи послѣдовательно возникающихъ задачъ обезпечиваютъ успѣхъ борьбы во всѣхъ случаяхъ. Особенности борьбы за крѣпости заключаются лишь въ подробностяхъ: приходится встрѣчать болѣе сильную артиллерію, лучшія укрытія, труднѣе преодолимые препятствія; эта особенность крѣпостной обстановки заставляетъ и наступающаго шире прибѣгать къ содѣйствію техники — крупной артиллеріи, работѣ минера, устройству болѣе совершенно оборудованныхъ окоповъ и, въ особенности, сообщеній боевой части съ тыломъ — чѣмъ въ полѣ. Вторженіе техники замедляетъ развитіе боевыхъ дѣйствій подъ крѣпостью; тотъ этапъ наступленія, который въ благоприятныхъ условіяхъ, въ полѣ, могъ бы быть пройденъ въ теченіе часа (напримѣръ, развертываніе артиллеріи), подъ крѣпостью можетъ потребовать нѣсколькихъ недѣль. Но сущность работы войскъ — борьба съ живой силой противника — остается той же, и наилучшія для боя въ полѣ войска, наилучшіе методы группировки и управленія ими въ полевомъ бою являются и наиболѣе отвѣчающими условіямъ боя за крѣпость.

ГЛАВА XIII.

Переправа арміи Куроки черезъ р. Ялу.

Группировка русскихъ силъ на р. Ялу.—Планъ переправы арміи Куроки.—Потребность въ мостахъ; устройство связи съ островами.—Переходъ армейскаго авангарда черезъ р. Ялу.—Усиленная рекогносцировка Восточнаго отряда.—Канонада 17 апрѣля.—Постройка мостовъ для главныхъ силъ.—Тактическій разборъ.

20-го марта конница ген.-м. Мищенко отошла съ корейскаго берега р. Ялу на маньчжурской; 23-го марта г. Ичжу былъ занятъ японской конницей; 26-го марта подошелъ авангардъ арміи Куроки—1-я гвардейская бригада; къ 12 апрѣля на берегахъ Ялу сосредоточилась вся армія Куроки—дивизіи гвардейская, 2-я и 12-я, всего до 35.000 бойцовъ.

На противоположномъ берегу р. Ялу располагался Восточный отрядъ,—2 неполныхъ дивизіи, силой около 20.000 бойцовъ. Такъ какъ сосредоточеніе на берегахъ Ялу значительныхъ силъ весной 1904 года встрѣчало препятствія, и Восточный отрядъ не могъ рассчитывать на поддержку, и такъ какъ приходилось имѣть въ виду столкновеніе съ превосходными силами противника, то въ задачу Восточнаго отряда не входило вступленіе въ рѣшительный бой съ японцами, а лишь возможная задержка наступленія арміи Куроки. Отсутствие сколько нибудь сносныхъ путей вдоль маньчжурскаго берега р. Ялу дѣлало весьма сомнительнымъ всякіе расчеты на сосредоточеніе разбросанныхъ вдоль р. Ялу силъ; это обстоятельство предохранило насъ отъ разброски силъ и занятія кордона вдоль р. Ялу; двѣ трети силъ Восточнаго отряда были со-

средоточены на фронтѣ около полуперехода, отъ с. Саходзы до с. Потетынза; тѣ войска, которыя были отдѣлены отъ главныхъ силъ, имѣли лишь значеніе сильныхъ, наблюдающихъ за флангами, отрядовъ. Правый флангъ — побережье Корейскаго залива — охраняли два полка казаковъ ген.-м. Мищенко, усиленные полкомъ пѣхоты, съ 14 орудіями; лѣвый флангъ — верхнее теченіе Ялу — охраняли два отряда: полковника Лечицкаго — у устья р. Амбихэ, и

№ 66.

полковника Трухина, выше по теченію, общей силой $1\frac{1}{4}$ батал., 11 сот., 8 горн. оруд. Своимъ расположеніемъ Восточный отрядъ непосредственно преграждалъ мандаринскую дорогу, подходившую къ р. Ялу у с. Тюреньчэнь, ближайшіе обходные пути на с. Саходзы, и вынуждалъ японцевъ къ переправѣ выше устья р. Эйхо, гдѣ мѣстность представляла большія препятствія для маневрированія крупныхъ силъ. Острова на р. Ялу были заняты нашими

охотниками. Наши батареи, чтобы использовать полную дальность их огня и открыть имъ широкій обстрѣлъ вдоль р. Ялу, были поданы возможно близко къ рѣкѣ.

Главный рукавъ р. Ялу имѣетъ ширину отъ 110 до 150 саж.; скорость теченія доходитъ до 6 футовъ въ секунду; кромѣ того, японцамъ приходилось преодолевать нѣсколько боковыхъ рукавовъ, шириной въ 15—110 сажень, съ меньшей скоростью теченія, непроходимыхъ, однако, въ бродъ. Мостовое имущество имѣлось у японцевъ по расчету моста въ 67 сажень на каждую дивизию, и четвертый мостъ, тѣхъ же размѣровъ, былъ специально приданъ арміи Куроки въ виду переправы черезъ р. Ялу.

Генераль Куроки поставилъ себѣ задачей — не только переправиться черезъ р. Ялу, что можно было сдѣлать довольно спокойно, уклонившись вверхъ по теченію на 1—2 перехода, но и использовать двойное превосходство въ силахъ для нанесенія частнаго пораженія Восточному отряду; такой успѣхъ, въ началѣ военныхъ дѣйствій на сушѣ, долженъ былъ пріобрѣсти огромное моральное значеніе.

Поставленная цѣль требовала быстрой переброски арміи черезъ р. Ялу, притомъ въ возможной близости отъ главныхъ силъ русскихъ, чтобы не задерживать послѣдующаго маневра движеніемъ по труднодоступной горной мѣстности. Поэтому генераль Куроки принялъ рѣшеніе — обезпечить каждую дивизию независимой системой мостовъ черезъ всѣ рукава р. Ялу. Двѣ дивизіи — гвардейская и 2-я — должны были перейти р. Ялу въ возможной близости отъ с. Тюренчъ; предѣлы этой близости указывались невозможностью строить мосты подъ артиллерійскимъ огнемъ; островъ Кіури, удаленный на 6 верстъ отъ Телеграфной горы ¹⁾, и отчасти заслоненный Тигровымъ холмомъ, лежалъ на этомъ ближнемъ предѣлѣ, и здѣсь намѣчалась переправа главныхъ силъ арміи Куроки. Но эта переправа могла встрѣтить большія препятствія, если русскіе своевременно выдвинулись бы на склоны г. Хусанъ противъ острова Кіури. Для того, чтобы важная

---

¹⁾ Гора у с. Тюренчъ, къ востоку отъ него, на которой стояли 2 русскія пушки.

операція переброски главныхъ силъ арміи черезъ р. Ялу не имѣла характера авантюры, рассчитанной на полную пассивность русскихъ, нужно было обезпечить главнымъ силамъ возможность переправы и въ худшемъ случаѣ. Съ этой цѣлью уступомъ впередъ, на сутки раньше, 12-я дивизія—армейскій авангардъ—должна была переправиться черезъ р. Ялу у устья р. Амбихэ, и затѣмъ, наступая внизъ, вдоль маньчжурскаго берега Ялу, сбить тѣ части русскихъ, которыя бы оказались выставленными выше впаденія р. Эйхо. Одна 12-я дивизія, имѣвшая исключительно горную артиллерію, могла преодолѣть затрудненія, связанныя съ движеніемъ черезъ горный массивъ Хусанъ, которыя бы надолго задержали наступленіе главныхъ силъ съ колесной артиллеріей. Для того же, чтобы отвлечь вниманіе русскихъ отъ ихъ лѣваго фланга къ правому, канонерки должны были завязывать демонстративную перестрѣлку съ батареями ген.-м. Мищенко.

Японскіе мосты у острова Кіури располагались все же подъ дальнимъ огнемъ (7 верстъ, досягаемость нашей пушки при подкопаномъ хоботѣ лафета) русскихъ батарей. Для того, чтобы имѣть возможность противодѣйствовать имъ дѣйствительнымъ огнемъ, затруднить переброску русскихъ силъ черезъ нижнее теченіе Эйхо и содѣйствовать затѣмъ рѣшительной атакѣ Тюренченской позиціи, на островѣ Сямалинду развертывалась артиллерія 2-й дивизіи—36 пушекъ, и 20 гаубицъ армейской артиллеріи. Это выдвигеніе артиллеріи вызывало постройку новыхъ мостовъ черезъ р. Ялу.

Общая потребность въ мостахъ далеко превосходила имѣвшіяся штатныя мостовыя средства; приходилось широко прибѣгать къ устройству переправъ—на козлахъ и судахъ—изъ подручныхъ средствъ. Поэтому, штатная матеріальная часть была оставлена въ резервъ, для того, чтобы въ послѣднюю минуту быстро и надежно связать островъ Кіури съ маньчжурскимъ берегомъ. Тѣ же мосты, которые вначалѣ возводились въ болѣ легкихъ условіяхъ между островами и корейскимъ берегомъ, приходилось устраивать подручными средствами, помощью трехъ саперныхъ батальоновъ арміи.

Въ теченіе ночей на 12 и на 13 апрѣля передовые батальоны дивизій, переброшенные на понтонахъ на острова, выбили съ нихъ наши охотничьи команды; въ рукахъ японцевъ, вдоль корейскаго берега, оказался водный путь, который даже днемъ почти не могъ наблюдаться съ маньчжурскаго берега. Японцы воспользовались этимъ воднымъ путемъ для доставки съ моря лодокъ съ тѣми вспомогательными средствами для устройства переправъ, которыя удалось выдѣлить съ флота и собрать на ближайшемъ корейскомъ побережьи.

Немедленно же началась постройка мостовъ для установленія прочной связи корейскаго берега съ островами; примѣненіе подручныхъ матеріаловъ затянуло работы. Первый мостъ на козлахъ на островъ Сямалинду, длиной 110 саж., потребовалъ 45 час. работы; съ русскихъ батарей постройки моста видно не было, но замѣченный подвозъ матеріаловъ былъ принятъ за выѣздъ японской батареи на позицію и обстрѣленъ шрапнелью, что вызвало затяжку работъ и постройку второго, болѣе укрытаго моста. Мостъ на островъ Кіури, длиной 50 саж., построенъ на козлахъ въ 13^{1/2} часовъ. Съ Телеграфной горы русскіе пустили нѣсколько шрапнелей съ трубкой на ударъ, на 7 верстъ, которыя потерь не нанесли, но все же вызвали задержку въ окончаніи моста. Такъ какъ на островъ Кіури должны были переправиться двѣ дивизіи, то этотъ мостъ, равно и небольшой мостъ черезъ протокъ ближе къ г. Ичжу, былъ дублированъ въ ночь на 16 апрѣля. Батареи гвардейской дивизіи стояли на-готовѣ противодѣйствовать всякой серьезной попыткѣ огнемъ съ маньчжурскаго берега разрушить мосты. Для непосредственнаго же прикрытія работъ на островъ Кіури, вечеромъ 13 апрѣля одна рота была переброшена въ лодкахъ на маньчжурскій берегъ, выставила у с. Сяндягоу сторожевое охраненіе, прервала телеграфную связь главныхъ силъ Восточнаго отряда съ выдѣленнымъ къ устью Амбихэ отрядомъ и облегчила детальное изученіе нашего расположенія на правомъ берегу Эйхо.

Въ 11 час. утра 16-го апрѣля 12-я дивизія приступила къ переправѣ черезъ Ялу. Одинъ полкъ предполагалось перевезти на лодкахъ, съ тѣмъ, чтобы онъ прикрывалъ

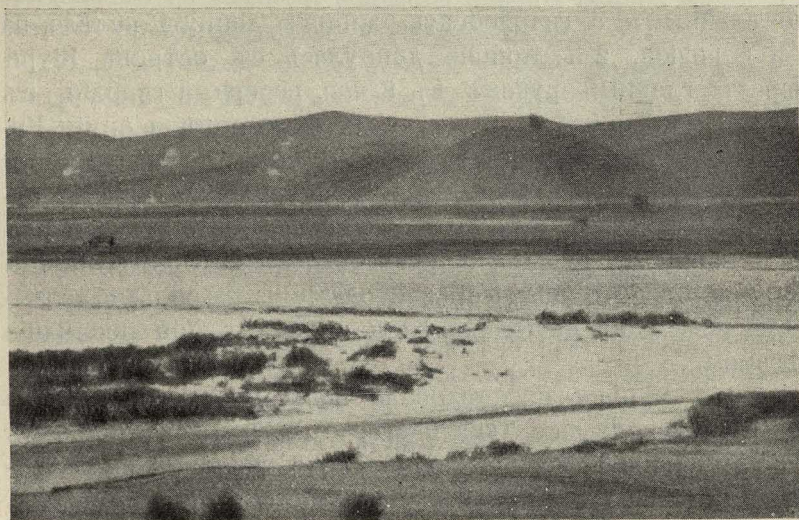
3 часа утра 17-го апрѣля начинается переправа; первый эшелонъ—полкъ пѣхоты съ артиллеріей—въ ночное время переходилъ черезъ мостъ въ теченіе 3 час. 30 мин. Къ полудню переправилась вся дивизія, и начала наступленіе черезъ Хусанскій массивъ къ с. Лизавень.

Съ нашей стороны вечеромъ 16-го апрѣля была предпринята усиленная рекогносцировка къ с. Сяндягоу—1 батал., 2 конно-охот. ком., 2 оруд., подъ начальствомъ подполк. Линда. Задачей этой рекогносцировки являлось отгѣсненіе японскаго охраненія, выясненіе наблюденіемъ съ Тигроваго холма положенія на островѣ Кіури и разрушеніе японскихъ мостовъ. Японское охраненіе было нами дѣйствительно сбито, но на гребнѣ высотъ, обрывающихся къ р. Ялу, намъ не удалось устроиться, вслѣдствіе огня японскихъ батарей. Огонь нашихъ орудій, которымъ пришлось стрѣлять съ закрытой позиціи, при нашемъ неискusstвѣ въ такой стрѣльбѣ, не нанесъ японскимъ мостамъ существенныхъ поврежденій. Утромъ 17-го апрѣля, подъ давленіемъ авангарда 12-й дивизіи, нашъ отрядъ долженъ былъ отойти къ с. Потетынза.

Днемъ 17-го апрѣля японцы пытались перебросить прикрытіе батарей на островѣ Сямалинду черезъ главный рукавъ Ялу; за прикрытіемъ предполагалось перебросить и нѣсколько орудій, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ успѣха назначенной на завтра атаки 2-й дивизіи она располагала бы помощью артиллеріи для преслѣдованія. Обѣздъ съ острова Сямалинду на г. Ичжу и островъ Кіури представлялся для батарей 2-й дивизіи слишкомъ кружнымъ. Переправа съ острова Сямалинду черезъ главный рукавъ Ялу не могла остаться незамѣченной съ Тюренченской позиціи. Русскія батареи пустили ко дну лодку съ японской пѣхотой; японская артиллерія, стоявшая совершенно укрыто на островѣ Сямалинду, за искусственными масками, обрушилась на нихъ. Въ 10 час. утра начался артиллерійскій бой; въ 11 ч. 30 мин. дня русскія батареи, стоявшія совершенно открыто, замолчали, и только уцѣлѣвшее орудіе на горѣ Телеграфной упрямо начинало стрѣлять по появившимся японскимъ лодкамъ и мѣшало японской переправѣ съ острова Сямалинду. Въ 5 час. дня японская артиллерія прекратила огонь. Эта бомбардировка, начатая противъ желанія выс-

шаго японскаго управления, предупредила насъ о серьезности предстоявшей на завтра атаки. Ген.-м. Кашталинскій, командовавший русскими войсками, полагалъ своевременнымъ начать отступление, но начальникъ Восточнаго отряда, ген.-л. Засуличъ, рассчитывая нанести японцамъ большія потери при оборонѣ Тюренченской позиціи, рѣшилъ остаться въ занимаемомъ расположеніи.

Въ полдень 17-го апрѣля приступлено было къ постройкѣ мостовъ для главныхъ силъ; помимо дальняго

№ 68. Бомбардировка Тюренченской позиціи 17 апрѣля 1904 г. Японскія шрапнели рвутся на высотахъ, гдѣ наша батарея, надъ селеніемъ Тюренченъ. Правѣе на горѣ Телеграфной — черный дымъ разрыва гаубичной бомбы около расположенныхъ на вершинѣ 2 русскихъ пушекъ; бѣлая полоска подъ русской позиціей — р. Эйхо. На серединѣ снимка — главный рукавъ Ялу; на переднемъ планѣ — островъ Сямалинду и боковой рукавъ Ялу.

обезпеченія 12-й дивизіей, наводка мостовъ непосредственно прикрывалась однимъ гвардейскимъ батальономъ, перевезеннымъ къ с. Сяндягоу въ лодкахъ. Для 2-й дивизіи мостъ строили съ острова Кіури черезъ главный рукавъ на островъ, что противъ Тигроваго холма; длина моста—112 саж.; къ 8 час. вечера онъ былъ готовъ. Далѣе, небольшой (42 саж.) мостъ у с. Сяндягоу, построенный

ночью въ теченіе 3 часовъ, закончилъ этотъ путь черезъ долину р. Ялу. Мостъ же для гвардейской дивизіи долженъ былъ перекинуться съ острова Кіури прямо на маньчжурскій берегъ: для наводки его примѣнялись, сверхъ штатныхъ, и подручныя мостовыя средства. Японцы возились надъ нимъ 16 часовъ; подъ вліяніемъ сильнаго теченія, мостъ принялъ косое направленіе, и когда всѣ собранныя средства были употреблены уже въ дѣло, оказалось, что мостъ не хватаетъ еще на 60 саж. до маньчжурскаго берега. Пришлось такъ и оставить этотъ мостъ недодѣланнымъ, а гвардейскую дивизію двинуть вслѣдъ за 2-й дивизіей. 2-я дивизія двинулась съ острова Кіури черезъ главный рукавъ въ 8 час. вечера, а гвардія—въ 1 ч. 30 мин. ночи; къ 5 час. утра 18-го апрѣля армія Куроки была уже развернута вдоль р. Эйхо на участкѣ противъ с. Тюренченъ до с. Салангоу. Трудная операція переправы черезъ р. Ялу была закончена—оставалось пожинать лавры въ предстоявшемъ бою, въ которомъ японцы располагали пятернымъ превосходствомъ въ силахъ, вслѣдствіе нежеланія нашего вводить здѣсь въ бой послѣдніе резервы.

Армія Куроки преслѣдовала наши отступавшія части на полперехода за с. Тюренченъ, до с. Лоходенъ, при чемъ размѣры нашей неудачи значительно увеличились вслѣдствіе быстрого передвиженія частей 12-й дивизіи черезъ с.с. Чингоу и Лауфангоу къ с. Хаматанъ, гдѣ онѣ успѣли перегородить путь отступленія 11-му В.-С стрѣлковому полку, высланному для поддержки отходившихъ отъ Тюренчена войскъ. Преслѣдованіе же гвардейской дивизіей по пятамъ за отходившимъ отъ Тюренчена 12-мъ В.-С. стр. полкомъ велось весьма вяло, такъ какъ пѣхота гвардейской дивизіи, перейдя р. Эйхо по труднымъ бродамъ, выжидала построіку черезъ эту рѣку моста для своихъ батарей.

Оборона рѣкъ бываетъ успѣшной лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда ведется активно, когда часть нашихъ войскъ остается на непріятельскомъ берегу рѣки, поддерживаетъ соприкосновеніе съ непріятелемъ и своевременно обнаруживаетъ его маневръ. Намъ, разумѣется, нельзя было

расчитывать удержаться частью силъ въ окрестностяхъ г. Ичжу, такъ какъ всѣхъ силъ Восточнаго отряда не хватило бы на занятіе солидной предмостной позиціи. Да и моста черезъ р. Ялу въ нашемъ распоряженіи не было. Активность обороны могла, однако, сказаться въ томъ, что мы выслали бы конницу полк. Трухина на корейскій берегъ Ялу, и вели бы оттуда непрерывную развѣдку праваго фланга японцевъ. Значеніе этой мѣры отчетливо сознавалось штабомъ Восточнаго отряда, но неудовлетворительные начальники конницы нашего лѣваго крыла оказались не въ состояніи осуществить ее.

Если мы были не въ силахъ упорно оборонять всѣхъ острововъ на нижнемъ теченіи р. Ялу, то все же представлялось крайне важнымъ владѣть какимъ либо островомъ, съ котораго былъ бы отчетливо виденъ ближайшій къ корейскому берегу рукавъ, чтобы японцы не могли использовать обороняемую нами р. Ялу, какъ водный путь для доставки съ моря нужныхъ мостовыхъ средствъ.

Наводить мостъ крайне трудно даже подъ самымъ дальнимъ—на 7 верстъ—огнемъ полевой артиллеріи. Сильная артиллерія для обороны рѣки имѣетъ существенное значеніе. Необходимо прочно организовать и службу наблюденія. Даже на Тигровомъ холмѣ, представлявшемъ прекрасный наблюдательный пунктъ, мы не учредили постоянного дежурства наблюдателей; между тѣмъ, болѣе тщательное наблюденіе открыло бы многія стороны подготовки японцевъ къ переправѣ, ускользнувшія отъ насъ.

Значеніе артиллерійскаго огня для обстрѣла мостовъ столь велико, что часть орудій должна быть выдѣлена исключительно съ этой цѣлью на закрытыя позиціи, и не вступать въ бой съ непріятельской артиллеріей. Мостъ желательно обстрѣливать не при первомъ приступѣ непріятеля къ его наводкѣ, а когда нужныя матеріалы уже подвезены и часть моста собрана. Часто удастся артиллерійскимъ огнемъ привести мостовое имущество въ негодность. Нашъ огонь по японскому мосту съ корейскаго берега на островъ Сямалинду, когда мостъ былъ уже наполовину готовъ, вынудилъ японцевъ строить второй, болѣе маскированный мостъ; переходить къ такому рѣшенію послѣ многихъ часовъ работы надъ первымъ мостомъ—тяжело.

Что же касается до дѣйствій японцевъ, сравнительно небогатыхъ понтонными средствами, и сосредоточивавшихся по очень плохимъ дорогамъ, то они, прежде всего, поучительны по числу намѣченныхъ мостовыхъ переправъ. Въ будущую европейскую войну, при форсированіи рѣкъ, также будутъ перебрасываться цѣлыя сѣти мостовъ. Мосты эти, служащіе для переправы войскъ съ боемъ, строятся въ соотвѣтствіи съ требованіями тактики, а не на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ наиболѣе выгодно имѣть арміи потому постоянную переправу черезъ рѣку.

При возможности перебросить черезъ рѣку авангардъ нѣсколько въ сторонѣ, надо эту возможность использовать, въ цѣляхъ обезпеченія переброски главныхъ силъ; но помимо этой мѣры обезпеченія переправъ, имѣющей широкой стратегической характеръ, постройка каждаго моста должна прикрываться своимъ головнымъ отрядомъ, перебрасываемымъ на судахъ; мѣсто же для постройки моста должно быть выбрано такъ, чтобы задача этого головного отряда по возможности упрощалась и не требовала выдвигенія на 4—5 верстъ отъ рѣки для прикрытія работъ на переправѣ отъ артиллерійскаго огня.

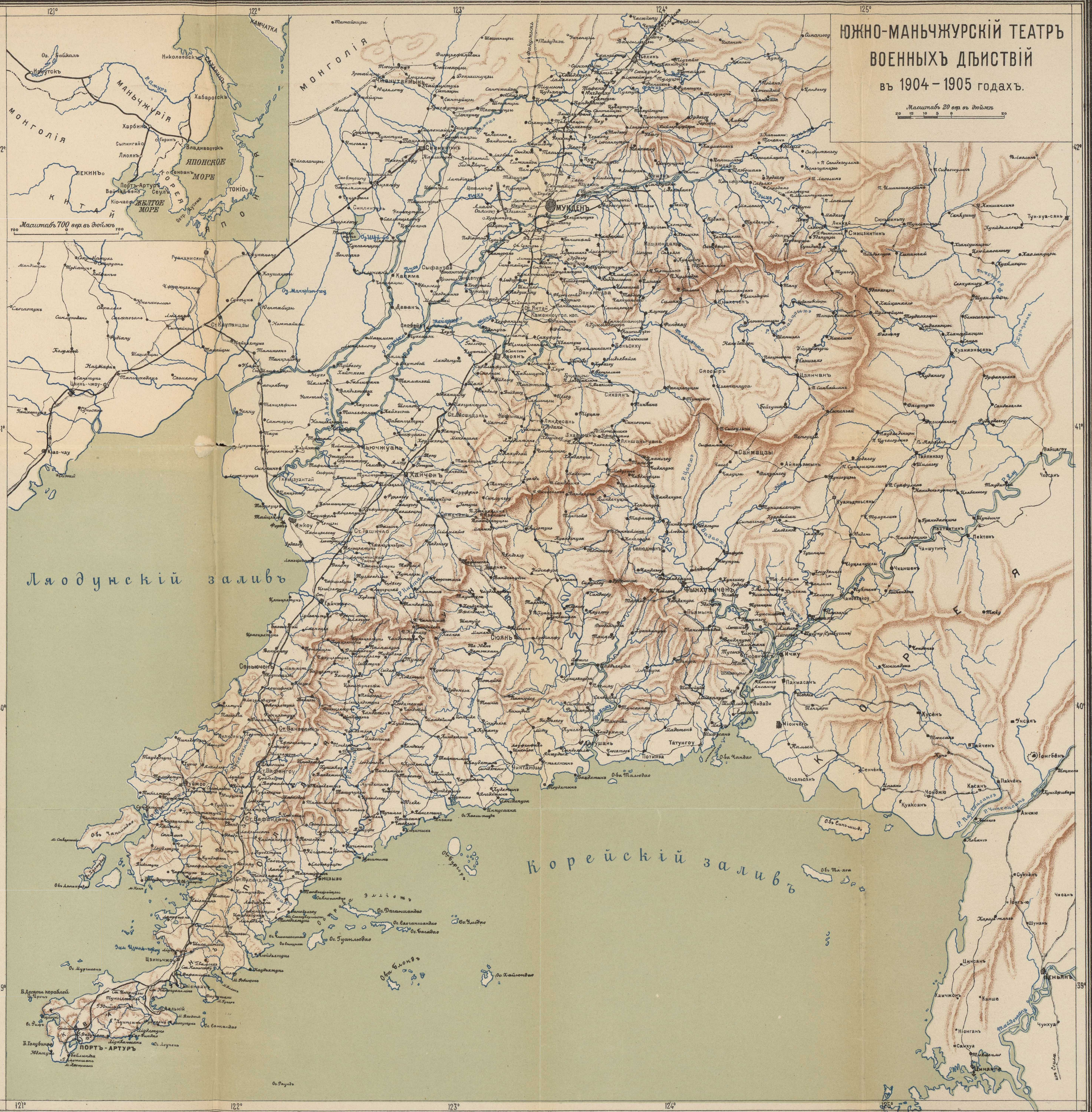
Неудача, постигшая японцевъ при наводкѣ моста для гвардейской дивизіи, которая могла, въ другихъ условіяхъ, помѣшать ей принять участіе въ бою на слѣдующій день, указываетъ на желательность имѣть резервъ мостового имущества. Вообще же, для тѣхъ мостовъ, устройство которыхъ имѣетъ срочный характеръ, и которые строятся ночью, вблизи отъ противника, крайне желательно употреблять только штатное мостовое имущество.

Время постройки мостовъ оказывается чрезвычайно разнообразнымъ, въ зависимости отъ обстановки даннаго случая, и было бы неосторожно при расчетахъ руководствоваться справочными данными, не обсудивъ, послѣ подробной рекогносцировки, съ специалистами особенности каждаго моста. Дѣйствительность огня современной артиллеріи заставляетъ выдвигать требованіе — развить настолько технику переправы даже черезъ большія рѣки, чтобы въ теченіе одной ночи былъ бы перебросенъ прикрывающій отрядъ, построенъ мостъ и по мосту успѣла бы пройти значительная часть главныхъ силъ.

ЮЖНО-МАНЬЧЖУРСКІЙ ТЕАТРЪ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ въ 1904 – 1905 годахъ.

Масштабъ 20 вер. въ дюймѣхъ
20 10 5 0 5 10 20

Масштабъ 700 вер. въ дюймѣхъ
700 350 175 0 175 350 700

Лаодунскій заливъ

Корейскій заливъ

Inhaltsverzeichnis.

	Seite
1. Einleitung	5
2. Gegensätzliche Strömungen	9
3. Die Festung als strategisches Element der Landesverteidigung	13
4. Die Festung als taktisches Element der Landesverteidigung	17
5. Fort und Forts-Gürtel	31
6. Forts-Gruppen, Feste, Vor-Stellungen	41
7. Die Panzerfrage	44
8. Artilleristisches	57
Schlußwort	61

1. Einleitung.

1. Der Dislokation des russischen Heeres unter Alexander I. und Nikolaus I. lagen Verhältnisse zugrunde, welche von den Verhältnissen der Gegenwart durchaus verschieden waren.

In organisatorischer Beziehung kannte die russische Armee damals den Begriff der Mobilmachung in dem heutigen Sinne nicht.

Die Einstellung von Ersatzmannschaften erfolgte nicht jährlich, sondern je nach Bedarf mit ganz unbestimmten Zwischenräumen; die Truppen waren also im großen und ganzen stets marschbereit, wenn auch die Stärke der Truppenteile hinter dem Normaletat fast stets mehr oder weniger zurückblieb.

In politischer Beziehung war nach Beendigung der napoleonischen Epoche ein von den Nachbarn gegen Rußland zu führender Offensivkrieg so gut wie ausgeschlossen.

Der Einfluß der politischen Verhältnisse Europas auf die Dislokationsverhältnisse des russischen Heeres machte sich in der Art geltend, daß die Hauptmasse desselben im Westen und Südwesten des Landes massiert war, um jederzeit bereit zu sein, dem herrischen Ansprüche der russischen Politik auf maßgebenden Einfluß auf die Verhältnisse des westlichen Europas und der Balkanhalbinsel Nachdruck geben zu können.

Nicht zu vergessen ist, daß bis über die Mitte des vorigen Jahrhunderts das erst in seinen Anfängen befindliche Eisenbahnwesen als Kriegstransportmittel noch so gut wie gar keine Rolle spielte.

Die meisten der alten Festungen lagen im Innern des Landes und waren ohne Bedeutung.

Kaiser Nikolaus I wendete nach der Niederwerfung des polnischen Aufstandes 1830/31 dem Ausbau des westrussischen Festungssystems seine besondere Aufmerksamkeit zu. Nowogeorgiewsk (das frühere Modlin), 1807 von Napoleon als Brückenkopf zur Sicherung des Überganges über Weichsel und Narew angelegt, wurde zu einer großartigen Lager-Festung erweitert mit einem Brückenkopf

am linken Weichselufer zur Deckung der Weichselbrücke und mit einem gesicherten Übergang über den Bug-Narew bei Nowidwor.

Die Alexander-Zitadelle wurde erbaut nicht sowohl zur Verteidigung wie zur Beherrschung von Warschau. Ivangorod an der Mündung des Wieprz in die Weichsel wurde verstärkt; endlich Brest Litowski, an der Mündung des Muchawiez auf beiden Ufern des Bug gelegen, zu einem großen Waffenplatz ausgebaut, der die von Warschau nach dem Innern Rußlands führende Straße beherrschte.

Zamocs, eine rings von Sümpfen umgebene kleine Festung im Süden des Gouvernements Lublin, hatte nur lokale Bedeutung.

Die weiter rückwärts gelegenen Befestigungen von Kijew, Bobruisk und Dünaburg wurden verstärkt.

In dem vorstehend geschilderten Zustande befand sich die fortifikatorische Landesverteidigung West-Rußlands während des Krim-Krieges (der die westliche Landfront Rußlands nicht berührt) und während des polnischen Aufstandes 1863, und blieb auch im ganzen ziemlich unverändert bis zu der nach dem Türkenkrieg 1877/78 und besonders nach dem Regierungsantritt Alexanders III. einsetzenden politischen Front-Veränderung.

2. Über die Einwirkung dieser Frontveränderung auf die fortifikatorische Landesverteidigung Rußlands spricht sich Oberst Nowizki in seinem interessanten Buch »Auf dem Wege zur Reorganisation der Landesverteidigung« folgendermaßen aus:

„Teils unter dem Eindruck der feindlichen Haltung Deutschlands und Österreich-Ungarns uns gegenüber auf dem Berliner Kongreß, teils unter der Einwirkung neuer internationaler politischer Strömungen traten wir der Frage der Verteidigung unserer Westgrenze näher.

Von Jahr zu Jahr wurde an einem eigenartigen Verteidigungssystem gearbeitet, und zwar mit besonderer Energie in den achtziger und neunziger Jahren des vorigen Jahrhunderts.

In erster Linie dieses Systems stand die unter der Flagge der Militärwissenschaft von den akademischen Lehrstühlen gepredigte Theorie der Verteidigungslinien.

Jeder mit der Grenze parallel laufende Fluß, jeder größere Sumpf, jeder Waldstrich wurden als Hindernisse für den feindlichen Einbruch betrachtet; man wollte unsere ganze Westgrenze mit einer gigantischen, teils natürlichen teils künstlichen Barriere umgeben.

Alles dies begünstigte das Aufkommen der passiv-defensiven Anschauungen in den Reihen unseres Heeres, deren verderblicher Einfluß unsere Niederlagen in der Mandschurei verschuldete.

Dieses ganze komplizierte Verteidigungssystem, das auf ganz falschen Anschauungen von der Natur des Krieges beruhte, wurde mit einer Energie fortgesetzt, die einer besseren Sache würdig war.

Neue Festungen wurden gebaut, alte umgebaut und verstärkt, zahlreiche Forts errichtet, Stellungen ausgewählt und vorbereitet, Chausseen und Eisenbahnen gebaut — endlich wurde das ganze Grenzgebiet mit Garnisonen überfüllt.“

Nach etwa 25 jähriger Tätigkeit in der von Nowizki so temperamentvoll geschilderten Richtung zeigt uns die fortifikatorische Landesverteidigung Westrußlands folgendes Bild:

Das Zentrum der westlichen Front Rußlands bildet die Weichsel- und Narow-Linie mit dem gewaltigen Festungsdreieck Warschau-Nowogeorgiewsk-Segrshe, das alle von Danzig, Thorn, Krakau, Wien sowie von Moskau und Petersburg nach Warschau führenden Bahnlinien beherrscht.

Weiter südwärts stützt sich die Weichsel-Linie auf Iwangerod; weiter nordwärts werden die Übergänge über die an sich starke sumpfige Bobr-Narew-Linie gesperrt durch die behelfsmäßigen Befestigungen von Pultusk, Rozan, Ostrolenka, Lomza und Ossowjetz.

Hinter der Weichsel-Narew-Linie liegt in zweiter Linie die große Festung Brest-Litowski am Bug, einer der wichtigsten Eisenbahnknotenpunkte Westrußlands.

An die Weichsel-Narew-Linie schließt sich als rechter Flügel die Njemen-Linien an mit den ständigen Festungen Grodno und Kowno und dem zwischen beiden liegenden behelfsmäßig befestigten Olita. Gewissermaßen der rechte Flügelstützpunkt der Niemen-Linie bildet Riga. Hinter der Niemen-Linie liegt in zweiter Linie Dünaburg.

Den linken Flügel der russischen Westfront endlich bildet das wolhynische Festungsdreieck Luzk-Dubno-Rowno.

Zu bemerken ist, daß östlich von Brest-Litowski das ausgedehnte Sumpf- und Wildgebiet des Pripjät und seiner Zuflüsse, die sogenannte Poljessje, beginnt, durch welche die zurückgebogenen Flügel der russischen Westfront voneinander völlig getrennt werden.

3. Während noch an der Durchführung dieses Systems gearbeitet wurde, trat ein Umschwung in den Anschauungen über die Frage der Landesverteidigung ein, den Nowizki folgendermaßen charakterisiert:

„Der Krieg in der Mandschurei hatte unseren Glauben an die allmächtige Bedeutung der Verteidigungslinien, an die Unpassierbarkeit von Flüssen, Sümpfen und Wäldern, an den passiven Widerstand hinter Verschanzungen sehr erschüttert — leider kamen diese modernen Ideen zunächst nicht zur praktischen Verwirklichung; es

wurde nach der alten Theorie weiter gearbeitet und es wurden ungeheure Summen ausgegeben für den Bau von Festungen, die im Kriege ungeheure Truppenmassen als Besatzungen in Anspruch nehmen würden.

Auge in Auge mit den Vortruppen des Gegners stehen in unserem westlichen Grenzgebiet in einem 50—70 km breiten Streifen der 7. Teil unserer ganzen Infanterie und Artillerie und die Hälfte unserer ganzen regulären Kavallerie.

Diese Truppen sind natürlich durchaus nicht kriegsbereit und darauf angewiesen, sich vor dem Zusammenstoß mit dem Gegner auf den Kriegsfuß zu setzen.

Ihre Ergänzung mit Urlaubern der umwohnenden Bevölkerung hat gewisse Schwierigkeiten und Unzuträglichkeiten, so daß sie auf die Ergänzung aus dem Innern des Landes angewiesen sind, wodurch die Mobilmachung dieser Grenztruppen gegen die Mobilmachung des Gegners sich sehr verspäten muß.

Was nun beim Kriegsausbruch?

Entweder diese Truppen schlagen sich in unfertigem Zustande gegen den überlegenen vollkommen kriegsbereiten Gegner und erleiden wahrscheinlich eine schwere Niederlage — oder sie gehen ohne Schuß vor dem Gegner zurück; beides ist — namentlich vom moralischen Standpunkte aus — sehr bedenklich!

Die Dislokation unserer Armee muß gründlich und so bald als möglich umgestaltet werden.

Die Hauptmasse unserer europäischen Truppen muß in den Militärbezirken Petersburg, Moskau, Wilna, Warschau, Kijew und Odjessa derartig untergebracht werden, daß die der Grenze nächsten Garnisonen von derselben 150—175 km, d. h. 6 bis 7 Tagemärsche entfernt sind.

Die zur Aufrechthaltung der Ordnung in diesem Zwischengürtel zu belassenden Truppen sind auf das äußerste zu beschränken und dabei völlig kriegsgemäß auszurüsten.

Ist die Armee in der vorgeschlagenen Art disloziert, so wird die selbständige feindliche Kavallerie 5 Tage und die übrigen Truppen 9 Tage brauchen, um bis an die Aufstellungen unserer Truppen heranzukommen — diese Zeit wird für unsere Truppen erster Linie genügen, um ihre Mobilmachung zu vollenden und dem Gegner kriegsbereit entgegenzutreten.

In Ausführung dieses Vorschlages würde allerdings ein Teil unseres Gebiets dem Feinde widerstandslos überlassen — das ist aber weit weniger bedenklich, als ihm das Gebiet zu überlassen nach einer von uns erlittenen Niederlage.“

2. Gegensätzliche Strömungen.

4. Auf dem Boden der vorangeführten Sachlage und im Rahmen der allgemeinen Reformbestrebungen auf dem Gebiete des russischen Heerwesens entwickelt sich nun im Laufe der letzten Jahre ein lebhafter Meinungs austausch über eine moderne Umgestaltung der fortifikatorischen Landesverteidigung.

Dieser Meinungs austausch, der teils in der militärischen Presse geführt wird, teils auf einer Anzahl offizieller Konferenzen über die Festungsfrage zum Ausdruck kommt, läßt — abgesehen von der sachlichen Verschiedenheit der der Betrachtung unterworfenen Gebiete — verschiedene gegensätzliche Strömungen erkennen, welche man im Auge behalten muß, wenn man die ganze Entwicklung dieses Meinungs austausches verstehen und seine eventuelle Einwirkung auf die zukünftige Gestaltung der russischen Landesverteidigung richtig bewerten will.

Da haben wir zunächst das orthodoxe Russentum, das an seiner eigenen ehrwürdigen Weisheit genug hat und von dem verhaßten Westen nichts zu lernen nötig hat — im Gegensatz gegen die modernen Reformer, welche, wenn auch z. T. nur ungern, die Rückständigkeit Rußlands in vielen Punkten zugeben und bestrebt sind, die erkannten Lücken durch eifriges Studium des fortgeschrittenen Westens zu beseitigen.

Vorkämpfer des starren Russentums sind vor allen Dingen die Ingenieure Welitschko und Bunizki; Vorkämpfer der Reformen unter Anerkennung der Notwendigkeit, von dem fortgeschrittenen Auslande — namentlich Deutschland! — zu lernen, sind die Generalstabsoffiziere Nowizki, Swjetschin, Gurko und Keljtschewski.

Zur Charakterisierung dieses vielfach zutage tretenden Gegensatzes mögen hier einige Beispiele angeführt werden.

Welitschko (2. Konferenz): Bei einigen Militärschriftstellern tritt der Hang zutage, nach Westen zu sehen — aber nicht um zu kritisieren, sondern um von dort anzunehmen, ohne sich darüber Rechenschaft abzulegen, ob das Entliehene gut oder schlecht, und ob es nicht andere Mittel gibt.

Bunizki (2. Konferenz): „Swjetschin hat es mir als Vorwurf angerechnet, den Grundsätzen der russischen Befestigungsschule eine nationale Färbung gegeben zu haben. Dieser Vorwurf ist nicht berechtigt; der Nationalismus hat auf diesem Gebiet das Bürgerrecht. Die Kriegskunst war immer dann erfolgreich, wenn sie nationale Wege ging.

Die von den russischen Ingenieuren ausgearbeiteten Formen, ihre ideellen Seiten, entsprechen vollkommen dem russischen oder vielmehr dem slawischen Charakter. Eine Eigenart des slawischen Geistes ist die Träumerei — aber einmal aufgeweckt, macht er vor nichts halt. „Im großen Haufen stirbt sich's gut“, sagt das Sprichwort. Vergeblich lockt man uns in betonnierte unterirdische Gelasse mit Panzerkuppeln. Für die Geschütze mögen Kuppeln und Schilde zur Anwendung kommen, im übrigen aber brauchen wir eine offene Stellung — das entspricht unserem nationalen Charakter.“

Welitschko hat (2. Konferenz) in einem später näher zu erörternden Zusammenhange den Forttyp der russischen Befestigungsschule etwas „Heiliges“ genannt, von dem die Kritik nur mit besonderer Achtung sprechen dürfe.

Swjetschin hat trotzdem die für diesen Typ neuerdings offiziell vorgeschlagenen Ergänzungen „kindische Spielereien“ genannt und sich hierdurch den Vorwurf zugezogen, unpatriotisch zu sein.

Swjetschin („Patriotismus, Nationalismus, Festungen“, Invalide 1910 N. 35) erwidert hierauf:

„Ein ähnlicher Vorwurf ist bereits vor 23 Jahren einem Offizier gemacht, der vom Katheder der Kriegsakademie aus sich gegen die steinerne Eskarpe ausgesprochen hatte. Dragomirow wies damals diesen Vorwurf mit folgenden Worten zurück: „Einen bestehenden Befestigungstyp kritisieren heißt doch nicht gleich ihn als des Vertrauens unwürdig hinstellen. Ich verstehe überhaupt diesen Gesichtspunkt nicht, wo es sich doch nicht um ein Gefühl, sondern um reine kalte Berechnung handelt. Man konnte ja den Betreffenden über das, was er gesagt, zur Rede stellen, aber man durfte nicht ohne weiteres sagen, ‚er sei unpatriotisch‘.“

Swjetschin (Invalide 1910 Nr. 21): Bei seinem Vergleich der russischen und der fremden Befestigungskunst gibt sich Bunizki einer Täuschung hin, wenn er glaubt, wir seien dem Auslande voraus. Im Gegenteil. Wir haben vieles kopiert, aber mehr Schlechtes als Gutes. Wie schwer neue Ideen in unsere Ingenieurpraxis eindringen, dafür ist es ein Beweis, daß bei dem 1905/8 erfolgten völligen Umbau eines der wichtigsten Forts einer wichtigen Festung der niedere Infanteriewall beibehalten wurde und auf dem Hauptwall Betontraversen errichtet wurden für schwere Geschütze. — Eine sehr hervorragende Seite des russischen Volkscharakters ist der Hang zur Negation: Dieser Hang spiegelt sich wieder in unserer Festungsbaukunst. Der talentvollste Vertreter unserer Befestigungsschule (gemeint ist Welitschko) hat 25 Jahre hindurch

seine Tätigkeit dazu benutzt, die Anwendung des Panzers in den Festungen zu verhindern.“

In der Antwort auf eine mystisch-national angehauchte Bemerkung erwidert Keljtschewski (4. Konferenz) mit dem Zitat: „Den Slawen eigen ist der Hang zu einem religiös-philosophischen Gedankenflug mit schwach entwickeltem Gefühl für Wirklichkeit.“

Gurko (4. Konferenz): Wir mögen wollen oder nicht — wir sind gezwungen, darauf zu achten, was der Westen tut, um daraus zu lernen.

5. Ein zweiter Gegensatz, der in dem vorliegenden Meinungsaustausch oft zutage tritt, ist der Gegensatz zwischen Technik und Taktik.

Dieser Gegensatz zeigt dieselbe Personengruppierung wie vorher: auf der einen Seite die Ingenieure, auf der andern die Generalstabsoffiziere.

Charakteristisch sind einige allgemeine Äußerungen, die die gegensätzlichen verschiedenen Anschauungen in vielen Einzelheiten erklären.

Welitschko (2. Konferenz): Swjetschin geht bei seiner Idee von der Annahme aus, daß der Festungskrieg mit dem Feldkriege gleich sei; diese Annahme ist in ihrem Kern falsch. Der Unterschied ist ungeheuer: Mittel und Charakter beider sind durchaus verschieden. Im Feldkriege können die Reserven stehen beliebig wo, der Kampf kann beendet werden, sobald man will (?); im Festungskriege sind die Reserven an das Zentrum gebannt. — Im Feldkrieg haben die Stellungen Flanken, im Festungskrieg nicht.

Zu dem letzten Satze, „daß die Stellungen im Festungskrieg keine Flanken haben“, soll hier nur kurz darauf hingewiesen werden, daß Grigorjew in seiner später zu betrachtenden, sehr eingehenden Auslassung über die horizontale Gliederung der modernen Festung klar und deutlich auseinandersetzt, daß die Kampfstellungen der Festungsartillerie allerdings Flanken haben, für deren Sicherung gesorgt werden muß.

Nowizki (3. Konferenz): Aufgabe des Generalstabes ist es, das Ingenieurwesen wieder mit der Taktik in Verbindung zu bringen — eine Verbindung, die in Rußland verloren gegangen.

Derselbe (5. Konferenz): Der Einfluß der vervollkommeneten Feuerwaffen auf den Festungskrieg zeigt sich darin, daß die Verhältnisse des Festungskrieges sich denen des Feldkrieges genähert haben. Die Idee einer einheitlichen Taktik hat gesiegt.

Swjetschin (Invalide 1910 N. 36): Der Einbruch der Kriegskunst in das Festungswesen, in Deutschland und Frankreich bereits

eine vollendete Tatsache, hat bei uns eine rückläufige Bewegung angenommen. Kein Staat außer Rußland hat Ingenieure, die noch in den engen Grenzen der Technik stecken geblieben sind.

Welitschko ist ein Gegner der Panzertürme nicht deshalb, weil sie ihre Aufgabe nicht erfüllen, sondern weil sie „die Konzentration der Kräfte“ gestatten.

Der alte Kampf zwischen General und Techniker: Der General verlangt Frontalfeuer, der Techniker Flankenfeuer.

Jetzt sagt der Panzerturm: ich stelle euch beide zufrieden, ich kann beide Aufgaben lösen.

Deutschland, wo der Taktiker die entscheidende Rolle spielt, hat sich dies schnell zunutze gemacht, weil es so möglich ist, dem Frontalfeuer seine ganze Bedeutung zukommen zu lassen. In Rußland schreien die Ingenieure: „Weil das Turmgeschütz mehrere Aufgaben erfüllen kann, ist ihm nicht zu trauen! Jede Aufgabe verlangt besondere Geschütze.“

Der Gedanke der Vereinigung der Kraft ist der Grundgedanke der Kriegskunst — die Spezialisierung ist der Grundgedanke Welitschkos.

Ich verstehe vollkommen die abfällige Kritik unserer Techniker bei Beurteilung der deutschen Befestigungsgruppen, welche die großen Weichselbrückenköpfe bilden: in ihnen ist kein Geschütz, kein Maschinengewehr, das nicht teilnehmen könnte an der allgemeinen Zusammenfassung aller Kräfte.“

Der Mangel an harmonischem Verständnis zwischen Taktik und Technik im russischen Festungswesen kommt sehr scharf zum Ausdruck in der Einleitung, welche Grigorjew (Invalide 1910 Nr. 28) seinen eingehenden fortifikatorischen Entwürfen vorausschickt:

„Das ganze Festungswesen liegt in den Händen der Ingenieurverwaltung, weil 1. alle Anträge auf Geldbewilligungen für Bau, Erweiterung und Unterhalt der Festungen von der Ingenieur-Baubehörde gestellt werden, welchen Anträgen sich alle anderen Erwägungen unterordnen; 2. weil das Festungswesen im allgemeinen bei den Taktikern in Verruf stand. Selten drang man von dieser Seite in seine Tiefen ein, man wollte davon nichts wissen. Hierdurch hat sich die Vorstellung herausgebildet, daß in Festungssachen nur die Ingenieure maßgebend seien.“

Die meisten Ereignisse aus dem Gebiet des Festungskrieges werden daher auch wieder nur von den Ingenieuren besprochen, welche bei ihren Urteilen aus den engen Grenzen rein technischer Anschauungen nicht herauskommen, weshalb dann auch unsere sogenannte russische Fortifikationsschule über Änderungen in der Anlage der einzelnen Forts nicht hinauskommt.“

3. Die Festung als strategisches Element der Landesverteidigung.

6. Betrachtet man die Festung ganz allgemein als Element der Landesverteidigung, so fragt es sich zuerst, welche Aufgabe die Festung zu lösen hat.

In dieser Hinsicht lassen sich unter den in dem zu betrachtenden Meinungsaustausch zu Worte gekommenen Offizieren drei Richtungen unterscheiden.

Die große Mehrzahl hat bei ihren Auslassungen und Entwürfen ausschließlich die taktische Aufgabe der Festung im Auge: sie soll einen — aus irgend welchem Grunde — wichtigen Punkt möglichst lange, womöglich während der ganzen Kriegsdauer gegen die Besetzung oder Zerstörung durch den Gegner sichern; aus dieser Aufgabe heraus wird dann weiter die erforderliche Gliederung der Festung entwickelt, wobei — abgesehen von den allgemeinen finanziellen — nur taktische Gesichtspunkte zur Geltung kommen.

Hierher gehören Welitschko, Stawizki, Schwarz, Grigorjew, Klokatschew und Kochanow.

Hiermit soll durchaus nicht gesagt sein, daß diesen Offizieren etwa das Verständnis für die strategische Aufgabe der Festung abgesprochen werden soll — aber in ihren vorliegenden Auslassungen behandeln sie ausschließlich die taktische Seite der Frage, welche in dem folgenden Abschnitt eingehend betrachtet werden wird.

7. Eine zweite Richtung sieht die Aufgabe der Festung in der möglichsten Sicherung des heimischen Bodens vor feindlicher Invasion.

Hier handelt es sich bereits nicht nur um die taktische Gliederung, sondern auch um die geographische Lage der Festung sowie um den inneren Zusammenhang des ganzen Festungssystems.

Vertreter dieser Richtung ist Bunizki, der in seinem ursprünglichen Entwurf für die Sicherung der russischen Grenze 24 Festungen — 12 ganz große und 12 weniger große — für notwendig hält, der aber später zugibt, mit dieser Forderung über das Maß hinausgegriffen zu haben.

Was nun die Lage dieser Festungen betrifft, so will Bunizki sie dicht an der Grenze haben und zwar aus folgenden Gründen: Die ersten und entscheidenden Zusammenstöße werden stets ziemlich nahe unserer westlichen Grenze erfolgen; auch widerstreite es der Aufgabe der bewaffneten Macht, gleich anfangs einen Teil des Reichsgebietes dem Gegner preiszugeben.

Über die praktisch kaum zu erfüllenden Anforderungen, welche das von Bunizki aufgestellte System einerseits an die finanziellen

Kräfte des Reichs zwecks Herstellung und Ausrüstung der geforderten Festungen, andererseits an die Heeresverwaltung zwecks Bereitstellung der geradezu ungeheuerlichen Massen von Besatzungstruppen stellt — wird bei Besprechung der taktischen Seite dieser Entwürfe näher gesprochen werden.

8. Die dritte Richtung endlich erblickt die Aufgabe der Festung darin, die großen Operationen der Feldarmee sachgemäß zu unterstützen; hier spielen also die strategischen Verhältnisse eine Hauptrolle.

Hierher gehören Jeltschaninow, Masslow und der Anonymus D. K.

Jeltschaninow (7. Konferenz) weist darauf hin, daß die Fragen der Landesverteidigung nicht ohne Rücksicht auf die Geschichte gelöst werden können, und hierbei dürfe man nicht verabsäumen, vom Auslande zu lernen. Über das gesamte Festungswesen habe in Rußland leider eine ganz falsche Auffassung Wurzel geschlagen. Hauptaufgabe der Festung sei, der Feldarmee die Bewegungsfreiheit zu sichern.

Seine weiteren Ausführungen sind wesentlich taktischer Natur; auf die allgemeinen strategischen Verhältnisse geht er nicht näher ein.

Masslow (Invalide 1909 Nr. 41) nimmt einen Standpunkt ein, der demjenigen Bunizkis diametral entgegengesetzt ist; seine Auslassungen sind gewissermaßen eine systematische Erweiterung der von Nowizki ausgesprochenen (in der Einleitung wiedergegebenen) Grundzüge.

Auch Masslow ist allerdings der Ansicht, man müsse danach streben, den Feind möglichst nahe an der Grenze zum Stehen zu bringen und zu schlagen — aber höhere Motive zwingen bisweilen, den entscheidenden Zusammenstoß mit dem Gegner dicht an der Grenze zu vermeiden.

Hauptaufgabe der Armee ist es nicht, dem Feind so schnell wie möglich entgegenzutreten, sondern ihn zu besiegen. Es ist kein großes Unglück, wenn der Feind in unser Gebiet eindringt, wenn er dann im Innern auf dort versammelte überlegene Massen stößt. Ein wirkliches Unglück aber ist es, wenn wir uns dem Gegner übereilt zum entscheidenden Kampfe stellen, bevor wir genügende dem Feinde gewachsene Kräfte versammelt haben.

Die Verschiebung des entscheidenden Widerstandes von der Grenze nach dem Innern des Landes wird also abhängig sein von der zeitlichen Verschiedenheit der Versammlung unserer und der feindlichen Streitkräfte.

Die Schnelligkeit der Versammlung der Streitkräfte hängt vorzugsweise ab von der Entwicklung des Eisenbahnnetzes, zum Teil

auch von der Größe der Entfernungen, welche die Züge mit den Ersatzmannschaften und mit den mobilisierten Truppen zurückzulegen haben.

Da Rußland in dieser Hinsicht gegen Österreich und ganz besonders gegen Deutschland im Nachteil ist, so müssen wir — wir mögen wollen oder nicht — unsere strategische Entwicklung ziemlich weit von der Grenze zurückverlegen.

Nehmen wir an, zur Beschleunigung der Versammlung unserer Streitkräfte sei die Hauptmasse unserer Truppen in den Grenzgebieten disloziert: diese Maßregel war genügend vor der Entwicklung der Eisenbahnen und vor der gewaltigen Kraftentwicklung bei unseren westlichen Nachbarn. Die Zeit ist vorüber, wo wir allein mit den Truppen der Grenzgebiete dem Angriff entgegentreten konnten; jetzt wäre ein solcher Versuch sinnlos.

Um dem feindlichen Angriff mit Erfolg entgegentreten zu können, müssen wir nicht nur alle Feldtruppen aus den Grenz- und Zentralbezirken, sondern auch aus den entlegeneren Gebieten sammeln, sowie alle Reservetruppen aus dem europäischen Rußland.

Alle diese Truppen aber müssen wir in die erste Linie stellen; für die Aufgaben zweiter Linie müssen wir zurückgreifen auf die Reichswehr (Opoltschenije), für deren Organisation in den Gouvernements mindestens ein Monat notwendig ist — und dann müssen auch diese Kräfte zum Kriegsschauplatz herangezogen werden.

Deutschland hatte trotz seines entwickelten Eisenbahnnetzes 1870 seine strategische Entwicklung 6 Tagemärsche von der französischen Grenze festgesetzt, um nicht überraschend angegriffen zu werden.

In diesem Sinne müssen wir, um uns, wenn auch nicht das Übergewicht, so doch das Gleichgewicht der Kräfte zu sichern, unsere strategische Entwicklung um 20 bis 30 Tagemärsche von der Grenze zurückverlegen, also um 300 bis 400 km. Auf dieser Linie müßte man auch — wenn überhaupt — neue Festungen errichten.

Bunizki ist im Irrtum, wenn er meint, ich hätte eine skythische Kriegsführung im Sinne, einen Kampf in einer Reihe von Rückzugsgefechten.

Nein, sobald wir in der Linie unserer strategischen Entwicklung genügende Kräfte versammelt haben, müssen wir dem Angreifer offensiv entgegentreten — das ist unter allen Umständen besser als der Positionskrieg und weit besser als eine im Rückzuge geführte Verteidigung.“

So weit Masslow.

In seinen an sich durchaus logischen Ausführungen vermißt man aber einen Hinweis darauf, welche Rolle seiner Meinung nach die tatsächlich an der Westgrenze vorhandenen zahlreichen und zum Teil gewaltigen Befestigungen spielen sollen.

In logischer Konsequenz des von Masslow entwickelten Gedankens müßten diese Befestigungen sämtlich aufgegeben, also geschleift werden; daß hieran in der Praxis wohl kaum zu denken ist, liegt auf der Hand. Es bliebe nur der Ausweg übrig: unter tatsächlicher Aufgabe aller übrigen Befestigungen etwa an der deutschen Grenze das starke Festungsdreieck Warschau-Nowogeorgiewsk-Segrshe, an der österreichischen Grenze das Festungsdreieck Lutzk-Rowno-Dubno und etwa hinter diesen beiden Gruppen das starke Brest Litowski zu halten — in der Hoffnung, daß diese starken Bollwerke, die natürlich entsprechende kriegsgemäß aufgestellte Besatzungen haben müßten, sich solange gegen einen ernsthaften Angriff halten könnten, bis die im Innern gesammelte Hauptarmee in siegreicher Offensive zum Entsatz herankommen könnte.

Daß in diesem Falle der an und für sich durchaus richtige Gedankengang Masslows (und Nowizkis) von vornherein nicht voll verwirklicht wäre und daß dieses ganze Verfahren seine sehr großen Bedenken haben werde, braucht wohl nicht weiter auseinander gesetzt zu werden.

Schließlich mag noch der Ausspruch Maßlows (Invalide 1910 Nr. 3) hier erwähnt werden: daß für Rußland — im Hinblick auf sein ungeheures Gebiet — die Festungen überhaupt eine geringere (jedenfalls andere!) Bedeutung haben wie für die übrigen europäischen Staaten.

Der Anonymus D. K. (Fortifikatorische Landesverteidigung, Invalide 1908 Nr. 248, 249) stellt ebenso wie Jeltschaninow der Festung die Aufgabe; Der Armee die Bewegungsfreiheit zu sichern — gleichzeitig macht er Front gegen die Anschauungen Bunizkis.

Der Gedankengang des Anonymus ist in Kürze folgender:

Die fortifikatorische Vorbereitung eines Kriegsschauplatzes besteht der allgemeinen Anschauung nach in der Erbauung großer Manövrierfestungen an strategisch wichtigen Punkten: Knotenpunkten von Bahnlinien und Wasserverbindungen.

Nach Bunizki (über diesen Punkt später Näheres!) kostet die fortifikatorische Herstellung einer solchen Festung 25 Millionen Rubel; die artilleristische Ausrüstung 50 Millionen; die Bereitstellung der für die gewaltige Garnison (80000 Mann) erforderlichen Vorräte an Lebensmitteln und Munition 25 Millionen. Bringen wir für die ganze Landesverteidigung nur 10 solche Festungen in Ansatz, so bedeutet dies 1 Milliarde Rubel.

Eine derartige gewaltige Summe für die Anlage und Ausrüstung von Festungen auszugeben, selbst wenn man die Verausgabung auf eine längere Reihe von Jahren verteilt, ist Rußland nicht imstande.

Aber von dem Kostenpunkt ganz abgesehen, werden solche großen modernen Festungen die Operationsfreiheit der Armee durchaus nicht verbürgen — vielfach wird die Armee derartig nach der großen Manövriertfestung gravitieren, daß hierunter ihre Operationsfreiheit geradezu leidet.

Außerdem werden große Festungen, an der Grenze gelegen, kaum rechtzeitig auf Kriegsfuß gebracht werden können, da der Angreifer schnell zwischen ihnen gegen ihre Verbindungen durchstoßen wird, wogegen die selbst noch unfertige Armee des Verteidigers kaum etwas tun kann.

Schnelle und gesicherte Mobilmachung und Versammlung der Feldarmee steht in erster Linie; man muß also das Wegenetz des eigenen Landes beherrschen und gegen Eingriffe des Gegners schützen.

Zum Schutz der Wege und ihrer Teten sind die Festungen notwendig; solche Festungen, die uns die Freiheit der Wegebenutzung sichern, sichern auch den ruhigen Verlauf der Mobilmachung und Versammlung.

Der Kriegsschauplatz muß derartig vorbereitet sein, daß er bedeckt ist mit einem ganzen Netz von Eisenbahnen, Chausseen, natürlichen und künstlichen Wasserstraßen, auf denen gepanzerte Eisenbahnzüge, gepanzerte Automobile, gepanzerte Kanonenbote sich bewegen. Zahlreiche Einzelbefestigungen an den Teten (und Knotenpunkten der Wege) verhindern die Gegner, dort festen Fuß zu fassen.

Diese Straßensperren müssen geschlossene Werke sein mit Geschützwirkung nach allen Seiten. Ein solches Werk, das die Umgegend weithin beherrscht und dem Gegner den Zugang zu der betreffenden Straße erschwert, kostet mit Artillerie und vollständiger Ausrüstung 4 Millionen Rubel. Zur Sperrung alter Verbindungen auf unserer 1200 km langen Westfront (von der Baltischen Küste bis Wolotschisk) sind etwa 60 Sperrforts notwendig; Kostenpunkt 240 Millionen Rubel. Eine derartige Grenzverteidigung wird den Gegner mindestens einige Wochen aufhalten. (Über die Konstruktion dieser Sperrforts näheres in dem Abschnitt über Forts.)

4. Die Festung als taktisches Element der Landesverteidigung.

9. An die Spitze dieses Abschnittes stelle ich einen vom Klo-katschew in der 3. Konferenz gehaltenen Vortrag, der einen geschichtlichen Überblick gibt über die Entwicklung des Festungs-

wesens seit dem 18. Jahrhundert und der gewissermaßen als Einleitung dienen kann für die dann folgenden verschiedenen Entwürfe, mit denen in den letzten Jahren eine Anzahl russischer Offiziere hervorgetreten sind.

Der Inhalt des Vortrages ist folgender:

Im 18. Jahrhundert bestanden die Festungen aus einer Umwallung und einer großen Zahl innerer und äußerer Werke; erstere dienten zur hartnäckigen Verteidigung, letztere zur Stärkung der Aktivität.

Das Anwachsen der Artillerie und das Streben nach aktiven Unternehmungen führte zu weiteren Verstärkungen der Festungen.

Wenn vor der Umwallung Höhen lagen, welche günstig waren für die Aufstellung der feindlichen Artillerie, die man aber wegen zu großer Entfernung nicht in die Umwallung einbeziehen konnte, so legte man auf ihnen selbständige Werke an — Forts.

Durch solche Forts wurden bisweilen auch Übergänge gesichert, die man zu aktiven Unternehmungen zu benutzen gedachte.

Das 19. Jahrhundert brachte Änderungen in die Anschauungen über den Festungsbau.

Die Einzelfälle der Verstärkung der Festung durch Forts wurden in ein Prinzip gebracht. Die Festungsumwallung wurde ausgestattet mit Forts, die auf $1-1\frac{1}{2}$ km vorgeschoben waren; der Schwerpunkt der Verteidigung aber lag noch in der Umwallung.

In den 60er Jahren — Auftreten der gezogenen Geschütze — wurden die Forts bis auf 4 oder 5 km vorgeschoben mit gegenseitigen Abständen von 3 km, aber zunächst blieben die Forts ihrem Wesen nach unverändert.

In den 80er Jahren beginnt die Propaganda für den beschleunigten Angriff. Sauer und seine Schule will durch die Zwischenräume durchbrechen, nachdem die Forts zum Schweigen gebracht.

In den 90er Jahren traten die Torpedobomben auf. Die Sauer'schen Ideen verbreiten sich, man beginnt für die Zwischenräume zu fürchten.

Resultat: Verteidigung von der Zentralumwallung in die Forts verlegt.

Inzwischen macht die Artillerietechnik immer weitere Fortschritte, wodurch auch das Befestigungssystem zu weiterer Entwicklung veranlaßt wird. Soweit Klokatschew.

Nun tritt die Katastrophe von 1904/5 ein und ruft auch in Rußland eine tiefgehende Umwandlung in den Anschauungen über fortifikatorische Landesverteidigung hervor.

10. Ich beginne mit den, wie wir sehen werden, mehrfachen und vielseitigen Entwürfen Bunizkis (Fortifikatorische Landesverteidigung 1907; ferner: Wajennij Sbornik 1909, 2. 3. 4.).

Wenn das „Modell Bunizki“ ziemlich allgemein als „offiziell“ bezeichnet wird, so gilt dies übrigens speziell wohl nur für das von ihm vorgelegte Modell der zu einem Fortsgürtel gehörenden einzelnen Forts (mit dem wir uns erst im folgenden Abschnitte beschäftigen werden); hier haben wir es zunächst mit seinen Entwürfen für die gesamte horizontale Gliederung der modernen Festung zu tun.

Angeregt durch die in den 90er Jahren auftretende Idee Sandiers schlägt Bunizki als Idealfestung eine Festung vor, deren Kernumwallung umgeben ist zunächst von einem Gürtel einfacher Forts und in weiterem Umkreise durch einen Gürtel von Fortsgruppen.

Es mag hier gleich vorausgeschickt werden, daß er seine Entwürfe auch auf eine mittlere (sogenannte Normal-) und auf eine kleine Festung bezieht, was wir nun der Reihe nach betrachten wollen.

In dem Schema der „großen“ Festung (als generelles Beispiel wird auf Krakau hingewiesen) hat die Kernumwallung einen Radius von 2 km. Der innere Fortsgürtel von 12 Forts ist nur 2 km über die Kernumwallung vorgeschoben, hat also einen Radius von 4 km, also einen Umkreis von 25 km; ungefähr auf je 2 km des Umkreises kommt also ein Fort. Der äußere Gürtel, aus 24 Forts bestehend, ist über den inneren Gürtel um weitere 5 km vorgeschoben, hat also einen Radius von 9 km und einen Umkreis von 56 km. In dem von Bunizki gegebenen Schema ist dieser äußere Gürtel derartig angeordnet, daß je 5 Forts mit je 2 km Abstand eine flache Kurve mit etwas zurückgebogenen Flanken bilden. Etwas zurückgezogen hinter der Mitte des 6 km betragenden Abstandes zwischen den Flügelforts je zweier benachbarter Gruppen liegt ein sogenanntes Zwischenfort.

Bei dieser Anordnung wird angenommen, daß die größeren Zwischenräume zwischen den Fortsgruppen möglichst schon durch die Geländebeziehungen gegen die Gefahr einer Durchbrechung einigermaßen gesichert sind.

In dem Schema für die mittlere oder Normalfestung hat die Kernumwallung einen Radius von 2 km, der aus 12 Forts bestehende Gürtel einen solchen von 6 km, also einen Umfang von annähernd 38 km; ungefähr auf 3 km des Umfanges kommt ein Fort.

Im Schema der kleinen Festung hat die Kernumwallung einen Radius von $\frac{1}{2}$ km, der von 6 Forts gebildete einen solchen

von $1\frac{1}{2}$ km, also einen Umfang von 9 km; auf $1\frac{1}{2}$ km des Umfanges kommt ein Fort.

Für die kleine Festung verlangt Bunizki an Geschützausrüstung: 62 Fernkampf-, 240 Nahkampfgeschütze und 96 Maschinengewehre; an Besetzung: 12 Bataillone, 2 Eskadrons, 4 Feldbatterien, 1 Festungsartilleriebataillon, 1 Belagerungsartilleriebataillon und 2 Kompagnien technischer Truppen — in runder Summe 17 000 Mann.

Die Verwendung der Infanterie wird folgendermaßen berechnet:

Für jedes Fort und den dazugehörigen Abschnitt des Gürtels wird 1 Bataillon bestimmt; davon ist 1 Kompagnie ständige Besetzung des Forts, 1 Kompagnie auf Vorposten, 1 Kompagnie in Bereitschaft, 1 Kompagnie (die gestern auf Vorposten war) im Innern und Ruhe. In dieser Folge binnen 3 Tagen jede Kompagnie einmal auf Vorposten, einmal Ruhe, einmal in Bereitschaft; die Fortskompagnie nimmt an dem Turnus nicht teil.

Die zweite Gruppe von 6 Bataillonen bildet die allgemeine Reserve und die Besetzung der Kernumwallung und wechselt in angemessenem Turnus mit der Besetzung des Fortsgürtels.

Für die mittlere (Normal-) Festung werden verlangt:

438 Fernkampf-, 432 Nahkampfgeschütze und 288 Maschinengewehre. An Besetzung: 36 Bataillone, 12 Eskadrons, 11 600 Mann Artillerie, 4000 Mann technische Truppen; in runder Summe 58 000 Mann.

Berechnung der Infanteriebesetzung:

Zwei Gruppen von je 12 Bataillonen lösen sich mit 6 tägigem Wechsel im Fortsgürtel ab; weitere 12 Bataillone bilden die allgemeine Reserve und die Besetzung der Kernumwallung.

Für die große Festung werden verlangt:

510 Fernkampf-, 840 Nahkampfgeschütze und 366 Maschinengewehre. An Besetzung: 54 Bataillone, 16 Eskadrons, 36 Feldbatterien (Geschütze bereits oben mitgezählt), 15 200 Mann Festungs- und Belagerungsartillerie, 5000 Mann technische Truppen — in runder Zahl 84 000 Mann.

Schließlich berechnet Bunizki sehr eingehend die Kosten der von ihm vorgeschlagenen Entwürfe und kommt dabei zu folgenden Resultaten:

Kleine Festung: Fortifikatorische Anlagen	23 Millionen Rubel,
Artillerie	4 " "
	<hr/>
	27 Millionen Rubel.
Mittlere Festung: Fortifikatorische Anlagen	38 Millionen Rubel,
Artillerie	16 " "
	<hr/>
	54 Millionen Rubel.

Große Festung: Fortifikatorische Anlagen	69 Millionen Rubel,
Artillerie	21 „ „
	<hr/>
	90 Millionen Rubel.

Dabei ist zu bemerken, daß bei den Kosten für Artillerie die Geschütze der zu der Besatzung gehörenden Feldbatterien hier nicht mitberechnet sind.

11. Stawizki gibt zunächst eine geschichtliche Einleitung zu der taktischen Entwicklung der Festung (Invalide 1910, Nr. 43). In den alten kleinen Festungen wurde der Kampf geführt auf der geschlossenen Umwallung von einer geschlossenen Linie von Schützen und Geschützen.

Seit dem Vorschieben der Hauptkampfstellung um 4 bis 5 km vor die alte Umwallung nimmt man den Infanteriekampf noch als ununterbrochen an auf der ganzen bedrohten, aber nicht mehr zusammenhängenden Front.

Bei dieser Lage der Dinge konnte man von der Fortifikation nichts anderes fordern, als solide Frontstellungen mit gesicherten Flanken.

Ständige Forts auf den Schlüsselpunkten der Stellung sichern die Flanken vor Umgehung.

Bei der weiteren Vergrößerung des Durchmessers der Festung kompliziert sich diese Frage.

Wenn wir auf dem ganzen Umfange der Hauptverteidigungsstellung eine ununterbrochene Frontalverteidigung durch Infanterie beibehalten wollen, kommen wir zu einer unsinnigen Besetzungstärke, die auch dem Sinne der Festung widersprechen würde: eine große strategische Aufgabe mit beschränkten Mitteln zu lösen.

Diese Erwägungen führten dazu, neue solide Festungsformen für die Hauptverteidigungslinien zu suchen, vor allem aber die taktischen Direktiven festzulegen, nach denen sich der hartnäckige Kampf auf den so ungeheuer ausgedehnten Festungsstellungen abspielen soll.

Als solche Direktiven stellt man auf
Schnelligkeit der Konzentrierung der Artillerie, um den Gegner in der Vereinzelung niederzukämpfen;
starke Infanterie-Reserven in den Händen des Kommandanten und der Abschnittskommandeure;
Leere des Schlachtfeldes auch im Festungskriege.

Die fortifikatorische Ergänzung zu diesen taktischen Direktiven war die Herstellung der Hauptfestungsstellung in der Form eines Gürtels von Fortsgruppen mit weiten freien Zwischenräumen.

Die Verteidigung dieser Zwischenräume gegen Durchbrechung sollte vorzugsweise — wenn nicht ausschließlich — durch kräftiges Artilleriefeuer erfolgen.

Die Fortsgruppen wären einzurichten zu hartnäckiger Infanterieverteidigung; die Zwischenräume zur Einrichtung eines starken Sicherheitsdienstes.

An diese allgemeine Einteilung schließt sich nun der (zeitlich bereits vorher veröffentlichte) Entwurf Stanizkis (Ingenieur-Journal 1908, Nr. 4, 5, 8).

Vom Zentrum der Festung 9 km entfernt und mit gegenseitigen Abständen von 6 bis 8 km umschließt die Festung ein Gürtel von Fortsgruppen. Jede Gruppe besteht aus 2, 3 oder 4 Forts, die voneinander $1\frac{3}{4}$ km (die Schußweite der Maschinengewehre) entfernt sind und verbunden durch eine fortlaufende, flankierte, ständige Umfassung mit gedecktem Weg. Im Innern dieses Ringes liegt die Zitadelle der Gruppe, eine ständige Umwallung.

In dem Raume zwischen je zwei Gruppen, etwas zurückgezogen, liegen gegen Beschießung gesicherte sturmfreie Kasernen (in jedem Zwischenraume etwa 3); jede Kaserne ist von der anderen bez. vom Fort $1\frac{1}{2}$ km entfernt.

Vor den Kasernen ein flankierter gemauerter Graben, 6 m tief, 40 m breit; zwischen diesem Graben und den betreffenden Forts bleibt ein offener Zwischenraum von 400 bis 600 m Breite für Offensiv-Unternehmungen des Verteidigers. Dieser Graben kann unter Umständen durch ein natürliches Hindernis — Fluß, Sumpf — ersetzt werden.

Der Kern der Festung hat eine ständige Umwallung.

Zwischen dieser Kernumwallung und der Hauptverteidigungslinie, etwa 3 km von letzterer entfernt, liegt auf der Verbindungslinie des Zentrums der Fortsgruppe mit dem Zentrum des Kerns eine Reservekaserne mit Zwischenraum-Kaponnièren für Geschütze und Maschinengewehre. Diese Kasernen sollen später als Reduits dienen für eine zweite provisorische Verteidigungsstellung.

Stawizki verlangt für seine Festung 2700 Geschütze (darunter 550 Kanonen und 750 Haubitzen mit Festungskaliber), ferner 1100 Maschinengewehre und halbpudige Mörser.

Die Kampf Batterien werden angelegt in den Zwischenräumen hinter der Umwallung, zum Teil hinter den Fortsgruppen. Als Besatzung verlangt Stawizki 48 Bataillone Infanterie = 38400 Mann, 26 Bataillone Artillerie und 6 Ausfallbatterien = 32500 Mann; technische Truppen = 3000 Mann, Kavallerie und Hilfszweige = 2000 Mann; zusammen 76000 Mann.

Bei einem Radius von 9 km berechnet Stawizki die Kosten der Festung als solcher auf 40 Millionen Rubel; unter Einrechnung der ganzen Artillerie- und Intendanturausrüstung auf 185 Millionen.

(Vergleichsweise taxiert er die Normalfestung Bunizkis auf 180 Millionen, die später zu erwähnende Festung nach dem Schema Schwarz auf 200 Millionen.)

Stawizki hält sein Schema mit Vorteil anwendbar nur für Festungen mit einem Radius von mindestens 8 und von höchstens 12 km.

Sein rein theoretisches Schema erläutert Stawizki übrigens durch einen Festungsplan, der auf wirkliches durchschnittenes Gelände angepaßt ist.

Der Platz liegt fünf Tagemärsche von der feindlichen Grenze und hat die Bestimmung, den Übergang über einen Fluß und einen strategischen Wegeknoten sowie die in ihm angehäuften großen Vorräte zu sichern.

Die Kernumwallung hat $8\frac{1}{2}$ km Umfang und besteht aus einer Anzahl polygonaler und tenaillierter Fronten.

Die von der Kernumwallung durchschnittlich 9 km entfernte Hauptverteidigungsstellung besteht aus 2 Gruppen zu je 3 Forts, 3 Gruppen zu je 2 Forts und 2 einzelnen Forts. Die Besatzung beträgt 60 000 Mann, die Artillerieausrüstung 2100 Geschütze und 310 Maschinengewehre.

12. Schwarz (Ingenieur-Journal 1907, N. 4, 5) entwirft auf Grund der bei Port Arthur gemachten Erfahrungen folgenden Plan für eine Festung:

Hauptlinie der Verteidigung 53 km lang, durchschnittlich 9 km über den Kern vorgeschoben.

Stützpunkte sind die nur 2 km voneinander entfernten Forts. Die Zwischenräume sind befestigt.

Alle Befestigungen sind untereinander verbunden je nach der Örtlichkeit entweder durch Umwallungsabschnitte oder durch Abschnitte eines Verteidigungsglaci's, die übrigens nicht bis zu den Forts reichen, sondern Öffnungen von 40—50 m für Offensivstöße freilassen.

Die Gräben werden flankiert durch Kaponnieren oder bewegliche Panzergeschütze.

Vor dem Graben gedeckter Weg für Posten.

Dies die Infanteriestellung.

Unmittelbar hinter dem Umfassungswall bzw. hinter dem Verteidigungsglaci's kasemattierte Traversen für die in Bereitschaft stehenden Abteilungen; 100 m weiter rückwärts in jedem Zwischenraum zwei betonnierte Kasernen für je eine 1 Kompanie.

Hinter der Infanteriestellung eine Straße mit Abzweigungen nach den Stützpunkten.

Hinter dieser Straße die Artilleriestellung.

Stellen für die Batterien (zu 2 bis 4 Geschützen) im Frieden nur ausgewählt; dagegen werden schon im Frieden erbaut Betonkasernen für die Bedienung, Munitionsmagazine, sowie betonnierte oder gepanzerte Beobachtungsposten für die Leiter der Batteriegruppen.

Im Rücken der Artilleriestellung läuft die magistrale Festungseisenbahn mit radialen Abzweigungen.

Beide Stellungen — Infanterie und Artillerie — sorgfältig maskiert durch künstliche Baumanpflanzungen.

Hinter der ersten Verteidigungslinie, 3 bis 4 km entfernt, liegt die zweite Verteidigungslinie, die so angelegt ist, daß man von ihr aus die erste Stellung unter Feuer nehmen kann.

Die zweite Linie besteht aus Forts, die untereinander etwa 3 km Abstand haben; in diesen Zwischenräumen betonnierte Kasernen für die Besatzung.

In der Zeit der Mobilmachung werden zwischen den Forts der zweiten Linie Laufgräben und behelfsmäßige Werke angelegt.

13. Die bisher betrachteten Entwürfe gehen, der historischen Entwicklung folgend, stets von den Forts aus als Grundlage der in den Zwischenräumen derselben zu schaffenden Kampfstellungen der Artillerie.

Einen andern Weg schlägt Grigorjew ein, der zuerst die Artilleriestellung baut und dann zu ihrer Flankensicherung die Forts, die er aber nicht mehr Forts, sondern Stützpunkte nennt.

Grigorjews Auslassungen („Festungen“, Invalide 1910, Nr. 28) mögen nur in ihren Hauptzügen folgen.

Als ein Hauptprinzip des Festungswesens wird die Bedingung hingestellt, daß der das strategische Objekt in sich schließende Kern der Festung von den Geschossen des Gegners nicht erreicht werden kann; man muß also die Verteidigung soweit vorschieben, daß die Artillerie des Angreifers zunächst nicht solche Stellungen einnehmen kann, welche die Beschießung des Festungskernes gestatten. Die Artillerie des Angreifers muß zunächst den Kampf aufnehmen mit der Hauptstellung der Festungsartillerie.

Die Verteidigung ihrerseits muß über gut eingerichtete vorgeschobene Stellungen verfügen, welche 4 bis 5 km vor der Hauptstellung der Festungsartillerie liegen und von dorthier durch Schrapnellfeuer unterstützt werden können.

Beton, Panzerturm mit Schnellfeuergeschützen und starke künstliche Hindernisse müssen hier ihre Stelle finden.

Gegen diese Stellungen zerschellen die ersten Anläufe des Gegners, sie zwingen ihn zum Zeitverlust (Festungskrieg ist

ein Kampf um die Zeit), sie enthüllen seine weiteren Absichten, sie geben der Kampfstellung Tiefe und erwirken Zeitgewinn für weitere Arbeiten, um die Festung in vollkommenen kriegsmäßigen Stand zu setzen.

Die Hauptkampfstellungen der Festungsartillerie werden je nach dem Gelände einen vom Festungskern möglichst weit entfernten unregelmäßigen Kreis bilden. Auf diesem Kreise sind die einzelnen Stellungen 2 bis 3 km lang zu wählen mit einspringendem Winkel in der Mitte. Die Flanken dieser Stellungen werden natürlich dem bestreichenden Feuer des Gegners ausgesetzt und daher die schwachen Punkte sein. Um diesem Mangel abzuhelfen, müssen je zwei benachbarte Flanken zweier benachbarter Stellungen sich an einen Stützpunkt anlehnen; dies kann entweder eine starke Infanteriestellung mit Artillerie sein oder ein für den Angriff tatsächlich unzugänglicher Punkt.

Von einem „Fort“ in dem bisherigen Sinn ist abzusehen. Will man in dem Fort nur einen Stützpunkt sehen, so muß man an dasselbe auch ganz andere Anforderungen stellen, als zurzeit geschieht.

Eine vorgeschobene umfangreiche gut angelegte Infanteriestellung wird in manchen Fällen hier schon am Platze sein, leider aber nimmt sie der Festungsartillerie viel Raum fort, welche auf jeder Angriffsfront möglichst ebensoviel Geschütze aufstellen soll, als der Feind dagegen in Tätigkeit bringt

Der beste Stützpunkt würde sein ein hoher Granitfelsen mit senkrechten Wänden und mit einer oberen Fläche von der Größe eines Forts; solch Stützpunkt wäre völlig sturmfrei und deckte die Stellung gegen Flankenfeuer wie eine gewaltige Traverse.

Weniger vorteilhaft wäre ein Abgrund, da dieser zwar auch sturmfrei, aber nicht als Traverse wirksam ist.

Die Befestigungskunst muß also etwas schaffen, das einem Felsen ähnlich ist.

Zu diesem Zweck macht Grigorjew folgenden Vorschlag, der zwar eigentlich in den folgenden Abschnitt gehört, der aber des engen Zusammenhanges wegen gleich hier — stichwortartig — angeführt sein mag.

Hohe Erdanschüttung mit dreieckigem Grundriß, umgeben von breitem tiefen Graben mit dreireihigem Eisengitter in der Nähe der Kontereskarpe, Koffer und Karponière, Kontreminengalerie auf den nach außen gerichteten Facen; drei drehbare und versenkbare Panzertürme mit je zwei dreizölligen Schnellfeuergeschützen auf den Ecken des Aufwurfs.

An der rückwärtigen Ecke des Glacis Panzerkasematte zur Bestreichung der künstlichen Hindernisse.

Unterkunft für eine halbe Kompagnie Infanterie und die nötigen Artilleristen, Mineure und Sappeure.

Gepanzerter Kommandostand — mit Signalapparat, Scheinwerfer und Telephonverbindung mit der Zentralstation — hinter dem vordersten Turm, denselben etwas überragend, im übrigen aber durch ihn gegen Zielfeuer gedeckt.

Alle Teile des Stützpunktes telephonisch verbunden.

Alle Verbindungen in unterirdischen Galerien.

Verbindung der Kaserne nach außen durch unterirdischen Gang unter der Grabensohle mit verdecktem Ausgang irgendwo im freien Feld hinter dem Stützpunkt.

Zwischen zwei solchen Stützpunkten liegt die nach innen gebogene Artilleriestellung; 1 km vor der Mitte dieser Stellung befindet sich die Sicherungsstellung für die Vorposteninfanterie mit Geschützen, letztere entweder unter Panzerhalbkuppeln oder unter soliden Blendungen mit Panzerschilden.

Die Batterien in den Zwischenräumen werden je 2 oder 3 in Gruppen gleicher Geschützart zusammengefaßt; jede solche Gruppe wird mit ihren (bereits im Frieden hergestellten) Munitionsräumen mit künstlichen Hindernissen umgeben.

Zwischen diesen Gruppen bleiben zickzackförmige Ausgänge, die unterminiert sind; auch ist Material bereit zu halten, um sie unter Umständen zu sperren.

Hinter der Kampflinie der Festung liegt die armierte Zentralumwallung mit einem dreireihigen Eisengitter in dem dreieckigen Graben und mit künstlichen Hindernissen auf dem Glacis.

„Dies ist — fährt Grigorjew fort — das Schema einer nach der Tiefe gegliederten Festungskampfordnung, und zwar ist dieses Schema ganz eigenartig russisch, keine blinde Nachahmung der Fremden. Diese würden es mit etwas ihnen ganz Neuem zu tun haben; mit etwas, das stärker ist als die schwache Nachahmung des ihnen bereits Bekannten.

In den neu zu erbauenden Festungen müssen die für den Geschützkampf geeigneten Stellen der Artilleriekampfstellung zugewiesen werden, und die niedriger gelegenen Verbindungsstellen müssen durch Erbauung hoher Stützpunkte in unzugängliche Punkte verwandelt werden. Jetzt sehen wir das Umgekehrte! Für die Forts nimmt man die beherrschenden Punkte; die Kampfartillerien werden in die Niederungen gelegt, wo sie vom Gegner von den vorliegenden Höhen aus vollkommen eingesehen werden — hier sind sie nicht zu verdecken und nicht zu maskieren.“

14. Einen zweckmäßigen Abschluß dieses Abschnittes bildet ein Auszug aus den eingehenden Untersuchungen Kochanows „über das Wesen der modernen Festung“ (Invalide 1909, Nr. 22), wobei er gewissermaßen das Fazit zieht aus allen bisher gemachten Vorschlägen und in interessanter Weise zu zeigen strebt, daß die Frage nach dem Schema der modernen Festung anders gestellt werden müsse, als bisher in den Kreisen der russischen Fachmänner geschehen.

Hören wir Kochanows Auseinandersetzungen.

Alle seit dem Jahre 1906 aufgetretenen Vorschläge für modernen Festungsbau, so sehr sie in vielen Zügen voneinander abweichen, haben den einen Hauptzweck im Auge: Die zentrale Fläche der Festung, den Festungskern, gegen Beschießung zu sichern durch Verschieben der Artilleriestellung zwecks Fernhaltung des Angriffs außerhalb der Tragweite der Geschütze.

Betrachten wir, inwieweit für Gegenwart und nächste Zukunft eine solche Zurückdrängung der Belagerungsartillerie zuverlässige Sicherheit bieten kann gegen Beschießung des Festungskerns.

Dank der ununterbrochenen fortschreitenden Vervollkommnung der Zerstörungs- und Schutzmittel befindet sich die moderne Festung in keiner beneidenswerten Lage.

Ein sehr kompliziertes Produkt aller möglichen Elemente der Verteidigung, verlangt die Festung zu ihrer Erbauung 5—10 Jahre — aber schon in dem Augenblick, wo ihr Projekt beschlossen ist, kann sie dem letzten Wort des Festungswesens schon nicht mehr genügen; heutigen Tages vollziehen sich im Lauf einiger Jahre in den Verhältnissen des Festungskriegs weit schärfere Veränderungen, als früher im Laufe eines Jahrhunderts.

Die Technik der Artillerie geht mit unheimlich schnellen Schritten vorwärts; bei unseren Berechnungen und Entwürfen können wir eben nur auf die augenblicklich vorhandenen Geschützmodelle Rücksicht nehmen. In dem Moment, wo der Kampf der Angriffsartillerie mit der Festung beginnt, ist erstere sicher auf einem höheren Standpunkt als die Artillerie, gegen welche die Festung berechnet war.

Wir alle wissen, daß die ballistischen Eigenschaften der modernen Sprengstoffe von den jetzt vorhandenen Geschützmodellen durchaus noch nicht voll ausgenutzt sind. Ferner wissen wir, daß nur der ungeheure Kostenpunkt die Staaten davon abhält, neue Erfindungen durch Umbewaffnung ihrer Artillerie sofort auszunützen.

Früher, als die artilleristische Technik nur langsam fortschritt, konnte man sich von der dereinstigen Belagerungsartillerie eine

ziemlich richtige Vorstellung machen — das ist heute nicht mehr der Fall.

Zurzeit stellen wir bei dem Entwurf eines Festungsbaues die Tragweite der modernen Belagerungsgeschütze mit 12 km in Rechnung; wir selbst aber nehmen jetzt schon die Tragweite des 6zölligen Geschützes auf mindestens 12 km an, und diese Entwicklung der Tragweite wird immer größer werden.

Diese Erwägungen führen zu der Überzeugung, daß es nicht möglich ist, den Kern einer Festung durch Verschieben des Fortsgürtels dauernd vor Beschießung zu schützen. Dazu kommt ein weiterer Faktor im Festungskriege: das lenkbare Luftschiff. Noch ist seine Rolle eine sehr bescheidene, aber es ist immerhin ein Faktor, mit dem man rechnen muß.

Ein Befestigungssystem mag theoretisch noch so gut begründet sein, für uns ist es nur von Wert, wenn es in unserer Lage praktisch ausführbar ist.

Nehmen wir die Kosten einer Festung (einschließlich artilleristischer Ausrüstung) zu 75 Millionen an, so würden 10 Festungen 750 Millionen kosten; und nehmen wir an, sie sollten in 5 Jahren fertig sein, so würde unser Budget jährlich mit 150 Millionen belastet sein, und für die Erhaltung der bestehenden Festungen wäre nicht eine Kopeke verfügbar — eine solche finanzielle Belastung ist aber für uns unmöglich.

Vom Gesichtspunkte praktischer Ausführbarkeit sind alle Systeme, die den Zentralkern der Festung durch Vergrößerung des Durchmessers des befestigten Raumes gegen Beschießung sichern wollen, für uns aus finanziellen Gründen unannehmbar.

Wir haben zurzeit keine Autorität, die erklärt, daß Festungen mit einem Umfange von 60 bis 70 km und mit einer Besatzung von 75 000 bis 100 000 Mann in taktischer Beziehung vorteilhafter seien als Festungen mit 35 bis 45 km Umfang und mit einer Besatzung von 40 000 bis 50 000 Mann.

Bei dem Bau der Festungen auf demselben Wege weiter zu gehen wie bisher, ist unmöglich.

Ist aber einmal der Gesichtspunkt gefallen, den Kern der Festung gegen Beschießung zu sichern, so muß das Schema der Normalfestung auf Grund anderer Erwägungen festgestellt werden.

Eine Festung ist die Vereinigung der Mittel, welche notwendig sind, den betreffenden Punkt bis zum Ende des Krieges zu behaupten.

Besatzung, Armierung, Befestigungen, Verbindungen — das sind diese Mittel, und nur bei rationeller Benutzung derselben kann man ein positives Resultat erzielen; man muß daher für die oben-

genannten Mittel die Möglichkeit schaffen, ein Maximum nützlicher Tätigkeit zu entfalten.

Von jenen Mitteln steht die Infanteriebesatzung in erster Linie, zunächst muß man daher dieser die Möglichkeit bieten, für sich vorteilhafte Kampfbedingungen zu sichern.

Die für den Infanteriekampf ausgewählten Stellungen bestimmen also die Entfernung der Hauptkampfstellung von dem Kern der Festung; die Festungsartillerie muß die so gegebene Lage rationell ausnützen. In solchen Fällen, wo die Ingenieurkunst imstande ist, Infanteriestellungen an jedem beliebigen Punkt zu schaffen — im ebenen oder leicht gewellten Gelände — dann heißt es, ohne Rücksicht auf die Infanterie, zunächst für die Artillerie günstige Stellungen zu suchen.

Im Feldkriege steht — in der Verteidigung — der ganze Raum hinter der Infanteriestellung der Artillerie zur Verfügung; diese kann je nach der ihr gestellten Aufgabe, ohne an eine bestimmte Tiefe gebunden zu sein, sich den möglichst günstigen Platz aussuchen. Im Festungskriege ist die Wahl der Artilleriestellungen beschränkt einerseits durch den Fortsgürtel, andererseits durch die Kernumwallung.

In dem theoretischen Schema für eine Festung muß es künftig heißen: „Nicht die Tiefe der Artilleriestellung darf abhängen von der Lage des Fortsgürtels, sondern diese muß sich richten nach der notwendigen Tiefe der Artilleriestellung.“

Die Stellungstiefe nun muß der Artillerie gestatten: Staffellung, Manövrierfähigkeit, ungehinderte Munitionsversorgung, möglichst vereinzelter Aufstellung, gute Maskierung. Grundaufgabe der Festungsartillerie ist das unausgesetzte Ankämpfen gegen die Feuerüberlegenheit des Gegners.

Wenn die Fragen wegen Stellungen der Infanterie und der Artillerie vollständig und allseitig gelöst sind, dann tritt die Ingenieurkunst in Tätigkeit, um die ausgewählten Stellungen zu befestigen und die ganze Lage so zu gestalten, daß alle Kampfmittel der Verteidigung möglichst vorteilhaft ausgenutzt werden können.

Nun ein theoretisches Festungsschema unter der Voraussetzung, daß die Infanteriestellungen an beliebiger Stelle angelegt werden können.

Angenommen wird eine Kernumwallung; vor dieser eine zum regelrechten Kampf um die Umwallung nötige Esplanade von 1 bis $1\frac{1}{2}$ km Breite.

Die Tiefe der Artilleriestellung annähernd 2 bis 4 km, demgemäß Vorschubung des Fortsgürtels auf 3 bis 6 km.

Radius der Kernumwallung angenommen zu $1\frac{1}{2}$ bis 2 km, gibt für die Hauptstellung 4 bis 8 km Entfernung vom Zentrum.

Dieses Schema basiert auf den Erfahrungen der Vergangenheit und hat mehrfach die Feuertaufre erhalten.

Unser theoretisch-normales Festungsschema braucht zurzeit durchaus keine grundsätzliche Änderung — aber es verlangt neue Materialien für die Festungsbauten, neue Formen für die Sicherheits- und Verteidigungsbauten, eine bessere Vorbereitung der Festungsfläche, um alle Mittel der Verteidigung gehörig ausnützen zu können; vor allem: es erfordert ein allseitiges und planmäßiges Studieren aller örtlichen Eigentümlichkeiten im Hinblick auf ihre praktische Verwertung!

15. Zum Schluß mögen hier noch die interessanten Auslassungen Kochanows Platz finden über die Bewertung, welche er den „Erfahrungen von Port Arthur“ in bezug auf den Festungskrieg zuerkennt.

„Eine unparteiische Beurteilung eines so nahe liegenden Ereignisses ist erschwert nicht nur durch die Nähe des Ereignisses, nicht nur durch unsere direkte Beteiligung an den Ereignissen, sondern auch dadurch, daß in allen Mitteilungen über diesen Kampf die auf dem Gefühl beruhenden unmittelbaren Eindrücke notwendigerweise die objektive Beurteilung beherrschen müssen.

Erst die nächstfolgende Generation, der als Erbschaft verbleiben die Memoiren, Tagebücher und sonstigen Auslassungen — der genaue offizielle Angaben von beiden Seiten zur Verfügung stehen — die die falschen und richtigen Folgerungen aus den Erfahrungen von Port Arthur sich dienstbar machen kann — erst diese Generation wird imstande sein, unparteiisch zu urteilen.

Nehmen wir an, uns sei alles bekannt und wir seien erhaben über Zeit und Raum — können wir auf Grund der Erfahrungen von Port Arthur ein zuverlässiges Urteil aussprechen über die moderne Festung und über den modernen Festungskrieg?

Wenn wir auch annehmen, daß Port Arthur als Projekt eine moderne Festung war, so herrscht doch über die (negative!) Kriegsbereitschaft als moderne Festung bei Beginn der Operationen nur eine Stimme.

Lassen wir aber die Verteidigung beiseite — betrachten wir die Modernität des Angriffs.

So sehr alle Korrespondenten den Japanern Weihrauch streuen, so kunstvoll unsere Gegner die Wahrheit behandeln, so sehr wir die Erfolge unserer Feinde übertreiben — das Eine ist klar: in artilleristischer und sonstiger technischer Beziehung standen die

Japaner nicht auf der Höhe unserer westlichen Nachbarn; ihre Taktik im Festungskriege war von ihren Lehrern längst den Archiven als schätzbares Material einverleibt. Das Einzige, was bei ihnen bewundernswert war, war die Tapferkeit — aber auch diese war nicht größer als die der Verteidiger.

Das Gesagte soll durchaus nicht die Bedeutung der Erfolge von Port Arthur herabsetzen für diese oder jene Anschauung in betreff des Festungskrieges; es soll durchaus nicht der Einfluß dieser Erfahrungen auf die weitere Entwicklung der Festungsfrage ge-
leugnet werden — aber auf Grund dieser einen Erfahrung eine unbestrittene Theorie aufzubauen, wäre bedenklich. Port Arthur ist nur eine Etappe in der Geschichte des Festungskrieges, allerdings eine uns nahe liegende und teure Etappe — aber der Weg bis zu dieser Etappe war lang, und auf ihm gab es viele solcher Etappen!

5. Fort und Fortsgürtel.

16. Totleben hatte sich bereits 1855 in einer Denkschrift über die Befestigung von Nikolajew dahin ausgesprochen: die schwere Artillerie sei nicht in den Forts, sondern in den Zwischenräumen zwischen den Forts aufzustellen.

Demnächst hatte er 1870 seine Anschauungen über die Eigenschaften eines Festungsforts niedergelegt in einem auf seine Veranlassung veröffentlichten Atlas mit Skizzen des normalen Festungsforts.

Der hier angenommene Typ hatte eine geräumige Infanteriestellung; die im Inneren befindliche Kaserne war vom Walle getrennt. Die Anwendung von Pallisaden als Eskarpenhindernis und die Anlage eines Vorgrabens mit Verhau — diese Elemente der Behelfsbefestigung — war eine Konzession an den Kostenpunkt.

Die innere Einrichtung zeigt das Bestreben nach hartnäckiger innerer Verteidigung; das Fehlen des Kehlabschlusses sollte die Rückeroberung erleichtern (Reminiszenz an den Malakow 1855!).

Aber schon die Anfang der achtziger Jahre verstärkt einsetzende Bautätigkeit befolgte nicht mehr die Ideen Totlebens: die neuen Forts waren Batterien, in denen Dutzende von schweren Geschützen zusammengepackt waren.

Das Verlassen der Grundsätze Totlebens gab mehrfach Veranlassung zur Kritik.

Krassowski tritt 1881 im Ingenieurjournal auf mit einem Aufsatz „Rationeller Typ der permanenten Werke“ und eifert darin gegen die scharf im Gelände hervortretenden Umrisse der Forts und gegen die die Feuerlinie der Geschütze hoch überragenden Traversen.

Krassowskis Modell zeigt gute Maskierung sowohl der Forts im ganzen als der Artilleriestellung, welche, auf den indirekten Schuß angewiesen, im Innern der Forts liegt. Ferner zweietagenförmige Infanterieverteidigung; die ungedeckten Erkarpen-Kaponnieren sind ersetzt durch flankierende Kasematten in der Kontereskarpe.

Krassowskis Vorschläge fanden indessen keinen Anklang.

Nach ihm tritt Glinka-Jantschewski als scharfer Kritiker auf und verlangt vor allem die Verlegung der ganzen schweren Artillerie aus den Forts heraus in Anschlußbatterien. Allen seinen Werken gibt er übrigens nur horizontale Hindernisse und frontale Verteidigung; die Steinmauern verwirft er als unzuverlässig.

Seine in dem Werk „Lager-Festungen“ entwickelten Ansichten fanden Anklang in den offiziellen Kreisen, und seine Ideen wurden in verschiedenen fortifikatorischen Anlagen verwirklicht. Auf Grund verschiedener Manövererfahrungen aber zeigte es sich, daß Werke dieser Art der Gefahr ausgesetzt seien, durch Sturmangriff verloren zu gehen — weshalb dieser Typ wieder aufgegeben wurde.

17. Um diese Zeit brachte man auch in Erfahrung, daß in den Nachbarstaaten Torpedobomben von großer Zerstörungskraft eingeführt seien.

In Berücksichtigung dieser Tatsache und überzeugt von der Notwendigkeit, zu den Grundprinzipien Tottlebens zurückzukehren, sah sich Oberstleutnant Welitschko, damals Professor an der Ingenieur-Akademie, zur Konstruktion eines neuen Forttyps veranlaßt mit dem Motto „Sehen, aber nicht gesehen werden!“

Dieser neue Typ hatte folgende Züge:

Glacisförmige Anordnung des Walles, um dem Angriff nicht nur mit Feuer, sondern auch mit offensivem Gegenstoß entgegenzutreten; Organisation einer inneren Verteidigung; starke Hindernisse gegen den Sturm; endlich eine Zwischenraum-Kaponniere, welche es ermöglicht, die Zwischenräume zwischen den Forts ausgiebig durch Flankenfeuer zu verteidigen.

Welitschkos Zwischenraum-Kaponniere wurde demnächst auf anderweitigen Vorschlag in zwei Halbkaponnieren geteilt.

Die in den neunziger Jahren bei Kronstadt vorgenommenen Versuche mit Torpedobomben gaben einen neuen Anstoß zur Verbesserung des Forttyps. Auf Grund dieser Versuche wurde die schwere Artillerie gänzlich aus dem Fort herausgenommen, in dem nur 2 bis 4 Geschütze zu Rekognoszierungszwecken verblieben.

Gleichzeitig schritt man zur Verstärkung des Walles, indem die Wälle für Infanterie und für Artillerie in einen für Infanterieverteidigung bestimmten Wall zusammengezogen wurden.

Der Forttyp der Ende neunziger Jahre ist das „Fort Welitschko 1897“. Einfacher, trapezoidaler Grundriß, geteilte Zwischenraum-Kaponnieren, in jedem Forst verbleiben nur 2 bis 4 Rekognoszierungsgeschütze; die Einrichtungen für die innere Verteidigung, welche einen großen inneren Raum verlangten, wurden aus ökonomischen Gründen aufgegeben.

In dieser Periode begann in den Nachbarstaaten der Panzer seine Rolle zu spielen; über die Stellung, welche Rußland zur Panzerfrage einnahm und einnimmt, wird später in einem besonderen Abschnitte im Zusammenhange gesprochen werden.

18. Aus dem Typ „Welitschko 1897“ entwickelt sich nun mit Berücksichtigung verschiedener Fortschritte auf dem Gebiet der Technik das von Bunizki vorgeschlagene nunmehr offizielle „Neue Fortmodell“ mit nachfolgenden charakteristischen Zügen:

Abwesenheit aller schweren Geschütze — dafür 4 Fernkampfgeschütze (6 zöllige Kanonen oder 8 zöllige Haubitzen) unter Panzerkuppeln „in nächster Nähe des Forts“. (Auf der Planskizze hinter der Mitte des Forts.)

Aufstellung der Sturmgeschütze (8 schnellfeuernde 52 mm Geschütze und 4 Maschinengewehre), zum Teil in Panzerkuppeln, zum Teil hinter Deckungen, aus denen sie zum Schuß hervortreten. Verteidigung der Zwischenräume und der Zugänge zu den Nebenforts durch Geschütze in kasemattierten Räumen (8 schnellfeuernde 3 zöllige [7,6 cm] Geschütze).

Anordnungen zu einer hartnäckigen inneren Verteidigung (Änderung gegen Welitschko 1897).

Endlich eine derartige Kombination aller Elemente, daß der allmähliche Ausbau des Forts je nach Verfügbarkeit der Mittel möglich ist bei fortwährender Kampfbereitschaft, selbst während der Zeit des Baues.

19. Gegen dieses offizielle „Modell Bunizki“ geht nun Swjetschin (1. Konferenz) mit sehr scharfer Kritik vor. Die Vorwürfe, welche er diesem Typ macht, sind im wesentlichen folgende:

„Charakteristische Eigenschaft des Forts Bunizki: es schießt nicht — man könnte es ‚den großen Schweiger‘ nennen.

In ihm stehen zahlreiche Geschütze verschiedener Bestimmung, aber zur Wirkung werden sie nie kommen.“

Dieser Vorwurf in dieser Form scheint nicht gerechtfertigt. Die 4 unter Panzerkuppeln allerdings außerhalb des Forts stehenden schweren Geschütze bilden nach Bunizkis Anschauung doch einen wesentlichen Zubehör zum Fort, und ihrer wirksamen Betei-

gung am Fernkampf steht doch nichts entgegen. Die Geschütze zum Bestreichen der Zwischenräume und noch mehr die zur Grabenbestreichung können natürlich erst in einem mehr und mehr vorgeschrittenen Stadium des Angriffes zur Wirkung kommen; ihnen daraus einen Vorwurf zu machen, ist kein Grund. Etwas anderes wäre es, wenn Swjetschin die Zahl der innerhalb des Forts aufgestellten Geschütze für zu groß gefunden hätte — darüber ließe sich allerdings sprechen.

Ein zweiter Vorwurf ist das hohe Profil des Forts: auf dem hohen Walle zeichnen sich die Verteidiger scharf ab und werden durch umfassendes Feuer abgeschossen. Auch wird durch die Möglichkeit, bis zum letzten Augenblick des Sturmes über die Köpfe der Stürmenden hinweg das Feuer gegen den hohen Wall unterhalten zu können, der Angriff sehr erleichtert.

Ein dritter Vorwurf richtet sich gegen die Zwischenraumkaponniere, die Swjetschin für die seiner Ansicht nach falsche Konstruktion des ganzen Forts verantwortlich macht.

Swjetschin sieht in der vorderen Hälfte des Forts weiter nichts als eine mit großen Kosten erbaute hohe Maske für die hintere Hälfte: die Zwischenraumkaponniere. Diese Zwischenraumkaponniere — sagt Swjetschin — ist der Idee nach eine französisch-holländische Erfindung, welche man sich bemüht, als eine national-russische Offenbarung auszugeben. Die ganze Verteidigung unserer Festungen beruht auf diesen Zwischenraumkaponnieren, aber sie haben weder die Kriegserfahrung für sich — denn sie kamen bei Port Arthur nicht zur Anwendung — noch die Friedenspraxis. Diese Zwischenraumkaponnieren existieren seit 20 Jahren, und kein einziger Schießversuch (mit Ausnahme einiger Kartätschschüsse) ist aus ihnen gemacht, um festzustellen, ob die Bedienung nicht an den Pulvergasen erstickt.

Alle Konstruktionsnachteile des modernen Forts werden erklärt durch das Bestreben, den Geschützen der Zwischenraumkaponnieren einen besseren Überblick zu geben. Deshalb das hohe Profil des Forts und die Aufstellung der Geschütze in der dritten Etage der Kaponniere

Diese schweren Opfer sind gebracht einem Trugbild zuliebe. Weiter als 800 bis 1000 Schritt kann das Feuer der Kaponniere in keinem Falle reichen, selbst wenn der Zwischenraum eine absolute Ebene wäre. Will man die Flankierung durch verdecktes Feuer auf weitere Entfernungen, so bleibt nichts übrig, als das ganze Fort auseinanderzureißen.

Den hinteren Teil, die Kaponniere, muß man von dem vorderen Teil des Forts ganz abtrennen und an einer gedeckten Stelle des

Geländes aufbauen. Gleichzeitig empfiehlt es sich, von dem kasmattierten Bau abzusehen und für die Flankierung des Zwischenraumes überzugehen zu Haubitzen mittleren Kalibers in Panzerkuppeln; erforderlichenfalls kann ihr Feuer unterstützt werden von Schildgeschützen aus verdeckten Stellungen.

Der vordere Teil des Forts verliert hierbei die Natur eines künstlichen Berges; man kann ihm ein niedriges, dem Gelände angepaßtes Profil geben. Das Fort selbst wird klein, aber in der Verlängerung seiner Facen schließen sich gut angelegte Schützenstellungen an mit Graben. Die Besatzung dieser Stellung findet Unterkunft in einzelnen Deckungen und in einer an gedeckter Stelle angelegten Betonkaserne. Umgibt man das Ganze mit soliden künstlichen Hindernissen, so hat man für 1½ Million einen soliden Stützpunkt in Art der deutschen „Feste“.

In der zweiten Konferenz trat Welitschko in einem längeren Vortrag für das Modell Bunizki ein.

In der ersten Hälfte des Vortrages behandelt Welitschko im allgemeinen die Aufgabe und Bedeutung der Forts.

In die geschlossenen Umwallungen der alten Festungen mußte man Bresche legen, um sich ihrer zu bemächtigen; bei der modernen Festung bilden die Zwischenräume zwischen den Forts gewissermaßen offene Zugänge. Um dem Feinde diese Zugänge zu versperren, muß man ihn zwingen, die Forts anzugreifen, indem man diese als feste Pfeiler organisiert, als Knoten der Verteidigung, als Skelett, um welches sich der Körper bildet, indem in den Zwischenräumen Verschanzungen und Deckungen entstehen, wobei die ganze Verteidigungsanlage nach der Tiefe sich gliedert. Diese Stützpunkte nun müssen sturmfrei sein; nur ein Fort ständiger Bauart kann den Gegner zum allmählichen Vorgehen gegen dasselbe zwingen. Belfort wies auf die Richtigkeit dieser Anschauung hin, Port Arthur hat sie bestätigt. Die Versuche der Japaner, in die Zwischenräume einzudringen, blieben erfolglos; ebenso erfolglos waren die Versuche, die Forts mit Sturm zu nehmen, sie mußten gegen dieselben mit regelrechtem Angriff vorgehen.

— — — — Die Forts sind in taktischer Beziehung die Schlüsselpunkte der Stellungen; meist sind diese Punkte Höhen, welche bessere Umsicht geben und von wo aus man besser Unterstützung leisten kann.

Demnächst geht Welitschko über auf die speziellen Vorwürfe, die Swjetschin gegen das Modell Bunizki erhob.

ad 1) Das Fort solle tatsächlich schweigen bis zum Beginn des Nahkampfes. Fernkampf zu führen, sei nicht Sache des Forts,

sondern Sache der Zwischenraumstellungen. Die Forts sollen sich selbst und die nahen Zugänge verteidigen.

ad 2) Swjetschin hat das hohe Kommandement der Infanteriestellung des modernen russischen Forts bemängelt und behauptet, deutsche Offiziere hätten dergleichen Forts für veraltet erklärt. Dagegen weist Welitschko auf den Leitfaden für die deutschen Kriegsschulen von 1909 hin, in welchen das Profil eines Stützpunktes mit trockenem Graben ein Kommandement der Brustwehr von 21 Fuß, mit nassem Graben ein solches von 27 Fuß habe. (NB. Dies stimmt in runden Zahlen: 6 m und 8 m.) — Das hohe Kommandement sei übrigens nicht abhängig von der Höhe der Kaponniere, sondern von dem Wunsche, die Kasematten gut zu decken und dem Fort ein gutes Schussfeld zu geben — bisweilen sei es auch abhängig vom Grundwasser.

ad 3) Das Schießen aus den Kaponnieren ohne Ventilation sei zwar schwierig, aber doch möglich, während für das Feuer aus Panzertürmen Ventilation unerlässlich sei.

21. In seiner Erwiderung erklärt Swjetschin: Das von Welitschko angeführte hohe Kommandement in dem deutschen Lehrbuch sei nur ein altes Schema, das in der Praxis in Deutschland keine Anwendung mehr finde.

An den gegen die Kaponniere erhobenen Vorwurf, daß das Schießen aus ihr durch die nicht abziehenden Pulvergase sehr erschwert, wenn nicht unmöglich gemacht werde, schließt sich in der 4. Konferenz eine Polemik an, die gleich hier erwähnt werden mag. Keltschewski verliest den Brief eines Artillerieoffiziers, der bei dem offiziellen Schießversuche in einer der Kaponnieren zugegen gewesen und der das Resultat als sehr unerfreulich bezeichnet. Dementgegen bringt Welitschko den offiziellen Bericht der mit diesem Schießversuche beauftragten Kommission zur Verlesung, worin das Resultat als durchaus befriedigend bezeichnet wird. Eine weitere Aufhellung dieser schroffen Widersprüche scheint nicht stattgefunden zu haben.

22. Im Gegensatz zu Welitschko, der die Forts auf den beherrschenden Höhen anlegen will, verlangt Sobjato (4. Konferenz) die Anlage der Forts auf dem Abhange vor der Höhe; diese selbst ist zu benutzen zur Einrichtung von Beobachtungsposten für die Artillerie, die hinter der Höhe stehend, auf unsichtbare Ziele feuert.

Auch bei dieser Anordnung behält das Fort die Eigenschaft als taktischer Schlüssel, denn der in Flanke und Rücken beschossene Gegner wird nicht leicht an ihm vorbeigehen.

Bei Port Arthur lag Fort II in der Tiefe vor beherrschenden Höhen; die Einnahme dieses Forts brachte den Japanern keinen Gewinn.

Befestigung 3 und Fort III lagen auf Höhen, welche das dahinter liegende Gebäude beherrschten; die Einnahme dieser beiden Werke war für die Japaner von großem Vorteil.

In Port Arthur war die schwere Artillerie nach dem alten Prinzip noch in den Forts aufgestellt, sobald sich aber zeigte, daß die so aufgestellten Geschütze niedergekämpft wurden, zog man sie aus den Forts heraus — doch waren zwei Fälle zu unterscheiden.

Aus Fort III, gegen welches sich der feindliche Artillerieangriff richtete, zog man die Geschütze heraus; dagegen stellt man Geschütze auf in dem nicht angegriffenen Fort IV, welches dem Fort III sekundierte und das Gelände vor demselben beschoß. Dieses Beispiel zeigt, daß wohl Fälle möglich sind, daß man im Lauf der Belagerung schwere Geschütze in einem Fort aufstellt.

Gobjäto zieht hieraus die Lehre: alle Forts müssen für die eventuelle Aufstellung schwerer Geschütze eingerichtet sein.

23. Nowizki (5. Konferenz) findet das Fort „Modell Bunizki“ als Infanteriestellung unzweckmäßig, da es keinen bequemen Übergang zum Gegenangriff bietet. Nur allein Geschütz- und Maschinengewehrfeuer aus den Kaponnieren gegen die Zwischenräume genügt nicht; das Fort muß der Besatzung die Möglichkeit bieten, zum Manövrieren ins Feld hinauszutreten (?)

24. Was die Lage der Zwischenraumkaponniere betrifft, so hält Welitschko die Kehle des Forts für den geeigneten Punkt für die Anlage derselben und zwar aus folgenden Gründen:

Die Forts liegen auf den taktischen Schlüsselpunkten der Festungsstellung, also meist auf Höhen, welche weiten Umblick gestatten, was besonders wichtig ist bei dem Schießen auf bewegliche Ziele. Die Überhöhung des zu bestreichenden Geländes durch die Kaponniere ermöglicht ein besseres Bestreichen des Geländes — deshalb muß die Kaponniere in der Kehle des Forts liegen und nur in ganz besonderen Fällen außerhalb.

Diesen Anschauungen tritt Tarnowski entgegen (Invalide 1910, Nr. 35), der die Frage der Zwischenraumkaponniere vom artilleristischen Standpunkt behandelt (seine rein artilleristischen Auslassungen über die Armierung der Kaponniere werden in einem späteren Abschnitte zur Sprache kommen). Nach Tarnowskis Ansicht ist die Kehle des Forts, weil voraussichtlich von feindlichen Geschossen überschüttet, für die Anlage der Zwischenraumkaponniere durchaus ungeeignet. Ihr Platz ist dort, von wo aus sie in mög-

lichst vielen Richtungen den Zwischenraum bis zum Nachbarfort der Länge nach bestreichen kann, ohne daß unbestrichene Räume bleiben. Nur unter ganz besonderen Umständen wird sich daher die Anlage der Zwischenraumkaponniere in der Kehle des Forts empfehlen.

Die von Welitschko für diese Lage angeführten Gründe haben ihre Bedeutung verloren, seitdem die Technik des Schießens nicht nur auf unsichtbare, sondern auch auf unsichtbare bewegliche Ziele so große Fortschritte gemacht hat. Der Feuerleiter selbst muß das Ziel sehen, aber die Entfernung des Beobachtungspostens von der Batterie kann 3 km und mehr betragen; es ist deshalb nicht nötig, daß der Beobachtungsposten in der Batterie selbst liegt.

Man muß bedenken, daß es sich handelt um Schießen in einem ganz bekannten Gelände, so daß für jeden beliebigen Punkt dieses Geländes die nötige Aufsatzhöhe usw. im voraus festgestellt ist. Der zur Beobachtung und Feuerleitung gewählte Punkt kann wie gesagt weit ab von der Batterie liegen, wenn er nur mit Kaponniere und Fort zuverlässig telephonisch verbunden ist.

Port Arthur hat gezeigt, unter welchem furchtbaren Feuer die Japaner unsere Forts hielten; vom artilleristischen Standpunkt ist es daher vorteilhaft, die Zwischenraumkaponniere vom Fort loszulösen, damit sie nicht während der Zeit des Geschützkampfes zwecklos leidet.

Eventuell braucht die Kaponniere im Frieden noch gar nicht gebaut zu sein, nur ihre Stelle und der Beobachtungspunkt müssen festgestellt sein sowie die nötigen ballistischen Notizen. Die Kaponniere schweigt während des Geschützkampfes und tritt erst in Tätigkeit bei dem gewaltsamen Vorgehen gegen den Zwischenraum, sie wird also vorher das feindliche Feuer nicht auf sich lenken.

Für die Kaponniere kommt es weniger darauf an, daß ihre Deckungen gegen das Feuer schwerer Belagerungsgeschütze standhalten, als vielmehr darauf, daß die Maskierung gut ist.

Die Kaponniere ist kein Knotenpunkt der Verteidigung wie das Fort, das zu hartnäckiger Verteidigung eingerichtet sein muß, sondern sie hat die begrenzte Aufgabe, den Zwischenraum zu flankieren.

Die Sicherheit der Kaponniere hängt nicht sowohl ab von festen Gewölben (obwohl auch diese nicht schaden), als vielmehr von glücklicher Anpassung an das Gelände und guter Maskierung. Um die Kaponniere auch gegen vorzeitige Entdeckung durch Luftschiffe zu sichern, muß sie auch nach oben hin eine Deckung haben, welche in Übereinstimmung mit der umgebenden Örtlichkeit hergestellt ist.

25. Kui (7. Konferenz): Die Hauptkraft der Verteidigung liegt in den Zwischenräumen des Fortsgürtels: Diese werden hierzu teils durch Errichtung ständiger Werke vorbereitet, teils erfolgt der Bau dieser Werke erst während der Kriegszeit. Die erst im letzten Moment errichteten Werke werden bei guter Maskierung für den Gegner oft Überraschungen sein; dies ist natürlich nicht möglich bei ständigen Werken. Diese Werke müssen daher auch so solide gebaut sein, daß sie sturmfrei sind; dazu gehört: Flankenfeuer, Frontalfeuer, Hindernisse.

Dem Zweck des Flankenfeuers dienen Kaponieren und Halbkaponieren. Der Platz ihrer Anlage wird stets von der Örtlichkeit abhängen; in Verbindung mit einem Fort ist ihre Lage allerdings besser geschützt.

Die Forts sollen starke sturmfreie ständige Werke sein, die den Gegner zum langsamen förmlichen Angriff zwingen.

26. Stawizki (Invalide 1910, Nr. 43) hält, bevor an die Frage der besten Gestaltung der Kaponieren herangetreten wird, die Entscheidung der Vorfrage erforderlich: ob die Kaponieren überhaupt notwendig. Die Entscheidung dieser Frage hängt seiner Ansicht nach von einer bestimmten Erklärung der Artilleristen ab: ob wirklich auch heute noch das „Gitter“ des frontalen und flankierenden Feuers erforderlich sei, welches die Ingenieure zu ermöglichen suchen durch Anlage flankierender Batterien als Ergänzung der frontal wirkenden Batterien.

Auf dem Prinzip des flankierenden Feuers beruht seit alten Zeiten die Verteidigung der Festung. Wenn jetzt das Kreuzfeuer überflüssig erscheint und die Artillerie aus ihrer frontalen Stellung den Zwischenraum mit unbedingter Zuverlässigkeit vor einem Durchbruch schützt — dann kann natürlich die Zwischenraumkaponiere fortfallen, über welche so heftiger Streit entbrannt ist.

Wird aber das „Gitter“ jetzt noch für notwendig erachtet, dann müssen wir bestimmt wissen: halten die Artilleristen es für nützlich, für die Flankierung besondere Batterien ständiger Bauart zu haben und zwar Batterien mit der reinen Spezialbestimmung, ausschließlich den Zwischenraum zu flankieren? Diese Forderung würde zu der Notwendigkeit führen, im voraus Aufstellungen für diese Geschütze herzurichten.

Wenn solcher Stellungen viele sind, dann kann eine große Sicherheit dieser Batterien erreicht werden durch eine starke künstliche Maskierung.

Wenn aber die Zahl der Stellungen beschränkt ist, oder wenn die Artilleristen zwecks erfolgreichen Schießens auf bewegliche Ziele

eine bestimmte Stellung verlangen — dann müssen wir des weiteren wissen: zieht die Artillerie eine offene Stellung unter freiem Himmel vor oder (woran kaum zu zweifeln) etwas Geschütztes? Erst dann ist es an der Zeit, über die Einzelheiten des Baues von Zwischenraumkaponieren zu streiten.

27. In obigen Auslassungen spricht Stawizki nur davon, die erforderlichen Flankierungsgeschütze eventuell nur durch Masken zu schützen; Tarnowski (Invalide 1910, Nr. 35) geht in dieser Richtung weiter.

Unter der Voraussetzung, daß die schweren Fernkampfgeschütze in den Zwischenräumen Aufstellung finden sollen, verlangt Tarnowski, daß diese Geschütze ihre relative Sicherheit nicht in ständigen Bauten und Panzerständen, sondern in der Beweglichkeit und in guter Maskierung suchen sollen, mit Benutzung von Gebüsch, Geländefalten und Wasserrissen. Zu diesem Zweck schlägt er vor, die Zwischenräume innerhalb des Fortsgürtels und das Gelände rückwärts derselben folgendermaßen zu organisieren.

Das ganze Gelände muß durchschnitten sein von guten chaussierten schmalspurigen Wegen, auf denen die schweren Geschütze bequem zu allen natürlichen Deckungen geschafft werden können. Bepflanzt man diese Wege mit Bäumen und Gebüsch, dann kann man sich unbemerkt auf ihnen bewegen und den Geschützen Munition zuführen.

Baut man außerdem in dem Gebiet wahrscheinlicher Artilleriestellungen eine große Anzahl von Munitionsverbrauchs-magazinen, so erhält man eine Verteidigung, die in hohem Grade gewandt und kraftvoll ist.

Auch Schwarz verlangt auf Grund der blutigen Erfahrungen von Port Arthur reichliche Anpflanzungen innerhalb des Festungsgebietes. In einem bedeckten Gelände kann man sich bewegen und arbeiten mit verhältnismäßig geringem Verlust.

28. Alle in diesem Abschnitt entwickelten Ansichten und Vorschläge beziehen sich auf das Fort als Glied eines größeren Festungssystems; es erübrigt noch den eingehenden Konstruktionsentwurf zu betrachten, den der Anonymus S. K. (Invalide 1908 Nr. 249) für das von ihm als strategisches Element der Landesverteidigung vorgeschlagene Sperrfort (Nr. 8 dieses Aufsatzes) aufstellt.

Ein solches Sperrfort ist ein geschlossenes Betonmassiv, das so angeordnet ist, daß die Geschütze möglichst freies Schußfeld haben.

2 oder 3 Türme, jeder zu 2 Geschützen mit starker Schrapnellwirkung und möglichst großer Tragweite — z. B. das 42-Liniengeschütz (10,7 cm) mit Schrapnellwirkung bis 12 km, in der Minute 12 bis 15 Schuß.

Dann in 3 Türmen je 2 Kanonen mit Tragweite bis 18 km; eventuell genügen auch 2 solcher Türme.

Ferner 2 oder 3 Türme mit je 2 Haubitzen.

Außerdem 15 bis 20 Maschinengewehre.

Besondere Türme für den Kommandanten, den Kommandeur der Artillerie, die Beobachter, die Signallaternen.

In den Kellern des Forts: die Maschinen, die Vorräte, die Wohnräume.

Um das Betonmassiv gegen Zielfeuer zu schützen, erhält es eine glaciförmige Erdummantelung.

6. Fortsgruppe, Feste, Vor-Stellung.

29. Sobjätö (4. Konferenz) erklärt, er habe aus dem bisherigen Gang der Verhandlungen keine klare Vorstellung gewinnen können, was eigentlich unter „Feste“ zu verstehen sei.

Diese Erklärung ist sehr begreiflich, denn in den verschiedenen Vorträgen und Entwürfen werden die Ausdrücke „Fortsgruppe“, „befestigte Gruppe“ und „Feste“ vielfach unterschiedslos durcheinander geworfen, so daß es bisweilen schwer ist, sich klar zu machen, was eigentlich gemeint ist.

30. In Nr. 19 ist der Vorschlag Swjetschins näher dargelegt, der das Fort völlig von der Kaponniere trennt, sein Profil bedeutend erniedrigt und so unter Zugabe von Schützenstellungen, Unterkünften und Hindernissen einen für Infanterieverteidigung berechneten „Stützpunkt“ schafft. Wenn er hinzufügt: dies sei etwas „in Art der deutschen Feste“, so ist der Vergleich doch nur sehr bedingt richtig, da die deutsche „Feste“ eine ganz andere Stärke und Bedeutung hat als Swjetschins Stützpunkt. Diesen „Stützpunkt“ Swjetschins nennt Welitschko (2. Konferenz) „ein in Stücke geschlagenes Fort“; andere scheinen unter „befestigte Gruppe“ diesen Stützpunkt Swjetschins zu verstehen.

31. Der vielfach angewandte Ausdruck „Fortsgruppe“ wird nur an zwei Stellen deutlich erklärt:

In Bunizkis Entwurf der „Großen Festung“ (Nr. 10) besteht eine „Fortsgruppe“ aus 5 Forts, die mit 2 km Abstand auf einer flachen nach außen gewölbten Kurve liegen. In Stawizkis Entwurf einer „Modernen Festung“ (Nr. 11) besteht eine Fortsgruppe aus 2, 3 oder 4 Forts, die je $1\frac{3}{4}$ km voneinander entfernt und durch eine fortlaufende ständige Umwallung mit gedecktem Weg umgeben sind. Aus dem Zusatz: „Im Innern dieses Ringes liegt die Zitadelle der Gruppe, eine ständige Umwallung“, geht hervor, daß die Forts

nicht nebeneinander in gerader Linie, sondern in kreisförmiger Anordnung gedacht sind. Auf diese Kombination kann man die mehrfach vorkommende Bezeichnung „befestigte Gruppe“ auch sehr gut beziehen.

Die Fortsgruppe anstelle des einzelnen Forts tritt in den vorliegenden Entwürfen im allgemeinen auf als Folge des vergrößerten Festungsradius und der dadurch bedingten sehr vergrößerten Ausdehnung der Hauptkampfstellung der Festung.

32. Stawizki (6. Konferenz): Solange die Hauptstellung der Festung 4 bis 5 km vor die Zentralumwallung vorgeschoben war, war der Fortsgürtel an seinem Platz, als aber die Hauptstellung der Festung um 10 bis 12 km vor die Zentralumwallung vorgeschoben wurde, da wurde der Fortsgürtel unverhältnismäßig dünn und genügte nicht mehr. Diesen Mangel glaubte man am besten zu heben durch Anordnung eines Gürtels aus Fortsgruppen. Die Fortsgruppe — ein aus einzelnen Forts gebildetes System — ist eine neue Form für die Hauptstellung einer großen Festung.

33. In diesem Sinne sind die Fortsgruppen angewendet zur Bildung des äußeren Gürtels bei der „großen“ Festung Bunizkis und bei dem Entwurf Stawizkis.

Hierher gehört auch der Entwurf des Anonymus A. S. (Invalide 1910 Nr. 36): „Fortsgürtel über die Kernumwallung 6 km vorgeschoben, Entfernung der einzelnen Forts voneinander 6 km; dann ein von „Festen“ gebildeter Gürtel über die Kernumwallung um einen halben Tagemarsch vorgeschoben, Entfernung der einzelnen Festen voneinander ein halber Tagemarsch. Zwischen den Forts: Feuerverbindung; zwischen den Festen: Manövrierverbindung. Der Festengürtel bedeutet einen neuen Schritt im Festungswesen; dieser Schritt ist vom russischen Festungsbau übersehen.“

Wenn A. S. hier den äußeren Gürtel aus „Festen“ bildet, so ist es nicht ganz klar, ob er wirklich eine Feste im deutschen Sinne meint oder eine Fortsgruppe im Sinne Bunizkis und Stawizkis.

34. Gurko (4. Konferenz) schlägt der Deutlichkeit wegen für „Feste“ das russische Wort Krepostza (kleine Festung) vor; da er in demselben Zusammenhange sagt: für den Typ der Feste sei das Studium von Metz sehr lehrreich, so ist klar, daß er mit Krepostza wirklich die „deutsche Feste“ übersetzen will.

35. Der Mangel einer klaren Unterscheidung zwischen Fortsgruppe und Feste tritt deutlich zutage in folgender Auslassung Swjetchins (5. Konferenz):

Jenseits der Grenze wurden befestigte Gruppen in der Theorie schon vor 25 Jahren empfohlen; die erste praktische Verwirklichung

erhielt die Theorie vor 17 Jahren in der österreichischen Festung Przemysl und dann in Krakau. (NB. Bunizki bezeichnet die Elemente des äußeren Gürtels von Krakau ganz ausdrücklich als Fortsgruppen.)

In letzter Zeit wurden Gruppen bei Metz zur Anwendung gebracht; eine im Fortsgürtel selbst, die anderen bilden einen neuen Ring auf 4, 6, 8 km Entfernung vom Fortsgürtel.“

Den Wert der „Feste“ sieht Swjetschin darin, daß diese der Örtlichkeit leicht anzupassende Form die Elemente des Fern- und Nahkampfes verbindet.

36. Kui (7. Konferenz): Die vielbesprochene „Feste“ möchte man eigentlich „Befestigungsgruppe“ oder „Gruppenbefestigung“ nennen. Verstärkt man ein Fort durch Anschlußbatterien, umgibt man es dann mit einem fortlaufenden Hindernis, so hat man — dem Wesen nach — eine befestigte Gruppe. Die Bedeutung dieser Gruppen kann aber auch ausgedehnter sein: sie können auf der am meisten bedrohten Front vorgeschoben werden.

Diese Äußerung Kuis führt uns zur Frage der vorgeschobenen oder der Vor-Stellungen.

37. Kochanow (6. Konferenz) spricht sich sehr eingehend über die Bedeutung der vorgeschobenen Stellungen aus:

Diese werden angelegt auf den wahrscheinlichen Angriffswegen des Gegners mit dem Zweck:

Die Kräfte des Gegners festzustellen — möglichst Zeit zu schaffen für bessere Instandsetzung der Festung — die Möglichkeit zu bieten, in gewissem Grade die Garnisonen für den Hauptkampf in den Forts vorzubereiten (?).

Der Charakter des Kampfes um die vorgeschobenen Stellungen hängt ab von der Stärke der Besatzung; ist diese bedeutend, so ist es vorteilhaft, um die Vor-Stellungen zu kämpfen; ist sie nur gering, so ist es besser, den Kampf in der Hauptstellung aufzunehmen.

Der Verlust der vorgeschobenen Stellungen darf niemals den Kampf um die Hauptstellung beeinträchtigen; die vorgeschobenen Stellungen müssen immer nur nebensächliche Bedeutung haben, ihre Anlage muß sich daher scharf von der Anlage der Hauptstellung unterscheiden. Letztere muß unbedingt in ständigem Stil gebaut sein, während die vorgeschobenen Stellungen mehr felddmäßigen Charakter haben sollen — folglich sind Festen für sie nicht anwendbar.

38. Nowizki (Invalide 1910, Nr. 52): Gerade die „Festen“ halte ich für Elemente der Festung — aber die in Verteidigungs-

zustand gesetzten örtlichen Objekte außerhalb der Fortslinie, welche Klokatschew „Festen“ nennt, halte ich für Objekte, die nicht zur Festung gehören, sie von außen ergänzen, aber kein Element der Festung bilden. Aus diesem Grunde finde ich, daß Klokatschew für „Festen“ eine unrichtige Erklärung gibt.

39. Stawizki (6. Konferenz): Die Vor-Stellung darf grundsätzlich nicht so befestigt sein, daß sie den Gegner zum förmlichen Angriff zwingt. Die Bedeutung der Vor-Stellung ist nur zeitweilig, daher behelfsmäßiger Typ am Platze: niedrige Wälle, kasemattierte Unterstände, feldmäßige Hindernisse, Batterien mit flankierendem und Rückenfeuer, Panzerturm — mit einem Wort, der Typ der deutschen »Feste“. — Die Fortsgruppe ist ein Element der Hauptstellung, die Feste ein Element der vorgeschobenen Stellungen.

40. Swjetschin betont ausdrücklich, daß die Metzger Gruppen einen neuen Gürtel bilden und nicht etwa einzelne vorgeschobene Stellungen sind.

41. Sannikow (7. Konferenz): Die Festen werden im Auslande durchaus nicht angewendet zur Bildung einer Festungsumwallung, sondern sie werden angelegt je nach der Örtlichkeit und der strategischen Lage, um befestigte Abschnitte oder Räume zu bilden.

42. Jeltschaninow (7. Konferenz): „Feste ist ein Modell, das das moderne Fort ersetzen soll. Diese Form der Befestigung gibt die Möglichkeit, große Zwischenräume zu haben, ein möglichst umfangreiches Schlachtfeld, einen möglichst starken Stützpunkt für die Truppen und die Artillerie.

Die Feste ist eine schmiegsame, den verschiedensten Kombinationen sich anpassende Form; es ist das beste Modell für die Verstärkung der Festung, die die Aufgabe hat, der Feldarmee die Bewegungsfreiheit zu sichern. Deutschland und Frankreich haben dies Modell angenommen.

7. Die Panzerfrage.

43. In der Panzerfrage stehen zunächst die prinzipiellen Gegner und Anhänger der Panzerdeckungen sich schroff gegenüber; dazwischen lassen sich verschiedene Stimmen vernehmen, die ohne schroffe prinzipielle Stellungnahme entweder gegen den Panzer gewisse Bedenken geltend machen oder andererseits unter gewissen Umständen und mit gewissen Einschränkungen seine Anwendung für zulässig und selbst für vorteilhaft halten.

Von den vorliegenden Meinungen sollen die wichtigsten hier angeführt werden.

Wir beginnen mit den prinzipiellen Gegnern.

44. Welitschko (2. Konferenz) stimmt nicht überein mit Bunizki, wenn dieser die Panzerdeckungen nur deshalb verwirft, weil sie sehr teuer sind.

Welitschko ist ein prinzipieller Gegner der Panzerdeckungen, in denen er kein Universalmittel für alle denkbaren Krankheiten sieht. Seiner Ansicht nach sind Turmgeschütze in einem modernen Fort nur notwendig, um die allgemeine Meinung zufrieden zu stellen.

In einer Festung sind viele Bedürfnisse dringender, als Panzertürme; erst wenn diese Bedürfnisse alle befriedigt sind, soll man — wenn dies absolut sein muß — Türme aufstellen.

Die Versuche in Bucharest und Chalons beweisen durchaus nicht die Unverletzlichkeit der Türme und ihres Inhalts, namentlich wenn die Torpedobomben auf die Ritzen zwischen Kuppel und vorderen Panzer treffen. Bei den allerneuesten Turmtypen soll diese Gefahr nicht mehr drohen, aber Versuche darüber liegen noch nicht vor. Die letzten Versuche bei Langres sprechen auch nicht zugunsten der Türme.

Aus einigen ziffernmäßigen Angaben über die Geschützrüstung russischer und fremder Festungen glaubt Welitschko schließen zu dürfen, daß die Annahme Swjetschins: mit Annahme der Türme sei eine Verringerung der Geschützzahl möglich — nicht richtig ist.

Neuerdings scheint Welitschko seinen Widerstand gegen den Panzer, wenn auch nicht aufgegeben, so doch eingeschränkt zu haben.

Nach einer Mitteilung der „Neuen militärischen Blätter“ 1910 Nr. 50 hat er sich in einer Besprechung über die Bewertung der Panzerkuppeln durch belgische Offiziere dahin ausgesprochen: man könne mit aller Wahrscheinlichkeit damit rechnen, daß in naher Zukunft Panzerkuppeln auch in den russischen Festungen erscheinen würden. Die Festungsverteidigung fast ausschließlich auf gepanzerte Batterien zu gründen (Antwerpen, Lüttich, Namur), halte er auch jetzt noch für falsch — aber für allein liegende Forts und Batterien im Gebirge, für Sperrforts und überhaupt für Befestigungen, die nicht mit einer zahlreichen beweglichen Artillerie ausgestattet werden können, sei die Anwendung von Panzerkuppeln gerechtfertigt, und für solche Fälle habe er sich auch mit den vielen technischen und taktischen Mängeln abfinden müssen, die den Kuppeln stets anhaften würden.

45. Stawizki (Invalide 1910, Nr. 43): In Betreff der uns so warm empfohlenen Anwendung des Panzers muß man offen sagen: bei den heutigen Zerstörungsmitteln hat die Technik kein zuverlässiges Schutzmittel gegen den direkten Treffer.

Alle Kunst, Beton und Metall, widersteht nicht dem direkten Aufprall der modernen Bombe, und nur die Erde — sei es als Aufschüttung oder als Eingrabung — ist praktisch unverwüsthch.

Der Vergleich liegt nahe zwischen der Ritterrüstung der alten Zeit und dem modernen Panzer; damals bekleidete man den Mann mit Eisen, heute das Geschütz mit Stahl. Die alte Rüstung hatte einen Zweck bis zum Erscheinen der Kugel. Jetzt, wo wir die Sprengwirkung der Torpedobombe vor Augen haben, können wir unmöglich darauf rechnen, in den Panzertürmen einen wirklichen — nicht eingebildeten — Schutz zu finden.

Die Sicherheit der Artillerie — natürlich nicht gegen Verluste überhaupt, ohne die es im Kriege eben nicht abgeht, aber gegen Vernichtung — liegt nur in ihrer Beweglichkeit und Maskierung.

Nur in solchen Fällen, wo mit Rücksicht auf die örtlichen Verhältnisse im voraus die Aufstellung von Geschützen mit frontaler Wirkung verlangt wird — nur in solchen wenigen Fällen mag der Panzer Verwendung finden.

46. Tarnowski (Invalide 1910, Nr. 38) äußert sich, unter Bezugnahme auf die von Bunizki aufgestellte Kostenrechnung für eine mit Panzerkuppelbatterien ausgerüstete Festung wie folgt:

Gibt man die teuren Kuppelbatterien auf, so kann man dafür die Geschützzahl verdoppeln und erhält außerdem bewegliche Batterien, gegen welche der Feind schwereren Stand hat als gegen feststehende Kuppelbatterien.

Nimmt man (nach dem Entwurf Bunizkis) eine Festung mit 12 Forts mit Kuppelbatterien an, so darf man rechnen, daß ein ernster Angriff nur gegen 2 Zwischenräume erfolgt; bei dem Kampfe gegen diesen Angriff bleiben dann von den 12 Kuppelbatterien unbedingt 7 gänzlich außer Tätigkeit.

Artilleristische Losung muß daher sein: Heraus aus den Panzerkuppeln in die Gebüsch, in die Geländefalten, in die Wasserrisse!

Tarnowski stellt hierzu folgende Berechnung auf:

Nach Bunizkis Aufstellungen kostet

1 Kuppelbatterie für 4 Geschütze (aber ohne diese)	700 000 Rubel
1 Fernkampfgeschütz mit 1000 Schuß	66 000 „
1 dreizölliges Schnellfeuergeschütz mit 1000 Schuß	18 000 „
Unterhalt eines Artilleristen für 1 Jahr	300 „
Einmalige Ausgabe für Kasernenbau für 1 Mann	300 „

Man darf annehmen, daß infolge der fortgesetzten Fortschritte der Technik die Kuppelbatterien in 10 Jahren veraltet sind.

Der Gesamtpreis für ein Fernkampfgeschütz stellt sich also auf

das Geschütz selbst mit 1000 Schuß 66000 Rubel	} 165000 Rubel
30 Artilleristen auf 10 Jahre . . . . 90000 „	
Kasernenbau für 30 Mann . . . . 9000 „	

Die 12 Kuppelbatterien Bunizkis (ohne Geschütze) kosten zusammen 8400000 Rubel.

Verwenden wir diese Summen anstatt auf die Kuppelbatterien auf die Beschaffung von Geschützen mit Munition und Bedienung, so können wir für 8250000 Rubel haben 50 Fernkampfgeschütze mit allem materiellen und personellen Zubehör; es bleiben dann noch übrig 150000 Rubel, für welche Summe 8 dreizöllige Schnellfeuergeschütze mit je 1000 Schuß zu beschaffen sind.

Anstatt der 48 in Panzerkuppeln gedeckten, aber unbeweglichen Fernkampfgeschütze Bunizkis haben wir also 98 allerdings ungedeckte, aber bewegliche Fernkampfgeschütze und außerdem noch 8 dreizöllige Schnellfeuergeschütze.

47. Laiming (Wajennüj Sbornik 1909, 6. „Zur Festungsfrage“) erklärt sich, im Gegensatz zu Bunizki, sehr scharf gegen die Panzertürme; wir werden den wesentlichen Inhalt seiner Auslassungen aus Bunizkis gegen ihn gerichteter Polemik kennen lernen.

48. Kui (7. Konferenz) steht den Panzertürmen wenn auch nicht schroff ablehnend, aber zweifelnd und mißtrauisch gegenüber:

„Türme sind ein Mittel der Deckungen für die Artillerie, aber nicht das einzige.“

„Für Flankenfeuer werden Panzertürme empfohlen — aber Türme haben kreisförmiges Schußfeld, sie sind „universell“; diese Universalität ist nicht immer vorteilhaft für die erfolgreiche Ausführung ihrer Spezialaufgabe. Für diese Aufgabe (Flankierung der Zwischenräume) sind besondere Bauwerke nötig: Kaponnieren und Halbkaponnieren.“

49. Wir wenden uns nun zu den Anhängern der Panzerdeckungen.

In erster Linie tritt auch hier Swjetschin (Invalide 1909, Nr. 20, 26) dem prinzipiellen Gegner des Panzers Welitschko gegenüber mit scharfer Polemik auf, indem er der großen Mehrzahl der russischen Ingenieure Unbekanntschaft mit dem gegenwärtigen Standpunkt der Panzerfrage vorwirft.

In Deutschland und Österreich-Ungarn finden die kleinen beweglichen Panzertürme für das 52 mm Geschütz weitgehende Anwendung; bei dem großen Festungsmanöver bei Posen 1907 kamen tragbare Schilde vielfach zur Anwendung — bei uns steht man der Verwendung des Panzers einfach ablehnend gegenüber.

Im Jahre 1887 wurden auf dem Schießplatz von Kotrezeni bei Bukarest Versuche mit Panzerkuppeln angestellt.

Der an dem Versuche teilnehmende russische Ingenieur (Welitschko?) erspähte einige schwache Stellen der damals noch in den ersten Anfängen steckenden Panzertechnik, und nach den beiden ersten Kuppelmodellen urteilend verwarf er endgültig deren Anwendung in den Festungen.

„Es sind schlechte Propheten, die, unfähig, das Wesen einer großen Erfindung zu erfassen, Einzelheiten kritisieren und die Anwendbarkeit der Idee leugnen“ (Worte eines hervorragenden deutschen Artilleristen).

Wir beruhigten uns bei der harten Zensur, die unser bekannter Fachmann den Panzerkuppeln ausgestellt hatte, und interessierten uns nicht weiter für die Entwicklung der Anwendung des Panzers in den Festungen.

Die Fortschritte der Technik sind ganz außerordentlich. So ist in Frankreich eine versenkbare Panzerkuppel hergestellt, die mit zwei 6zölligen Geschützen 15000 Pud (ca. 1640 Zentner) wiegt und deren Bewegung durch 5 oder 6 Mann bewirkt wird. Zum Heben der Kuppel, Abgabe des Schusses und Wiederversenken in das Betonmassiv ist nicht mehr Zeit erforderlich als 5 Sekunden.

Die französischen Panzerstände sind im allgemeinen komplizierter als die deutschen, welche vermöge ihrer Einfachheit für die Verhältnisse des Krieges besser geeignet sind.

Ich verstehe es wohl, daß man ein Gegner des Panzers sein kann — aber die in steter Entwicklung begriffene Technik zu verfolgen, darf niemand für überflüssig halten.

Vor 10 bis 20 Jahren wurde gegen den Panzer geltend gemacht: unsere russische Technik sei nicht imstande, Panzerkuppeln herzustellen, und wir müßten unseren eventuellen Bedarf im Auslande bestellen. Jetzt liegt die Sache anders: wir könnten die nötigen Panzerstände in Rußland herstellen. Wir sind sogar verpflichtet, dies zu tun, denn in 10 Jahren ist es unmöglich, in den Festungen ohne Panzer auszukommen, und wir sollten uns jedenfalls schon jetzt an die Arbeit machen, unsere Industrie auf die von ihr zu lösenden Aufgaben und unsere Ingenieure auf verständige Benutzung des Panzers vorzubereiten.

Eine große Rolle spielt hier natürlich die Kostenfrage.

Sparsamkeit ist durchaus nicht gleichbedeutend mit Billigkeit. Das 6zöllige Geschütz z. B. braucht freistehend 14 Mann Bedienung, unter einer Panzerkuppel aber — dank der bequemen Munitionszufuhr — nur 9 Mann. Rechnet man nun 3 Ablösungen, so ergibt

dies für ein Kuppelgeschütz 27 Mann, für ein freistehendes Geschütz 42 Mann. Da nun das Kuppelgeschütz noch einmal so schnell feuert wie das freistehende, so ersetzt ein Kuppelgeschütz zwei freistehende — dies ergibt 27 Mann Bedienung gegen 84 Mann. Im Hinblick auf die größere Sicherheit gegen Beschädigung darf man aber sagen, daß ein Kuppelgeschütz denselben Wert hat wie 3 freistehende; dies ergibt einen Unterschied in der Bedienung von 27 Mann gegen 126 Mann.

Auch die Konstruktion der jetzigen Kuppel ist gegen die ersten Modelle sehr verbessert: der Mechanismus ist außerordentlich vereinfacht. Das 42 Linien (10,7 cm) Geschütz gibt in 1 Minute 10 Schuß ab; die Kraft eines einzigen Mannes gibt dem Turm in 40 Sekunden eine volle Umdrehung; die Änderung des Höhenwinkels um 30° erfordert höchstens 15 Sekunden.

Überall sonst ist die Notwendigkeit anerkannt, wenigstens die Schnellfeuergeschütze der Festung durch Panzer zu decken; nur in Rußland schließt man dagegen die Augen.

Pierron de Mondésivs*) Zukunftsfort, der Traum einer Zukunftstechnik, ist immerhin halb und halb verwirklicht durch die schweizerischen Forts von St. Gotthardt und St. Moritz. Die Mechanik entscheidet allerdings nicht die komplizierten Aufgaben des Kampfes; Kampf und Sieg ist Sache lebender Menschen. Immerhin liegt dieser Traum auf dem Wege der Zukunft, und der Kampf gegen den Panzer in den Festungen wird bald veraltet sein.

Österreich mit seinem dürftigen Kriegsbudget hat es möglich gemacht, Hunderte von Panzerständen in Krakau und Przemysl herzurichten. Nicht um das Geld handelt es sich, sondern um den guten Willen.

Wir gestatten uns den Luxus, die Kontreeskarpe eines Forts für 300 000 Rubel zu betonieren, aber wir finden nicht die Mittel, um die wichtigsten Faktoren der Verteidigung zu sichern!

50. Nilus (6. Konferenz) war schon vor 20 Jahren als Verteidiger der Panzertürme aufgetreten, als diese von Welitschko in seinem Werk „Untersuchungen über die Mittel der Belagerung und Verteidigung von Festungen“ heftig angegriffen wurden.

Den Türmen wurde der Vorwurf gemacht: in ihnen könne man nicht atmen, aus ihnen nicht schießen.

Diesem Vorwurf gegenüber wies Nilus auf die Flotte hin, wo die Türme längst Anwendung gefunden haben.

Selbst wenn ein 24 cm Turmgeschütz in der Minute 4 Schuß abgab, wobei im Turm starke Gasentwicklung stattfand, konnte die

---

*) „Fortification cuirassée.“ — Paris 1900.

Bedienung bei Beobachtung gewisser Vorsichtsmaßregeln ganz gut ihre Funktionen ausüben.

Vergleicht man die Turmgeschütze mit freistehenden Geschützen, so ist einerseits behauptet worden, ein Turmgeschütz wiege 4 bis 6 freistehende Geschütze auf, während andererseits behauptet wurde, ein Turmgeschütz sei kaum so viel wert wie 2 freistehende Geschütze.

Um diese Frage zu entscheiden, schlug Nilus gewissermaßen ein unter gleichen Bedingungen vor sich gehendes Duell vor zwischen einem freistehenden und einem Turmgeschütz.

Als freistehendes Geschütz wurde der 11 zöllige Mörser (28 cm, Geschöß $2\frac{1}{2}$ Kaliberlänge, Sprengladung $4\frac{1}{2}$ Pud = 74 kg Pyroxilin) gewählt, da nach den in Chalons gemachten Erfahrungen nur der Treffer eines derartigen Geschosses einen Turm kampfunfähig zu machen imstande war.

Als Turmgeschütz wurde eine 6zöllige (15 cm) Haubitze genommen. Das vom Turm gebotene Ziel bildet ein Rechteck von 4 m Länge und 2 m Breite. Um auf dieses Ziel aus einem 11-zölligen Mörser auf 3 km Entfernung einen Treffer zu erzielen, waren 200 Schuß notwendig, also die Wahrscheinlichkeit des Treffens oder der Außergefechtsetzung des Turmes betrug $\frac{1}{2}$ Prozent.

Ein in einer Belagerungsbatterie frei aufgestellter 11zölliger Mörser bildet ein Ziel von 16 qm. Gegen dieses Ziel ist die Treffwahrscheinlichkeit der im Turm stehenden 6zölligen Haubitze auf 3 km Entfernung eine solche von 12 Prozent, die Wahrscheinlichkeit der Außergefechtsetzung des freistehenden Mörsers also 24mal größer als die der im Turm stehenden Haubitze.

Dabei kosten 200 Schuß des 11zölligen Mörsers 100 000 Rubel, 50 Schuß der 6zölligen Haubitze 3000 Rubel.

Die Abgabe von 200 Schuß aus dem 11zölligen Mörser erfordert 16 Stunden; die Abgabe von 50 Schuß aus der 6zölligen Haubitze 16 Minuten. Die Auffassung ist also wohl gerechtfertigt, daß ein Turmgeschütz denselben Leistungswert hat wie 4 bis 6 freistehende Geschütze.

51. Als Ergänzung zu dem vorstehend angeführten Vergleichsschießen möge die folgende Angabe Nikitins (7. Konferenz) dienen:

Gegen einen Panzerturm von 3 m Durchmesser, der von einem 5 m dicken Betonmassiv und einer 8 m breiten Erdumwallung umgeben war, wurden beim Schießen mit 11zölligen Bomben (Entfernung nicht angegeben) erzielt:

26 Prozent Treffer des Erdwalles, 6 Prozent Treffer des Betonmassivs, $\frac{1}{3}$ Prozent Treffer des Turmes.

52. Bunizki — den wir bereits früher als Vertreter des nationalen Russentums im Gegensatz zu dem fortschrittlichen Westen kennen gelernt haben, tritt hier — wenn auch nicht uneingeschränkt — für den (vom Westen bereits längst angenommenen, von der Mehrzahl der russischen Ingenieure aber abgelehnten) Panzer ein, und zwar speziell für die Deckung der zum Fernkampf bestimmten Geschütze durch Panzerkuppeln.

Die von Bunizki hierbei aufgestellte (meiner Ansicht nach allerdings nicht einwandfreie) Rechnung ist interessant genug, um hier wiedergegeben zu werden.

Ein unter Panzerkuppel stehendes Geschütz bietet ein Ziel von 3,14 Quadratsaschen (14 qm), ein freistehendes Geschütz ein solches von 50 Quadratsaschen (225 qm); also ist die Wahrscheinlichkeit, daß das freistehende Geschütz getroffen wird, 15 mal größer als die Wahrscheinlichkeit, daß das Kuppelgeschütz getroffen, also kampfunfähig gemacht wird.

Bunizki nimmt nun an: 15 freistehende Geschütze kämpfen gegen ein Kuppelgeschütz: dann wird jeden Tag ein freistehendes Geschütz kampfunfähig, während das Kuppelgeschütz von diesem Schicksal erst am 15. Tage betroffen wird. (Hier liegt meines Erachtens ein schwacher Punkt der Rechnung: das Kuppelgeschütz wird im Laufe von 15 Tagen aller Wahrscheinlichkeit nach einmal getroffen, also kampfunfähig gemacht — dieser Fall kann aber am 1. Tage so gut eintreten wie am 15.)

Bunizki nimmt nun an: sowohl das Kuppelgeschütz wie jedes freistehende Geschütz gibt täglich 50 Schuß ab (eine beliebige andere Annahme, wenn nur für beide Seiten gleich, ändert nichts an der Proportionalität der Rechnung) — das wäre für das Kuppelgeschütz $50 \times 15 = 750$, für die eines nach dem andern ausscheidenden freistehenden Geschütze (Summe einer abnehmenden arithmetischen Reihe) 6000 Schuß.

Nun stellt Bunizki in Rechnung die (doch ziemlich zweifelhafte) Annahme; die Treffsicherheit des Kuppelgeschützes sei dreimal so groß als diejenige des freistehenden Geschützes; unter dieser Voraussetzung würden die 750 Schuß des Kuppelgeschützes denselben Treffeffect haben wie 2250 Schuß der 15 freistehenden Geschütze, und aus der Proportion $x:1 = 6000:2250$ ergibt sich dann $x = 2,66$ — d. h. 2,66 Kuppelgeschütze leisten dasselbe wie 15 freistehende Geschütze oder mit anderen Worten: das Kuppelgeschütz leistet 6 mal mehr als das freistehende Geschütz. Wie gesagt, diese Rechnung hat mehrere schwache Stellen — was aber daran nichts ändert, daß ein Kuppelgeschütz einem freistehenden Geschütz im Festungs-

fernkampf allerdings weit überlegen ist, wenn auch nicht gerade in dem Verhältnis wie 6:1.

53. Wir wenden uns nunmehr zu Bunizkis Polemik gegen die Angriffe Laimings, da aus dieser Polemik die prinzipielle Verschiedenheit der Anschauungen dieser beiden Fachmänner über den Wert der Panzerkuppeln klar hervorgeht.

Bunizki hat also das Wort.

Weshalb fangen unsere Ingenieure, die sich bisher den Panzerkuppeln gegenüber ablehnend verhielten, jetzt mehr und mehr an, sich zugunsten dieses Deckungsmittels für Fernkampfgeschütze auszusprechen?

Laiming hat nicht recht, wenn er behauptet, daß wir in diesem Falle uns nur durch das Beispiel unserer Nachbarn hätten hinreißen lassen, und daß wir uns jetzt vom dem lossagten, was bisher als Vorzug der russischen Befestigungsschule gegolten habe.

Die Sache liegt so, daß in letzterer Zeit, hauptsächlich unter dem Eindruck der Erfahrungen von Port Arthur, die Anschauungen sich wesentlich geändert haben sowohl über die Notwendigkeit der Panzerkuppeln als Schutz gegen das Feuer der modernen Belagerungsartillerie, als auch darüber, wo diese Kuppeln aufzustellen sind.

Port Arthur zeigte die Unmöglichkeit für von oben ungedeckte Festungsgeschütze, das Feuer der Belagerungsartillerie zu beantworten, sobald dieses Feuer kräftig und gut geleitet war. In solchem Falle schwiegen unsere Geschütze und nahmen das Feuer erst wieder auf nach Unterbrechung des feindlichen Feuers; sie feuerten also gewissermaßen nur mit Erlaubnis des Gegners.

Gegen diesen Übelstand gibt es nur ein Mittel: den Schutz der Panzerkuppel für diejenigen Geschütze, die besonders gefährdet sind, d. h. die früher als die andern in Position gebracht werden und die wegen ihrer Schwere an den Ort gebunden, d. h. wenig beweglich sind — für die Fernkampfgeschütze des Fortsgürtels.

Solange diese Geschütze in den Forts selbst Aufstellung fanden, verhielten sich unsere Ingenieure mit Recht ablehnend gegen die Anwendung der Panzerkuppeln.

Unsere Ingenieure, wenigstens sehr viele von ihnen, verneinen auch jetzt noch die Notwendigkeit der Aufstellung von Panzerkuppeln in den Forts — mit Ausnahme der Gebirgsforts.

In dieser Hinsicht haben sich meine Ansichten durchaus nicht geändert, und ich stehe auf einem andern Standpunkt wie Laiming, der Kuppeln in den Forts zuläßt, deren äußere Stellung sehr gut zu sehen ist, wobei er vergißt, daß bei einer im voraus herzustel-

lenden Festungsstellung die nicht durch die Lage maskierten Teile immer noch künstlich maskiert werden können, z. B. durch Anpflanzungen und dergleichen.

Ich verwerfe die Panzerkuppel in den Forts deshalb, weil ich keine absolute Sicherheit sehe, selbst hinter so vervollkommenen Deckungen, sobald diese Deckung dem Feinde sichtbar ist oder sich doch innerhalb eines so weithin sichtbaren Werkes befindet, wie ein Fort nun einmal ist.

Durchaus verändert sich das Bild und meine Anschauung über die Panzerkuppeln für die Fernkampfgeschütze jetzt, wo diese in den Zwischenräumen zwischen den Forts aufgestellt werden, hinter der Fortslinie; wo diese Kuppeln einzeln und maskiert auftreten, und wo der Feind sie nicht nur nicht sieht, sondern sogar keine guten künstlichen Zielpunkte haben wird.

Die Verbindung des Panzers mit der Maskierung und mit der lockeren (vereinzelten) Aufstellung kleiner Ziele ist bis jetzt noch auf keinem Artillerieschießplatz zum Ausdruck gekommen und wird auch nicht zum Ausdruck kommen, aus dem einfachen Grunde, weil das Schießen auf dem Schießplatz in erster Linie die Aufgabe hat, entsprechende Treffer zu erzielen, die bei einer derartigen Anordnung nicht zu verwerten sind.

54. Grigorjew (Invalide 1910 Nr. 43. „Der Panzer in der Landbefestigung“) bespricht eingehend die Verwendung der verschiedenen Arten von Panzerdeckungen in den verschiedenen Werken eines modernen Festungssystems. Ich verweise hierbei auf die in Nr. 13 gegebene Darstellung des von Grigorjew vorgeschlagenen Festungsentwurfes mit dem Bemerkten, daß die in nachfolgenden Auslassungen erwähnten Spezialbatterien der Forts in jenem Entwurfe nicht vorkommen.

Über die Verwendung der verschiedenen Panzerdeckungen hat nun Grigorjew folgende Ansichten:

1. In jeder vorgeschobenen Stellung je ein Panzerturm von großer Widerstandskraft für 2 Schnellfeuergeschütze oder Feldhaubitzen (je nach dem Charakter des zu bestreichenden Geländes). In den wichtigeren Vor-Stellungen zwei solcher Türme. Um die Türme herum entwickelt sich dann die Stellung selbst mit Deckungen, Verschanzungen, Hindernissen (kleines Fort oder Feste).

2. Für jede Sicherungs- (Vorposten-) Stellung ein Turm.

3. Für jeden größeren Stützpunkt zwei oder drei Türme.

4. Für die aus schweren Kalibern bestehende ständige Armierung der zu jedem Fort gehörigen Spezialbatterien keine Türme, sondern Panzerbatterien, weil dieselben stets ein beschränktes Schuß-

feld haben. Diese Batterien sind nötig für den anfänglichen Fernkampf mit dem schnell erscheinenden Gegner, während die Hauptlinie der Festungsverteidigung noch nicht armiert ist. Wie viele solcher Batterien man bei jedem Fort haben muß, hängt von den Umständen und den lokalen Verhältnissen ab. Natürlich müssen diese Batterien maskiert und mit künstlichen Hindernissen umgeben sein, und für die zur Verteidigung bestimmte Besatzung müssen rückwärts oder seitwärts gedeckte Unterkünfte angelegt sein.

5. Zur Längsbestreichung der künstlichen Hindernisse von den Fortsstellungen in den einspringenden Winkeln Geschütze oder Maschinengewehre mit besonderen Panzerdeckungen.

6. In den Zwischenräumen zwischen den Stützpunkten, wo sich die Batteriegruppen der Festungsstellungen entwickeln, sind im allgemeinen Panzertürme nicht notwendig; zur Deckung der Bedienung und der Mechanismen sind aber Halbkuppeln gegen Schrapnells notwendig, und zwar nur bei Batterien mit direktem Schuß. Für Batterien, die Deckung im Gelände haben, sind nur Traversen mit guten Deckungen für die Bedienung notwendig.

In den im voraus vorbereiteten Festungsstellungen der Hauptlinie, wo man nicht mit Änderungen in der Aufstellung der Batterien zu rechnen hat, sind betonnierte Räume notwendig für die ausruhende Ablösung der Bedienung, für die Infanteriebesatzung und für die Munitionsmagazine.

7. Die Kernumwallung wird erst im Bedarfsfalle mit den dafür bestimmten Geschützen armiert, die bis dahin in Blindagen der Traversen untergebracht sind, aber für einige dieser Geschütze müssen für den Fall eines plötzlichen Durchbruches in der ersten Periode des Kampfes gegen jeden Zwischenraum zwischen zwei Stützpunkten je 2 Panzerbatterien zu je 4 Geschützen vorhanden sein.

8. Für die artilleristischen Beobachter in den vorderen Stellungen und in den Stützpunkten sind besondere Panzerdeckungen notwendig. In den dem Feuer ausgesetzten Strecken müssen die Telefonlinien unterirdisch geführt werden; auch die unbeweglichen Scheinwerfer bedürfen des Panzerschutzes.

9. Für die Ausführung von im Laufe der Belagerung notwendig werdenden Arbeiten im feindlichen Feuer und für die Ausführung von Nahausfällen sind bewegliche Schilde (Modell des Oberst Swiazki) notwendig, unter deren Schutz (gegen Gewehr- und Schrapnellfeuer) die betreffende Abteilung bis zu der angewiesenen Stelle sich bewegen kann, um von dort entweder zum Angriff vorzubrechen oder um dort sich eine neue Stellung zu schaffen unter Benutzung der Schilde als Blindagen oder Traversen.

55. Golenkin (Invalide 1910, Nr. 78) gibt in einem in der Ingenieurakademie gehaltenen Vortrag über „Moderne Bedeutung und Erbauung von Panzerständen in Landfestungen“ eine allgemeine Orientierung über die Panzerfrage.

Die Verteidigung ist von vornherein dem Angriff gegenüber sehr im Nachteil. Gründe:

Engigkeit der Stellung — Umfang — Unmöglichkeit, Rücken- und Flankenfeuer zu benutzen — Schwierigkeit, die Geschütze von einem Ort zum anderen zu schaffen.

Alles dieses zwingt die Verteidigung dazu, nach Unterstützungen für ihre aktiven Kräfte zu suchen durch passive Mittel, welche die Geschütze nach allen Seiten decken: dies sind Panzerkasematten und Panzertürme.

Von den drehbaren Türmen existieren 5 Typen:

1. Panzerturm — in dem sich die Trommel gleichzeitig mit der Kuppel dreht.
2. Panzerlafette — die mit der Lafette verbundene Kuppel dreht sich nur um die Zentralachse.
3. Panzerkuppel — die Kuppel allein dreht sich (Österreich).
4. Kuppelturm für Mörser (Deutschland).
5. Turm gemischten Typs — Panzerkuppel mit Zentralachse (Belgien).

Die Schießplatzversuche haben folgende Prinzipien festgestellt, denen die drehbaren Türme entsprechen müssen:

1. Das Geschütz muß ganz gedeckt sein, sowohl während des Feuerns wie während der Ruhe;
2. der Geschützstand muß unabhängig sein von der Kuppel;
3. der Rückstoß muß minimal sein;
4. die Bewegung des Geschützes in horizontaler wie in vertikaler Richtung muß unabhängig von der Kuppel sein;
5. Überhöhung der Deckung durch die Kuppel muß minimal sein;
6. die Kuppel muß unbedingt(?) widerstandsfähig sein;
7. der Mechanismus muß einfach und dauerhaft sein.

Golenkin geht dann zur Beantwortung der Frage über, für welche Geschütze Panzerschutz wünschenswert ist?

Hauptaufgabe der langen Kanonen ist der Kampf auf weite Entfernungen (12—15 km) mit unsichtbaren Zielen.

Hier ist offener maskierter Geschützstand am Platze; er ist auch für den Nahkampf gut, wenn die langen Kanonen in neue Stellungen zurückgezogen werden.

Panzerschutz für lange Kanonen ist also nicht notwendig.

Die Zahl dieser Geschütze ist übrigens gering. Panzertürme für lange Kanonen sind sehr teuer.

Kurze Kanonen und Haubitzen müssen längere Zeit an derselben Stelle wirken. Gedeckte Stellungen für sie zu finden wird meist schwer sein, für sie ist daher Panzerschutz notwendig. Mörser finden überall Deckung im Gelände, daher für sie kein Panzerschutz nötig.

Golenkin bespricht nunmehr die Vorteile und Nachteile der Panzertürme.

Die Gegner der Türme führen folgende Gründe an:

Ein Treffer auf das Geschützrohr oder in die Schießscharte machen den Turm auf lange Zeit kampfunfähig;
wiederholte Erschütterungen der Kuppel stören den Mechanismus;
die Gase der Torpedobomben werden in das Innere des Turmes eindringen und auf die Bedienung tödlich wirken;
die Geschosse werden den Panzergürtel durchschlagen.

Alle diese Vorwürfe sind beseitigt durch die Konstruktion der modernen Türme. (?)

Weitere Vorwürfe:

Die Türme sind an den Platz gebunden;

sie sind teuer;

sie erschweren die Feuerleitung und Beobachtung;

die Bedienung ist in den Türmen zusammengedrängt;

die Türme sind nicht durch Erfahrung erprobt.

Mit Ausnahme der mangelnden praktischen Erfahrung (NB. die muß doch sonst aktiv wie passiv bei genügender Geldaufwendung sich schaffen lassen!) glaubt Golenkin alle diese Vorwürfe widerlegen zu können.

Teuer sind die Türme nicht, denn durch Anwendung der Türme wird die Zahl der erforderlichen Geschütze verringert: 2 Turmgeschütze sind gleichwertig gleich 6 freistehenden Geschützen. — Zwei Panzertürme zu je einem Geschütz mit 2 Ersatzgeschützen kosten 426 700 Rubel; eine Batterie von 6 freistehenden Geschützen kostet 447 500 Rubel.

Die Gegner des Panzers sagen ferner: dem Beton kann man trauen, dem Panzer nicht.

Hierbei haben sie insofern nicht unrecht, als in Rußland mit dem Beton vielfache Versuche angestellt sind, die dieses Material als durchaus zuverlässig erwiesen haben.

Es wäre nun logisch, auch mit dem Panzer solche Versuche anzustellen; diese Versuche würden vielleicht auch die bisherigen fanatischen Gegner des Panzers bekehren.

Golenkin gibt dann einen Überblick der Schießplatzversuche gegen den Panzer in den verschiedenen Staaten; auf Grund dieser

Versuche schritten fast alle europäischen Staaten zur Verstärkung ihrer Festungen durch Panzerstände.

Von allen jetzt vorhandenen Turmkonstruktionen empfiehlt Golenkin übrigens keine zur Anwendung in den russischen Festungen, da alle bei großen Vorzügen ihre Mängel haben.

Golenkin schlägt vor:

Bei verschiedenen Fabriken Probetürme zu bestellen, diese auf dem Schießplatz zu erproben; von jedem Projekt das Beste nehmen, hieraus einen Typ konstruieren; diesen Typ — unter staatlicher sachverständiger Aufsicht — zunächst bei ausländischen Fabriken herstellen lassen; nach diesem Typ dann die Türme in eigenen Fabriken bauen lassen.

Über die taktische Verwendung der Türme äußert sich Golenkin folgendermaßen:

In den Festungsforts sind Türme für schwere Geschütze nicht notwendig, sondern nur für Sturmgeschütze zur Flankierung der Gräben und der Zwischenräume und zur Bestreichung des Glacis.

Zur Flankierung der Gräben und Zwischenräume werden die Türme allerdings nur in Ausnahmefällen zur Anwendung kommen, in denen die Anlage von Kaponieren nicht angängig. Zur Bestreichung des Glacis muß jedes Fort 2 bis 3 Türme haben für Kaliber nicht unter 75 mm; die besten Plätze für diese Türme sind auf dem äußern Brustwehrkamm.

Türme für schwere Geschütze finden ausgedehnte Anwendung in den Zwischenräumen und in den vorgeschobenen Forts (Gegensatz gegen Forts des eigentlichen Fortsgürtels).

Golenkin schließt seinen Vortrag mit folgendem Appell an die russischen Ingenieure und Artilleristen:

„In der Ingenieurkunst des Westens hat das Metall sich eine feste Stellung erobert. Ich zweifle nicht, daß auch unsere Ingenieure und Artilleristen sich mit dem neuen Sicherungsmittel ebenso schnell und ebenso vollkommen vertraut machen werden wie mit den übrigen Materialien des Festungsbaues. Arbeit wird dies kosten — aber die Arbeit kommt unserem Vaterlande zu gute!“

8. Artilleristisches.

56. Die vorhergehenden Abschnitte haben — im Zusammenhang mit den speziellen fortifikatorischen Fragen — hier und da natürlich verschiedene artilleristische Fragen berühren müssen; dieser Abschnitt soll gewissermaßen eine Nachlese auf artilleristischem Gebiet halten, d. h. verschiedene interessante Auslassungen artilleristischer

Fachmänner zusammenfassen, die der vorliegende lebhafteste Meinungsaustausch zutage gefördert, die in der bisherigen Gruppierung aber keine ihrer Bedeutung entsprechende Stelle gefunden haben.

Es handelt sich hier besonders um zwei Punkte: um die im Festungskriege zur Verwendung kommenden Geschützarten und um die große Bedeutung sachgemäßer Maskierung als vorzügliches Schutzmittel gegen den artilleristischen Angriff.

Nikitin spricht in der 7. Konferenz über die im modernen Festungskriege zur Verwendung kommenden russischen Geschützarten.

Die Festungsartillerie braucht zwei Geschütztypen:

Die lange Kanone von 6 Zoll (15,24 cm) und von 42 Linien (10,66 cm), die Haubitze von 6 Zoll (15,24 cm) und von 8 Zoll (20,32 cm). Die 6 zöllige Kanone, bei einer Tragweite von 12 km, ist bestimmt zur Fernbeschießung des Geländes, um die Aufstellung der feindlichen Parks zu erschweren, um die in der Einschließungslinie liegenden Dörfer, die Anmarschwege der Kolonnen und die Bewegungen der Transporte unter Feuer zu nehmen.

Zur Unterstützung der 6 zölligen Kanone bei dem Beschießen von Truppen dient die 42 Linienkanone bei einer Tragweite von 10 km, die auch im Artilleriekampf verwendet wird.

Beide Geschütze können mit Erfolg auf den Flanken der angegriffenen Front verwendet werden: dabei wird ihre Tragweite ausgenutzt und der Umstand, daß die Beschießung der gegen Ziel-schüsse (direkte Schüsse) gedeckten Belagerungsartillerie aus langen Kanonen auf weite Entfernungen vorteilhaft ist.

Auf jedem Fortabschnitt genügen zwei bis vier solcher Kanonen.

Die 6 zöllige Haubitze ist die Hauptwaffe des Artilleriekampfes. Sie ist vorteilhafter als die Kanone wegen der Steilheit ihrer Flugbahn, wegen der Sprengwirkung und wegen der Treffsicherheit.

Als Hilfe für dieses Geschütz dient die 8 zöllige Haubitze zur Zerstörung von Brustwehren und Traversen.

Dann über Turmgeschütze:

Wenn nur wenige Türme vorhanden, etwa 2 auf den Zwischenraum, dann ist es vorteilhafter, in ihnen 6 zöllige Kanonen aufzustellen, aus folgenden Gründen:

1) Kanonen lassen sich schwerer als Haubitzen gedeckt hinter Geländefalten aufstellen im Hinblick auf die gestreckte Flugbahn beim Schießen mit voller Ladung auf mittlere Entfernungen. Wenn man aber zur Erreichung einer mehr gekrümmten Flugbahn schwächere Ladung nimmt, wird die Schrapnellwirkung vermindert.

2) Die Kanonen sind doppelt so schwer als die Haubitzen, ihre Bewegung ist daher sehr viel schwerer, es ist also wünschenswert, sie rechtzeitig aufgestellt zu haben.

3) Der Turm gibt ein kreisförmiges Schußfeld, das für lange Kanonen vorteilhafter auszunutzen ist.

57. Demnächst bespricht Tarnowski (Invalide 1910, Nr. 35) speziell die Armierung der zur Bestreichung der Zwischenräume des Fortsgürtels bestimmten Werke:

Da die Forts sich gegenseitig durch Infanteriefener unterstützen sollen, so dürfen sie voneinander nicht weiter entfernt sein als 4 km. Für Feldgeschütze, als welche bei uns gelten die 3zöllige (7,5) Kanone, das 3zöllige Gebirgsgeschütz, die 48 mm Haubitze Putilow und die 12 cm Krupp-Haubitze — ist die größte Entfernung 6 km, für Gebirgsgeschütz 4 km; die Entfernung des wirksamen Schrapnellfeuers 4—2 km; die des kräftigen Schrapnellfeuers 2—0 km; für Gebirgsgeschütze etwas weniger.

Die Kaponniere (über die Lage derselben sind Tarnowskis Ansichten unter Nr. 24 zum Ausdruck gekommen) ist also zu armieren mit modernen schnellfeuernden Geschützen; nur wenn diese fehlen, mit Modell 1895 (Kolbenverschluß) oder Modell 1877 (Keilverschluß). Stärkere Geschütze sind nicht notwendig.

Ob Kanone, Haubitze oder Gebirgsgeschütz, das hängt ab vom Relief der Örtlichkeit zwischen den Forts.

In sanftem Relief: Kanonen; in durchschnittlichem: Gebirgsgeschütze.

Weniger entsprechen dieser Bestimmung Haubitzen, da für das Schießen auf lebende Ziele die Sprengwirkung weniger von Bedeutung ist.

Hauptsache: Schnelligkeit des Feuers; alles zu vermeiden, wodurch diese beeinträchtigt werden könnte.

Braucht man mit Rücksicht auf das Relief des Geländes unbedingt Schußweiten, die man mit dem Gebirgsgeschütz nicht erzielen kann, dann sind Haubitzen aufzustellen. In diesem Falle muß durch rechtzeitiges Probeschießen in dem betreffenden Gelände die nötige Ladung festgestellt werden, damit der erscheinende Gegner ohne vorheriges Einschießen sofort mit Geschossen überschüttet werden kann.

Die Kaponniere wird also zu armieren sein mit je 2 schnellfeuernden Feldgeschützen für jeden zu flankierenden Zwischenraum; also die auf beiden Seiten wirkende Kaponniere mit 4, die Halbkaponniere mit 2 Geschützen.

58. Wir kommen nun — fährt Tarnowski fort — zu der vom artilleristischen Standpunkt so wichtigen Frage über den Einfluß der Masken auf die Verwundbarkeit der maskierten Ziele.

Nur dann kann ein Ziel mit Erfolg beschossen werden, wenn man die Möglichkeit hat, das Aufschlagen der Geschosse in bezug auf das Ziel zu beurteilen, wobei die vertikalen Abmessungen des Zieles eine weit wichtigere Rolle spielen als die horizontalen.

Ob die Geschosse vor oder hinter dem Ziel einschlagen oder ob sie in der Luft krepieren — bei Beobachtung von der Seite aus, ob rechts oder links vom Ziel — das sind die Fragen, welche den seine Schüsse kontrollierenden Artilleristen bewegen. Alles was ihm hilft, sich über den Treffpunkt seiner Geschosse klar zu werden, beschleunigt die Zerstörung des Zieles.

Aus diesem Grunde darf die nähere Umgebung eines Zieles sich möglichst wenig von der weiteren Umgebung unterscheiden.

Ein Werk, das sich nicht verrät durch scharfe Umrisse, vertikale Abmessungen und den Rauch der Schüsse und das gut maskiert ist, zwingt den Gegner zum Verbrauch eines unverhältnismäßig größeren Munitionsquantums. als ein Werk, das auch nur den geringsten Anhalt bietet, die Treffpunkte der Geschosse zu beurteilen.

So genau auf der Karte auch die Lage eines Werkes angegeben sein mag — ohne Einschießen geht es nicht. Wetter, Tageszeit, Beschaffenheit des Pulvers und der Geschosse, eine nötig gewesene Reparatur am Geschütz — alles dies zusammen kann die Resultate des Schießens ungünstig beeinflussen.

Ein der Örtlichkeit gut angepaßtes Fort auf beherrschender Höhe kann für die Zwischenraumkaponniere als Beobachtungspunkt nur in einer Pause des allgemeinen Geschützkampfes benutzt werden. Jeder auch noch so wenig die Örtlichkeit überragende — wenn auch gepanzerte oder kasemattierte — Beobachtungsstand gefährdet das Fort durch Erleichterung des Einschießens; die Zwischenraumkaponniere kann und muß daher für sich selbst einen Beobachtungsstand außerhalb des Forts einrichten.

59. In demselben Sinne wie Tarnowski — wenn auch nicht so eingehend — „daß Beweglichkeit und gute Maskierung der beste Schutz der Artillerie gegen das feindliche Feuer sei“ — sprechen sich auch aus Stawizki (Invalide 1910, Nr. 43), Gurko (4. Konferenz) und Nilus (6. Konferenz).

60. Swiazki (6. Konferenz) empfiehlt im Kampfe gegen die modernen Schildgeschütze als aktives Mittel die kleinkalibrige Granate, als passives Mittel (Bewegungshindernis) spanische Reiter und Eisengitter.

61. Schließlich wirft Stawizki (Invalide 1910, Nr. 43) vom Standpunkt des Ingenieurs eine Frage auf, deren Beantwortung er von den Artilleristen erwartet:

„Wünschenswert ist es für uns, die Stimme der Artilleristen zu hören, auf wieviel Treffer (NB. wohl in Prozenten der gegen das Werk abgegebenen Schüsse) auf denselben Punkt die Deckung eines fortifikatorischen Werkes zu rechnen hat. Die jetzt den Ingenieuren gestellte Forderung, daß jedes Werk ständiger Bauart mehrere auf ein und denselben Punkt fallende Treffer aushalten müsse, ist einfach unerfüllbar.

Ich meine, es ist vollkommen genügend, eine Deckung zu haben, die gegen einen Treffer einer 11zölligen Bombe — zurzeit das gefährlichste Geschöß — standhält; im Kriege ist es dann viel einfacher, Maßregeln zu treffen, z. B. zur Verstärkung eines von einem Schusse getroffenen Gewölbes, als aus Besorgnis vor zwei oder drei kurz hintereinander auf einen Punkt fallenden Treffern alle Werke bis zu unsinnigen Abmessungen zu verstärken.

Diese Frage scheint vielleicht minder wichtig, aber es handelt sich darum, daß von der Entscheidung dieser Frage in dem einen oder in dem anderen Sinne der Kostenpunkt eines zu erbauenden Werkes stark beeinflusst wird und ganz besonders die (unerwünschte!) Höhe des Profils.“

Schlußwort.

Die gewaltige Umwälzung, in der sich unser mächtiger östlicher Nachbar fast auf allen staatlichen und sozialen Gebieten zurzeit befindet, bietet nicht nur in historisch-kulturellem Sinne dem Beobachter ein Gesamtbild von hohem Interesse, sondern verlangt auch auf jedem einzelnen Gebiet ein eingehendes praktisches Studium, um die — wahrscheinlichen oder möglichen Wirkungen dieser Umwälzung auf die Gesamtstellung Rußlands als Weltmacht und auf seine Beziehungen zu den verschiedenen politischen Kombinationen der Weltlage richtig bewerten zu können. Zu diesem Studium auf militärischem Gebiet, im besonderen auf dem Gebiet der fortifikatorischen Landesverteidigung einen bescheidenen Beitrag zu liefern, ist der Ehrgeiz dieser Studie, die sich ihrer Einseitigkeit und Unvollständigkeit voll bewußt ist.

Ihrem ganzen Charakter nach zunächst nichts anderes als ein Momentbild der Anschauungen, die zurzeit über die hierher gehörigen Fragen in den kompetenten Kreisen russischer Fachmänner herrschen, gewährt diese Studie doch auch einen Ausblick in die Zukunft.

In dem umfassenden, durchweg mit großer Sachlichkeit und ernster Überzeugungstreue, stellenweise mit scharfer Polemik geführten Meinungsaustausch der letzten Jahre, dessen Äußerungen dieser Studie zu Grunde liegen, sind wohl alle kompetenten Stimmen — bis herunter zu verhältnismäßig jungen Offizieren — zum Ausdruck gekommen, die in den Fragen der fortifikatorischen Landesverteidigung zurzeit eine Rolle spielen und eine solche für die Zukunft zu spielen berufen sein könnten.

Die meisten der in der Studie vorgekommenen Namen dürften gegebenenfalls die Bedeutung eines kaum mißverständlichen Programms heben.

Verzeichnis

der an dem Meinungsaustausch beteiligten Offiziere mit Angabe der Charge und Dienststellung.

Bunizki, Generalmajor im Ingenieur-Korps, Professor an der Ingenieur-Akademie.

Gobjäto, Oberst der Artillerie.

Golemkin, Oberst im Ingenieur-Korps, Professor an der Ingenieur-Akademie.

Grigorjew, Generalleutnant, Kommandant von Kowno.

Gurko, Generalmajor im Generalstabe.

Jeltschaninow, Oberst im Generalstabe.

Kochanow, Kapitän im Ingenieur-Korps, Repetitor an der Ingenieur-Akademie.

Keljtschewski, Oberst im Generalstabe.

Klokatschew, Generalmajor im Ingenieur-Korps, Professor an der Ingenieur-Akademie.

Kui, Generalmajor im Ingenieur-Korps.

v. Laiming, Generalleutnant, Kommandant von Sweabarg.

Masslow. (?)

Nikitin, Oberst der Artillerie; Professor an der Ingenieur- und an der Artillerie-Akademie.

Nilus, Generalmajor der Artillerie.

Nowizki, Oberst des Generalstabes.

Sannikow, Oberst im Ingenieur-Korps.

v. Schwarz, Kapitän im Ingenieur-Korps.

Stawizki, Oberstleutnant im Ingenieur-Korps.

Swiazki, Oberst im Generalstabe.

Swjetschin, Oberstleutnant im Generalstabe.

Tarnowski, Oberst (?) der Artillerie.

Welitschko, Generalleutnant im Ingenieur-Korps; während des japanischen Krieges Chef des Ingenieurwesens der Operationsarmee; jetzt erster Gehilfe in der Haupt-Ingenieur-Verwaltung.

A.-G. a. (?)

D. K. (?)

Übersicht

über die in betreff der Festungsfragen im Jahre 1910 abgehaltenen Konferenzen.

1. Konferenz 23. 1./5. 2. Invalide Nr. 20.
2. Konferenz 9. 2./22. 2. Invalide Nr. 33.
3. Konferenz 16. 2./1. 3. Invalide Nr. 39.
4. Konferenz 23. 2./8. 3. Invalide Nr. 45.
5. Konferenz 2./15. 3. Invalide Nr. 49.
6. Konferenz 9./22. 3. Invalide Nr. 55.
7. Konferenz 23. 3./5. 4. Invalide Nr. 67.

Verlag von Zuckschwerdt & Co. in Berlin.

Einteilung und Dislokation der russischen Armee und Flotte

nebst Übersichten über die Kriegsformationen und Kriegsetats und einer Eisenbahnskizze.

Nach russischen Quellen bearbeitet

von

von Carlowitz - Maxen,

Major z. D.

27. Ausgabe. Oktober 1910.

Preis 2 Mark.

Nummer 48 des Deutschen Offizierblatts vom 1. Dezember 1910 sagt über die Ausgabe folgendes:

„Einer besonderen Empfehlung bedarf das Buch nicht mehr. Die jetzige 27. Ausgabe ist dadurch besonders interessant, da sie die umfangreichen Veränderungen des letzten Jahres, die Bildung einer größeren Anzahl von Korps und Divisionen, Einführung einer schweren Artillerie, Auflösung aller Reserve- und Festungsinfanterietruppen berücksichtigt hat.“

Von demselben Verfasser erschien:

Einteilung und Dislokation der französischen Armee und Flotte

nebst Übersichten über die Kriegsformationen.

6. Ausgabe. Oktober 1910.

Preis 1 Mark 80 Pfennige.

Urteile über beide Ausgaben:

Militär - Literatur - Zeitung (Liter. Beiblatt zum Militär-Wochenblatt) Nr. 12, Dezember 1910:

„Die beiden Veröffentlichungen haben sich durch ihre Zuverlässigkeit längstens als ein wichtiges Hilfsmittel eingebürgert.“

Norddeutsche Allgem. Zeitung 1910 Nr. 303 vom 28. Dez. 1910:

„Beide Übersichten sind bekannt als ausgezeichnete, sichere und vollständige Wegweiser durch die Wehrmacht Frankreichs und Rußlands. Sie bedürfen keiner Empfehlung.“

2015007446